

история / география / этнография

Английские короли

Вадим Эрлихман

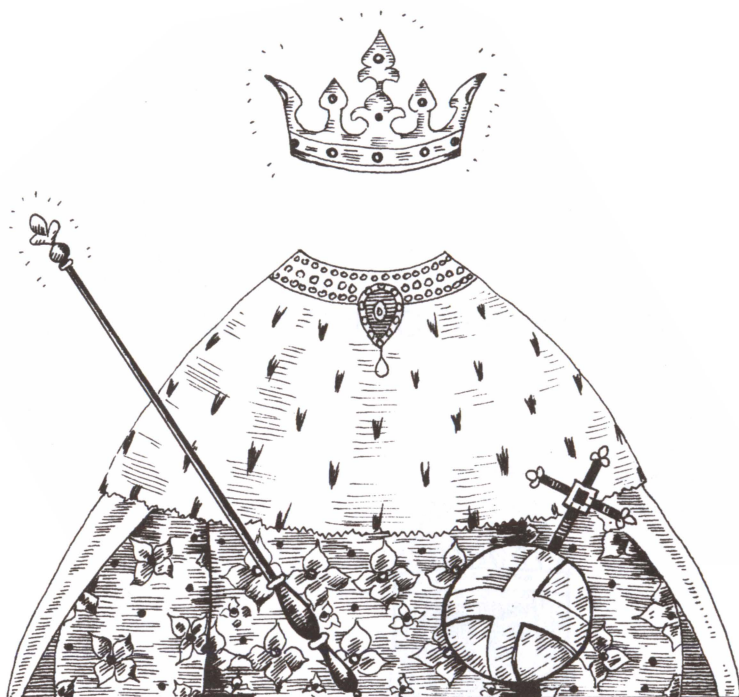
Английские короли

Вадим Эрлихман

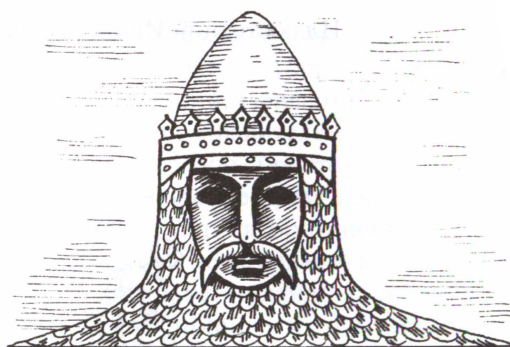

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Вадим Эрлихман

Английские короли

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(420)
ББК 63.3(0)4-6
Э79

*Scam By
Vitautus & Kati*

Составитель серии Владислав Петров

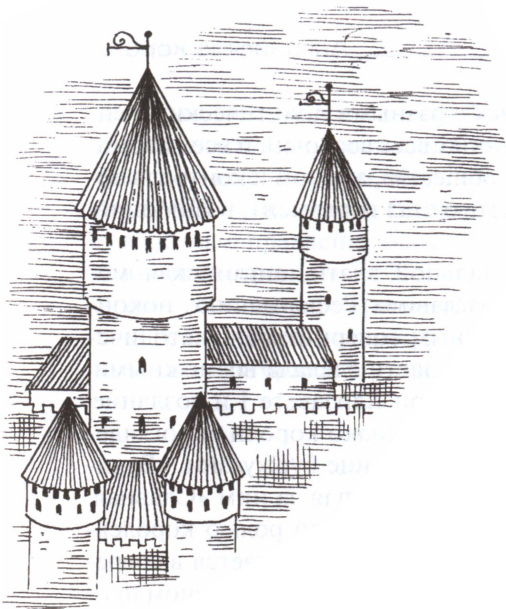
Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-249-3

© Вадим Эрлихман, 2015
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2015

Предисловие

Королевская власть в Англии имеет давнюю историю и почтенные традиции. Первым известным по имени правителем этой страны был вождь бриттов Кассивеллан, сражавшийся с Цезарем в 55 году до нашей эры. С тех пор на Британские острова волна за волной накатывали волны завоевателей — римляне, ирландцы, англосаксы, скандинавские викинги и, наконец, франко-нормандцы. Все они приносили с собой свои традиции и культурные влияния, сплав которых и образовал то неповторимое целое, которое ныне зовется Великобританией. Единое королевство возникло в Англии еще в IX веке, при королях Уэссекской династии, но классический феодальный облик оно обрело только после нормандского завоевания в 1066 году. Пережив столетия внешних и внутренних войн, мятежей, переворотов и казней, английская монархия на-

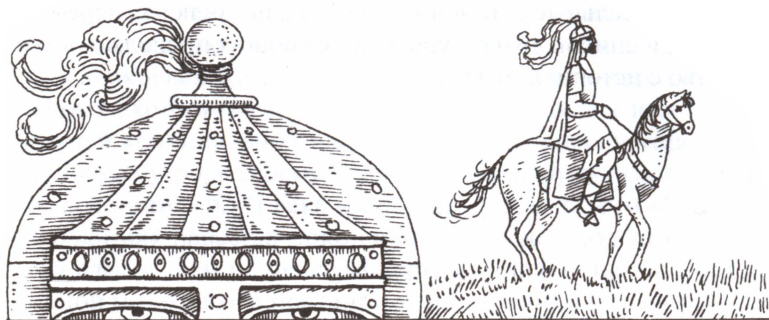
училась находить общий язык с разными политическими силами, уважать мнение подданных всех сословий и всех наций. Средством диалога короля и общества, а потом и контроля общества над королевской властью стал парламент, возникший в XIII веке.

Сломив могущество феодальной знати, английская монархия при Генрихе VIII возглавила Реформацию, покончив с еще одним могущественным соперником — католической церковью. Консолидация власти сделала возможными расцвет экономики и культуры при Елизавете I и создание могучей колониальной империи. Однако короли «проглядели» новую угрозу своему влиянию в лице буржуазии. «Великое восстание» XVII века и последовавшая за ним «Славная революция» навсегда покончили с ведущей ролью королевской власти. Тем не менее монархия была и остается в современной многоликой Британии напоминанием о славном прошлом, предметом национальной гордости, объединяющим фактором. Она пережила и промышленное могущество страны, и ее колониальное величие, и грозные войны, и шумные скандалы. Несмотря на возникающие время от времени разговоры об отмене королевского титула, о дороговизне и «несовременности» монархии, большинство англичан выступают за сохранение существующего строя и гордятся великими страницами своего прошлого, не забывая и о его темных сторонах.

За столетия в Англии царствовали шестьдесят королей. Среди них были умершие в детстве, вроде Эдуарда VI, и дожившие до глубокой старости, как королева Виктория. Были великие и ничтожные, святые и грешники. Были англосаксы и датчане, французы и немцы. Объединяет их только одно — все они правили на английской земле, невероятно богатой всевозможными традициями и преданиями, и сами становились героями этих преданий. Прошлое Англии продолжает хранить свои сокровища не только для историков, но и для писателей, художников, исследователей фольклора. Достаточно вспомнить романы Вальтера Скотта, Бульвер-Литтона, Стивенсона, рассказы Киплинга, поэмы Теннисона.

Эта книга — не роман. Это основанные на документальных источниках портреты двенадцати английских королей и королев, наиболее рельефно представлявших свою эпоху. О неко-

торых из них рассказывается более подробно, чем о тех, чья деятельность уже освещена в трудах, вышедших на русском языке, — именно этим объясняется краткость очерков о Генрихе VIII, Елизавете I, Виктории. Еще более кратко в книге говорится о правлении всех прочих монархов, начиная с объединителя страны — Эгберта Уэссекского. В конце приводятся дополнительные справочные материалы, включая перечень королей и список литературы для желающих продолжить знакомство с историей Англии.

В истории британской монархии много славных имен. Однако самым известным (кроме, пожалуй, Елизаветы I и ее тезки, ныне царствующей Елизаветы II) является король, которого, быть может, никогда не существовало. Имя его — Артур, *Arthurus Rex*, Король прошлого и грядущего. Его туманная полумифическая фигура возвышается у самых истоков английского государства, на рубеже Античности и Темных веков.

Много столетий об Артуре не было известно практически ничего. Только в легендах бриттов, оттесненных завоевателями-англосаксами на окраины острова, сохранялись воспоминания о могучем и храбром воине, защищавшем Британию в незапамятные времена. Впервые его имя встречается в поэме «Гододдин», сочиненной знаменитым бардом Анейрином в самом начале VII века. Там говорится, что некий воин храбро сражался с саксами, «хоть и не был Артуром». Значит, в ту пору имя Артура уже было широко известно. В IX веке о нем упоминает историк Ненний в своей «Истории бриттов», называя Артура «военачальником» (*dux bellorum*), который совместно с королями бриттов сражался с саксами и одержал над ни-

ми двенадцать побед. Примерно то же говорят составленные в X веке в Уэльсе «Анналы Камбрии», но в них Артур впервые вписывается в хронологический контекст — говорится, что в 516 году он разгромил саксов при Бадоне, а в 537 году пал в битве со своим племянником Медраудом или Мордредом.

После этого Артур окончательно переходит из реальности в легенду. Завоевание Англии франко-нормандцами в 1066 году оживило надежды бриттов на возвращение их бывшего величия и породило новые легенды о могучем короле Артуре. Эти легенды были подхвачены завоевателями, которые всячески подчеркивали свою связь с досаксонским прошлым Британии. По обе стороны Ла-Манша началось сотворение преданий об Артуре, в контекст которых постепенно вписалось большинство фольклорных сюжетов и остатков языческих верований. Артур в этих преданиях представал идеальным монархом, основателем братства Круглого стола — первого рыцарского ордена. Вплоть до XV века, когда появился монументальный роман Томаса Мэлори «Смерть Артура», артуровские легенды формировали мировоззрение правящего сословия во многих странах Европы. Особенно велика была их роль в Англии, где они легли в основу зарождающейся национальной идеи.

Главную роль в складывании мифа об Артуре как основателе английской монархии сыграл епископ Сент-Асафа Гальфрид Монмутский. Этот ученый клирик, валлиец по происхождению, создал в XII веке «Историю королей Британии», описав в ней историю легендарных британских королей от троянского царевича Брута (Бритта) до Артура. Последний изображался как могучий монарх, подчинивший себе половину Европы и коронованный в Риме императорской короной. Красочно написанное сочинение Гальфрида имело большой успех в Уэльсе, где примерно в то же время сложился сборник преданий под названием «Мабиногион». Его составители охотно пересказывали легенды об императоре Артуре и его верных рыцарях, украшая их новыми подробностями. Не меньшей популярностью пользовалась «История» и при английском дворе. Начался поиск реликвий, связанных с именем Артура. В монастыре Гластонбери в 1191 году была чудесным образом открыта могила короля и его жены Гвиневеры, а позже в Винчестере отыскался и легендарный Круглый стол.

Правда, в подлинность этих находок и тогда верили далеко не все, но это не мешало английским монархам охотно поддерживать артуровский культ. Еще во времена Генриха VIII при дворе устраивались романтические турниры, участники которых называли себя именами рыцарей Артура.

Позже интерес к королю снизился, а ученые скептики начали сомневаться в самом его существовании. По мере того как раскопки и изучение письменных источников открывали картину древнего прошлого Англии, становилось все яснее — в нем нет места для великого императора с роскошным двором и многочисленным войском. Возможно, это был мелкий военный вождь, барды которого больше других преуспели в прославлении своего господина. Может быть, в его имени сохранилась память о каком-то кельтском божестве, например боге-медведе — ведь arth на языке бриттов означает «медведь». А может, никакого Артура вовсе не было. На этом и сошлось большинство ученых. Между тем в Викторианскую эпоху популярность легендарного монарха снова стала расти. Бегущие от унылой реальности «железного века» поэты и художники все чаще обращались к далеким романтическим временам, пытаясь разглядеть сквозь туман манящую фигуру Короля прошлого и грядущего. Это продолжается и по сей день — не проходит и года, чтобы Артур не появился в очередном голливудском боевике или приключенческом романе.

Так кем же на самом деле был король Артур — если, конечно, он был? Сегодня большинство спорящих между собой историков сходятся в двух вещах. Во-первых, Артур или человек, называвший себя этим именем, все-таки жил в Британии в конце V — начале VI века. Во-вторых, он не совершал всего того, что приписывали ему легенды, — не сражался с великанами и драконами, не объединял остров, не ходил походом на Рим. Почему же тогда его подвиги так запомнились бриттам, у которых в то время хватало и других храбрых вождей? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо знать, в каком положении находились Британские острова в период между концом Античности и началом Темных веков.

В IV веке христианской эры Римская империя трещала по швам под ударами варваров. Положение усугубляли местные

военачальники, которые, пользуясь ослаблением центральной власти, то и дело восставали и объявляли себя императорами. Один из таких «калифов на час», испанец Максим Магн, захватил власть в Британии и увел оттуда в поход на Рим войска, защищавшие остров. С ним отправилось и ополчение бриттов, которых узурпатор привлек на свою сторону, женившись на дочери местного вождя. Никто из них не вернулся — в 388 году войско Максима было разбито под Аквилеей другим претендентом на трон, Валентинианом III. Остров остался без защиты, чем немедленно воспользовались ирландские и пиктские пираты. С моря и суши они почти ежегодно совершали набеги на берега Британии, жители которой привыкли жить под защитой римлян и совсем разучились сражаться. Впечатляющую картину того времени оставил нам живший немного позже историк Гильдас Мудрый: «Враги разрывали несчастных на куски, как дикие звери ягнят; жители бежали из своих домов, бросив имущество, и в попытках спастись от голода воровали скудные припасы друг у друга, усугубив пришедшие извне бедствия междоусобной смутой».

Смуты действительно имели место: кельтские вожди, лишив власти римских чиновников, принялись бороться за власть друг с другом. В первую очередь от Рима отпали северные земли, где в конце IV века возникли три враждующих между собой королевства — Гододдин (нынешний Лотиан), Эвраук (Йоркшир) и Камбрия (Стрэтклайд). Их правители носили римские имена — Клементий, Тацит, Патерн — и были потомками романизированных британских родов. Еще раньше в Уэльсе высадились ирландские пираты, которые оттеснили в горы местные племена ордовиков и силуров и создали свои королевства. Однако их век оказался недолгим — около 400 года на севере Уэльса появился бриттский принц Кунедда, который, сплотив вокруг себя вождей бриттов, изгнал ирландцев и основал королевство Гвинедд. Чуть позже потомки Кунедды захватили Центральный Уэльс, изгнав оттуда племя корнубиев, которые откочевали на юг и создали там королевство под названием Корнубия, или Корнуолл.

Тем временем в Южной Англии еще держалась римская власть, время от времени наносившая чувствительные удары по ирландским и пиктским пиратам. В 405 году здесь началась

очередная смута, в ходе которой были один за другим провозглашены, а затем убиты три императора. Только через три года военачальник Геронтий сумел восстановить центральную власть, но уже в 410 году из Рима пришел указ об окончательном выводе из Британии имперских войск. Жители острова — римляне и бритты — были вынуждены взять на себя дело собственной защиты, но справлялись с ним крайне плохо. Не однажды они обращались за помощью к Риму — в последний раз, по сведениям Гильдаса, это произошло в 446 году, — но у гбнущей империи уже не было ни сил, ни желания помогать своим бывшим подданным.

После ухода римлян общины Логрии (Юго-Восточной Англии) объединились и избрали правителя; по некоторым данным, это был Констант или Константин, сын одного из прежних узурпаторов. Спустя некоторое время его сменил Вортигерн, правивший прежде в городе Глостере. Он держался у власти немало лет, искусно сглаживая между собой своих врагов — ирландцев, пиктов и бриттских вождей. Когда эта тактика перестала приносить плоды, Вортигерн решил пригласить в Британию германские племена англов и саксов, которые казались ему менее опасными, чем ирландцы. Это событие «Англосаксонские хроники» относят к 449 году, хотя англы и саксы селились на острове и прежде. Пришельцев возглавляли братья Хенгист и Хорза; они сумели отбить натиск ирландских пиратов, за что Вортигерн пожаловал им земли у моря. Вскоре туда начало прибывать множество германцев, которым уже не хватало ни места, ни выделенных королем съестных припасов. Недолго думая, поселенцы восстали и основали на захваченных землях королевство Кент.

Привычные к войне англосаксы легко разбили ополчение бриттов и опустошили чуть ли не всю Логрию. «Печальное зрелище! — восклицал Гильдас. — Повсюду на улицах, среди камней поверженных башен, стен и святых алтарей лежали тела, покрытые запекшейся красной кровью, словно их раздавил некий чудовищный пресс, и не было для них иных гробниц, кроме развалин домов или внутренностей диких зверей и птиц небесных... Иные из несчастных, — продолжал он, — были загнаны в горы и безжалостно вырезаны. Другие, изможденные голодом, вышли и покорились врагу, готовые при-

нять вечное рабство за кусок хлеба, если только их не убивали на месте. Некоторые отправлялись за море, громко сетуя... Другие остались на своей земле и, охваченные страхом, вверили свои жизни высоким холмам, укрепленным и неприступным, густым лесам и приморским скалам».

Описанное Гильдасом разорение коснулось лишь юго-восточной, наиболее населенной и культурной части острова, которая прежде пребывала в относительной безопасности. Многие жители действительно бежали за море, в Арморику, нынешнюю Бретань, где возникло независимое кельтское королевство. Другие попытались сплотиться и дать отпор захватчикам. Сначала их возглавил сын Вортигерна Вортимер, но вскоре этот храбрый юноша был отравлен завистниками. Сам король, которого Гильдас именовал «гордым тираном», по-прежнему пытался договориться с англосаксами. Примерно в 463 году сторонники решительных действий подняли восстание и сожгли Вортигерна в его собственном дворце. Его наследником стал Аврелий Амброзий, римлянин по происхождению и родственник прежнего короля Константа.

Заметим, что все эти события отражены в источниках того времени очень скупо. Их приходится восстанавливать по данным артуровских легенд, которые, конечно же, нельзя считать достоверными. Поэтому многие имена и факты могут не соответствовать истине, но общее развитие событий не подлежит сомнению: с середины V века жители Британии с переменным успехом воевали против англосаксов. Об этом говорят найденные археологами остатки сгоревших укреплений, оружия и доспехов, а также фольклорные описания битв и оплакивания павших героев. Раскопки помогли проследить, как поселения англосаксов постепенно распространялись из Кента в другие районы Англии. Захватчики называли местных жителей «валлийцами» от древнегерманского слова *walha* (римлянин). Для них «римлянами» были все, кто жил в городах, брил бороды, мылся в банях. Сами пришельцы пока не знали этих достижений цивилизации, что давало лишний повод для вражды. Большинство бриттов к тому времени были христианами, в то время как пришельцы еще долго оставались язычниками, а их вожди возводили свои родословные к верховному богу Водену (Одину).

Вскоре кроме Кента на захваченных землях образовались и другие государства англосаксов. В 477 году на юге Англии высадились саксы, и их король Элла основал королевство Сассекс. В 488 году умер основатель Кента Хенгист, и королем стал его сын Эоза, или Эск. Пришельцы принадлежали к разным племенам; здесь были саксы из Северной Германии, англэ из Южной Дании, юты из Северной Дании (Ютландии), а также фризы и другие германцы. На новых землях они селились чересполосно и уже через несколько поколений смешались между собой. Чаще всего они называли себя англами, и это название позже закрепилось в новом имени покоренного ими острова. Кельты же предпочитали именовать их саксами, и этим словом до сих пор называют англичан валлийцы (*saesneg*) и ирландцы (*sassanach*). А вот слово «англосаксы» было придумано уже в Новое время английскими учеными.

Новый король бриттов Амброзий понемногу наращивал силы, нанося завоевателям серьезные поражения. Гильдас писал: «Побеждали то бритты, то их враги, чтобы Господь по своей воле мог испытать этот народ, как новый Израиль. Так продолжалось до года битвы у горы Бадон, где нечестивые полчища были окончательно разбиты. Случилось это, как мне ведомо, сорок четыре года и один месяц назад, и это был также год моего рождения». Сочинение Гильдаса, по мнению историков, написано около 540 года, следовательно, знаменитая битва произошла около 496 года. Правда, другой древний историк — Беда Достопочтенный — пишет, что битва случилась спустя сорок четыре года после прибытия англосаксов, то есть в 493 году. В свою очередь, валлийские анналы относят битву к 516 году. Во всяком случае, несомненно, что победа при Бадоне дала бриттам длительную мирную передышку — на протяжении полувека археологи почти не фиксируют новых поселений германцев, а «Англосаксонские хроники» ничего не сообщают о победах саксов.

Кто же возглавлял войска бриттов при Бадоне? По одной из версий, это был король Аврелий Амброзий, но это маловероятно — если он действительно был римлянином и сыном Константа, то родился в начале V века и вряд ли мог дожить до сражения. Некоторые историки признают наличие двух Ам-

брозиев — отца и сына, но это лишь частично решает проблему. Источники, упоминая имя Амброзия (по-валлийски Эмрис Вледиг), молчат об обстоятельствах его гибели. Возможно, свет на них проливают сообщения галльских хроник о некоем короле бриттов Риотама, который в 468 году прибыл в долину Луары, чтобы спасти Галлию от завоевания вестготов. Ему удалось отбить натиск варваров, но в 470 году он был разбит и нашел убежище в Бургундии. О дальнейшей судьбе Риотама ничего не известно, но вряд ли ему удалось вернуться в Британию. Его имя явно происходит от бриттского *Rigotamus*, что означает «верховный вождь» и может быть титулом или прозвищем Амброзия, который отправился на помощь римским соотечественникам и оставил свои владения без короля. Ничего не знавший об этом Гальфрид Монмутский придумал версию, согласно которой Амброзий был коварно отравлен саксами.

Обычно считается, что после Амброзия королем Логрии стал его брат Утер Пендрагон, который и был отцом Артура. Однако самые ранние источники — Гильдас, Ненний, «Анналы Камбрии» — ничего не говорят об этом Утере. К тому же его имя по-валлийски означает «ужасная голова дракона» и, скорее всего, является прозвищем или титулом какого-то правителя — то ли Амброзия, то ли самого Артура. Порой высказывалось мнение, что Артур был сыном Амброзия, но вряд ли традиция оставила бы без внимания столь знаменательный факт. Вероятно, Артур вообще не имел отношения к прежнему правящему роду, но этот факт позже постарались скрыть, чтобы представить его потомком непрерывной линии британских королей, восходящей к Бруту Троянскому.

Как бы то ни было, артуровский эпос достаточно подробно описывает правление Утера. Продолжая политику Амброзия, он пытался сплотить против саксов властителей Британии, вступая с одними из них в союз, а других подчиняя силой. Среди последних был правитель Корнуолла, которого романы называют «герцогом Горлойсом». Возможно, это был Герайнт или Геронтий, правивший этой областью в конце V века. По легенде, встретившись с ним для заключения мира, Утер влюбился в его жену Игрейну (Эйгр), но она оставалась верна супругу. Тогда придворный чародей Утера Мерлин предложил

королю помощь при условии, что мальчик, который родится от него и Игрейны, будет отдан на воспитание волшебнику.

Фигура Мерлина — одна из самых загадочных в артуровских преданиях. История знает Мерлина или Мирддина Безумного — придворного барда северобританского короля Гвенддолеу, который после гибели своего покровителя в битве бежал в лес и много лет скитался там, декламируя стихи птицам и диким кабанам. Битва при Ардеридде, в которой погиб Гвенддолеу, произошла в 573 году, поэтому Мерлин никак не мог пребывать при дворе Утера или Амброзия, живших почти на столетие раньше. В валлийских легендах Мерлин носит имя Мирддин Эмрис и считается незаконным сыном Амброзия, то есть старшим братом Артура. Еще один Мирддин упоминается в обрывках кельтских языческих преданий — там это бог-сокол, покровитель поэтического искусства. Вероятно, его имя присваивали себе барды и чародеи, претендующие на обладание божественным даром. Легенды считают Мирддина Эмриса христианином, но в этом случае он вряд ли взял бы себе имя языческого божества. Более вероятно, что он унаследовал традиции древних друидических школ, доживавших свой век в отдаленных районах Британии. Этим можно объяснить и тот факт, что Мерлина считали могущественным волшебником, лекарем и провидцем — ведь друидам приписывали все три этих качества.

Мерлин колдовством придал Утеру облик Горлойса, после чего тот проник в осажденный замок Тинтагил, где находилась герцогиня, и провел с ней ночь. В тот же день Горлойс погиб при неудачной вылазке, а Утер женился на его вдове. Спустя девять месяцев у Игрейны родился сын, названный Артуром. К тому времени у Игрейны уже были три дочери — Моргауза, Моргана и Элейна (Елена). У Горлойса имелся еще сын от первого брака — Кадор, ставший правителем Корнуолла после смерти отца. Власть Утера была не очень-то прочной — эпос сообщает, что маленькому Артуру грозила опасность погибнуть от рук претендентов на трон. Королю пришлось срочно отослать его на воспитание то ли к Мерлину, то ли к барону Эктору Уэльскому. У последнего был сын Кей (Кай), ставший названным братом Артура и одним из его верных соратников. Кельтские вожди издавна отдавали своих сыновей на воспи-

тание в другой клан. Это делалось, чтобы наладить отношения с соседями и избежать войн с ними — ведь в случае конфликта знатные воспитанники автоматически превращались в заложников. Отдавая сына на воспитание в Уэльс, Утер, возможно, пытался укрепить союз с этой горной областью, воинственные жители которой не желали подчиняться Логрии.

Когда Артуру исполнилось семь лет, его отец умер или был отравлен. Никто не знал, где находится законный наследник, и в стране началась смута. Представители знати съехались в Лондон на совет, на котором каждый надеялся быть избранным королем. Однако епископ Лондонский по настоянию все того же Мерлина предъявил собравшимся глубоко погруженный в камень меч, который законному претенденту предстояло извлечь наружу. Сделать этого никто не смог, и корона осталась на хранении у епископа. Только десять лет спустя Артур вместе со своим воспитателем явился на турнир и случайно вытащил меч из камня, после чего был признан королем и торжественно коронован. Конечно, это предание — всего лишь популярный сказочный сюжет, но оно, как и большинство источников, зафиксировало тот факт, что Артур пришел к власти в возрасте 16 или 17 лет. Когда это случилось, сказать очень трудно — в зыбкой хронологии того времени ни одну из дат нельзя установить с достаточной точностью.

Предположим, что Артур действительно возглавлял бриттов при Бадоне, а сама эта битва состоялась в 490-е годы, как утверждают Гильдас и Беда. «История бриттов» Ненния называет сражение при Бадоне двенадцатой и последней битвой Артура, однако все остальные источники, напротив, утверждают, что это была первая битва молодого короля, в которой он стяжал славу. Это косвенно подтверждается тем фактом, что места остальных битв, перечисленные Неннием, находятся на севере и западе Англии, где саксов в то время не было. Очевидно, там Артур сражался с непокорными британскими правителями, что он мог сделать, лишь устранив на время саксонскую угрозу. Большинство источников считают, что в год прихода к власти ему было от 15 до 25 лет, а Гальфрид утверждает, что и битву при Бадоне король встретил пятнадцатилетним. Таким образом, Артур родился около 480 года и дожил почти до шестидесяти лет — по тем временам весьма почтенный возраст.

«Англосаксонские хроники» обходят молчанием весь этот период, включая битву при Бадоне, и это понятно — завоевателям не хотелось вспоминать о своем поражении. Настораживает то, что в хрониках встречаются явные подтасовки — например, высадка в Англии основателей королевства Уэссекс Кердика и его сына Кинрика упоминается дважды — в 495 и 514 годах. Возможно, появление саксов в Уэссексе действительно относится к 495 году, после чего случилось какое-то событие, скрытое летописцем, но надолго отдалившее окончательное завоевание южного побережья. После 491 года хроники ничего не сообщают и о правящем роде Сассекса; возникает впечатление, что это королевство просто исчезло минимум на полвека. Такой же полувековой провал отмечен в истории Кента.

Все это заставляет думать, что решающее сражение, оставившее натиск англосаксов, произошло именно в 496 году. О месте его историки тоже спорят. У Гильдаса битва названа «осадой горы Бадон», поэтому историки локализуют ее в одном из укреплений на холмах, которые существовали в Центральной Англии еще в бронзовом веке. Два главных претендента — Бэдбери-Рингс в Дорсете и Лиддингтон-Касл в Уилтшире, однако ни там, ни там не обнаружены следы военных действий того времени. Нет таких следов и в Бате, где место битвы помещал еще Гальфрид Монмутский. К тому же этот древний римский курорт находится не на холме, а в болотистой низине. Правда, вблизи Бата достаточно холмов, и вполне вероятно, что битва все же состоялась именно там. По версии одного из ведущих исследователей того периода Джона Морриса, поход на Бат, который находился в глубине Логрии, был совместно предпринят войсками саксов из Кента, Сассекса и Уэссекса. Возможно, его целью был всего лишь захват тыловых баз снабжения бриттов. Но не исключено, что англосаксы планировали нанести ослабевшей Логрии смертельный удар.

Масштабы битвы не следует преувеличивать — в ней, как и в других сражениях того времени, участвовало по несколько сот воинов с каждой из сторон. Скорее всего, упомянутые в «Анналах Камбрии» 960 погибших саксов составляли почти всю численность армии вторжения. Дружина бриттов была

окружена на одном из холмов и находилась в осаде какое-то время — по данным тех же «Анналов», три дня и три ночи. Затем бритты мощным ударом прорвали кольцо противников и обратили их в бегство. Основу их сил составляла кавалерия, в то время как саксы сражались пешими. Понятно, что конники легко настигли и уничтожили почти всех врагов, у которых не было шансов спастись в глубине неприятельской территории. В числе погибших оказались и представители правящих родов Кента и Сассекса, что надолго охладило их завоевательный пыл. Вероятно, главная причина победы заключалась в новой организации войска, внедренной Артуром. В то время главной военной силой как у бриттов, так и у англосаксов были ополченцы, созываемые в случае войны. Такое войско могло сражаться умело и храбро, как это было у германских племен, но оно не знало дисциплины и организации. Артур впервые создал профессиональную военную дружину — боевое братство, которое в эпосе превратилось в «рыцарей Круглого стола». Необычным было и то, что эти воины сражались верхом, а возможно, имели и доспехи римского образца, что давало им преимущество перед англосаксами, защищенными в лучшем случае шлемами и небольшими щитами.

Бат-Бадон расположен на юго-западе Англии, как и другие места, связанные с именем Артура. В раннем Средневековье там находилось кельтское королевство Думнония, король которого Герайнт (Геронтий) был убит саксами в битве при Ллонгборте. О местонахождении этого места, название которого означает «корабельный порт», ученые тоже спорят. Его соотносят с Лэнгпортом в Сомерсете или Ллампортом в Уэльсе, хотя есть куда более подходящий кандидат — городок Портленд на восточной границе Думнонии. Рядом с ним находился крупный римский город Дурноварий, ныне Дорчестер, откуда на север и запад шли дороги, облегчавшие путь завоевателям. Битва при Ллонгборте была очередной и последней попыткой Герайнта преградить путь саксам. После его гибели королем стал — нет, не Артур, а сын убитого Кадло, или Кадор. Рыцарские романы называют его герцогом Корнуолла, верным соратником Артура и его единокровным братом. Кельтские легенды тоже не молчат о нем; в уже упомянутом «Житии святого Карантока» содержится фраза: «В те време-

на Кадо и Артур правили в той стране, проживая в Диндрай-тоу». Но для кельтских вождей такое соправительство необычно: даже самое маленькое княжество они обязательно делили между наследниками.

Почему-то никто из писавших об Артуре и сочинявших самые невероятные гипотезы авторов не дошел до простой мысли — он не был королем, что позволяет объяснить многие загадки его биографии. Это придает новый смысл словам Ненния об Артуре, который сражался с саксами совместно с королями бриттов, — «он же был главою войска». Более точный перевод фразы «*sed ipse erat dux bellorum*» — «но сам он был военным предводителем», и ключевым здесь является именно слово «но». В IX веке Ненний помнил то, о чем забыли последующие авторы, — Артур занимал в Британии уникальное положение, ведь королей было много, а он один. В этом одна из причин того, что его помнят до сих пор, а имена его современников, гордившихся своими длинными родословными и воинской славой, давно превратились в выцветшие следы на палимпсесте столетий.

Если Артур не был королем, то какой же титул он носил? Об этом ясно говорят валлийские предания: в древней поэме «Разговор Артура с орлом» он назван «главой воинства Керниу», то есть Думнонии. Должность «главы воинства» (*pen-teulu*) у бриттов считалась второй по важности после королевской, и занимал ее обычно родственник короля. Поэтому нет ничего удивительного, что Артур постоянно находился рядом с Кадо, а может быть, и правил вместо него. Они остались друзьями до конца: в рыцарских романах говорится, что Кадо-Кадор погиб в битве при Камлане, защищая Артура. После него Думнонией правил его сын Константин, которого Гальфрид называет преемником Артура на троне Логрии.

В реконструкции подлинной биографии Артура нам помогают родословные, называющие мать Артура Игрейну (Эйгр) дочерью некоего Анлаудда Вледига — скорее всего, правителя одного из южных бриттских королевств, уничтоженных саксами в конце V века. В тот период саксонский предводитель Элла, основавший королевство Суссекс, беспощадно разорял земли бриттов, вырезая население целых городов. Уцелевшие бежали на запад, в Думнонию; среди них было и семейство Ан-

лаудда, одна из дочерей которого была женой короля Герайнта. Ее юная сестра Игрейна, оказавшись в крепости Тинтагел, сошлась с кем-то из воинов, возможно, ирландцем — эти храбрые воины часто служили королям бриттов как наемники. В положенное время у принцессы родился сын — не исключено, что в честь отца он получил ирландское имя Арт и только позже стал Артуром. Внебрачные дети в больших кельтских семьях воспитывались наравне с родными. Мальчик, как это было принято, вырос в семье знатного общинника — а именно Кинира, отца Кая (что характерно, он тоже был ирландцем). В отроческие годы он вернулся в Думнонию и вступил в королевскую дружину. Похоже, он был храбр, силен — прозвище «медведь» зря не дают — и преуспел в военном деле, если в сравнительно молодом возрасте заслужил звание командира дружины. Но быть может, другого выбора просто не было — почти все родственники короля Кадо погибли в битвах с саксами, как и его отец.

Артур сумел не только поднять отчаявшихся было думнонцев на сопротивление, но и призвать на помощь других кельтских правителей. Среди них наверняка был Карадок Сильная Рука, король соседнего Гвента на юго-востоке Уэльса, которому тоже угрожали саксы. Этот предводитель морских пиратов, захвативший власть силой, был уже немолод, но по-прежнему водил войско в бой. При его поддержке была одержана победа при Бадоне. Уцелевшие саксы сдались в плен, и Артур сделал с ними то, что всех удивило. Вместо того чтобы перебить врагов или продать их в рабство, он взял с них клятву верности и поселил на южных землях, откуда бритты все равно уже бежали. Эта область, ядро будущего саксонского королевства Уэссекс, тогда стала называться Хвисса, а ее жители — гевиссеями, «связанными договором». Верные своему обещанию, они не только не нападали на бриттов, но и защищали их от своих соплеменников.

Первого короля Уэссекса англосаксонские генеалогии называют Кердиком. Уже не раз отмечалось, что имя это кельтское, причем идентичное имени короля Карадока. В фольклоре есть намеки на то, что Карадок в молодости жил среди саксов и знал их язык, — быть может, поэтому Артур предложил ему стать правителем гевиссеев? Вдобавок Карадок с его сильным

флотом мог дать корабли, нужные для связи с Галлией и союзной Арморикой. Теперь, когда тыл был прикрыт, Артур мог пойти в наступление против союзников саксов — англов, оккупировавших в Линдсее, нынешнем Линкольншире, и угрожавших бриттам с севера. Именно там и состоялись многие битвы списка Ненния, смутную память о которых до сих пор хранит местный фольклор. В результате англы хоть и не были окончательно разбиты, но пошли на мировую и оставили многие занятые ими области — археологи отмечают, что в VI веке англосаксонские кладбища в центре Англии оказались надолго заброшенными. Многие англосаксы в то время начали покидать Британию и возвращаться на родину, хотя там их никто не ждал — ведь они пустились в завоевательные походы не от хорошей жизни, а из-за перенаселения и повышения уровня моря, затопившего их земли в Германии и Дании.

Но большинство войн Артур вел не с чужеземцами, а со своими сородичами-бриттами. Романтически настроенные историки считают, что король в самом деле стремился объединить Британию в единое государство и создать надежную оборону против англосаксов. Эта версия, отраженная в большинстве художественных произведений об Артуре, сильно осовременивает психологию короля. Скорее всего, ему была свойственна ментальность кельтского племенного вождя, для которой характерно обостренное внимание к вопросам чести — как собственной, так и своего клана. Поэтому большинство военных предприятий Артура имели целью не захват территорий или приведение их к покорности, а отмщение за некие обиды или помощь родичам. Конечно же, в походах дружина Артура не проявляла тех рыцарских качеств, какие были приписаны ей позже. В валлийских триадах — своеобразном фольклорном памятнике, где герои и события группируются по тройкам, — содержится такой знаменательный фрагмент: «Три Огненных Разорителя Острова Британии — Рин, сын Бели, Ллеу Хитроумный и Морган Щедрый. Но был Огненный Разоритель больший, чем эти трое, и это был Артур. Там, где проходил один из трех, трава и злаки не росли год, а там, где прошел Артур — семь лет».

Впрочем, именно такая беспощадность могла обеспечить Артуру успех в войнах. Он держал под прочным контролем

Центральную Англию, которая, несмотря на все бедствия, оставалась наиболее богатой частью острова. Римские города на побережье были захвачены или разрушены саксами, поэтому центр государства переместился на запад, в Глостершир и Сомерсет. Именно здесь, скорее всего, находилась столица Артура, которая располагалась, по разным данным, в Карлионе или Камелоте. Первый город существует и сейчас под названием Карлион-он-Уск. В древности здесь находился римский город Иска Силурум, где был расквартирован один из трех британских легионов. Впечатляющие античные развалины могли быть приняты средневековыми авторами за остатки столицы Артура, а арена римского театра в их воображении вполне могла превратиться в Крутой стол.

Но более вероятно, что столица «военного предводителя» находилась близ деревни Сауз-Кэдбери в графстве Сомерсет. Здесь с древнейших времен известно громадное укрепление на холме, состоящее из системы земляных валов, которые когда-то окружались частоколом. С этим местом связано множество легенд, которые отождествляли его с артуровским Камелотом. Раскопки 1970-х годов доказали, что укрепление было заброшено при римлянах, восстановлено в середине V века, а в конце столетия перестроено с использованием камней близлежащей римской крепости. Гигантский объем работ доказывал, что они производились большим количеством людей по приказу какого-то сильного правителя, каким в то время мог быть только Артур.

Кроме Сауз-Кэдбери крепости были выстроены и в других местах — археологи обнаружили их в Брент-Нолле, Уиллзе и двух деревнях с тем же названием Кэдбери, происходящим от бриттского *cad* (битва). Вместе они образовывали впечатляющую систему оборонительных сооружений, ограждавшую Сомерсет с севера и востока. При Артуре строились не только свойственные кельтам укрепления на вершинах холмов, но и целые оборонительные системы в римском стиле. Остатком одной из них является раскопанный в 1960-е годы Вансдаик — большой ров между Батом и Бристолем, защищенный несколькими крепостями. Вероятно, на этой линии располагались сторожевые башни с солдатами, которые в случае опасности могли быстро поднять тревогу. Эти башни, упоминаю-

щиеся во многих легендах об Артуре, тоже являются римским изобретением.

Наши современники представляют себе двор Артура в антураже фильмов, снятых по рыцарским романам, — каменные замки, подъемные мосты, пышно разодетые дамы и кавалеры. На самом деле в артуровской Британии не было ничего подобного. Кельтские «дворцы» того времени представляли собой большие бревенчатые сараи, разделенные перегородками. Центром дворца был центральный зал, где горел очаг, устраивались пиршества и выступали заезжие барды. Зима была единственным сезоном, когда король и его приближенные проводили во дворце большую часть времени. В остальное время они воевали, охотились и объезжали свои владения, собирая подати и творя правосудие.

Могущество короля измерялось тем, сколько человек кормятся за его столом; это вполне оправданно, поскольку большинство едоков были его дружинниками. Восхваляя своих покровителей, барды отмечали, что у них «каждый день подают на стол пиво и хмельной мед». Как и в скандинавских сагах, короли у кельтов именовались «кольцедарителями» — точнее, «дарителями гривен». Золотая шейная гривна, или торквес, издавна была символом власти; возможно, ее носил и Артур в знак своего высокого статуса. У королей бриттов не было корон — их заменяли головные обручи из золота, иногда украшенные самоцветными камнями.

С большой долей вероятности мы можем представить себе облик Артура. Знатные бритты того времени брили бороду, но отращивали длинные усы, носили рубаху, штаны и шерстяной плащ яркой расцветки. Из обуви предпочитали высокие кожаные сапоги, удобные для верховой езды. Если Артур и правда принял какой-нибудь из римских военных титулов, то он мог носить кожаный панцирь-лорику с металлическими пластинами и красный плащ, заколотый у ворота драгоценной брошью.

Понятно, что Артура окружали воины, стражники, слуги и советники, среди которых наверняка были и подобные Мерлину языческие волшебники, и христианские священники. Гальфрид сообщает, что его венчал на царство святой Дубриций — этот видный деятель британской церкви был в первой

половине VI века епископом Каэрллеона, но потом оставил свою кафедру и удалился на «остров святых» Бардси в Уэльсе (любопытно, что местные предания помещают там же могилу Мерлина). Похоже, его «ушли» враги Артура, не простившие епископу поддержки полководца. Традиция связывает с именем Артура еще двух известных святых VI века, притом его родственников: святой Иллтуд был его кузеном, а святой Самсон, покровитель Бретани, — сыном его приемной матери Анны, жены Кинира. Мы видим, что пустоты в биографии Артура одна за другой заполняются и место вымышленного короля Логрии занимает совсем другой персонаж, не столь могучий и благородный, но ничуть не менее интересный.

Что еще нам известно о семье Артура? Его королеву Гвиневеру в валлийских преданиях зовут Гвенвивар — «белый призрак». Рассказывали, что у нее была сестра-близнец Гвенвивах. Однажды две сестры поссорились из-за блюдечка орехов, одна дала другой пощечину, у обеих нашлись защитники — из-за этого якобы и случилась битва при Камлане, погубившая державу бриттов. Конечно, это выдумка, как и сама Гвиневера — явный выходец из мира эльфов, который в Британии, древней и современной, всегда находится рядом с людьми. Барды называли ее «белой змеей Логрии», считая дочерью не короля Леодегана, как в романах, а страшного великана Огиврана. В кельтском фольклоре феи часто соблазняют смертных мужчин, и кончается это всегда плохо. Так случилось и с Артуром — вернее, случилось бы, если бы он действительно женился на фее. На самом деле, похоже, жены у него вообще не было. Зато были возлюбленные, перечисленные в малоизвестных валлийских преданиях. Сыном одной из них, Индег Белоснежной, мог быть Ллахеу, погибший в одном из походов, оплаканный бардами и попавший в рыцарские романы под именем Лохольта.

Безбрачию Артура есть объяснение — возможно, он был последователем митраизма, воинского культа, широко распространенного в Римской империи веком или двумя раньше. Женщин в митраистские общины не допускали, а их главы, «отцы отцов», не имели права заводить семью (при этом целомудрия от них никто не требовал). Как знать — быть может, Артур был именно таким «отцом», а его Круглый стол

представлял собой митраистское братство? Кстати, по некоторым данным, церемониальные трапезы митраистов проходили именно за круглым столом, что подчеркивало равенство всех членов общины.

Как бы то ни было, воины Артура беспрекословно слушались своего командира, и его «государство в государстве» просуществовало больше тридцати лет. Из случившихся за это время событий из тумана веков выплывает лишь еще одна война, известная опять-таки из скурых упоминаний в валлийском фольклоре. Там говорится о вражде Артура с братом историка Гильдаса Хуэлом ап Кау, который «никогда не подчинялся руке господина». Причина вражды неясна — то ли Хуэл ударил ножом племянника Артура, то ли увел у него возлюбленную. Как бы то ни было, началась война, в которой за драчливого Хуэла заступился могущественный король Северного Уэльса Мэлгон Гвинедд, чьи владения находились неподалеку, — Мэлгона тоже называли «драконом», и, естественно, среди историков нашлись желающие объявить Артуром именно его. Война была долгой и упорной, как сообщает валлийский историк XVI века Элис Грифидд, изучавший старинные, не дошедшие до нас рукописи. В итоге Артур осадил Мэлгона на острове Англси и вынудил отречься от власти и уйти в монастырь. Хуэла же он собственноручно обезглавил на камне, который до сих пор хранится в городке Рутин.

Можно думать, что победа не вызвала особой радости у соратников Артура — ведь на сей раз они воевали не с захватчиками-саксами, а со своими соплеменниками. В замкнутом, зажатом в узких рамках воинском сообществе копилась противоречия, и нужен был только повод, чтобы они вырвались наружу. В жизни все случилось, как в легендах, и так же, как там, державу погубила женщина — Гвиневра, а точнее, Гвенвивах, «белоликая». О ее подлинной роли в жизни Артура нам рассказывают немногие факты, спрятанные в нагромождении вымыслов. Первый факт вытекает из старинной легенды, включенной в одно из продолжений неоконченного романа Кретьена де Труа «Персеваль». Эта история рассказывает о короле Карадоке, на которого напала громадная змея, и жене короля Гвеньер с ее братом Кадором Корнуэльским с трудом удалось ее прогнать. Змея успела изуродовать руку

Карадока, который с тех пор получил прозвище Короткая Рука. По-французски это звучит почти так же, как валлийское «Сильная Рука», и речь явно идет о знакомом нам правителе Гвента. Овдовев, он вполне мог жениться на сестре своего союзника, короля Думнонии. Чувства девушки, выданной за старика, как обычно, в расчет не принимались.

Итак, факт первый: Гвиневера (будем все же называть ее так) была женой не Артура, а Карадока. Факт второй — при его дворе она завела роман с Медраудом, или Мордредом, — судя по генеалогиям, он был внуком Карадока и почти ровесником своей молодой мачехи. Коллизия эта знакома по истории Тристана и Изольды, примыкающей к циклу артуровских легенд. В ней король Марк долго закрывал глаза на измену жены с Тристаном, поскольку любил племянника и видел в нем своего преемника; быть может, так же поступал Карадок. Роман Гвиневеры и Мордреда продолжался так долго, что королева успела родить от любовника двух сыновей, достигших подросткового возраста. Идиллия закончилась около 534 года, когда старый Карадок умер — англосаксонские хроники датируют этим годом смерть Кердика. Мордред тут же доказал, что им движет не любовь, а политические амбиции, — он порвал с Гвиневерой и женился на одной из валлийских принцесс. Малоизвестная валлийская генеалогия называет его супругой Кивиллог, сестру убитого Хуэла и Гильдаса, — вот еще одно объяснение неприязни святого к Артуру.

Опозоренная Гвиневера вернулась к брату в Думнонию, забрав с собой детей. Говорили — и это отразилось в фольклоре, — что на прощание Мордред жестоко избил бывшую возлюбленную. Кадор должен был отомстить за сестру, и Артур, как всегда, пришел ему на помощь. Вероятно, он ожидал легкой победы, но вышло иначе: Мордред неплохо подготовился к нападению, наладив связи с враждебными Артуру валлийскими князьями и получив от них помощь. Он первым вторгся во владения Артура и сразился с ним при Камлане — по догадкам историков, у брода на реке Кам в Сомерсете, недалеко от Сауз-Кэдбери. «Анналы Камбрии» под 539 годом упоминают «битву при Камлане, в которой пали Артур и Медрауд». По мнению других авторов, в том числе Гальфрида Монмутского, сражение произошло в 542 году. «Мабиногион» сообщает, что

после побоища уцелело лишь девять человек. Среди них были и широко известные впоследствии святые Петрок и Дервел Кадарн — случившееся так ужаснуло этих бывалых воинов, что они поклялись никогда не брать в руки оружие.

Рыцарские романы тоже считают, что королевство Артура погубили внутренние раздоры. При дворе короля образовались несколько партий, люто враждовавших между собой. Самой многочисленной была северная партия, в которую входили сыновья Лота Гавейн, Гарет, Гахерис и примкнувший к ним пасынок Артура Мордред. С ней боролась партия короля Пелинора и его сына Агравейна. Свою игру вел могучий рыцарь Ланселот, всячески пытавшийся добыть главный козырь — чашу Грааля. Как в любой шахматной партии, главную роль сыграла королева. Гвиневера, которую единодушно осуждают и романисты, и валлийские барды, повела себя отнюдь не как верная жена. Ее роман с Ланселотом начался еще тогда, когда молодой рыцарь вез ее к жениху от короля Лодегранса. Частые отлучки мужа в конце концов вынудили красавицу обратить внимание на настойчивого ухажера. А может, она, как истинная фея, просто решила погубить своего смертного супруга — именно такая версия закрепилась в фольклоре.

Скоро о романе Гвиневеры и Ланселота судачили все придворные. Тем временем во время очередной отлучки Артура Мелегант, король Летней страны (легенды локализуют ее в нынешнем графстве Сомерсет), похитил королеву, в которую был тайно влюблен, и увез к себе в замок. По одной из версий, Гвиневеру спас Ланселот, по другой — святой Гильдас, убедивший похитителя вернуть свою жертву законному супругу. Напоследок Мелегант обвинил Гвиневеру в том, что она изменяет мужу с Ланселотом, но обманщики сумели оправдаться. Король то ли был очень занят, то ли ослеп от любви — такое бывает и с великими правителями. Влияние Ланселота при дворе все же уменьшилось, и Гавейн с братьями воспользовались этим. Сначала они убили собственную мать Моргазу, застав ее в постели со своим заклятым врагом Агравейном. Потом лишили жизни самого Агравейна, а заодно и его отца Пелинора. Наконец, им удалось уличить королеву в супружеской измене и добиться от Артура согласия на ее казнь. Когда

Гвиневеру уже вели на костер, Ланселот спас ее, убив попутно Гарета с Гахерисом.

По настоянию Гавейна Артур изгнал Ланселота, а потом с большой армией вторгся на родину неверного рыцаря и осадил его замок Бенвик в Бретани. Пока шла осада, оставленный править Логрией Мордред восстал и провозгласил себя королем. Он захотел жениться на Гвиневере, но ей удалось бежать и укрыться в монастыре. Артур с войском спешно вернулся в Британию и в первом сражении обратил в бегство отряды Мордреда, лишившись при этом павшего в битве Гавейна. Решающая битва состоялась на равнине Солсбери, где из ста тысяч воинов обеих сторон уцелели всего трое: рыцари Бедивер и Лукан и смертельно раненный Артур. После этой злосчастной битвы сила и слава навсегда покинули бриттов, и спустя некоторое время саксы смогли окончательно захватить Логрию. Но об этом рыцарские романы умалчивают. Сообщают они лишь о судьбе выживших героев — Гвиневера удалась замаливать грехи в аббатство Эмсбери. Ланселот, узнав об этом, ушел в монастырь Гластонбери и позже стал там настоятелем. Мерлин скрылся в лесу, где влюбился в фею Ни муэ, а она обманом заточила его в волшебной пещере, где он и остался навеки.

Примерно та же судьба постигла и Артура — его сестра, чародейка Моргана, и вездесущий Мерлин успели доставить короля на чудесный остров Аваллон, где он будет находиться до тех пор, пока ему не настанет время вернуться и возродить королевство бриттов. «Аваллон» на языке бриттов означает «яблоневый остров» (*Ynys Afallon*) и представляет собой классическую «страну вечной юности» из кельтских легенд. С потусторонним миром тесно связаны и «перевозчики» короля — Мерлин и Моргана, которая явно происходит от древней богини войны Морриган. С другой стороны, у волшебного Аваллона есть и реальный адрес — то же аббатство Гластонбери, которое находилось на возвышенности среди болот и иногда действительно называлось «яблочным островом». Открытие пресловутой могилы Артура подкрепило уверенность в том, что прах короля находится именно здесь.

В 1191 году гластонберийские монахи, копая могилу на местном кладбище, наткнулись на старинное захоронение.

В гробу, выдолбленном из дубового ствола, лежали скелеты мужчины высокого роста и крепкого сложения и женщины с сохранившимися прядями светлых волос. Монахи сочли их останками Артура и Гвиневеры, что подтверждал найденный рядом с гробом свинцовый крест с надписью: «Здесь покоится прославленный король Артур, погребенный на острове Авалон». Артура и Гвиневеру с почестями перенесли в строящийся собор и захоронили там. В 1278 году могила была вновь раскопана в присутствии короля Эдуарда I, который осмотрел кости и подтвердил их подлинность. После закрытия монастыря при Генрихе VIII его постройки подверглись разорению вместе с гробницей Артура, после чего останки короля куда-то исчезли. Судьба креста сложилась столь же печально — в 1607 году его успел зарисовать историк Уильям Кэмден, но во время Английской революции пуритане уничтожили крест вместе с другими священными реликвиями. Во всяком случае, наличие могилы подтверждало основную версию — Артур умер и погребен в Гластонбери. Однако романтикам было трудно расстаться с мыслью, что он жив и может однажды вернуться. В разных местах Англии и Шотландии известно не меньше десятка пещер, где якобы ждет своего часа Король прошлого и грядущего.

По данным Гальфрида, королем Логрии после смерти Артура стал Константин, сын Кадора Корнуолльского. Этот Константин упоминается Гильдасом — в борьбе за власть он коварно убил двух юных сыновей Мордредра, которые претендовали на трон своего дяди Кадо. Там же говорится о еще четверых королях — Маглокуне, или Мэлгоне, из Гвинедда (Северного Уэльса), его родиче Кунигласе из Роса, Вортипоре из Диведа (Южного Уэльса) и Аврелии Конане. Где правил этот последний, неясно, но около 542 года он изгнал Константина, сменив его на троне Логрии. Однако на этот трон претендовали также упомянутые Мэлгон с Вортипором, поэтому Аврелий удержался у власти недолго.

В артуровских легендах говорится, что решающий удар Логрии нанес король Корнуолла Марк. В свое время Артур заступился за своего рыцаря Тристана, который похитил у Марка его молодую жену Изольду. Теперь Марк, которого рыцарские романы изображают трусливым и коварным стариком, решил

отомстить. Сначала он предательски убил Тристана, после чего Изольда умерла с горя; потом вторгся во владения покойного Артура, разрушил Камелот и увез с собой Круглый стол. В сражении с последними рыцарями Марк был убит или, по другой версии, схвачен и заключен в темницу. Хотя вся история Марка и Тристана принадлежит фольклору, в ней есть и следы реальных событий. Король Марк, он же Куномор, правил в Арморике (Бретани) около 540 года. После гибели Артура он действительно совершил вторжение в Корнуолл и захватил его, но через несколько лет был убит. На юге Корнуолла археологи обнаружили каменный монумент с надписью: «Здесь лежит Друстан, сын Куномора», что подтверждает реальное существование Тристана — пусть не племянника, а сына короля Бретани. Возможно, существовала и Изольда, но вряд ли властолюбивому Марку был нужен какой-то предлог, чтобы вторгнуться во владения погибшего соседа и хорошо пограбить их.

Всех упомянутых им правителей Гильдас относит к поколению «внуков Амброзия», — очевидно, Артура он считал принадлежащим к поколению «сыновей». Святой историк сурово обличал «внуков», приписывая им самые страшные злодеяния. Похоже, не без основания — артуровская эпоха так и не завершилась созданием прочного государства. Военные вожди не желали соблюдать ни законов, ни обычаев и были готовы на все ради достижения власти. Если при жизни «военного предводителя» поддерживалась хоть какая-то иллюзия порядка, то после его гибели каждый мелкий тиран стремился стать маленьким Артуром в собственных владениях. Гильдас еще писал о спокойствии, которое царит в Британии, но не прошло и десяти лет, как этот хрупкий мир рухнул.

В 547 году остров охватила страшная эпидемия чумы — «желтой заразы». В считанные месяцы вымерла почти половина жителей Логрии, включая короля Мэлгона и других правителей. Англосаксов, которые жили обособленно от бриттов, эпидемия не затронула, и они беспрепятственно занимали опустевшие города и селения. В том же году англы захватили восточное побережье острова и основали там королевство Берницию. Вскоре рядом с ним возникло королевство Дейра, а позже они объединились в составе Нортумбрии. Около

550 года англы создали на юго-востоке королевство Восточная Англия (Эсенгел). В 585 году англы прорвались в центр Северной Англии, где было создано обширное королевство Мерсия. На юге саксы Уэссекса продолжали натиск на уцелевшие владения бриттов. Постепенно были потеряны Глостершир, Сомерсет, Девоншир, и к 705 году жалкие остатки кельтского населения отступили в Корнуолл. Тем временем англы добились одно за другим разрозненные королевства севера. Около 580 года пали в сражении последние потомки Коэла Старого, после чего англы захватили Йорк. В 586 году изменники из числа бриттов убили короля Уриена Регедского — самого опасного противника завоевателей. В 597 году в битве при Катрайте была разбита армия Гододдина.

Англосаксы истребили или изгнали значительную часть кельтского населения, а оставшихся поставили в зависимое положение, лишив всяких прав. Кое-где победители и побежденные остались жить рядом, постепенно смешиваясь. Однако большинство бриттов предпочли покинуть родные земли и бежали в Уэльс или за море, в Арморикю. Уинстон Черчилль в своей «Истории англоязычных народов» писал: «Англия снова превратилась в варварский остров. Прежде ее население наслаждалось жизнью в городах с храмами, рынками, академиями. На протяжении четырехсот лет царили порядок и закон, уважение к собственности, культура. Теперь все исчезло. Здания — там, где они строились, — были из дерева, а не из камня. Люди полностью утратили искусство письма. Варварство в лохмотьях управляло всем». Великий политик слегка преувеличивал — англосаксы не только обладали развитой фольклорной традицией, но и имели древнюю руническую письменность. Однако основной вывод не подлежит сомнению: после англосаксонского завоевания Британия пережила продолжительный хозяйственный и культурный упадок.

Постепенно на остров начали проникать традиции образованности, неразрывно связанные с христианством. У ирландцев и бриттов новая религия окончательно утвердилась еще в V веке, но кельтские священнослужители не могли, да и не стремились обратить завоевателей в свою веру — вражда между их народами была слишком велика. В 597 году в Кенте высадился мирный десант — несколько монахов, посланных

папой Григорием I проповедовать в Британии Слово Божье. Король Этельберт принял их радушно, поскольку христианкой была его жена, франкская принцесса Берта. Понемногу Англия налаживала отношения с соседними странами. Вместе с христианством в страну вернулся латинский язык, открывший англосаксам античную культуру и позволяющий им общаться с другими народами. Лондон вновь стал оживленным портом, где торговали франкские и фризские купцы. Страна созрела для возвращения к цивилизации, и этот процесс медленно, но верно шел вперед.

О последующих событиях нам поведал первый английский историк Беда Достопочтенный. Этот монах из Ярроу довел историю Англии до 731 года, подробно рассказав о принятии христианства разными областями страны, о жизни и деяниях местных святых. Попутно он касался и светской истории, поведав о правлении большинства англосаксонских королей и воздав им должное сообразно их отношению к церкви. Рассказ Беды дополняют сообщения «Англосаксонской хроники», которая параллельно велась в нескольких монастырях с IX по XII век. Тогда же начали появляться другие источники — королевские законы, акты, письма.

Монах Августин сделался первым архиепископом Кентерберийским. Его покровитель Этельберт был в то время весьма влиятелен, несмотря на крохотные размеры своего королевства. Он даже получил почетное звание «бретвальда» (верховный король), которое, впрочем, не подразумевало никакой политической власти. Тогда в Англии насчитывалось несколько англосаксонских королевств — обычно считается, что их было семь, но это лишь дань традиции. В разное время число королевств менялось, но к сильнейшим всегда относились три — Уэссекс, занимавший юго-запад Англии, Мерсия в центре и Нортумбрия на северо-востоке. Королевства Кент, Эссекс, Сассекс и Восточная Англия были невелики по размеру и часто оказывались в зависимости от более сильных соседей. Короли постоянно воевали между собой, а также с пиктами, валлийцами, ирландцами. Со своими обращались не менее жестоко, чем с чужими. Захватив в 686 году населенный ютами остров Уайт, король Уэссекса Кэдвалла истребил всех его жителей вплоть до грудных детей. Можно объяснить та-

кую жестокость влиянием язычества, но Кэдвалла как раз перед этим сделался христианином. Он проявлял такое рвение в вере, что отправился в паломничество в Рим и умер в конце этого нелегкого пути.

Важным событием стало крещение Нортумбрии — крупнейшего англосаксонского королевства, которое простиралось от реки Хумбер до шотландского залива Ферг-оф-Клайд. В 625 году король Нортумбрии Эдвин женился на дочери кентского короля Этельберта, вместе с которой в Йорк прибыл епископ Паулин. Он убедил креститься не только короля, но и часть местной знати, но это крещение оказалось непрочным. В 633 году Этельберт был убит в сражении с мерсийским королем Пендой, который упорно придерживался языческих обычаев. Крещеные англы тут же вернулись к язычеству и изгнали священников и монахов из пределов королевства. Однако новый король Освальд вскоре также принял новую веру и активно взялся за ее насаждение. В 642 году Пенда убил и его, но брат покойного Освиу в конце концов взял реванш. В 655 году войско Нортумбрии разгромило мерсийцев, и король-язычник был убит. Его сын Вулфхер вскоре поднял восстание и изгнал армию Освиу, но сам тут же принял христианство. Дольше всего языческие обычаи держались в Уэссексе, но и это королевство стало христианским в правление Кэдваллы. Наследник этого короля Ине не только даровал привилегии церкви, но и позаботился об открытии первой на юге Англии школы, а также об издании свода законов.

Ине, как и его предшественник Кэдвалла, умер во время паломничества в Рим. При его преемниках Уэссекс попал в зависимость от Мерсии. Король этой области Этельбальд, правивший в 716—757 годах, подчинил себе почти всю Англию к югу от Хумбера. Чтобы вести бесконечные войны, он обложил подданных налогами, что вызвало возмущение вольнолюбивых англов. Они подняли восстание и убили короля, место которого занял Оффа — потомок Пенды, скрывавшийся в монастыре. Оффа стал самым могущественным монархом в истории семи англосаксонских королевств. При нем к Мерсии были присоединены Кент, Сассекс и Эссекс, а потерпевшая военное поражение Нортумбрия временно утратила свое влияние. Нанеся ряд поражений валлийцам, Оффа вырыл

вдоль границы с Уэльсом ров, на столетия отгородивший эту область от Англии. Он завязал отношения с Карлом Великим, который признал английского монарха равным себе правителем. Оффа впервые за долгое время начал чеканить серебряную монету, причем на монетах красовалось изображение не самого короля, а его супруги Кинефриты. Еще одним новшеством стало объявление сына Оффы королем еще при жизни отца для предотвращения раздоров. Это мало помогло — после смерти старого короля в 796 году его наследник Эгфрит прожил всего четыре месяца. К власти пришел узурпатор Кенвульф, при котором могущество королевства начало клониться к упадку.

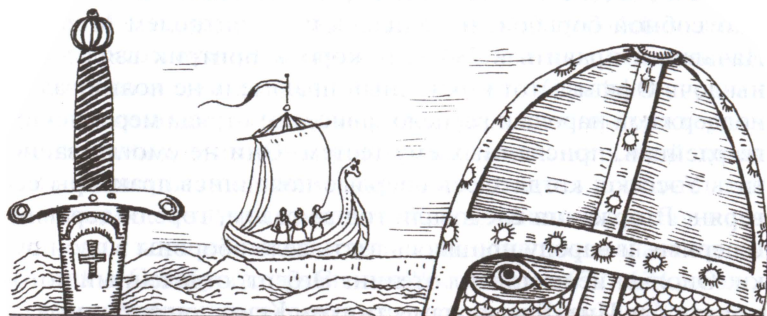
Как бы велико ни было влияние Мерсии, культурным центром Англии до конца VIII века оставалась Нортумбрия. Здесь возникло большое количество монастырей, основанных ирландскими монахами, включая «светильник севера» — островную обитель Линдисфарн. Обычаи ирландской и римско-католической церкви во многом различались, и эмиссары Рима вели упорную борьбу против «еретиков». В 655 году на соборе в Витби нортумбрийская церковь склонилась на сторону Рима, в чем решающую роль сыграл король Освиу. Этот благочестивый правитель щедро жертвовал земли и имущество монастырям; при нем были основаны знаменитые обители Уирмут и Ярроу, где жил историк Беда.

В 670 году Освиу умер, оставив трон своему сыну Эгфриту. Последний продолжал завоевательную политику — он подчинил бриттское королевство Камбрия и даже совершил поход в Ирландию, жестоко разорив ее прибрежные районы. Очередное военное предприятие Эгфрита оказалось роковым. В походе против пиктов в 685 году король попал в ловушку и погиб вместе со всей армией. После этого в руках пиктов оказался весь Лотиан, а бритты Камбрии вернули себе независимость. Вскоре Нортумбрия оказалась отодвинута на второй план победоносной Мерсией, а внутри королевства не прекращалась междоусобная борьба. На протяжении VIII века здесь сменилось почти два десятка правителей, что отнюдь не способствовало стабильности.

Между тем в англосаксонских королевствах продолжала развиваться культура. Росли и богатели монашеские обите-

ли, где создавались школы, строились богато украшенные каменные здания, переписывались манускрипты. Английские миссионеры отправлялись за границу, внося немалый вклад в христианизацию Германии и других стран Европы. В свою очередь, Ла-Манш пересекало множество иноземных купцов — в основном франков и фризов. Завершая свою «Церковную историю», Беда Достопочтенный писал о «благоприятных временах мира и процветания», когда «многие из народа англлов, как знатные, так и простые, отложили оружие и приняли постриг, предпочтя принести монашеский обет, а не упражняться в искусстве войны». Однако полвека спустя англосаксам пришлось вновь взяться за оружие — на них обрушились столь же опасные и безжалостные враги, какими они сами еще недавно были для бриттов.

Основатель. Альфред Великий

IX век оказался горестным для жителей Британских островов. Лишь недавно проросшие всходы просвещения и цивилизации были безжалостно вытоптаны сапогами разбойников-викингов. Чуть ли не каждый год пираты с Севера на своих быстроходных драккарах являлись в Англию, разоряя города и поселки, сжигая монастыри, убивая и угоняя в плен беззащитных жителей. Впервые они появились в январе 793 года в обители Линдисфарн и сожгли ее, безжалостно перебив монахов. После этого рейды на побережье Нортумбрии и Восточной Англии повторялись каждые три-четыре года, а с 832 года сделались почти ежегодными. Англосаксы не могли эффективно сопротивляться захватчикам, которые нападали внезапно и так же быстро скрывались в море, увозя с собой награбленное. В первых походах викингов участвовало всего несколько кораблей, но с годами к ним присоединялись все новые пираты. В середине IX века на Британию нападали целые флоты в 200–300 кораблей, команда каждого из которых составляла 20–40 человек. С каждым годом география набегов расширялась, и к середине века на побережье не

было города или монастыря, избежавшего разорения. По рекам и заливам скандинавы проникали в глубь материка, нанося неожиданные удары королевским войскам.

Когда Нортумбрия и Мерсия были почти уничтожены набегами викингов, ведущая роль в Англии автоматически перешла к Уэссексу. До того это королевство, ослабленное междоусобной борьбой, находилось под контролем Мерсии. Начавший править в 784 году король Бритрик взял в жены дочь Оффы. Этот никчемный правитель не пользовался поддержкой народа и всецело зависел от отряда мерсийских гвардейцев, присланных ему тестем. Они не смогли защитить Уэссекс, когда здесь впервые появились драккары северян. Вторжения следовали год за годом, горели деревни и церкви, и народу пришлось взять дело обороны в свои руки. Ополчение возглавил этелинг Эгберт, отдаленный потомок короля Ине. Будучи наместником Кента, он организовал регулярное патрулирование побережья добровольцами, которые поднимали тревогу при появлении викингов. В 798 году захватчики, привыкшие к неожиданности своих набегов, впервые получили чувствительный удар. Эта победа решила судьбу трона: в 802 году Бритрик умер и Эгберт был избран новым королем.

Нужно вкратце рассказать о структуре власти в Уэссексе и прочих англосаксонских королевствах. К тому времени они уже входили в феодальную стадию. Общество, некогда делившееся лишь на рабов и свободных общинников, все больше раскалывалось по имущественному признаку. В нем выделялись сословия знати (эрлов) и простолюдинов (керлов). Последние обязаны были платить подати королю и нести общественные повинности, включая службу в ополчении (фирд). За службу королю представители знати — таны и гезиты — получали поместья вместе с жившими там крестьянами, которые переходили в раздел зависимых людей. Крупнейшим феодалом была церковь — ей принадлежало до четверти пахотной земли. Рабы (литы) постепенно теряли свое значение, сливаясь со свободными крестьянами-керлами. Этот процесс в тот период шел по всей Европе, однако в Англии он отличался замедленностью. В результате здесь всегда сохранялась довольно многочисленная категория свободных людей.

Власть короля (кининга) была наследственной, но не абсолютной. Прежде выбор монарха осуществлялся народным собранием, потом его сменил витанагемот (совет мудрых), состоящий из церковных иерархов и светской знати. В VIII веке значение этого органа было еще достаточно большим, и совет мог отклонить неугодную кандидатуру на трон. Король опирался на личную гвардию, состоявшую из сыновей знатных англосаксов. Имелись придворные сановники, но развитого госаппарата еще не было. Отдельными областями управляли наместники (элдормены) из числа родственников короля. Формальным правом на трон пользовались все члены правящей династии (этелинги), что оборачивалось постоянными раздорами. Занимать престол могли и женщины, хотя в истории семи королевств известна лишь одна полновластная королева — Сексбурга, правившая Уэссексом в 672–674 годах.

Население англосаксонских королевств в начале IX века едва ли превышало полмиллиона человек, из которых в Уэссексе жило не более 150 тысяч. С языческих времен столицей считался Кинингестун (нынешний Кингстон), где совершались торжественные коронации на древнем Камне судьбы. Однако королевский двор уже давно перенесли в Винчестер, где при короле Киневулфе были построены большой дворец и каменный собор. В королевстве были и другие значительные города — Дорчестер, Эксетер, порты Портсмут и Саутгемптон. Экономика базировалась на разведении крупного рогатого скота и овец, которые обеспечивали всю Англию шерстяными тканями. Через приморские города велась активная торговля с другими странами. Уэссекские короли Кэдвалла и Ине покровительствовали церкви, особенно овейанному славы аббатству Гластонбери. В монастырях уже трудились первые хронисты, обосновывая право династии Кердика на господство в Англии. В 686 году к Уэссексу было присоединено все южное побережье острова — Кент, Сассекс, остров Уайт, — но позже эти земли оказались в руках Мерсии.

Однако амбиции короля Эгберта значительно превышали эти пределы. Он стремился подчинить себе всю Англию, беря пример с Карла Великого, при дворе которого в молодости провел несколько лет. Женившись на франкской принцессе Редбурге, Эгберт пытался подражать обычаям каролинг-

ского двора, впервые присвоив своим придворным звания «конюших» и «постельничих». Он начал выпускать первые в Уэссексе серебряные монеты со своим профилем. Изгнав мерсийцев, король составил новую гвардию из своих давних соратников. Недовольный таким поведением правитель Мерсии Кенвульф пошел на Уэссекс войной, но был разбит. Спустя несколько лет Эгберт перешел в наступление. В 825 году при Эллендуне армия мерсийского короля Бернвульфа была наголову разбита. Гегемонии Мерсии пришел конец, и следующий король Виглаф был вынужден полностью покориться Уэссексу. После этого Эгберт смог не только вернуть былые завоевания — Кент и Сассекс, — но и присоединить Эссекс, где уже несколько лет правил предводитель викингов Гутрум. Вся Англия к югу от Хумбера впервые с римских времен стала единой, и Эгберт справедливо считается первым общеанглийским королем.

После смерти Эгберта в 839 году королем стал его единственный сын Этельвульф, объявленный соправителем еще при жизни отца. К моменту вступления на трон у него было пятеро сыновей от Осбурги, дочери элдормена Ослака. Все они, кроме рано умершего первенца Этельстана, стали королями Уэссекса, но славу стяжал лишь один, самый младший — родившийся в 849 году Альфред. Ему одному из англосаксонских монархов досталось имя Великого, хотя дали его не современники, а ученые Нового времени. Чем обусловлен такой почет? Хотя Альфред и спас страну от полного завоевания скандинавами, захватчики продолжали свои набеги еще добрую сотню лет. Но король был не только умелым полководцем и искусным политиком. Он остался в веках как законодатель, поборник учености и умелый администратор. Именно это редкое сочетание стольких достоинств в одном человеке принесло ему заслуженный почет.

В правление Этельвульфа и его сыновей Англия перенесла тяжелые испытания. Именно тогда скандинавы перешли от тактики разрозненных набегов к массовым вторжениям, целью которых был захват английской территории. В основном в них участвовали выходцы из Дании, потому англичане называли «датчанами» всех скандинавских пиратов. В 851 году скандинавы на 350 кораблях вошли в устье Темзы и разори-

ли окрестности Лондона. Не довольствуясь этим, они в том же году напали на Суррей, но были разбиты королевской армией у местечка Оукли. Это был еще небывалый разгром — на поле боя осталось не меньше тысячи захватчиков. В 865 году нортумбрийские воины захватили в плен знаменитого вождя викингов Рагнара Лодброга, и король велел бросить его в яму со змеями. В 867 году на востоке острова появилась «Великая армия» сыновей Рагнара — Ивара Бескостного, Бьорна Железнобокого и Сигурда Змея-в-Глазу, желавших отомстить за отца. На 400 кораблях прибыло около десяти тысяч воинов, которые обрушились на Англию, подобно урагану. Их первой жертвой стала Нортумбрия; захватив Йорк, они основали там свое королевство с Иваром во главе. Король Элла был убит, а его преемник Эгберт стал покорным вассалом скандинавов. Прогнав с насиженных мест местных жителей, завоеватели поселились на их земле и начали перевозить из Дании и Норвегии свои семьи. Почти на сотню лет север Англии стал скандинавской колонией.

Разорив все приморские города и монастыри, викинги начали совершать походы в глубь страны по рекам и заливам. Часто они сажали на корабли лошадей, которые обеспечивали им быстроту передвижения по суше и преимущество в бою с пешими англосаксами. Английские ополченцы за годы относительного мира разучились обращаться с оружием и больше думали о своем урожае, чем о войне. Они не знали боевого строя, были плохо вооружены и не имели почти никаких средств защиты. Им противостояли опытные воины, одетые в кольчуги и стальные шлемы. У скандинавов было и такое «секретное оружие», как берсерки — воины, которые одурманивали себя настоем из мухоморов и бешено бросались в бой, презирая смерть. Понятно, что на протяжении десятилетий викинги, как правило, побеждали даже превосходящие силы англосаксов. Впрочем, масштабы битв той эпохи не нужно преувеличивать — в крупнейших из них участвовало по 2–3 тысячи воинов с каждой из сторон. Ущерб от скандинавских набегов тоже не был так велик, как порой представляют. Однако северные пираты нанесли тяжелый урон английской культуре, сжигая монастыри вместе с бесценными рукописями и памятниками искусства.

Король Этельвульф, предназначенный отцом к духовному званию, был не готов к противостоянию захватчикам. Слабый и болезненный от природы, он проводил время в молитвах, основывал монастыри, делал богатые пожертвования храмам. К военному делу король был равнодушен и даже не пытался укрепить оборону страны перед лицом грозного нашествия. Борьбой с викингами занимались его старшие сыновья Этельстан и Этельбалд. Первый был назначен элдорменом Кента и несколько лет успешно защищал эту область от набегов, пока в 855 году не погиб в одной из стычек.

Где же во время этих бурных событий находился принц Альфред? Вскоре после рождения, в 853 году, он был отправлен отцом в Рим, как о том сообщает епископ Ассер в своей «Жизни Альфреда» — главном источнике сведений о жизни монарха. Римский папа Лев IV принял малыша с почетом и объявил его своим духовным сыном. По словам Ассера, Альфред даже был помазан папой на царство, но, скорее всего, эта история является вымышленной. Подобные странности с давних пор вызывали сомнения в подлинности биографии Ассера; возникали версии о том, что на самом деле она была написана в XII веке для доказательства славного прошлого английской монархии. Именно к этому времени относятся древнейшие сохранившиеся рукописи «Жизни Альфреда». К тому времени в народе ходило немало фольклорных историй о жизни короля, далеко не все из которых вошли в книгу. Отрицает авторство Ассера и А. П. Смит — автор наиболее подробной на сегодняшний день биографии Альфреда.

Очевидно, принц находился в Риме до 855 года, когда туда прибыл в качестве паломника его отец. В следующем году Этельвульф с сыном вернулся домой через Францию, где женился на 16-летней Юдит, дочери французского короля Карла Лысого. Этот шаг вбил клин в отношения между королем и его сыновьями от первой жены, трое из которых были старше новой мачехи. Узнав о поступке отца, Этельбалд восстал и при поддержке знати занял столицу. По возвращении королю пришлось пойти на мировую с сыном и отдать ему всю западную часть Англии, оставив себе восток. Вероятно, Осбурга в то время была еще жива, и король после новой женитьбы просто ото-слал ее прочь, хотя и не препятствовал детям видеться с ней. Об

этом говорит рассказанная Ассером история о том, как королева показала сыновьям книгу с дивными цветными картинками и пообещала подарить ее тому, кто быстрее других осилит грамоту. Естественно, самым смышленным оказался Альфред, которому к тому времени исполнилось двенадцать лет. Стоит вспомнить, что даже принцев в то время не учили читать, и, насколько известно, ни один из предшественников Альфреда на уэссекском троне не мог вывести на бумаге свое имя. Впрочем, среди королей грамотность была еще более редким явлением, поэтому не исключено, что в этой истории речь идет не об Осбурге, а о новой королеве Юдит — во Франции образование в то время было распространено шире, чем в Англии.

Похоже, Этельвульф любил Альфреда больше других сыновей, но не мог сделать его наследником в обход старших братьев. После смерти отца в 857 году королем стал мятежный Этельбалд, который вскоре женился на молодой мачехе Юдит, быстро забыв про свою враждебность к ней. В 860 году он внезапно скончался, оставив престол своему брату Этельберту, который прежде был королем или элдорменом в Кенте. В том же году войнство датчан взяло штурмом Винчестер и разграбило его. Семь лет спустя нашествие повторилось; в те же годы «Великая армия» грабила Кент и Эссекс. Очевидно, в этот период резиденция английских королей была перенесена из Винчестера в более безопасный Шерборн. Викинги ощущали себя хозяевами страны; они все чаще зимовали на английских берегах, чтобы весной снова навестить уже не однажды ограбленные города и деревни.

В 866 году Этельберт умер, и королем стал третий сын Этельред. Он был ненамного старше Альфреда, и тот занял положение главного советника своего трусоватого и нерешительного брата. В 868 году 19-летний принц получил боевое крещение — вместе с королем он отправился в поход на Ноттингем, захваченный скандинавами. По сведениям Ассера, захватчики убоялись и запросили мира, но город остался у них, поэтому более вероятно, что Этельред просто не решился на штурм. В начале того же года Альфред женился; его избранницей стала 17-летняя Эльсвита, дочь элдормена Этельреда. Осенью у супругов родилась дочь Этельфледа, а в следующем году — сын и наследник короля Эдвард Старший.

Осенью 870 года большое войско датчан во главе с Хингмаром и Хуббой высадилось в Восточной Англии. Ее король Эдмунд попал в плен и был зверски замучен за отказ отречься от христианской веры; позже он стал одним из святых покровителей Англии. Перезимовав в Норфолке, скандинавы в начале следующего года отправились вверх по Темзе и достигли Рединга. Там их встретил уэссекский эрл Этельвульф с небольшой дружиной. В битве у Энглфилда англосаксы были разбиты. Но навстречу врагу уже спешили Этельред и Альфред с наскоро собранным ополчением. В первом сражении они потерпели поражение и отступили. Решающая битва состоялась в конце января у селения Эскесдун (ныне Эшдаун). Английское войско численностью до трех тысяч человек было разделено на два крыла, которыми командовали король и его брат. Этельред долго молился в своем шатре, и Альфред на свой страх и риск отдал приказ наступать. Как пишет Ассер, он, «подобно дикому кабану, отважно повел силы христиан на вражескую армию, хотя король еще не явился». После долгого боя один из двух датских конунгов был убит, что заставило скандинавов отступить и укрыться за стенами Рединга. Когда кончились припасы, им пришлось покинуть крепость и с боем пробиваться к оставленным на Темзе кораблям. По пути Альфред еще дважды сразился с ними, нанеся тяжелый урон.

В мае 871 года Этельред умер, и Альфред с общего согласия был провозглашен королем. Месяц спустя он снова сразился с датчанами при Уилтоне и на этот раз проиграл. Королевство было так ослаблено, что Альфреду пришлось заключить мир на условии уплаты дани. Уэссекские короли откупались от захватчиков со времен Этельбальда, но эта тактика приносила мало успеха — у викингов не было единого командования, и одни пираты вовсе не собирались соблюдать договор, заключенный другими. К тому же у них была теперь иная цель — захватить всю Англию вместе с ее богатствами. В 872 году они вторглись в Мерсию и за два года разорили ее почти целиком, вынудив короля Бургреда отречься от трона и бежать в Рим. Новым королем стал этелинг Келвульф, который во всем подчинился захватчикам и даже согласился ради них отречься от христианства.

Весной 876 года армада викингов высадилась на побережье Уэссекса и двинулась навстречу сухопутным силам, которые в это время грабили Уорхэм. Однако скандинавов ждал неприятный сюрприз — за время передышки Альфред успел построить довольно сильный флот, который прижал пиратские драккары к берегу. Викингам пришлось заключить мир, поклявшись на священном браслете, что они никогда не вернутся в Уэссекс. Перезимовав на юге Англии, многие завоеватели уплыли искать добычи в других местах; среди них был и «морской король» Роллон, позже основавший герцогство Нормандию. Тем не менее на следующий год новая ватага пиратов дотла сожгла Эксетер.

По данным источников трудно понять, почему в начале правления молодого энергичного короля Англия оказалась в еще более трудном положении, чем при его менее активных предшественниках. Возможную причину открывают сообщения хроник, где говорится, что Альфред «не устаивал просителей приема и выслушивания их жалоб, не снисходил к слабым и почитал их за ничтожества». Образованный король, побывавший за границей, свысока относился к древним обычаям англосаксов и их учреждениям, включая «совет мудрых». Он мечтал об установлении единовластия по римскому образцу и придумывал нововведения, которые его подданные встречали с подозрением, видя в них покушение на свои исконные права. Такую версию выдвигали английские историки XIX века; возможно, она не вполне объективна, однако отчуждение между королем и народом в первые годы правления Альфреда имело место и стало главной причиной тяжелых поражений в борьбе с северными захватчиками.

В январе 878 года в уилтширском местечке Чиппенхэм на Темзе высадилось целое войско викингов во главе с тремя конунгами, старшим из которых был «морской король» Гутрум, или Гутторм. Численность захватчиков современные историки оценивают в 5–6 тысяч человек. Уилтшир, Хэмпшир и Сомерсет покорились почти без сопротивления; жители массово бежали в труднодоступные местности, оставляя на разорение свои дома и все имущество. Альфреду тоже пришлось покинуть столицу и укрыться в местечке Этельни среди сомерсетских болот. Там он несколько недель жил в хижине пастуха,

от жены которого однажды получил нагоняй за подгоревшие лепешки — рассказ об этом увековечен хронистами. Историк сокрушенно пишет о своем герое: «Он не имел ничего за исключением того, что он захватывал в частых набегах у язычников или получал от христиан, которые подчинились языческой власти». Однако не следует преувеличивать бедственное положение короля: с ним были десятки слуг и дружинников и ополченцы, собранные сомерсетским элдорменом Этельнотом.

Постепенно в Этельни собирались и другие разрозненные отряды англосаксов. Дух сопротивления окреп после удара, нанесенного англичанами по датчанам, которые в феврале высадились в Девоншире. По сообщению «Англосаксонской хроники», был перебит почти весь отряд из 800 человек вместе с конунгами Ингваром и Хальфданом; англичане захватили штандарт с изображением ворона, который викинги всегда защищали до последнего человека. В середине мая король нанес захватчикам неожиданный удар, напав на их ставку в Этандуне (нынешний Эдингтон). По легенде перед сражением он лично отправился на разведку в лагерь врага, переодевшись бродячим певцом. Историк XII века Вильгельм Малмсберийский пишет: «Не было ни одного секрета, который он не разузнал бы во всех подробностях при помощи своих глаз и ушей».

Вернувшись, Альфред разослал гонцов по окрестным деревням, созывая ополчение к Эгбертову камню в назначенный час, когда датчане, уверенные в своей безопасности, должны были крепко спать. Несколько тысяч ополченцев из Западного Уэссекса собрались по зову короля, который лично повел их на штурм земляных валов Этандуна. Лагерь был взят, а уцелевшие скандинавы заперлись в городе. После двухнедельной осады они согласились на переговоры. По условиям мира конунг Гутрум обязался принять крещение, что и было сделано три недели спустя в местечке Уэдмор. Крестным отцом викинга, получившего новое имя Этельстан, стал сам король. По условиям мира скандинавы получали во владение половину Англии к востоку от условной линии от Лондона до Честера. С тех пор эта область получила название «Денло», или «Датского права».

Историки до сих пор ломают голову, зачем Альфреду было нужно поступаться победой и заключать столь невыгодный мир. При этом забывается, что в руках скандинавов и так находилась почти вся Англия, а Уэссекс понес тяжелый урон в результате датского вторжения. Еще одного удара королевство могло просто не выдержать, и Альфред всеми силами старался обеспечить мирную передышку. Он вполне обоснованно сделал ставку на раскол среди захватчиков, надеясь, что Гутрум станет защищать свои владения от других северных пиратов. Первое время так и произошло: весной 879 года бывший пленник отправился на восток, занял Восточную Англию и провозгласил себя ее королем. Мерсия была разделена между Альфредом и Гутрумом. С этого времени Уэссекс оставался единственным независимым англосаксонским королевством, и объединение Англии под его властью становилось только вопросом времени.

Испытания минувшей войны изменили характер короля. Сохранив свои убеждения, он начал терпимей относиться к древним англосаксонским обычаям, научился находить общий язык со своими подданными разных наций и сословий. Доставшуюся ему часть Мерсии он отдал под управление потомку прежней династии Этельреду, дав ему в жены свою дочь Этельфледу. После смерти мужа в 911 году Этельфледа унаследовала его титул. Другие части королевства по-прежнему управлялись этелингами, но Альфред попытался более прочно подчинить их короне. Средневековые историки приписывают ему введение разделения Англии на шайры (графства) и хундреды (сотни). Хотя документов на этот счет не сохранилось, вполне возможно, что такое деление было введено королем в его новых мерсийских владениях. В каждый шайр назначался королевский чиновник — шайр-герефа, или, на современном языке, шериф. Его функции заключались в сборе налогов для казны и доведении до населения королевских указов. Сотни, весьма приблизительно включавшие по сотне домов, общались с властью по принципу круговой поруки, отвечая за уплату налогов и соблюдение законов своими членами.

Альфред позаботился также об укреплении обороны. Он впервые создал нечто вроде постоянной армии, обязав местных танов посылать в укрепленные бурги отряды воинов,

обеспеченных оружием и продовольствием. Была реорганизована и королевская дружина, в которую отныне набирали не выходцев из знатных родов, а молодых дворян, преданных королю. Другой важной мерой стало строительство флота — с помощью франкских и фризских мастеров были построены корабли, превосходившие драккары викингов по величине, хотя и уступавшие им в маневренности. К концу царствования Альфреда у англичан было около ста военных кораблей. Для поддержки флота на побережье строилась система бургов (крепостей), в память о которых в названиях многих английских городов осталось слово *borough*. Бурги отстояли друг от друга не дальше чем на 20 миль, и в случае опасности окрестное население могло укрыться за их укрепленными стенами.

Несколько лет королевство жило в мире, но в 884 году вражеские набеги возобновились. После Уэдморского мира часть армии викингов переправилась из Англии во французские земли, где продолжила грабежи. На обратном пути пираты высадились в Кенте и сожгли Рочестер. Альфред быстро снарядил армию, но враги уже сели на корабли и уплыли вместе с награбленным добром. Тогда король направил флот к берегам Восточной Англии, который в первом сражении захватил 13 вражеских кораблей. Однако на обратном пути викинги нагнали английский флот, который двигался медленно из-за обилия добычи, и пустили его на дно. В следующем году король сделал важный шаг на пути возрождения государства, заняв Лондон и восстановив городские укрепления. Бывшая столица Эссекса была отдана Этельреду Мерсийскому. Тогда же Альфред заключил договор о союзе с Эдвулфом, подчиненным скандинавам королем Нортумбрии. Возможно, он заключил мир с датскими правителями Йорка, которые не желали ссориться с могущественным государем. Несколько валлийских правителей также прислали к Альфреду своих послов, признавая его верховенство и соглашаясь платить ему дань.

На некоторое время в стране вновь установился мир, и король смог заняться тем, что давно волновало его, — возрождением образования, которое в то время находилось в плачевном состоянии. Набеги викингов уничтожили большинство монастырей, которые в то время были единственными культурными центрами. В одном из своих сочинений король с го-

речь писал: «Упадок был столь велик, что по эту сторону Хумбера почти не было тех, кто понимал бы слова церковной службы или мог перевести что-либо с латыни на английский... К югу же от Темзы, когда я взошел на трон, таких людей не было вообще». По этой причине Альфреду пришлось обратиться за помощью к чужеземцам, в том числе к кельтским монахам, образованность которых была широко известна. В его правление стена враждебности, разделявшая англосаксов и кельтов, впервые дала трещину. В 887 году король милостиво принял пилигримов из Ирландии и уговаривал их остаться в его владениях и организовать там школы.

Несомненно, епископ Ассер являлся одним из главных соратников Альфреда в делах просвещения, даже если биография короля не принадлежала его перу. Ассер был валлийцем и получил образование в известном монастыре Святого Давида, где его и нашли посланцы Альфреда, пригласившие ученого клирика в Англию. Около 885 года Ассер впервые прибыл в Англию и стал наставником короля, высоко оценившего его познания. Очевидно, на него была возложена деликатная задача идеализации королевского образа, с которой он блестяще справился — если все-таки принять на веру его авторство. «Жизнь Альфреда» делится на две части: краткую хронику событий в Англии за 849—887 годы и характеристику самого Альфреда. Биография ничего не сообщает о последних годах жизни короля; нет в ней и большинства популярных историй о его жизни, добавленных поздними историками. Незадолго до смерти короля Ассер стал епископом Шерборна недалеко от своего родного Уэльса. По сообщению «Англосаксонской хроники», он умер в 909 году.

В созданном Ассером портрете черты святого и ученого явно преобладают над чертами воина и администратора, хотя последним также уделено значительное внимание. «Жизнь Альфреда» описывает деятельность короля в следующих словах: «Среди частых войн и прочих превратностей земной жизни, а также его собственных немощей плоти король продолжал заниматься делами управления, прилежно вникая во все области; он учил златокузнецов и всякого рода мастеров, охотников с соколами и ястребами, псарей; строил дома, которые благодаря его новым техническим изобретениям превосходи-

ли величием и прочностью все, что воздвигали его предшественники; вникал в саксонские книги и особенно стремился узнать саксонские стихи, побуждая и других изучать их».

О постройках Альфреда трудно сказать что-либо определенное. Несомненно, он перестроил столицу Винчестер, укрепив ее новым частоколом и каменными башнями. Новые укрепления были выстроены и в ряде других городов, включая Лондон. Королевские дворцы переносились в более удобные места и перестраивались с использованием камня. В строительстве принимали участие опытные каменщики, приглашенные с континента. Возможно, король внедрил на практике какие-то из описанных в книгах достижений античных строителей; это и имел в виду Ассер, говоря о его «изобретениях». В его правление было построено несколько монастырей, один из которых располагался в Этельни, на месте пастушьей хижины, где король когда-то нашел убежище. Монастыри были основаны также в Винчестере и Шефтсбери, причем аббатисой последнего стала королевская дочь Этельгива. За годы войн монашеская жизнь пришла в упадок, и Альфреду пришлось чуть ли не силой заставлять родителей отдавать своих отпрысков в монахи. Он заботился также об укреплении церковных кадров, выписывая монахов и священников из Франции, Ирландии и кельтских областей.

В 880-е годы при королевском дворце в Винчестере была основана школа, первыми учениками которой стали дети Альфреда. По словам Ассера, школьники учились «читать на обоих языках, а именно латинском и английском, а также писать, так что, когда приходила пора приступать к делам мужей — охоте и прочему, что подобает благородным, — они уже обретали познания в вольных искусствах». Английская церковь сильно пострадала от скандинавских набегов, поэтому преподавателей и ученых пришлось выписывать из-за границы — по словам того же Ассера, были приглашены «франки, фризы, бритты, скотты и прочие». Вскоре появилась возможность обучать в школе и детей эрлов, которые по старинному англосаксонскому обычаю воспитывались при дворе короля. Альфред «любил их всех не менее своих и наставлял во всех добрых делах, не уставая денно и ночью обучать их грамоте».

Примечательно, что в эпоху, когда во всех странах Европы обучение велось на латыни, Альфред планировал учить детей и взрослых на родном языке. На тот же язык он предлагал перевести церковную службу, чтобы она была понятна не только монахам, но и мирянам. Эту идею начал воплощать в жизнь еще Беда Достопочтенный, и теперь у нее нашелся новый авторитетный сторонник. Помимо Священного Писания король планировал перевести на англосаксонский язык четыре книги, необходимых, по его мнению, каждому грамотному человеку. В этот список входили «История против язычников» Орозия, «Церковная история» Беды, «Утешение философией» Боэция и «Пастырское правило» папы Григория I. Альфред сам занимался переводом этих книг, для чего в возрасте сорока лет выучил латынь. Вряд ли король самолично перевел все указанные сочинения — в предисловии к «Диалогам» того же папы Григория он говорит, что попросил перевести эту книгу своих друзей, одним из которых был епископ Вустера Верферт. Большинство ученых относят к переводам Альфреда лишь «Пастырское правило» и «Утешение философией», но, вероятно, и в этом случае коронованный автор осуществлял только общую редакцию.

Переводимые сочинения король дополнял собственными размышлениями, отразившими его жизненное кредо. Вот что он писал в предисловии к сочинению Боэция: «Я никогда особенно не жаждал земной власти, но тем не менее пытался изыскать орудия и средства для решения поставленной передо мной задачи... Эти орудия и средства, с помощью которых король правит и обустроивает свои земли, таковы: он должен иметь людей, которые молятся, сражаются и трудятся. Еще он должен иметь средства для обеспечения этих трех видов людей: земли, дары, оружие, пищу, питье, одежду и все прочее. Без этих вещей он не сможет обеспечить себя орудиями, а без них не сделает того, что должен совершить. Поэтому я тщательно обдумывал способы применения власти, дабы мои способности и силы не были забыты и оставлены втуне; ведь любая способность и любая власть окажутся бесполезны, если их применять неразумно... Говоря кратко, я стремился жить достойно, пока живу, а после окончания жизни оставить тем, кто придет после меня, память о себе в добрых делах».

Помимо школы в Винчестере в правление Альфреда было основано еще несколько школ в других английских городах и монастырях. Одна из них находилась в Оксфорде, что позже дало повод объявить короля основателем знаменитого университета, хотя тот возник лишь в XII веке. Король сам написал несколько учебников для новых школ, а также «Энхиридион», или руководство для изучающих Священное Писание. В ученых трудах королю помогали приглашенные им из Мерсии архиепископ Кентерберийский Плегмунд и епископ Ветфрид, аббаты Гримбольд и Иоанн из Саксонии, бритт Ассер, ирландец Иоанн Скотт Эриугена. Главным критерием при назначении на высокие посты для Альфреда была не знатность, а деловые качества. Именно при нем началось возвышение многих знатных родов, а также всего сословия танов — мелкопоместных дворян, которых король старался защищать от произвола могущественных элдорменов.

Из всех наук Альфреда больше всего занимали история и география. Он приказал расспрашивать путешественников о дальних странах и записывать их рассказы, составившие написанное королем дополнение к сочинению Орозия. Среди многих упомянутых там земель значилась и «страна рухасков», в которой некоторые ученые видят Русь. Сведения о ней Альфред получил от норвежца Оттара, который в своих странствиях добрался до Белого моря. Что касается истории, то король поощрял собирание знаний о прошлом, на основе которых начали составляться первые общеанглийские анналы — знаменитая «Англосаксонская хроника». С подачи короля составители хроники старались заменить местнический патриотизм английским. Исповедуя идею объединения острова в рамках одного государства, Альфред намного опередил свое время. Именно в его правление остров окончательно сменил свое имя — с тех пор во всей Европе его называли не Британией, а Англией.

Важным направлением деятельности короля являлось законотворчество. Он велел собрать и скопировать законы ранних англосаксонских правителей — Этельберта Кентского, Ине Уэссекского, Оффы Мерсийского. На их основе был составлен новый судебник — «Законы Альфреда». Во введении к нему король писал: «Я не решился добавлять от себя слиш-

ком много, поскольку не знал, что из этого будет одобрено теми, кто придет после нас». Судебник включал только основные виды преступлений, которые должен был судить королевский суд. Более мелкие проступки могли решаться судами графств на основе «здорового смысла»; именно со времен Альфреда в Англии ведет начало так называемое прецедентное право. По указу короля в каждом графстве начали создаваться суды с участием королевских чиновников и местных старейшин. Другой указ предоставлял иноземным купцам право свободно торговать в английских городах при условии уплаты пошлины в казну. При Альфреде в Англии возобновилась чеканка денег, сосредоточенная в бургах под контролем королевских чиновников.

Будучи искренне верующим, Альфред вложил немало средств в восстановление разрушенных викингами храмов и монастырей. С юности он часто молился и, услышав о каком-либо святом месте, обязательно стремился посетить его. Помимо богобоязненности для этого была и другая причина — король надеялся найти исцеление от некоей тяжелой болезни (возможно, эпилепсии), которая донимала его с юных лет. Ассер сообщает, что приступы этой болезни возобновились у Альфреда сразу после женитьбы и мучили его до сорока лет. Они прекратились только после того, как король совершил паломничество к часовне Святого Неота в Корнуолле. Повествуя об этом, Ассер исподволь доказывал преимущество кельтских святых над англосаксонскими. Несомненно, однако, что король не отличался хорошим здоровьем, хотя болезни никогда не вынуждали его забыть про дела. Король был необычайно деятелен для своего неторопливого времени. Его день делился на три равных части: одна посвящалась молитве, чтению и письму, другая — правосудию, а третья — сну, еде и прогулкам. К обычным забавам знати — охоте и пирам — король оставался равнодушен, то ли из благочестия, то ли по причине упомянутой болезни.

В 893 году скандинавы снова обрушились на Англию. Флот прославленного вождя викингов Хастинга, изгнанный из Германии королем Арнульфом, поднялся вверх по Темзе, разоряя все на своем пути. К тому времени крестник Альфреда Гутрум скончался, и скандинавы Восточной Англии, забыв про

свои клятвы, присоединились к нападавшим. Борьба с ними заняла несколько лет. Эскадра Хастинга была разбита Этельредом Мерсийским у Баттингтона и вернулась в Эссекс. Тем временем другой флот нортумбрийских датчан высадился в Уэссексе, и Альфреду пришлось двинуться туда, чтобы защитить Эксетер. Часть скандинавов смогла закрепиться в Честере и весной 895-го снова напала на владения короля. Ход событий в течение следующих трех лет известен мало. Хроникеры говорят о многочисленных сражениях на суше и на море; похоже, война в этот период охватила почти всю Англию. Однако положение теперь было в корне иным, чем в начале скандинавских набегов. Жители уже не проявляли паники и растерянности; они чувствовали себя гражданами сильного государства, способного защитить их. Жители многих городов и деревень, включая Лондон, отважно вступали в бой с датчанами и не раз обращали их в бегство.

К лету 897 года силы захватчиков иссякли. Английская армия стояла у стен Йорка, многие морские пираты бежали в Скандинавию или искали убежища в Восточной Англии. Военные действия на суше прекратились, но на этот раз Альфред не стал заключать мир — события прошедших лет показали, что на клятвы викингов полагаться нельзя. Флот короля еще долго охотился за отдельными кораблями врагов, по очереди захватывая их и вешая команду на мачтах. Приказ об этом отдал сам король, и это было единственное известное нам проявление жестокости с его стороны. До этого он всегда миловал пленных и даже велел отослать к отцу двух сыновей Хастинга, после того как тот вероломно нарушил договор. Очевидно, теперь король решил, что только насилие может образумить пиратов, и оказался прав — вплоть до его смерти набеги не возобновлялись.

Победа досталась дорогой ценой. «Англосаксонская хроника» пишет: «Слава Богу, враг не уничтожил целиком английскую нацию, но она за эти годы оказалась ослаблена еще более мором среди скота и людей, и тогда же умерли многие из видных приближенных короля». Сам король в последние годы жизни часто болел и сделался еще более религиозным. Именно тогда он велел возобновить уплату десятины церкви, хотя страна еще не оправилась от вторжения. Неизвестна и точ-

ная дата смерти Альфреда — разные источники называют 26 октября 899 года, 26 октября 900 года или 28 октября 901 года, хотя первая дата кажется наиболее вероятной. Спустя три дня после смерти король был похоронен в Ньюминстерской церкви Винчестера. Возможно, разнобой с датами произошел из-за того, что он еще при жизни передал власть сыну Эдварду, а сам устранился от дел. Кроме Эдварда его сыновьями были Этельверд и умерший в младенчестве Эдмунд. Из дочерей Альфреда Этельфледа стала королевой Мерсии, Эльфрита вышла замуж за графа Фландрии Балдуина II, а Этельгива сделала аббатисой Шефтсбери.

Из портретов Альфреда до нас дошли только изображения на монетах, на которых почти невозможно что-либо разобрать. На миниатюрах из сборника законов XIV века нарисован условный король — бородатый, в длинной рубахе, мантии и короне. В таком виде Альфред запечатлен и на известном памятнике, воздвигнутом в Винчестере к тысячелетию со дня смерти монарха. Без сомнения, он на самом деле носил бороду и одевался на манер каролингских королей — длинная подпоясанная рубаха, плащ, который закалывался на левом плече, штаны, сапоги из мягкой дубленой кожи. А вот корону надевал лишь на торжественных церемониях — в обычное время ее заменяли расшитая бисером шапочка или шлем военачальника. Исходя из сведений Ассера, потомки часто представляли Альфреда болезненным ипохондриком, страдающим чрезмерной религиозностью. Современные ученые считают, что этот образ далек от истины — уж слишком он расходится с реальной картиной кипучей деятельности короля-основателя, проводившего не меньше времени в военных походах, чем в тиши ученых занятий.

Ставший королем после смерти Альфреда Эдвард Старший столкнулся с теми же проблемами, что и его отец. Скандинавы решили, что после смерти грозного противника их некому будет остановить, и возобновили свои набеги. Уже в 902 году их флот напал на побережье Кента, но был отбит. Положение осложнялось интригами принца Этельвальда, который строил козни против брата, а заодно увез из монастыря молодую монахиню, на которой собрался жениться. Когда епископы запретили ему это, принц бежал в Нортумбрию, где получил

от викингов титул короля Берниции. В 905 году он появился в Восточной Англии и убедил ее скандинавского короля Эйрика отправиться в поход на Мерсию. Флот датчан поднялся по Темзе до Брэйдона, где столкнулся с армией короля Эдварда. В сражении победили викинги, но возмутитель спокойствия Этельвальд был убит.

Новая война разразилась в 911 году, когда скандинавы попытались захватить английскую часть Мерсии после смерти короля Этельреда. Однако титул покойного унаследовала его супруга Этельфледа, которая еще до подхода основных сил англичан нанесла врагам поражение. Датчане были изгнаны из пяти городов Линкольншира, и все это графство — древнее королевство англо-Линдсей — присоединилось к Мерсии. В 918 году Этельфледа умерла, и все ее земли окончательно вошли в состав Англии. В июле 924 года скончался и король Эдвард. От трех жен — дочерей знатных эрлов Эгвины, Эльфледы и Эдгивы — у него было 17 детей, в том числе шестеро сыновей. Такое обилие наследников сулило династические смуты, и они в самом деле начались. Сразу после смерти отца старший брат Элфверд объявил себя королем, но витанагемот отказался его признать. Неделью спустя Элфверд бежал из столицы, а королем стал его 30-летний брат Этельстан. Позже престол достался еще двум сыновьям Эдварда, а другие двое — Эдвин и Эгберт — умерли в юности. Две дочери короля — Эдгита, или Эдит, и Эдбурга — стали монахинями и позже были возведены в сан святых. Еще одна дочь, Эдгива, стала женой первого германского императора Оттона I, а Эдхильда — женой парижского графа Гуго Великого, основателя династии Капетингов.

Этельстан, в отличие от деда, не отличался склонностью к наукам, но был храбрым и деятельным королем. Его звездный час настал в 937 году, когда в Англию вторглось десяти тысячное войско шотландцев, скандинавов и северных бриттов под командованием короля Йорка Олафа. Решающее сражение состоялось к северу от Хумбера, в местечке Брунанбург; оно длилось с утра до вечера и стало одной из самых кровавых битв в истории Британии. К вечеру англичане во главе с Этельстаном сломили сопротивление врагов, почти вся армия которых была загнана в лошину и вырезана. Об этом повеству-

ет одна из самых известных англосаксонских баллад «Битва при Брунанбурге». Баллады на эту тему сложили и шотландцы с валлийцами, которые оплакивали своих павших героев. После поражения Шотландия признала себя вассалом Этельстана. То же сделали кельты Уэльса и Корнуолла. По-видимому, власть короля признавали и датчане Нортумбрии, и его можно считать первым монархом объединенной Англии.

В октябре 939 года Этельстан умер бездетным, и его сменил 18-летний Эдмунд, сын Эдварда от третьей жены, бывший прежде элдорменом Мерсии. За свое недолгое царствование он успел одержать две крупных военных победы — над бриттским королем Стрэтклайда Дональдом и над датским королем Йорка Олафом. За поражением последнего в 944 году последовало присоединение Нортумбрии к Англии. Правда, Эдмунд поклялся не лишать живших там скандинавов земли и имущества, а их ярлов приравнял в правах к английской знати. Молодой король был храбр, хорош собой и вполне заслужил прозвище Великолепного. Первая жена Эльгива родила ему двух сыновей — Эдви и Эдгара, после чего удалилась в монастырь и позже была объявлена святой. Похоже, король просто отослал ее прочь, чтобы жениться на своей любовнице — дочери уилтширского элдормена Этельфледе, у которой уже была дочь от предыдущего брака. Смерть Эдмунда I была неожиданной и трагичной. В мае 946 года он был приглашен на пир, устроенный лордами Глостершира. Сидя за столом, он увидел напротив себя разбойника Леофа, бежавшего несколько лет назад от королевского суда. Эдмунд тут же бросился на него, и разбойник, недолго думая, нанес ему смертельный удар кинжалом.

Наследником короля стал последний из сыновей Эдварда, 23-летний Эдред. Несмотря на плохое здоровье, он провел свое правление в постоянных войнах. В 948 году изгнанный из Норвегии конунг Эйрик Кровавая Секира захватил Йорк и начал готовить поход на Англию. После ряда пограничных стычек Эдред в 954 году повел на Йорк королевскую армию и взял город штурмом. Нортумбрия вновь, на этот раз окончательно, стала английской. Эйрик со своими дружинниками ушел в море и начал нападать на английские берега, но во время одной из стычек был убит вместе с пятью вождями ви-

кингов. Занятый военными делами, Эдред доверил управление королевством своим советникам, в первую очередь амбициозному аббату Гластонбери Дунстану.

В ноябре 955 года Эдред неожиданно скончался во время поездки в Сомерсет. Его преемником стал 14-летний племянник Эдви, получивший прозвище Красивый. Красота сослужила юному королю плохую службу — в него влюбилась его двоюродная сестра Эльгива. По каноническому праву брак между родственниками запрещался, и аббат Дунстан резко воспротивился союзу молодых людей. Сразу после коронации в Кингстоне король хотел поехать к невесте, но Дунстан и архиепископ Кентерберийский Одо довольно грубо вынудили его отправиться на праздничный пир. Эдви затаил злобу и вскоре потребовал у Дунстана отчета по делам управления за все время правления Эдреда. Аббат не смог или не захотел дать такой отчет и бежал во Фландрию, спасаясь от королевского суда.

В 957 году церковь призвала народ и лордов к восстанию против короля. Большая часть страны отпала от Эдви, признав королем его младшего брата Эдгара. Эдви был вынужден согласиться на изгнание Эльгивы и выдать ее слугам архиепископа Одо, которые заклеили ей лицо каленым железом. После этого королева была выслана в Ирландию, но бежала оттуда и попыталась пробраться к мужу. В Глостере ее опознали и подвергли таким жестоким истязаниям, что несколько дней спустя она умерла. О дальнейших событиях источники говорят глухо. Известно, что Эдви скончался в том же Глостерском замке 1 октября 959 года. Вероятнее всего, он был убит.

Королем стал брат покойного, 16-летний Эдгар, который до этого был элдорменом Мерсии и Нортумбрии. Он проводил разумную политику и сумел без войны присоединить к Англии богатую область Лотиан, которая почти три века принадлежала шотландцам. Он сделал своими вассалами королей Южного Уэльса, заставив их ежегодно выплачивать дань в 300 волчьих шкур. Этот странный налог был призван сократить число хищников, от которых страдали не только валлийцы, но и английские фермеры. Эдгар пожаловал много денег и земель церкви, непрестанно молился и посещал святые места, осно-

вал до 40 бенедиктинских монастырей. К ордену бенедиктинцев принадлежал святой Дунстан, который стал ближайшим советником короля и вторым человеком в стране. В 959 году после смерти Одо он сделался архиепископом Кентерберийским.

Войн при Эдгаре почти не было, и короля прозвали Миролюбивым. Однако в его жилах тоже текла буйная кровь Эдмунда. Сначала он женился на дочери элдормена Этельфледе, от которой у него родился сын Эдвард. Потом при живой жене увез из монастыря юную монахиню Вулфтриту, родившую ему дочь Эдгиту. Узнав об этом, аббат Дунстан заставил короля семь лет нести церковное покаяние и на все это время запретил ему надевать корону. Вулфтриту отослали обратно в монастырь вместе с ее дочерью, которая после стала аббатисой и была причислена к лику святых. Но Эдгар был неисправим — через несколько лет он женился на молодой вдове Эльфриде, которая, по отзывам современников, отличалась не только красотой, но и коварством и делала все, чтобы корона досталась ее сыну Этельреду в обход законного наследника.

В июле 975 года Эдгар умер в Винчестере, и королем был провозглашен его 12-летний сын Эдвард, или Эдуард II. В правление этого юноши феодальная знать значительно усилила свое влияние и отобрала у церкви часть земель, пожалованных Эдгаром. К тому времени среди сословия эрлов выделялась прослойка «господ» — глафордов, или лордов, которые владели обширными поместьями и сотнями зависимых людей. Многие свободные крестьяне и рядовые эрлы в поисках безопасности отдавались под покровительство глафордов, пополняя ряды их клиентов. Глафорды и элдормены областей всячески противились укреплению королевской власти. Смерть Дунстана в 977 году окончательно развязала руки феодалам, которые готовились устранить еще одну досадную помеху — юного короля. Воспитанный Дунстаном, он был набожным и проявлял склонность к учебе, в то время как принц Этельред интересовался лишь играми и охотой. Его прозвище *Unready*, которое по-русски часто переводится как «Непослушный», на самом деле означало «Неспособный» и правдиво описывало этого слабого правителя, ставшего марионеткой в руках властолюбивой матери и близких к ней лордов.

Самыми активными участниками заговора были королева Эльфрида и молодой мерсийский эрл Кильд Элфрик. В марте 978 года они пригласили короля погостить в замок Корф в Дорсете. Заманив Эдварда в ловушку, Элфрик со слугами коварно убил его, объявив, что король разбился, упав с лошади. Новым монархом тут же был провозглашен Этельред II, царствование которого было полно несчастий. Голод, эпидемии и вторжения чужеземцев сменяли друг друга, заставляя англичан бросать свои дома и скитаться по стране в поисках спасения. В начале правления Этельреда всей властью обладали его мать и ее любовник, элдормен Мерсии Элфхер. Молодой король по-прежнему интересовался только пирами и охотой; его женили на дочери элдормена Эльфледе, которая родила ему 13 детей. Тем временем датчане все чаще устраивали набеги на британские берега и готовили силы для нового вторжения.

Этельред приблизил к себе льстецов и подхалимов, неспособных эффективно управлять государством. На совете 992 года они рекомендовали королю предложить датчанам деньги, которые прежде тратились на охрану побережья. Огромная сумма в десять тысяч фунтов серебра была обещана завоевателям за то, чтобы они больше не грабили английские берега. Викинги с готовностью взяли деньги, но вскоре решили вернуться за новой суммой. Весной 994 года громадный скандинавский флот во главе с королем Дании Свеном Вилобородым и норвежским королем Олафом Трюгвассоном появился в устье Темзы и осадил Лондон. Другой флот вошел в Хумбер, и к нему тут же присоединились все скандинавы, жившие в Нортумбрии. На этот раз Этельред выплатил северянам 16 тысяч фунтов серебра. Кроме этого они получили право селиться во всех городах Англии и торговать там наравне с местными жителями. На новом месте скандинавы держали себя высокомерно и всячески третировали англосаксов, что вызвало массовую ненависть к ним со стороны населения.

В 1002 году, когда королевская власть немного окрепла, король и его совет попытались радикально решить датскую проблему. Во все города были отправлены гонцы с приказом перебить в день святого Бриса (13 ноября) всех датчан, «возросших в Англии, как плевелы меж пшеницей». В назначенный день

были убиты тысячи скандинавов, в том числе и сестра короля Свена Гуннхильд, просватанная за сына Этельреда. Северные области, где скандинавы составляли большинство населения, тут же восстали против королевской власти. Им на помощь явился большой датский флот, с которым прибыл пылавший мстью Свен Вилобородый. В короткий срок датчане захватили весь юго-восток Англии до самого Саутгемптона. Этельред не принимал никаких мер по отражению нападения, предпочитая регулярно откупаться от захватчиков деньгами. Сумма этих «датских денег» постоянно росла, дойдя до 48 тысяч фунтов серебра. Королевская казна давно опустела, и для добычи средств приходилось облагать народ новыми, все более тяжкими податями. В 1010 году Свен вернулся в Данию, но его сменил конунг йомсборгских викингов Торкиль. Его воины захватили устье Темзы и устроили там свой лагерь. В следующем году они разграбили Кентербери и увели в плен архиепископа Элфega. Когда тот отказался заплатить громадный выкуп, язычники-викинги подвергли его страшным пыткам, а затем убили.

Пользуясь ослаблением Англии, валлийские и шотландские правители отказались от вассальных обязательств по отношению к ней и начали совершать набеги на пограничные английские земли. Со всех сторон обложенный врагами, Этельред начал искать новых союзников и вступил в переговоры с герцогом Нормандии Рикардом. В 1002 году он отправил прежнюю жену в монастырь и женился на юной Эмме, дочери герцога. Вместе с ней Ла-Манш пересекли воинственные нормандские бароны, на которых король пытался опереться в борьбе против датчан и непокорной знати. Эмма родила королю двух сыновей, одним из которых был Эдуард Исповедник — последний представитель древней Уэссекской династии.

Пытаясь продемонстрировать силу, Этельред лишил владений нескольких элдорменов. Недолго думая, обиженные представители знати перешли на сторону датчан и пригласили их короля в Англию. Осенью 1013 года Свен с войском высадился в Дувре, вынудив короля с семьей бежать в Нормандию. Уже готовилась торжественная коронация, когда Свен в феврале 1014-го упал с лошади и сломал шею. Узнав об этом,

Этельред быстро сел на корабль и вернулся в страну, объявив о прощении всех изменников. Но идиллия продолжалась недолго — уже осенью 1015-го сын и наследник Свена Кнут Датский высадился в Англии с войском. Против него храбро сражался старший сын короля Эдмунд, прозванный за твердость в бою Железнобоким. Однако элдормены один за другим переходили на сторону датчан. Армия Кнута уже подступала к Лондону, когда в апреле 1016-го неудачливый король умер или был отравлен. Витанагемот впервые в истории разделился пополам — часть его членов в Лондоне провозгласила королем Эдмунда, другая часть в Саутгемптоне высказалась за Кнута.

25-летний Эдмунд проявил не только храбрость, но и рассудительность — встретившись со своим соперником в Олни, он согласился уступить Кнуту бывшую область «датского права». Тот согласился, но уже через несколько недель лорды отравили короля и пригласили Кнута в Лондон. Двое юных сыновей покойного — этелинги Эдвард и Эдмунд — были увезены в Данию и добрались до самой Руси, где несколько лет прожили в гостях у князя Ярослава Мудрого. Сын Эдварда Эдгар позже вернулся в Англию и попытался предъявить права на трон после смерти своего дяди Эдуарда Исповедника. Однако он не получил поддержки знати и вскоре окончательно канул в безвестность. Что касается сыновей Этельреда, то они много лет провели в Нормандии и прониклись местными обычаями настолько, что говорили по-французски лучше, чем на родном языке.

В начале 1017 года Кнут был коронован в лондонском соборе Святого Павла. Именно при нем Лондон окончательно превратился в столицу Англии — датские короли были теснее связаны с этим восточным портом, чем с родовыми вотчинами уэссекских королей на западе. К тому времени Кнут стал королем не только Дании, но и Норвегии, создав на берегах Северного моря громадную морскую державу. Он быстро и жестоко подавил сопротивление сторонников прежней династии, спалив дотла несколько лондонских кварталов. Не питая доверия к англосаксонским элдорменам, предавшим Этельреда и Эдмунда, Кнут лишил их владений, а некоторых приказал тайно убить. К тому же он продолжил взимать с на-

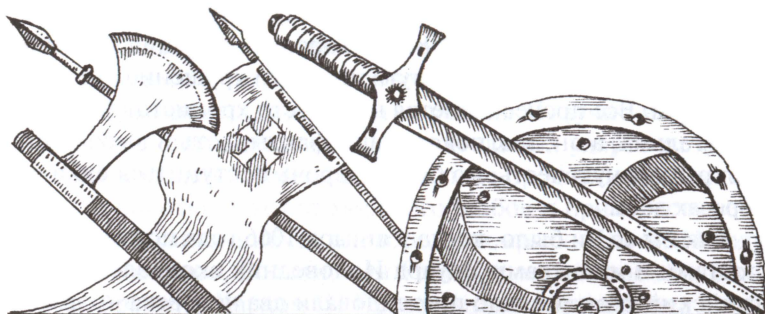
селения «датскую подать», которая достигла невиданной суммы — 72 тысячи фунтов.

Однако Кнут оказался не жестоким разрушителем, какими англичане привыкли видеть скандинавов, а мудрым политиком, всячески укреплявшим государство. Он созвал в Оксфорде совет, который принял законы, обеспечивавшие справедливый суд представителям всех сословий, как скандинавам, так и англосаксам. Король приближал к трону знатных англичан, поощряя межнациональные браки. Сам он первым браком был женат на Эльгиве, дочери элдормена Дейры, а вторым — на Эмме, вдове злополучного Этельреда. Король опирался на нескольких крупных лордов, особенно на Годвина, которого он сделал эрлом Уэссекса. Однако он не особенно доверял феодалам и пытался сделать ставку на церковь и города. Продолжив политику Эдгара, он пожаловал церкви новые земли и выделили средства на постройку соборов и монастырей. В 1026 году король совершил паломничество в Рим, взяв с собой ведущих английских епископов. Важные привилегии были дарованы городской верхушке, и торговля в правление Кнута заметно оживилась.

Король неожиданно умер в ноябре 1035 года, едва дожив до сорока лет. Это вновь поставило королевство перед лицом раскола — на престол претендовали сыновья короля от двух жен, 19-летний Гарольд и 16-летний Гартакнут (Хардакнут). Кнут объявил своим наследником младшего из них, но тот задержался в Норвегии, которая подняла восстание против датской власти. Пользуясь этим, Гарольд сместил брата и отправил в изгнание его мать Эмму, которая пыталась защитить права сына. О Гарольде можно сказать только то, что его прозвали «Заячья Нога» — по всей видимости, из-за любви к охоте. Позже хронисты возвели на него обвинения — возможно, ложные — в отступничестве от христианства и возвращении к вере предков-викингов. Утверждалось, что в часы церковных служб он с друзьями отправлялся на охоту или садился пировать.

В 1040 году король умер или был отравлен. Вернувшийся из-за моря Гартакнут велел выкопать тело брата из могилы и бросить его в Темзу. Другой брат Свен провозгласил себя королем Дании, и Гартакнут начал готовить поход против не-

го. Для снаряжения флота население было обложено тяжелыми налогами, что вызвало общее недовольство. Жители Ворчестера возмутились и убили сборщиков налогов; тогда король приказал сжечь город. Возмущенные представители знати отправили послов в Нормандию, предлагая этелингу Эдуарду занять трон. Вскоре король внезапно скончался прямо за пиршественным столом. Скорее всего, его тоже отравили. 8 июня 1042 года Эдуард был объявлен королем, но Уэссекская династия вернулась ненадолго. В Англии наступали новые времена.

Туманным осенним утром 1058 года Ги, правитель графства Понтье в Северной Франции, получил приятное известие. Его рыцари, объезжавшие берег Ла-Манша в поисках пиратов, нашли выброшенную на берег ладью под английским флагом. Среди гревшихся у костра матросов выделялся высокий мужчина лет сорока с горделивой осанкой, в расшитой золотом одежде — эрл Гарольд, шурин короля Англии Эдуарда и фактический правитель королевства. Граф немедля отдал приказ задержать пассажиров ладьи, а самого Гарольда заключить в темницу замка. В те времена еще действовал «морской закон», дававший владельцу побережья право распоряжаться всем, что выбрасывало море. Но граф Ги не собирался продавать знатного пленника в рабство или отбирать у него золотое кольцо с рубином, подарок короля; у него были другие планы. Он знал, как нужен Гарольд его сюзерену, герцогу Нормандии Вильгельму, и немедля отправил гонца в Руан.

Ожидания графа не обманулись. Уже на другой день герцог с небольшим отрядом прискакал в замок и, не притронувшись к приготовленному угощению, прямым ходом направился

в темницу. О чем он говорил с Гарольдом, осталось тайной, но в результате эрл дал торжественную клятву защищать интересы Нормандии при английском дворе, а после смерти Эдуарда содействовать избранию королем Вильгельма. Только после этого ему вернули корабль и позволили продолжать путь. Эту историю рассказывают почти все хронисты тех времен, но ученые давно уже сомневаются, случилась ли она на самом деле. Известно, что летом 1058 года Гарольд совершил паломничество в Рим и на обратном пути потерпел крушение у берегов Франции. Все прочее остается на совести хронистов и самого Вильгельма, а он, как показывают факты, хоть и высоко ставил рыцарскую честь, но был не прочь поступиться ею в интересах дела.

Как бы то ни было, когда 5 января 1066 года истомленный постами и молитвами Эдуард Исповедник скончался, на английский трон реально претендовали два человека — эрл Гарольд и герцог Вильгельм. С первым все было ясно: он, а до него его отец эрл Годвин давно уже твердой рукой управляли страной, умудряясь кое-как держать в повиновении и непокорную саксонскую знать, и осевших в Англии викингов. Годвин возвысился благодаря Кнуту Великому, который отнял власть у законной Уэссекской династии. Верой и правдой эрл служил чужеземцам, помогая им расправляться с непокорными. В 1036 году он обманом заманил в свои владения этелинга Альфреда, сына короля Этельреда. Ничего не подозревавший юный принц был схвачен прямо на пиру, которым его угощал Годвин. Его спутников продали в рабство, а его самого доставили к датскому королю Англии Гарольду, который велел ослепить Альфреда. Операцию проделали так неумело и жестоко, что через два дня принц умер.

Но в живых оставался еще один сын Этельреда — 33-летний Эдуард, который обосновался в Нормандии. В 1042 году, воспользовавшись раздорами среди датчан, он высадился в Дувре. В самый ответственный момент эрл Годвин перебежал на сторону претендента, что обеспечило последнему победу. Став королем, Эдуард возвысил Годвина и его многочисленную родню — они получили в управление чуть ли не половину земель королевства, и, кроме того, счастливый победитель женился на дочери Годвина Эдгите. Она вряд ли была доволь-

на браком, поскольку после победы над датчанами благочестивый Эдуард дал Богоматери обет не касаться женщин. Но Годвина и его сыновей такое положение дел вполне устраивало: оно означало, что у короля не будет наследников и трон перейдет к их семейству.

Их планам, однако, мешали норманны. Это были уже не те норманны, которые за сто лет до того опустошали берега Европы. Если в Англии и тем более в Ирландии морские разбойники еще долго сохраняли обычаи старины, то в более развитой Франции их ждала другая участь. Получив на рубеже IX и X столетий несколько чувствительных ударов от французских королей, самые дальновидные предводители викингов решили отказаться от морского разбоя и приобрести себе владения в каких-нибудь плодородных краях. Уже в 911 году один из их ярлов, Роллон, или Рольф, сумел заключить с королем Франции Карлом III Простоватым соглашение в Клерсюр-Эпт. По условиям договора Роллон получал богатейшую область Северной Франции, а за это обязался защищать морские берега от других викингов и главное — помогать королю против его соперников из дома Робертинов, будущих Капетингов. Правда, гордому ярлу пришлось принести оммаж королю, и он вознаградил себя чисто скандинавской шуткой. Склонившись перед Карлом в поклоне, дюжий викинг притворился, что потерял равновесие, ухватил короля за ногу и повалил на пол. Но это было только начало. Очень скоро новоявленный герцог перестал помогать Карлу, а его наследники вообще перешли на сторону Робертинов и помогли им в 987 году занять французский престол.

Новое герцогство получило имя Нормандии, но чаще его называли «пиратской страной». Викингам трудно было отказать от старых привычек, и еще долго путешественники и торговцы обходили нормандские берега далеко стороной. Но уже через два поколения положение изменилось. Норманнская знать кормилась войнами и грабежами, и ей не нужно было драть три шкуры со своих подданных. К тому же скандинавы не утратили еще традиций родовой демократии и охраняли права не только свободных землевладельцев, но и горожан. Что касается феодалов, даже самых мелких, то они ревниво оберегали свои привилегии от герцога и его графов,

а уж о короле Франции даже не вспоминали. Отвага викингов соединилась в них с французской живостью, германская воинственность — с латинской горделивостью; так возникла «гремячая смесь» нормандского рыцарства, которое столетиями было первым во всех рискованных предприятиях, будь то завоевание Британских островов или Крестовые походы.

Когда нормандцы закрепились на новой родине и пустились на покорение новых земель, они уже были не скандинавами, а французскими, точнее, северофранцузскими феодалами. Французский язык, в котором «застряло» лишь несколько северных слов, французские моды и кушанья и, наконец, французский социальный строй — вот что несли они во все завоеванные страны, будь то Сицилия, Палестина или Англия. Одерживать победы им помогала новая военная тактика, сочетавшая французские и скандинавские черты. Главной военной силой нормандцев была тяжелая рыцарская конница, которая обычно наступала развернутым строем. Наряду с этим большое значение придавалось легким отрядам лучников и копьеносцев, которые начинали бой, а позже атаковали противника на флангах. Лучшим в Западной Европе был нормандский флот; в него входили не только обычные ладьи викингов, вмещавшие 40–60 человек, но и большие корабли, позволявшие быстро перебрасывать значительные силы. Что касается рыцарских замков, ставших «визитной карточкой» нормандцев в Англии, то их заимствовали у французов. Сами скандинавы долго жаловались на холод в каменных покоех замков, которые обогревались лишь скудным теплом каминов. Но в условиях постоянных войн замки выручали куда лучше, чем традиционные скандинавские усадьбы с деревянным частоколом.

Войны в то беспокойное время вспыхивали постоянно. Вплоть до XII века нормандским баронам позволялось вести частные войны друг с другом по любому поводу, а то и без оного. Порой эти усобицы захлестывали и герцогский дворец: один из опекунов юного Вильгельма был заколот на его глазах, а ему самому не раз приходилось прятаться от буйных баронских шаек в крестьянских домах. Как и другие правители того времени, герцоги искали поддержки у тех сил, которым была невыгодна феодальная вольница. Прежде всего это бы-

ли города и церковь. Правда, первые в XI веке еще не имели реальной силы, но ни в Нормандии, ни в завоеванной позже Англии герцоги не упускали случая пожаловать привилегии торговым и ремесленным центрам. Предки Вильгельма быстро поняли значение торговли: ведь через их владения проходили торговые пути, соединявшие Южную Европу не только с Англией, но и с балтийским побережьем. На привозном сырье работали ткачи, оружейники, ювелиры, богатели города, включая герцогскую столицу Руан.

XI век стал в Нормандии временем возрождения церкви, изрядно пострадавшей от скандинавских набегов. Справедливо видя в церкви своего помощника в борьбе с рыцарским своеволием, все герцоги считали своим долгом богато одаривать храмы и монастыри. Аббатства Фекан, Сен-Вандриль, Жюмезж превратились в крупнейших землевладельцев. Но в обителях не только молились и подсчитывали доходы; там иллюстрировали книги, вели хроники, занимались наукой. В 1042 году в Бекском монастыре юный богослов Ланфранк из Павии основал первую в Нормандии грамматическую школу; позже его ученики вновь зажгли в Англии факел просвещения, почти погашенный веками набегов и распрей.

Таковы были три канала проникновения нормандцев на Британские острова — военная помощь, торговля и церковь. Еще в 1002 году герцог Ричард I, внук старого пирата Роллона, выдал дочь Эмму за короля Этельреда Непослушного. Вместе с ней в Англию явились нормандские придворные, нормандские торговцы, нормандские священники. Однако позже Этельред умер, и Англия вместе с Эммой досталась Кнуту Датскому. Нормандцев изгнали, но они вернулись при Эдуарде Исповеднике, который прожил при руанском дворе 28 лет и даже начал забывать родной язык. Французские рыцари помогли ему захватить власть, и он доверил им охрану побережья и по некоторым сведениям разрешил построить крепости в Дувре и других местах. Среди знатных англосаксов распространялась тяга к роскоши, и они все чаще приглашали к себе нормандских купцов и ремесленников; особенно большая их колония возникла в Херефорде у племянника Эдуарда, графа Ральфа. Всем этим был недоволен эрл Годвин, который не без оснований видел в заморских пришельцах угрозу своему поло-

жению. Бывший слуга датчан сделался отчаянным патриотом, выступавшим за чистоту англосаксонских обычаев.

Однако король Эдуард недолюбливал выскочку-эрла, виновного в гибели его брата Альфреда. В 1051 году под каким-то предлогом Годвин и его сыновья были лишены владений и высланы из Англии. За время их отсутствия нормандцы еще больше укрепили свое влияние. Достаточно сказать, что все главные посты в английской церкви оказались заняты нормандскими епископами, которые были куда грамотнее и красноречивее своих британских коллег. Однако на военных и административных должностях нормандцев было мало, что сослужило им плохую службу. Через год Годвин возвратился, и на его сторону встали все англосаксы, недовольные засильем чужаков. Король и его друзья-нормандцы не могли ничего сделать; под давлением национальной партии Эдуард издал указ о высылке «всех франков, которые подняли бунт, нарушили закон и замыслили зло против королевства». Среди изгнанных был и архиепископ Робер де Шампар; не успевшие бежать были перебиты или брошены в тюрьмы, а их имущество досталось королю, а точнее — эрлу Годвину. Но демократические традиции у англосаксов еще были сильны: на вершине власти временщика противники смогли возобновить против него дело, связанное с убийством этелинга Альфреда. Годвин решил довериться Божьему суду, и это оказалось для него роковым; произошел известный случай, описанный Вильгельмом Малмсберийским и другими хронистами. «Если я виновен, — заявил эрл при свидетелях, — пусть я подавлюсь этим хлебом». Откусив кусок хлеба, он подавился и тут же умер; это случилось 13 апреля 1053 года.

Сыновья покойного унаследовали его влияние и разделили между собой богатейшие провинции королевства. Тостиг получил Нортумбрию, Гирт — Восточную Англию, Леофвин — Кент и Сассекс, но главенствующее положение занял Гарольд, унаследовавший отцовский титул эрла Уэссекса. Король, подавленный изгнанием любимых нормандцев, погрузился в меланхолию и заботился исключительно о спасении души. Других претендентов на трон на горизонте не наблюдалось. Правда, в 1057 году объявился племянник и тезка Эдуарда, сын короля Эдмунда Железнобокого, но он умер, едва

ступив на английскую землю, — похоже, не без посторонней помощи. Его сын Эдгар был еще ребенком, и Гарольду открывалась прямая дорога к трону... если бы не злосчастная клятва в Понтье. Сыну Годвина портили настроение и церковные дела. Взамен изгнанного нормандца он поставил архиепископом англосакса Стиганда, но папа, ревниво оберегавший свое право на инвеституру, отказался утвердить это решение. Недолго думая, Гарольд взял благословение у самозванца-антипапы, что поставило Англию на грань отлучения от церкви. Не все благополучно было и в семье Гарольда — братья не очень-то хотели видеть его королем. Хорошо еще, что на сухопутных и морских границах на время воцарился мир — и скандинавы, и шотландцы, и беспокойные валлийские вожди были заняты внутренними проблемами.

Так обстояли дела в Англии накануне смерти короля Эдуарда. А что же происходило в это время на другом берегу Ла-Манша, в Нормандии? Там укреплял свои позиции герцог Вильгельм. Делать это так долго ему пришлось по одной простой причине — он был незаконнорожденным. То время вообще не отличалось высокой нравственностью, а уж нормандские герцоги выделялись даже на общем фоне. Герцог Рикард I помимо одного законного сына имел пятерых незаконных: всех их он сделал графами, а старшего — даже архиепископом Руана. Его наследник Рикард II сменил трех жен и свято соблюдал право первой ночи на свадьбах своих подданных. Не отставали от него и сыновья — Рикард III и Роберт. Последнему было всего 17 лет, когда он проезжал через Фалез и встретил девушку, стиравшую в речке белье. Ее звали Эрлева или Арлетта, и она-то и стала матерью будущего завоевателя Англии. По слухам, она была дочерью дубильщика кож; точно это не известно, поскольку ее неблагородную родню и близко не подпускали ко двору. Что касается самой Эрлевы, то Роберт тут же усадил ее в седло и увез к себе в замок. В ту же ночь она зачала; по легенде ей приснилось дерево, выросшее из ее тела и покрывшее своей тенью Нормандию и Англию.

О реальной личности матери Вильгельма мы почти ничего не знаем. Лакировщики-хронисты писали, что на самом деле она была дочерью барона и вовсе не стирала белье, а танцевала на дороге, чем и пленила юного принца. Она жила с Робер-

том до конца его жизни и кроме Вильгельма родила от короля дочь Аделизу, позже ставшую графиней Понтье. Несомненно, что Роберт был привязан к Эрleve, несмотря на явное неравенство их положения. После его смерти полукоролева, как ее называли острые на язык нормандцы, вышла за барона Эрлуина де Контвиля и родила ему еще двоих детей, сыгравших заметную роль в истории Англии. Это были епископ Байё Одо и Роберт, граф Мортена.

В 1028 году Рикард при неясных обстоятельствах погиб, и Роберт в 18 лет сделался герцогом. Двор его был веселым местом: там всегда находили приют труверы, бродячие циркачи, а также изгнанные из своих владений принцы. Среди последних были английские этелинги Эдуард и Альфред и сам французский король Генрих I, которого прогнал с трона могущественный граф Блуа. Роберт помог ему вернуться к власти, за что Генрих потом не раз платил черной неблагодарностью его сыну. Молодой герцог был человеком порывистым и вспыльчивым; как-то в приступе гнева он сместил с должности своего дядю, архиепископа Роберта. За это папа наложил на Нормандию интердикт, а герцог получил кличку Дьявол. Без молитв и отпеваний он продержался полтора года, но под нажимом подданных сдался, вернул архиепископа и даже отдал ему всю административную власть в своих владениях. Сам же целиком отдался честолюбивым мечтам о грандиозных завоеваниях. По довольно сомнительным сведениям, он даже отправился походом на Англию, но его флот был выброшен бурей на остров Джерси. После этого он решил заручиться помощью датчан и сделал предложение Астрид, сестре короля Кнута Великого. Со свадьбой решено было подождать до возвращения герцога из паломничества в Святую землю: перед началом славных дел он хотел покаяться в грехах и наладить отношения с церковью. На совете в Фекане он объявил регентом на время своего отсутствия семилетнего Вильгельма; среди знати этот выбор вызвал ропот, но более явных претендентов не было — герцогская династия давно запуталась в своих внебрачных потомках и в их правах на престол.

Кто знает, как повернулась бы история Англии и всей Европы, если бы Роберт I не отправился в то злополучное паломни-

чество? В сентябре 1035 года Нормандии достигла печальная весть — возвращаясь из Палестины, герцог заболел «моровой язвой» и 2 июля умер в малоазиатском городе Никее. Следующие десять лет покрыты мраком неизвестности. В 1037 году скончался архиепископ Роберт, и провинция окончательно погрузилась в пучину феодальной анархии. Опекунами Вильгельма были бретонский герцог Алан, Фиц-Осберн, Жильбер де Брион и Торольд де Нёвмарш. Не прошло и пяти лет, как все они умерли не своей смертью. В кровавой свалке было уже непонятно, кто и за что сражается. Так, вернувшийся с испанской войны рыцарь Рожер де Тени пришел в ярость, когда узнал, что Нормандией правит какой-то бастард. Он тут же бросился разорять земли ни в чем не повинных соседей и сложил голову в бою. Не раз толпа баронов с криками «Смерть ублюдку!» врывается во дворец, и дядя Вильгельма Мальгер спешно уводит мальчика через потайной ход и прятал в домах у слуг. Конечно, Вильгельму было жалко и Фиц-Осберна, которого убили у него на глазах, и особенно старого вояку Торольда, учившего его обращению с мечом. Но юный герцог сделал из всего пережитого именно те выводы, которые должен был сделать: жизнь полна жестокости; побеждает сильнейший; единственный способ уцелеть — перехитрить врага и ударить первым.

Кончилось тем, что Генрих I забрал мальчика к себе. Видимо, при французском дворе Вильгельм проходил какие-то уроки этикета, но влияния они на него не оказали. До конца жизни он оставался потомком грубых скандинавских завоевателей, лишенным всякой утонченности, — ел и пил много и жадно, спал в палатках, а то и на голой земле, а захваченные украшения предпочитал переливать на монеты. Его единственным в жизни увлечением была война, но не ради самой войны, а ради достижения целей, и прежде всего — власти. Для победы он был всегда готов пойти на хитрость и нарушить рыцарский кодекс чести (который, впрочем, тогда еще не выработался во всех подробностях). При этом отличался громадной физической силой и смелостью и обожал помахать мечом в схватке. Эти его качества проявились с 13 лет — именно тогда французский король взял его в поход на блюаский замок Тильер. О каких-либо подвигах юного Вильгельма ниче-

го не известно, но союзники победили. Замок был взят штурмом и разрушен.

В 1047 году герцогу пришлось воевать уже против своих — восстали виконты Бассена и Котантена в Западной Нормандии. К тому времени Вильгельм вернулся на родину и, несмотря на молодость, успел проявить крутой нрав в обращении с вассалами. Это вызвало недовольство баронов, особенно к западу от реки Див, делившей герцогство пополам. Там, в диких ландах, жили свободолюбивые потомки норманнов и бретонских кельтов; там и созрела идея заменить властного Вильгельма кем-нибудь из его более послушных родственников — например, кузеном Ги, безвольным пьяницей. Заговорщики подстерегли герцога в замке Валон, где он обычно охотился. Его спас верный шут Гайе, заметивший вооруженных людей у входа в покои. В чем был, Вильгельм бежал в Фалез; собирать войско было некогда, и он попросил помощи у Генриха Французского. Через две недели французы и сторонники герцога встретились с войском мятежных баронов у Валь-э-Дюна. Битва была жестокой — самого Вильгельма ранили, а под королем Генрихом убили двух лошадей. Уже в сумерках мятежники обратились в бегство, и множество их утонуло в речке Ольн. Вопреки обычаю Вильгельм не казнил пленных, и даже смутьян-кузен отделался изгнанием. Эта мягкость оказалась выгоднее жестокости: больше при жизни Завоевателя крупных восстаний в Нормандии не было.

Внутренние войны скоро сменились внешними. Вильгельм умудрился рассориться со всеми соседями — герцогом Бретани, графами Анжу и Блуа, а в конце концов и с королем Генрихом. В 1048 году, еще в союзе с Францией, он схватился с самим Джефре Мартелем, графом Анжу — сильнейшим феодалом того времени. Союзники осадили пограничную крепость Домфрон; Джефре со всем войском бросился на ее вырубку, и тогда Вильгельм обрушился на незащищенный Алансон. Жители богатого города вывесили на стенах коровьи шкуры, крича: «Вот кожи для дубильщика!» Насмешек Вильгельм не терпел, и вскоре в город полетели страшные метательные снаряды — головы 32 уважаемых граждан, захваченных нормандцами. Охваченные ужасом алансонцы сдались, потом пал и Домфрон, но король Франции заключил мир

с Анжу за спиной Вильгельма, и тому пришлось освободить захваченные города. Очевидно, это и стало причиной охлаждения между бывшими друзьями. На первых порах Генрих только устраивал заговоры против своего воспитанника, но Вильгельм разоблачал их один за другим, твердой рукой обуздывая своеволие баронов. В 1052 году был лишен владений и изгнан граф Мортена Вильгельм, дядя герцога, — за то, что вслух высказывал намерение уехать в Сицилию, где он станет богаче «этого ублюдка». За ним последовал другой родич, Вильгельм де Буссак, сын графа О.

Среди государственных забот Вильгельм нашел время и для устройства личных дел. Еще в 1049 году он отправил послов к графу Фландрии Балдуину, прося руки его дочери Матильды. Это была миниатюрная девушка — судя по вскрытой в XVII веке гробнице, ее рост не превышал 155 сантиметров. Для своего времени она получила неплохое образование и вовсе не горела желанием выходить замуж за нормандского солдафона. Некоторые хроники передают шокирующую деталь — получив отказ, Вильгельм пришел в ярость, помчался во Фландрию и, ворвавшись в покои невесты, избил ее до синяков. Якобы после этого впечатленная таким обращением Матильда дала согласие на брак. Вряд ли эта история правдива — даже для буйного Вильгельма это было слишком, да и согласия невесты не требовалось; все решило полюбовное соглашение с ее отцом. Не вызывает доверия и другая легенда — что к тому времени 18-летняя Матильда уже была замужем и имела дочь Гундраду.

По непонятным причинам церковь специальным решением запретила брак Вильгельма и Матильды — из-за того, что они были дальними родственниками, или же по вине неблагодарного Роберта Дьявола. Тем не менее в 1052 или 1053 году молодые обвенчались. Папа опять наложил на Нормандию интердикт, но справиться с Вильгельмом оказалось труднее, чем с его отцом. Без колебаний герцог выслал из своих владений тех прелатов, что поддержали решение Рима, не пошадив и ученого Ланфранка. Большая часть церковников предпочла сохранить земли и богатства и не послушалась папского приказа. В 1059 году Вильгельм был «прощен»; чтобы подсластить для Римской курии поражение, он дал обет выстроить два монастыря. Матильда стала хорошей женой, в государственные

дела не лезла и прилежно рожала детей — четырех сыновей и пять дочек. Единственный из герцогов Нормандии, Вильгельм не имел внебрачных отпрысков, что говорит не только о его постоянной занятости, но и об определенной привязанности этого грозного воина к тихой и богомольной супруге. Виделись они редко, особенно после отъезда Вильгельма в Англию, но потомки от этого только выиграли — памятью об одиноких днях и бессонных ночах герцогини остался многометровый гобелен из Байе, на котором во всех подробностях изображена история покорения Англии.

В том же 1051 году, когда Вильгельм ездил за невестой, случилось еще одно важное событие. На обратном пути он посетил Англию, где был с почетом принят королем Эдуардом. Возможно, именно тогда больной, лишенный наследников король и назначил герцога своим преемником. Тогда, после изгнания Годвина, это казалось вполне уместным. Победа национальной партии в следующем году сделала права Вильгельма на трон довольно призрачными, но он не собирался от них отступаться. Однако пока что его интересы были сосредоточены на континенте, где ему непосредственно угрожал король Франции. В 1053 году Генрих открыто поддержал новый феодальный мятеж — против Вильгельма восстали граф Арка Гийом и граф Понтье Ангерран. Мчавшееся на Руан войско мятежников было разбито атакой рыцарской конницы из заставы — излюбленный прием Вильгельма. Погибли граф Понтье и командир французского отряда.

На следующий год Генрих сам пошел на Нормандию с пятидесяти тысячной армией. Разделив свои силы пополам, Вильгельм ударил по французам с флангов. Отряд графа О напал на войско брата короля Эда во время переправы через Сену и заставил его отступить; при этом сотни солдат утонули. Успевшие переправиться были осаждены нормандцами в городе Мортемар. Чтобы не тянуть с осадой, Вильгельм велел поджечь город, и все французы погибли в огне. Позорное поражение заставило Генриха заключить мир. Чтобы предотвратить новые вторжения, Вильгельм укрепил границы. Напротив французского Тильера была воздвигнута крепость Бретей. Основанному при ней купеческому поселению (бургу) была дарована хартия о правах — первая из множества городских хартий, бла-

годаря которым позже расцвели города Англии и Франции. Не смирившись с поражением, Генрих в 1058 году снова, в третий раз, напал на Нормандию. И снова потерпел неудачу: по испытанной уже тактике нормандцы напали на французское войско во время переправы через реку Див и изрубили почти всех. После этого королю пришлось отдать Вильгельму Тильер и другие пограничные земли.

Не выдержав позора, Генрих в 1060 году умер; его вдова, киевская княжна Анна Ярославна, и юный сын Филипп оказались беспомощными игрушками в руках могущественных феодалов. Тогда же скончался давний враг Вильгельма Джеffre Мартель. Герцог Нормандии стал бесспорным хозяином на западе Франции и не замедлил воспользоваться этим. При дележе анжуйского наследства он нацелился на богатое графство Мен. Подступив к столице графства Ле-Ману, он не стал брать его приступом, а опустошал окрестности, пока город не сдался. Такой и впредь была осадная тактика Вильгельма, который не любил без нужды посылать своих солдат на гибель. Захватив в 1063 году Мен, он подумывал уже идти в Анжу, но тут его сразила тяжелая болезнь. Едва поправившись, он двинулся на запад, в Бретань. Граф Ренна Конан был осажден в Динане и отдал Нормандии ряд областей. Скоро он умер, и править в Бретани стал его шурин Хоэл, верный союзник Вильгельма. Обеспечив себе поддержку соседей, герцог мог приступить к решению гораздо более трудной задачи — покорению Англии.

К тому времени за Ла-Маншем произошли важные события. 5 января 1066 года умер король Эдуард. На «совете мудрых» вопрос о кандидатуре Вильгельма даже не вставал. Большинство присутствовавших высказались за избрание королем Гарольда Годвинсона, и 6 января он был коронован в Лондоне. Тут же Вильгельм открыто заявил о своих правах на трон, о которых раньше помалкивал. Со свойственной ему предусмотрительностью он разослал письма европейским монархам с обоснованием своих притязаний и добился их поддержки. В пользу Вильгельма высказались короли Франции и Дании, а также император Генрих IV. Письмо герцога к папе, приведенное историком Вильгельмом Малмсберийским, убедило и Римскую курию. Теперь можно было приниматься за воен-

ные приготовления, и в устье реки Див начался сбор кораблей и воинов.

Планы Вильгельма облегчались раздорами среди потомков Годвина. Еще в 1064 году брат Гарольда Тостиг был лишен должности эрла Нортумбрии и заменен представителем мерсийской знати Моркаром. Последний вел себя весьма независимо и сначала вообще отказался признать Гарольда королем. Смягчился он только тогда, когда Годвинсон увеличил его владения и взял в жены сестру Моркара Эльдгиту, оставив свою давнюю возлюбленную Эдит Лебяжью Шею. Не менее строптивым оказался и молодой эрл Мерсии Эдвин, брат Моркара и внук престарелого Леофрика. А обиженный Тостиг собрал своих сторонников на корабли и каждый год грабил побережье Англии. Сначала он укрывался у графа Фландрии, а после отправился к королю Норвегии Харальду Суровому, соблазняя того планами восстановления великой державы Кнута. Воинственный Харальд не мог упустить случая лишний раз проявить свою доблесть, и к исходу лета в устье Согне-фьорда начал собираться скандинавский флот.

Не исключено, что Тостиг действовал как агент герцога Нормандии — уж слишком синхронно его действия совпадали с приготовлениями Вильгельма. Готовилось одновременное нападение на Англию с двух сторон, но на юге мероприятия были куда масштабнее. 15 июня собрался совет нормандской знати в Бонвилле. Было решено на время отсутствия герцога оставить у власти Матильду и совет во главе с Рожером де Бомоном. Остальных феодалов и всех своих родичей Вильгельм забирал с собой, чтобы избежать новых восстаний. В продолжение опоры на церковь прощенный Ланфранк был сделан аббатом нового монастыря в Кане; тогда же старшая дочь Вильгельма Сесилия сделалась аббатисой основанной ее матерью обители Святой Троицы. В августе флот собрался в устье Дива. Шесть недель чего-то ждали — по уверениям герцога, попутного ветра, но, скорее всего, удара норвежцев с севера.

Наконец флот перевели в Сен-Валери, поближе к Англии, куда стекались все новые и новые отряды. Трувер Вас, воспевавший вторжение в Англию, насчитал 696 больших и малых кораблей. Он же приводит поистине гомеровский список кораблей, снаряженных отдельными представителями

знати. Флагманский корабль «Мора», на котором плыл сам Вильгельм, снарядила герцогиня Матильда. Сводные братья герцога — Робер де Мортен и епископ Одо — выставили соответственно 120 и 100 кораблей. По 60 кораблей снарядили графы Эвре и О, Вильгельм фиц Осберн, Рожер де Бомонт и Рожер де Монтгомери, 50 кораблей — Хьюг де Монфор. На поиски славы и богатства отправлялись все, от владетельных графов Булони и Понтье до бродячих рыцарей и младших сыновей феодалов, оставленных без наследства по законам майората, — именно они составляли костяк нормандского войска. К Вильгельму стекались искатели приключений не только из Франции, но и из других стран — бретонцы, фламандцы, сицилийские норманны. Сами нормандцы составляли явное меньшинство в этой разноязыкой массе, и только твердость Вильгельма помогала поддерживать хоть какой-то порядок. Точная численность армии вторжения не известна: называются цифры от 6 до 60 тысяч. Вероятно, нижняя граница ближе к истине, и у Гастингса силы Вильгельма насчитывали 10—15 тысяч человек, из них 6—7 тысяч тяжеловооруженных рыцарей.

У англосаксов не было большого постоянного войска. Основу армии составляли дружинники короля — хускерлы, которым в подмогу в случае войны выступало ополчение — фирд. Сначала по приказу короля в поход были обязаны отправляться все здоровые мужчины за исключением монахов, но к XI веку утвердился порядок, по которому от нескольких дворов выделялся один вооруженный ополченец. Фирд со всей страны ни разу не собирался полностью; если бы это случилось, его численность могла достичь 50 тысяч человек. Что касается хускерлов, то их было 4—5 тысяч. Превосходя нормандцев численностью, англосаксы уступали им в вооружении и организации. В основном они сражались пешими, с короткими мечами и боевыми топорами, и не могли противостоять рыцарской коннице. Не было у них и боевых луков, которые активно использовались на континенте.

Но главным фактором, ослаблявшим англосаксов, была борьба на два фронта. В середине сентября 1066 года большой норвежский флот с королем Харальдом и изменником Гостингом высадился в Северной Англии. 20 сентября объединен-

ные ополчения эрлов Эдвина и Моркара были разбиты при Фулфорде, и норвежцы без боя вошли в Йорк — крупнейший город севера. С неожиданной скоростью Гарольд собрал хускерлов и часть ополчения и выступил из Лондона навстречу врагам. Уже 21 сентября Йорк открыл ворота королю Англии, а 25 сентября англосаксы застали врасплох норвежскую армию у Стамфордского моста (Стамфорд-Бридж). Кровавая битва длилась несколько часов; два часа дюжий норвежец в одиночку защищал мост, но в конце концов его сразила стрела, и англосаксы перешли реку, отрезав противника от кораблей. В начавшейся резне погибли большинство пришельцев, в том числе король Харальд и Тостиг. Тяжелые потери понесли и хускерлы Гарольда, а также ополчения Нортумбрии и Мерсии.

В ту же ночь на юге пришла в движение армада Вильгельма. Подул попутный южный ветер — как утверждали, после крестного хода с мощами святого Валерия. 27 сентября флотилия покинула французский берег. Для большей секретности решено было плыть ночью; на каждом корабле имелся носовой фонарь. Плавание прошло без приключений, и в 9 часов утра 28 сентября войско высадилось у селения Певенси в Восточном Сассексе. Охрана побережья ушла с армией на север или разошлась из-за долгого отсутствия платы. Сообщить о высадке нормандцев оказалось некому, кроме одного крестьянина, который на своей лошади поспешил на север и через три дня добрался до Йорка. Тем временем Вильгельм занял близлежащий город Гастингс и велел выстроить рядом с ним мощную бревенчатую крепость. В поисках припасов его воины разорили все окрестные деревни — через 20 лет по «Книге Страшного суда» они все еще значились «покинутыми». Тут герцогу пришло письмо от бретонского рыцаря, служившего Гарольду. В нем сообщалось, что король разбил норвежцев и движется на юг. Вильгельм во всеуслышание ответил, что был бы рад сразиться с таким славным противником, будь у него не 60, а даже 10 тысяч воинов. Столько у него реально и имелось, а громкие заявления были призваны ввести в заблуждение противника.

Гарольд и в самом деле вышел с армией из Йорка 2 октября, едва получив весть о высадке Вильгельма. Его поредевшее

войско двигалось чуть ли не бегом. Уже 6 октября он преодолел 320-километровое расстояние между Йорком и Лондоном, но в Лондоне задержался на пять дней, чтобы дать отдохнуть хускерлам и заодно дожидаться подхода ополчений. Однако к нему явились лишь немногочисленные отряды с юга во главе с братьями Леофвином и Гиртом. Вильгельм чрезвычайно удачно выбрал время — шла уборка урожая, и крестьяне не горели желанием бросать свои поля, чтобы после страдать от голода. Эрлы Мерсии и Нортумбрии вообще не послали свои ополчения, ссылаясь на потери от норвежского вторжения. В итоге 11 октября Гарольд выступил из Лондона примерно с 10 тысячами воинов, среди которых было не более 3 тысяч хускерлов.

13 октября Гарольд достиг Гастингса и занял оборонительную позицию в 13 километрах к северо-западу от города. Будучи уверенным в скором нападении Вильгельма, король укрепился на высоком Сенлакском холме среди полей, изрезанных ручьями и оврагами, что создавало препятствия для нормандской конницы. На вершине холма был установлен штандарт короля с красным крестом на белом поле; там Гарольд оставался все время битвы, и там же он пал спустя семь часов. Теперь на этом месте находится алтарь церкви в Бэттле, воздвигнутой в память о сражении. В средней части холма выстроилась оборонительная линия хускерлов, а по обе стороны от них несколькими рядами стояли ополченцы из фирда. По некоторым данным, перед позициями англосаксов был сооружен частокол или вал, чтобы задержать конницу, но на ходе битвы это никак не сказалось.

Картина битвы восстанавливается по сообщениям Вильгельма Малмсберийского и других хронистов. Сразу после рассвета 14 октября нормандцы быстро преодолели семь миль и тремя линиями подошли к холму. Впереди двигались лучники и арбалетчики — это было первое в средневековой Европе документированное применение арбалетов. Вторую линию составляли пешие копейщики, а третью — рыцари. Центр занимали нормандцы, левый фланг — бретонцы во главе с сыном графа Пентьева, а правый — французы и фламандцы. Начали сражение лучники, которые открыли огонь с расстояния не более 100 метров, но стрелы летели снизу вверх и не на-

несли ощутимого вреда. По обычаю, противники, выходя из строя, осыпали друг друга насмешками. Нормандский жонглер (скоморох) с шутками и прибаутками подобрался к рядам англосаксов и успел сразить их знаменосца, прежде чем ему раскроили голову топором. Так началась битва; лучники расступились, и в бой вступили копейщики; англосаксы быстро отбросили их, кидая камни и дротики и орудуя своими громадными двуручными топорами. Захлебнулась и первая атака рыцарской кавалерии. Ее левый фланг был смят, и разнесся слух, что сам Вильгельм погиб. Чтобы сдержать начавшуюся панику, герцог сбросил шлем и галопом промчался перед строем отступавших всадников.

Бросившись преследовать врагов и рассеявшись по склону холма, англосаксы допустили роковую ошибку. Повернувшие рыцари обрушились на них и многих убили; однако остальные быстро перестроились и вернулись к вершине холма. Вильгельм второй раз повел рыцарей в атаку и снова был отбит. Повторился маневр с притворным бегством, и еще часть обманутых англосаксов, несмотря на строгий приказ Гарольда, пустилась в погоню и была перебита у подножия Сенлака; среди них оказались и братья Гарольда Леофвин и Гирт, причем одного из них, по преданию, убил сам Вильгельм. Бой перешел в позиционную стадию: несколько часов нормандцы чередовали конные и пешие атаки с обстрелами вражеских позиций. Вильгельм велел своим лучникам вести навесной огонь прямо вверх, что вело к большим потерям среди оборонявшихся. Скученность сражавшихся вела к тому, что на поле битвы громоздились буквально холмы из трупов, сквозь которые скоро стало почти невозможно перебраться. Англосаксы сражались без передышки, без пищи и воды почти целый день, и к его исходу едва не падали от усталости. Однако хускерлы стойко удерживали позиции, и к сумеркам обе стороны оставались на тех же местах. Продержись англосаксы до темноты, и все могло обернуться иначе. На помощь Гарольду собирались новые отряды, приход которых сделал бы положение Вильгельма незавидным.

Но тут случилось нечто коренным образом изменившее ход битвы. По одной из версий, Гарольд был сражен случайной стрелой, попавшей ему в глаз. Однако на гобелене из

Байе в глаз поражен другой воин, а Гарольда рубят налетевшие конники. Возможно, в последней отчаянной атаке нормандские рыцари смогли ворваться на холм и убить короля. Однако после хускерлы отбили их и снова заняли оборону вокруг тела уже мертвого Гарольда. Фирд разбежался и был изрублен нормандцами. Преследуя бегущих, немало рыцарей свалилось в овраг, прозванный Мальфосс (Злая расщелина). Окружив хускерлов со всех сторон, нормандцы перебили их до единого человека. Уже в сумерках Вильгельм углубился в лес, чтобы добить остатки англосаксов, и едва не погиб, когда те попытались перейти в контратаку. Однако скоро всякое сопротивление было подавлено, и битва при Гастингсе закончилась. В ходе нее погибло до 10 тысяч человек — почти половина участников. Сравнительно скромная по своим масштабам, эта битва привела к глобальным историческим последствиям.

Но пока Вильгельму только предстояло воспользоваться плодами одержанной победы. Утром 15 октября погибшие нормандцы были похоронены близ поля битвы. Жителям соседних деревень и родственникам позволили забрать и похоронить трупы англосаксов. За одним исключением — короля Гарольда победитель велел закопать отдельно, в неосвященной земле как узурпатора и клятвопреступника. Мать короля Гита предлагала Вильгельму выкупить тело сына за количество золота, равное его весу, но он отказался. По другим данным, победитель в конце концов сжалился и позволил монахам Уолтэмской обители похоронить Гарольда у себя. Найти его среди изрубленных тел хускерлов оказалось не так просто. По старинной легенде для опознания пришлось привлечь возлюбленную короля Эдит Лебязью Шею, которая узнала его по шраму на плече. Еще долго по Англии ходили слухи о том, что Гарольд Злосчастный выжил и скитается по своим бывлым владениям, став нищим; этот сюжет использован Киплингом в «Сказках старой Англии».

Вильгельм еще пять дней оставался в Гастингсе. По его представлениям после смены власти подданные должны были немедленно принести клятву верности новому сюзерену. За все пять дней ни один вассал так и не появился, и герцог начал понимать, что Англия отличается от привычной ему Франции и здесь придется править по-другому. Понял он и то, что за-

воевание страны не закончилось с гибелью ее короля. Однако организовывать сопротивление было некому. Единственный оставшийся брат Гарольда Вулфнот находился в нормандском плену. 17 октября собравшиеся в Лондоне эрлы избрали королем этелинга Эдгара, внука Эдмунда Железнобокого. Но у нового монарха не было ни войска, ни придворных, ни поддержки церкви. Архиепископ Стиганд медлил с коронацией, а без нее Эдгар не мог считаться законным королем. Сам он был хилым, нерешительным юношей, который почти всю жизнь провел в изгнании и не знал Англии и ее жителей.

20 октября началось продвижение Вильгельма вперед. Начал он с карательной экспедиции в Ромни, где жители убили нескольких заблудившихся нормандцев. Оставив за собой ряды виселиц, завоеватели двинулись к мощной крепости Дувр, гарнизон которой тут же сдался. В каменных стенах Дувра, построенных нормандскими мастерами, Вильгельм чувствовал себя увереннее, чем в саксонских усадьбах, защищенных одним частоколом. В этом городе он пробыл неделю, и там у него появились первые англосаксонские вассалы. Потом он отправился в Кентербери — центр английской церкви. Там его уже ждали представители местной знати, толпившиеся, по словам хрониста Ги Амьенского, «как мухи на свежей ране». До темноты Вильгельм принимал клятвы верности и уже собирался двигаться дальше, но тут его свалила лихорадка, и целый месяц он пролежал в шатре у стен Кентербери. Все это время он приказывал своим воинам разорять деревни вокруг Лондона, чтобы взять столицу измором. Любимая тактика Завоевателя принесла свои плоды; когда он, оправившись от болезни, двинулся дальше, Лондон сам склонился к его ногам. Столичные купцы, которые еще недавно клялись сражаться против захватчиков до последней капли крови, испугались убытков и потребовали от Эдгара сдаться. Это он и сделал, явившись в середине декабря к Вильгельму вместе с архиепископом Стигандом и эрлами Эдвином и Моркарром. Незадолго до этого вдова Эдуарда Эдгита сдала нормандцам Винчестер — древнюю столицу Уэссекса, где хранились регалии английских королей.

Несколько дней Вильгельм спокойно охотился в богатых дичью английских лесах, а 25 декабря в Вестминстерском собо-

ре состоялась официальная коронация нового монарха. Острожный Стиганд сказался больным, и церемонию проводил архиепископ Йорка Эдред. В разгар коронации собравшихся на двух языках спросили, желают ли они видеть Вильгельма своим королем. В ответ раздался нестройный гомон, который ждущая снаружи стража (ей запретили входить в собор с оружием) приняла за шум мятежа. Чтобы защитить своего герцога, воины подожгли соседние дома. Присутствовавшие лондонцы разбежались спасать свое имущество, и церемония завершилась в пустом соборе, под треск пламени и при багровых отблесках пожара. Вильгельм скоро понял, что тревога была ложной, но настоящий мятеж в большом городе с его узкими улицами мог застать нормандцев врасплох. Поэтому он уехал из Лондона в близлежащий Баркинг и оставался там до постройки первого в столице замка — знаменитой «Белой башни» (Уайт-Тауэр). Замки, вначале деревянные, а затем и каменные, воздвигались нормандцами чуть ли не в каждом завоеванном ими городе и селении и служили одним из главных средств поддержания контроля над покоренным населением.

Закрепившись в столице, Вильгельм начал управлять своим новым королевством. Для начала он конфисковал земли семейства Годвина, а они составляли ни много ни мало треть Англии. Эти земли были розданы в ленное владение баронам, прибывшим с Вильгельмом, но баронов оказалось больше, чем земель, к тому же сразу появились недовольные количеством или качеством новых имений. Спасла положение оригинальная теория Вильгельма, по которой все англосаксы объявлялись виновными в поддержке «узурпатора» Гарольда, лишались своих земель и должны были их выкупать — за деньги или службу. Как проходил этот процесс, в деталях не известно, однако «Книга Страшного суда» неопровержимо доказывает, что за 20 лет тысячи англосаксов уступили свои земли нормандцам. Иногда это делалось с помощью обычной грубой силы — французский барон с отрядом приезжал в усадьбу, убивал или прогонял ее хозяина и строил замок на месте его дома. Чаще король раздавал нормандцам земли, конфискованные у участников многочисленных восстаний. Гораздо реже нормандские рыцари женились на вдовах или дочерях англосаксов и наследовали их имущество.

Уже в X веке процесс феодализации в Англии зашел довольно далеко. Бывшие землевладельцы-таны во множестве разорялись и фактически уравнивались по своему положению со свободными крестьянами — керлами. Порой пять танов вместе владели землей, приносившей доход всего пять шиллингов в год. Положение усугублялось отсутствием майората и бесконечными раздлами земли между наследниками. Единственным, что еще отличало танов от зависимого населения, был их высокий вергельд — плата за нанесенное увечье или оскорбление. С приходом норманнцев старинное англосаксонское право сменилось феодальными законами, и постепенно разоренные землевладельцы влились в категорию зависимых крестьян, которых все чаще по французской привычке называли вилланами или сервами, то есть рабами. Что касается верхушки англосаксонского общества — эрлов и элдорменов, — то их владения постепенно также перешли к нормандским феодалам. Последний эрл, Вальтеоф, был казнен в 1076 году, и вскоре в Англии утвердилась характерная для Западной Европы система наследственных феодальных владений, хозяева которых — графы и герцоги — несли вассальные обязанности по отношению к королю и имели собственных вассалов в лице баронов и мелких землевладельцев или сквайров. Еще с саксонских времен каждый, кто «оказывал покровительство» мелким хозяевам, именовался лордом (глафордом). Следует заметить, что в Англии в силу позднего утверждения феодальных отношений власть крупных феодалов была меньше, а их зависимость от королевской власти — больше.

Изменилась при норманнцах и система местного управления. Получил широкое распространение возникший еще в X веке институт шерифов. Если при англосаксонских королях этот чиновник занимался лишь сбором налогов, то теперь шериф стал полномочным представителем короля в каждом графстве, ведавшим широким кругом вопросов. На должности шерифов и других королевских служащих часто назначались англосаксы, которые служили новой власти не менее верно, чем норманнцы. Вильгельм всячески подчеркивал, что все жители Англии независимо от национальности равны и должны жить по единым законам. В первый раз он заявил об этом на рождественском приеме в Вестминстере в декабре 1067 го-

да, но до этого и в Англии, и на континенте произошло немало событий.

1 марта 1067 года Вильгельм отбыл в Нормандию. Регентами в Лондоне он оставил Вильгельма фиц Осберна и Одо из Байе, а с собой увез главных представителей англосаксонской знати, чтобы они не подняли восстания. Он также вез с собой богатые трофеи, награбленные в английских усадьбах, а по слухам и в церквях. Во искупление грехов он даровал большую часть захваченного монастырям Нормандии, а часть велел раздать бедным. Не успел Вильгельм разобраться с делами, накопившимися за время его отсутствия, как до него дошли вести о целых трех восстаниях в Англии. В Нортумбрии сын прежнего эрла Освульф сжег в церкви некоего Копсига, которому нормандцы вручили наследственные земли Освульфа. В Херефорде восстал другой эрл, Эдрик Дикий, — в союзе с валлийскими вождями он вырезал нормандский гарнизон и укрылся в Уэльсе. Но опаснее всего оказались не англосаксы, а граф Булони Эташ, которого обделили при разделе владений. Его солдаты осадили крепость в Дувре, но были разбиты и почти все погибли при попытке добраться до кораблей. Сам граф еле успел бежать на лодке и спастись. Особую активность в подавлении мятежа проявили англосаксы из кентского ополчения, которые с явным удовольствием расправлялись с недавними завоевателями.

Когда 7 декабря Вильгельм вернулся, ему показалось, что спокойствие восстановлено. Но главные испытания были еще впереди. В январе 1068 года восстал богатый торговый порт Эксетер в Девоншире, где жила мать Гарольда Гита. Вильгельм осаждал город 11 дней, на приступ не шел и только периодически казнил перед стенами заложников. Эти меры не возымели действия, и впервые король заключил мир на условиях осажденных. Жители Эксетера получили прощение и подтверждение прежних привилегий. Кстати, такие же привилегии получили и другие города, в первую очередь Лондон. Как и в Нормандии, Вильгельм хотел заручиться поддержкой горожан в борьбе со своеволием крупных феодалов. Милость короля принесла свои плоды — когда через месяц в Девоншире высадились три незаконных сына Гарольда с флотилией ирландских пиратов, сами жители во главе с командиром опол-

чения Эднотом выступили против них и заставили вернуться в Ирландию. Что касается Гиты, которая, по всей видимости, вдохновляла восставших, то ей пришлось покинуть остров вместе с малолетней дочерью Гарольда, тоже Гитой. Безутешная вдова эрла Годвина окончила свои дни в Германии, а ее внучка добралась до далекого Киева, где стала женой Владимира Мономаха.

В мае в Англию прибыла Матильда, которую 11 мая торжественно объявили королевой Англии. Визит супруги Вильгельма преследовал далеко идущие политические цели — она осталась в Англии и в следующем году родила сына Генриха. Таким образом закреплялась власть Нормандской династии, поскольку по местному поверью править Англией мог лишь рожденный на ее земле. К тому времени у короля было уже три сына — Роберт, Ричард и Вильгельм, — но именно Генрих, получивший позже прозвище «Ученый» (Боклерк), стал любимцем отца, да и многих англичан. Летом 1068 года Вильгельм получил весть о новом восстании на севере. Он тут же снарядил войско, и мятежники — все те же Эдвин и Моркар — предпочли сдаться. Король оставил им жизнь, но лишил владений. По пути он заложил замки в Уорике, Ноттингеме и Клиффорде и назначил там шерифов. Узнав о приближении Вильгельма, эрл Берниции (Северной Нортумбрии) Госпатрик бежал в Шотландию, открыв тем самым долгую эпоху столкновений двух государств. Король шотландцев Малькольм Кенмор, или Большая Голова, был обязан властью Эдуарду Исповеднику, который когда-то поддержал его против узурпатора Макбета. Теперь к Малькольму бежал племянник Эдуарда, этелинг Эдгар, отдавший шотландцу в жены свою сестру.

Союзники ждали момента для нападения на Англию, и этот момент скоро настал. Назначенный вместо Госпатрика нормандский граф Роберт де Комин разместился в Дарэмском замке и начал жестоко угнетать местное население. Жители восстали и подожгли замок, в котором сгорели сам граф и гарнизон из 500 нормандцев. Восставшие пошли на Йорк и убили там наместника Роберта фиц Ричарда, но тут же разбежались, когда появился Вильгельм с армией. Гипноз Гастингса действовал еще долго, и самые многочисленные армии англосаксов обращались в бегство, завидев стяг короля и блестящие

латы его рыцарей. К тому же их предводители были разобщены и заботились только о собственных интересах. Выстроив в Нортумбрии еще два замка, Вильгельм ринулся на юг, где опять высадились сыновья Гарольда.

Тут на английской шахматной доске появился новый игрок: король Дании Свен Эстридсен решил восстановить державу Кнута и направил в Нортумбрию большой флот под командованием своего брата Асбьорна и сыновей Харальда и Кнута. В разношерстное войско датчан входили скандинавы, славянские наемники и даже язычники из далекой Литвы. Когда 28 августа их армия высадились в Ипсвиче, король по своему обыкновению охотился в Динском лесу на границе с Уэльсом. Страстный охотник, Вильгельм полюбил богатые дичью английские леса и большую часть их объявил собственностью короны; более того, он изгнал жителей нескольких деревень в Хэмпшире и разбил там так называемый Новый лес. За охоту в королевских лесах любой незнатный человек мог поплатиться глазами, правой рукой, а то и головой. Этот «Лесной закон» вызвал естественное недовольство англосаксов, привыкших вольно охотиться в своих лесных угодьях. Вспомним, что именно из-за незаконной охоты рассорились с законом легендарный Робин Гуд и другие герои английского фольклора. Хронист Генрих Хантингдонский писал: «Кто убивал оленя или кабана, тому без жалости выкалывали глаза. Зверей он лелеял так, будто были они его детьми; так, ради основания мест для охоты в Новом лесу он велел разрушить церкви и селения и, изгнав жителей, сделать те места обиталищем оленей».

Высадка датчан стала сигналом для общего восстания на севере. Из Шотландии вновь явились Эдгар с Госпатриком, а из Уэльса напал гвинеддский король Бледдин. К восставшим присоединился хантингдонский эрл Вальтеоф, и 21 сентября они взяли Йорк. Накануне в осажденном городе умер или был убит лояльный завоевателям архиепископ Элдред. При взятии замка Вальтеоф сам стоял у ворот с громадным топором и рубил пытавшихся спастись нормандцев; по легенде так погибло сто человек. Известие о мятеже повергло короля в такой гнев, что он велел отрубить руки и ноги тем, кто принес это известие, — это были простые крестьяне-англосаксы, пострадавшие за свою верность чужеземцу. Собрав всех надежных вои-

нов, даже инвалидов, Вильгельм двинулся на север. На этот раз он был выведен из себя, и восставшие не могли ожидать пощады. Три недели армия простояла у разрушенного Стэмфордского моста; потом нормандцы отыскивали брод и вторглись в Йоркшир. Все графство было разорено — воины Вильгельма жгли дома и амбары с хлебом, рубили сады и убивали домашних животных. Скоро вся обширная равнина Южной Нортумбрии превратилась в пустыню, покрытую черным слоем пепла. Те, кто избежал мечей карателей, массами погибали от голода. Многие продавались в рабство за корку хлеба, другие бежали на юг. В одном только маленьком аббатстве Ившем каждый день умирали 5–6 беженцев.

Предводители восставших в страхе сдались, и король проявил к ним милосердие. Госпатрик и даже убийца нормандцев Вальтеоф получили прощение и свои прежние владения, однако злопамятный Вильгельм ничего не забыл и отомстил им позже. Командиры датской армии так и не отважились на решительное сражение и бесславно скитались возле английских берегов. Зимой нормандское войско двинулось на Честер — последний еще не взятый город на севере Англии. Дожди, холод и отсутствие припасов заставили французских наемников поднять бунт, который король жестоко подавил, повесив зачинщиков. Для него и в самом деле все подданные были равны.

Честер пал, и Пасху 1069 года Завоеватель встретил в Винчестере. В этом году ему пришлось столкнуться с последним крупным восстанием, которое вспыхнуло в Болотном краю — своеобразном «острове» на стыке графств Кембриджшир и Норфолк, со всех сторон окруженном неприступной трясиной. Издавна власть там принадлежала богатым монастырям Или и Питерборо. В декабре 1069 года новый аббат Питерборо Торольд отобрал земли у своего вассала Хереварда. Тот обиделся и напустил на обитель датчан. Питерборо был сожжен, его богатства разграблены, а монахи проданы в рабство. Болотный край стал ареной партизанских подвигов Хереварда, который разбивал все посланные против него нормандские отряды. К нему бежали смещенные эрлы Эдвин и Моркар, которые до этого жили при дворе Вильгельма, полагая все подобающие почести. Они уже мечтали о восстанов-

лении англосаксонской монархии, но не могли решить, кому из них стать королем. С этими планами покончил мир Вильгельма с датчанами, которым надоело бесплодное пребывание в Англии. Осенью 1070 года нормандцы явились на болота. Херевард укрылся в Или, был предан монахами и бежал, но потом сдался и получил прощение. По одной версии этот отважный авантюрист мирно почил, дожив до глубокой старости, по другой — вернулся к прежней разбойничьей жизни и погиб в схватке. Моркара взяли в плен и заключили в нормандскую темницу, а молодой Эдвин бежал в Шотландию, но на самой границе его коварно убили три брата-крестьянина, доставившие его голову Вильгельму в надежде на награду. Он велел казнить доброхотов, а сам плакал над головой благородного эрла — неожиданный штрих к характеру грозного Завоевателя. Как многие представители англосаксонской знати, Эдвин пал жертвой затеянных не им интриг, и с ним закончился некогда могучий род Леофрика.

В 1069 году Вильгельм потерпел два поражения на континенте. Его шурин Балдуин Фландрский по неясным причинам разорвал союз с Нормандией и стал нападать на ее порты, существенно затрудняя сношения с Англией. В то же время окрепшие анжуйцы вновь захватили Мен. В 1070 году Вильгельм переправился через Ла-Манш с войском, причем среди его солдат были и англосаксы — впервые они сражались на континенте за дело Нормандской династии. После короткой войны Мен остался за Вильгельмом, но ему пришлось принести графу Анжу оммаж. В Англии в это время все было спокойно, если не считать короткого набега Малькольма Шотландского. На этот раз англосаксы не поддержали своего былого союзника, и даже эрл Госпатрик выступил против него.

К тому времени Вильгельм уже начал предъявлять претензии на английские земли — Лотиан и Камберленд, — захваченные шотландцами еще в 1018 году. В 1072 году Вильгельм собрал большое войско и пересек шотландскую границу. Малькольм не стал воевать: он принял короля как друга, принес ему оммаж за Лотиан и дал в заложники своего сына Дональда. После этого из Шотландии был выслан злосчастный этелинг Эдгар. Он отправился было во Францию, король которой обещал ему феодал, но был выброшен бурей на английский бе-

рег. Вильгельм простил его и даже даровал тысячу акров земли в Хантингдоне. А вот верного Госпатрика, напротив, лишили владений и выслали — король не простил былой измены. В августе 1070 года умер архиепископ Стиганд, и на его место был избран Ланфранк, который сразу предпринял меры для восстановления былой славы английской церкви.

В 1075 году, когда Вильгельм опять находился на континенте, в Англии вспыхнуло новое восстание. На этот раз его подняли нормандские феодалы — граф Херефорда Рожер фиц Осберн и граф Восточной Англии Ральф де Вадер. Вильгельм старался не допустить объединения крупных владений и поэтому запретил Ральфу жениться на сестре Рожера Эмме. Возмущенные друзья подняли мятеж, но в короткой битве при Фагадуне были разбиты. Рожер попал в плен, а Ральф бежал в Данию и сумел убедить короля Свена вновь отправиться в поход. В это время невеста Ральфа обороняла от королевских войск крепость Норич, продержалась три месяца, но сдалась буквально за неделю до возвращения жениха с датским флотом. На этот раз военные действия были столь же вялыми — скандинавы явно утратили воинственный пыл викингов. Через два месяца Свен умер, а его сын Харальд поспешил заключить мир с Англией.

Той же осенью Вильгельм вернулся в свое королевство и конфисковал земли восставших. Рожер был освобожден по ходатайству Ланфранка, но не сделал никаких выводов. На Пасху он швырнул в камин дары, посланные ему королем, при этом нелестно высказавшись в адрес «ублюдка». Об этом тут же донесли, и граф закончил жизнь в темнице. Ральф де Вадер бежал к родственникам в Бретань и еще три года совершал набеги на Нормандию, пока не был прощен. Король воспользовался восстанием, чтобы покончить с последним представителем англосаксонской знати — эрлом Вальтеофом. Его безосновательно обвинили в поддержке мятежников и бросили в тюрьму. 31 мая 1076 года Вальтеоф был обезглавлен; многих современников возмутила эта расправа, а английский историк Ордрик Виталий даже считал все последующие неудачи Вильгельма Божьей карой за смерть эрла.

И действительно, с тех пор непобедимый прежде Завоеватель потерял ряд чувствительных поражений. Его 24-лет-

ний сын Роберт, назначенный графом Мена, в 1078 году восстал против отца, был разбит и бежал. После этого произошла единственная известная размолвка короля с кроткой Матильдой. Решив, что сын на чужбине испытывает нужду, она посылала ему деньги и припасы. Вильгельм изловил одного из посланцев королевы, бретонца по имени Самсон, и велел его ослепить, но Матильда ослушалась супруга и освободила верного слугу. Король Франции Филипп дал Роберту пограничный замок Жерберуа. В конце года Вильгельм осадил замок, схватился на поле боя с собственным сыном и был им ранен. После этих шекспировских коллизий произошло примирение, но уже весной Роберт узнал, что его собираются арестовать, бежал и не возвращался до смерти отца. Второй сын короля Ричард погиб на охоте в 1075 году, а другой отпрыск, Вильгельм, занимался охотой и пирами и на власть не претендовал. Можно сказать, что трое сыновей короля воплощали в себе разные стороны его характера: Роберт — воинственность и тягу к завоеваниям, Генрих — государственный ум, а жестокий и сластолюбивый Вильгельм — те темные качества, которые не слишком явно проявлялись у Вильгельма, но так часто давали о себе знать в его коронованных потомках.

В 1079 году Малькольм Шотландский нарушил мир и разорил Нортумбрию. В ответ военачальники короля вторглись в Шотландию и заложили на границе мощную крепость Ньюкасл, которая вместе с Карлайлом стала цитаделью обороны от набегов с севера. В следующем году восставшие нортумбрийцы убили епископа Дарэмского Вальхера. Одо из Байе, как обычно управлявший Англией в отсутствие короля, жестоко отомстил мятежникам, опустошив Берницию так же, как его брат за 12 лет до того Дейру. Этот воинственный прелат и по совместительству граф Кента был по-своему таким же типичным представителем тогдашней церкви, как его антипод Ланфранк. Ученостью он не отличался, зато обожал сражения, охоту и пиры с непристойными шутками и песнями жонглеров. Одо был чрезвычайно горд и властолюбив; постепенно эти качества перешли всякие границы. В 1081 году до Вильгельма дошли слухи, что Одо хочет захватить папский престол и для этого увести из Англии нормандских рыцарей, которым он обещал новые владения в Италии. Вильгельм вызвал бра-

та для разбирательства, но тот отказался явиться. Король для вида смирился, но наступило Рождество 1082 года, и епископ Одо явился в Вестминстер. Закон не разрешал представителям светской власти арестовывать епископов, поэтому Вильгельм сам схватил брата и отвел его в темницу. Одо отбивался и кричал: «Я епископ и слуга Господа, меня нельзя судить без согласия папы!» Король возразил, что арестовал Одо не как епископа, но как графа Кентского и своего вассала. До смерти Вильгельма гордый епископ находился в тюрьме, получая в отличие от прочих узников яства с герцогского стола. Не были отняты и его громадные владения — вторые по величине после королевских.

В 1081 году Вильгельм совершил поход в Уэльс под видом паломничества в знаменитый монастырь Святого Давида. Попутно рыцари-«паломники» захватывали земли валлийцев, основав там свои баронства, известные под общим названием Марч, или «граница». Их владельцы стали самыми непокорными и буйными феодалами Англии, долго еще сохранявшими воинственный дух своих нормандских предков. Во время похода король основал несколько замков, в том числе нынешнюю столицу Уэльса Кардифф. Ему все труднее становилось садиться на коня, да и редкий конь выдерживал сильно растолстевшего монарха. По легенде именно для него впервые вывели породу знаменитых нормандских тяжеловозов. Вильгельму исполнилось 54 года; в тогдашней Европе человек этих лет считался стариком. Постоянные войны, ранения, тяготы походной жизни, обильная жирная пища, сырой английский климат не способствовали хорошему здоровью. С начала 80-х годов Вильгельм часто и подолгу болел. Один за другим уходили родичи и соратники по былым сражениям. 3 ноября 1083 года отошла в лучший мир королева Матильда, незримо стоявшая рядом с супругом во всех его начинаниях. Она неизменно просила его быть милостивее с побежденными, помогать беднякам и не забывать одаривать церковь во отпущение грехов.

В 1083 году против Вильгельма восстал Губерт, виконт Мена, попросивший помощи у анжуйцев. Фактически богатое графство было потеряно нормандцами. На севере продолжали плести интриги графы Фландрии; в 1081 году граф Роберт

выдал дочь за короля Дании Кнута Святого и вместе с ним разработал план вторжения в Англию. Однако в июле 1086 года король Кнут был убит, и план сорвался. Для защиты границ и строительства все новых замков требовались большие средства, и Вильгельм неустанно повышал налоги. На рождественском съезде знати в Глостере он огласил решение о небывалой переписи всех земельных владений страны, которая должна была на долгие годы вперед установить число налогоплательщиков и примерную общую сумму налогов; это был фактически прообраз государственного бюджета. Для проведения переписи во все графства были направлены комиссии из церковных и светских феодалов, снабженные едиными образцами анкет. В анкетах учитывались размеры каждой вотчины — не только пахотных угодий, но и лесов, лугов, пастбищ и т. д., — имя ее владельца, число ее свободных и зависимых жителей и размер собираемых с нее налогов. Это не увеличило любви завоеванных подданных к Завоевателю. «Англосаксонская хроника» с осуждением говорит: «...так тщательно он сделал это, что не оказалось ни одной гайды, ни одной виргаты и даже — стыдно писать об этом, но не стыдно было ему это делать — ни одного быка, коровы или свиньи, не включенных в эту перепись».

По легенде Вильгельм заявил, что от глаз переписчиков не должно укрыться ничего, как на Страшном суде. Отсюда и пошло название, под которым с XI века известен этот уникальный памятник английской истории, занимающий два огромных тома. «Книга Страшного суда» стала лучшим доказательством власти Завоевателя над Англией — ни один король прежде не смог составить столь полный перечень всех земель и их владельцев, а тем более собрать с них налоги. А уж налоги-то при Вильгельме собирались исправно. Если за все годы Уэссекской династии налог со всей страны пытались собрать только дважды (оба раза это было связано с нашествиями скандинавов), то при Вильгельме это происходило целых четыре раза. Обычно поземельный налог составлял два шиллинга с гайды, но в 1083 году он повысился до четырех шиллингов, а при следующем короле Вильгельме — до шести. Это ускорило процесс разорения мелких землевладельцев, которые или вовсе бросали свои земли, или записывались в кабалу к фео-

далам, чьи подати оказывались легче королевских. Точность и полнота «Книги Страшного суда» были таковы, что еще через триста лет ее данными пользовались при разрешении земельных споров.

В августе 1086 года состоялся очередной съезд английской знати в Солсбери. Королю показали готовый экземпляр «Книги Страшного суда», он одобрил ее и велел переписать и хранить в каждом графстве. После этого он потребовал от собравшихся — а это были, по сообщению «Хроники Питерборо», все землевладельцы Англии, нормандцы и саксы, — клятвы верности своему роду. Присягавших было так много, что процедура заняла целый день. Тогда же некоторые бароны попросили Вильгельма снизить налоги ввиду неурожая и начавшейся эпидемии чумы. Он повторил то, что говорил всю жизнь: «Закон установлен для всех и не знает исключений». Вскоре после этого он в последний раз пересек Ла-Манш — небольшое графство Вексен подняло восстание и перешло под власть Франции. То ли во время марша, то ли на охоте с монархом произошел несчастный случай — лошадь взбрыкнула, и высокая лука седла сильно ударила Вильгельма в живот. Его перевезли в Руан, но король с трудом переносил шум большого торгового города. Тогда его с великой предосторожностью усадили на коня и препроводили в тихий приорат Сен-Жервез недалеко от столицы. Там он находился почти неделю и успел рассказать историю своей жизни сыновьям — Вильгельму и Генриху, — аббату Жюмьежа Гунтарду и своему другу и личному врачу Гильберту Мамино, которого он сделал епископом Лизье. Свой рассказ он велел записать; до наших дней дошло два сомнительных варианта этой так называемой «апологии». В ней Вильгельм каялся в грехах, совершенных во время своего правления, особенно сожалел о погибших при Гастингсе и о разорении Нортумбрии. Однако все свои деяния он оправдывал тем, что они совершались «во имя Господа и святой церкви» и «во славу нормандского племени». Король подчеркивал, что старался поступать справедливо и первым установил в Англии равный для всех закон. Это, пожалуй, было справедливо с одним важным исключением — законы были равны только для свободных и то в теории, а на практике часто торжествовало «кулачное право».

На смертном одре Вильгельм разделил власть между сыновьями. Вильгельм получил Англию, а опальный Роберт — Нормандию. Младшему и любимому сыну Генриху из-за сопротивления старших достались только пять тысяч фунтов серебра из королевской казны с назначением наследником обоих владений. Зная нравы своих детей, король говорил с Вильгельмом наедине. Он вручил ему корону Англии, изготовленную византийским мастером по образцу императорской, поцеловал его и напутствовал: «Поспеши в свое королевство!» Еще он приказал освободить всех узников, в том числе эрла Моркара и брата Гарольда Вулфнота. Освободили и епископа Одо; принимая такое решение, король тяжело вздохнул и заметил: «Многих еще погубит этот человек». Многим были возвращены конфискованные владения, но среди них почти не было англосаксов — Вильгельм заботился о том, чтобы его сыновья не столкнулись с восстаниями, которые пришлось подавлять ему.

Утром 9 сентября Вильгельм услышал колокола Руанского собора, звонившие к заутрене. С трудом подняв руку, он прошептал: «Вручаю себя Марии, святой Матери Божьей». После этого он закрыл глаза и уже не открывал их. При кончине присутствовали несколько церковников и сын Роберт. Хоронили Завоевателя в обители Святого Стефана в Кане рядом с Матильдой. Как рассказывает не любивший покойного Ордрик Виталий, когда тело короля перевозили в церковь для отпевания, его толстое брюхо быстро раздулось и лопнуло. Никакие благовония не могли заглушить нестерпимой вони, поэтому тело пришлось предавать погребению в большой спешке. Завершая рассказ об этом, историк назидательно замечает: «Так по воле Господа сильные в жизни становятся ничтожными в смерти, а творившие жестокости умирают в грязи». Мало того — на похоронах устроил скандал некий рыцарь Аццелин, утверждавший, что Вильгельма хоронят на незаконно отнятой у него земле. Чтобы отделаться от жалобщика, ему срочно уплатили 60 шиллингов.

Завоеватель родился в позоре внебрачного сожительства и в позоре умер. Однако жизнь его была полна славных дел, хоть и совершаемых в корыстных целях и с чрезмерной жестокостью. Интересно, что основатель английской монархии,

создатель английской армии и военного флота, автор законов и мероприятий, на столетия вперед определивших жизнь королевства, так и не стал национальным героем. Англичане не смогли простить ему гибель Гарольда и выжженный Йоркшир, конфискации и налоги, Лесной закон и другое правило, по которому все жители должны были в восемь вечера гасить свет в домах. Но не полюбили Вильгельма и французы, для которых он завоевал Англию, — они помнили, что очень скоро после смерти Завоевателя его потомки, хоть и говорившие по-французски, стали национальными британскими монархами. А через триста лет после Гастингса случился исторический реванш — английские лучники и пехотинцы наголову разбили французских рыцарей при Креси и Пуатье. Не жаловали своего родича Вильгельма и скандинавы; при этом потомке норманнов Англия навсегда покончила с нашествиями с севера, а обосновавшимся на берегах Альбиона викингам пришлось забыть былую вольницу и подчиниться строгим нормандским законам. Кельтам и вовсе не за что было благодарить Вильгельма — он хоть и покорил ненавистных саксов, но не мягче обошелся с шотландцами и валлийцами, а его наследники огнем и мечом прошли по Уэльсу и Ирландии.

В общем и целом признавая заслуги Завоевателя, ни современники, ни потомки не платили ему искренней привязанностью. Это сказалось и на посмертной судьбе короля. В 1522 году гробница Вильгельма в Кане была вскрыта и изучена; в ней нашли громадного роста скелет и портрет на дереве, с которого была сделана копия сомнительной точности. Дело в том, что живописец XVI столетия изобразил короля с окладистой бородой по тогдашней моде. Однако, скорее всего, Вильгельм по нормандскому обычаю брил бороду и стриг волосы «в скобку». В скором времени гробницы Вильгельма и Матильды были уничтожены гугенотами как «идолы»; уцелевшие жалкие останки сложили в гроб и перезахоронили в другом месте. Еще раз их осквернили во время Французской революции, а в 1961 году смогли, наконец, исследовать с помощью современных методов, но от костей уже почти ничего не осталось. В Англии не уцелели ни корона Вильгельма, ни построенные им сооружения. Остались только письменные свидетельства, из которых лучше всех говорит об отношении англичан к сво-

ему монарху мемориальная запись в «Англосаксонской хронике». В ней о Вильгельме говорится, что он «повсюду строил замки и угнетал простых людей», зато «берег оленей и бобров, будто был им родным отцом». Неизвестный хронист в корявых англосаксонских стихах порицал жадность короля: «Стяжательство обуяло его, и деньги возлюбил он превыше всего».

После смерти Вильгельма Англия долгие годы не знала мира. Ставший королем Вильгельм II Рыжий в полной мере унаследовал жестокость и корыстолюбие отца, но не обладал его волей и государственным умом. Он снова бросил в тюрьмы всех освобожденных Вильгельмом и заключил еще многих — часто лишь затем, чтобы конфисковать их земли и округлить таким образом королевские владения. Он годами не назначал епископов, а сам тем временем распоряжался церковными доходами. Четыре года после смерти Ланфранка пустовала и кафедра архиепископа, а когда назначенный в 1093 году на эту должность выдающийся философ Ансельм стал обличать грехи короля, Вильгельм, недолго думая, отправил его в изгнание. Решил он завладеть и богатой Нормандией. Сначала вместе с Робертом он отказался выдать Генриху положенные по завещанию деньги; тот со своей дружиной обосновался на неприступном утесе Мон-Сен-Мишель и оттуда совершал набеги на Англию и Нормандию, пока братья не осадили его укрытие и голодом не вынудили сдаться. Потом братья схлестнулись между собой по вине все того же Одо из Байе — он поссорился с Вильгельмом и вместе с людьми Роберта жестоко разорил Кент. Наконец братья помирились, а честолюбец-епископ навсегда покинул Англию. Вскоре воинственный и склонный к авантюрам Роберт отправился в Крестовый поход, и Вильгельму удалось добиться от него права управлять Нормандией в его отсутствие.

Единственным успехом Вильгельма была победа над Шотландией. В 1093 году он убил в сражении старого Малькольма Кенмора и добился от его сына Дункана принесения оммажа. Но успех оказался относительным: вскоре Дункан был убит и его сменил старый Дональбан, который не только отказался от оммажа, но и изгнал из страны всех англичан. Шотландский поход был единственным — Вильгельм предпочитал проводить время на пирах в окружении красивых юношей,

которые, по словам Вильгельма Малмсберийского, «превосходили изяществом дам». К женскому полу король не проявлял абсолютно никакого интереса, поэтому потомства у него не было, и братья с нетерпением ожидали его смерти. Ждать пришлось недолго: 2 августа 1100 года, охотясь в устроенном его отцом Новом лесу, Вильгельм был сражен стрелой лесничего Уолтера Тиррела. Тот утверждал, что это произошло случайно, а других свидетелей инцидента не было. Многие знали, что Тиррел близок к принцу Генриху, но долго разбирать дело не стали. Вильгельма не любили так сильно, что во многих церквях отказались служить по нем заупокойные мессы.

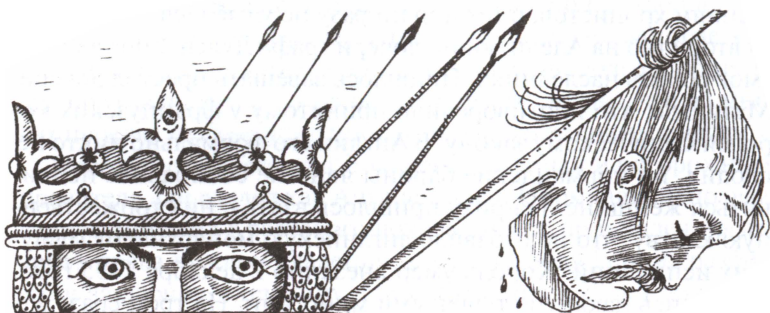
Королем стал Генрих I Боклерк, разумный и осторожный правитель. Он владел как Англией, так и Нормандией; правда, вернувшийся из Крестового похода Роберт попытался предъявить права на свои владения, но в 1106 году Генрих разбил его и заключил в темницу, где тот просидел 28 лет до самой смерти. Как младший сын, которого готовили к возможной духовной карьере, Генрих получил хорошее образование — то есть умел читать и писать, что для короля того времени было не таким уж обычным явлением. Он устроил у себя первую светскую библиотеку со времен короля Альфреда Уэссекского, а также завел в Тауэре первый в Англии зоологический сад. Он также снизил тяжелые налоги, введенные обоими Вильгельмами, и принял закон, который закрепил равенство нормандцев и англосаксов перед законом и судом. Более того — он женился на Эдгите, или Эдит, дочери Малькольма Шотландского и Маргариты, сестры этелинга Эдгара. Этот брак укрепил связи Нормандской династии как с шотландской монархией, так и с покоренным англосаксонским населением.

И в Британии, и на континенте Генрих вел активную политику, действуя как военными, так и дипломатическими средствами. В войне с французским королем Людовиком VI он смог отстоять Нормандию и Мен, а в 1128 году выдал дочь Матильду за графа Анжуйского, явно претендуя в будущем на его обширные владения. Другую дочь он отдал королю Шотландии Александру. В отличие от брата, Генрих был неравнодушен к прекрасному полу и имел нескольких незаконных сыновей, которых сделал графами. Его единственным законным отпрыском был Вильгельм, который унаследовал все плохие

качества своего дяди. Уже в семнадцать лет он стал законченным пьяницей; в 1120 году, во время плавания через Ла-Манш на так называемом «Белом корабле», принц и его спутники так перепились, что корабль налетел на скалы и затонул со всеми, кто на нем находился.

Потерю сына Генрих переживал очень тяжело и, по сообщениям хронистов, с тех пор ни разу не улыбался. Он женился вторично на Адели, юной дочери графа Лувена, но так и не смог родить наследника. Пришлось завещать престол дочери Матильде, что противоречило принятому у французских королей Салическому закону. В Англии его формально никто не вводил, но нормандские бароны явно не собирались подчиняться женщине. Генриху пришлось взять с них торжественную клятву, что не избавило английскую монархию от грядущих испытаний. Король умер внезапно 2 декабря 1135 года, объевшись накануне тушеными миногами. На трон сразу же предъявил права молодой Стефан, сын дочери Завоевателя Адели и графа Блуа. Его поддержали недовольные «женским царством» бароны запада Англии; за Матильду вступились жители торговых городов юга и востока. Так началась затяжная гражданская война, которая длилась почти 20 лет и закончилась утверждением в Англии анжуйской династии Плантагенетов.

Объединитель. Генрих II Плантагенет

В 1153 году враждующие партии заключили Вестминстерский договор. По нему Стефан Блуаский должен был править Англией до своей смерти, но потом трон переходил к Генриху, сыну Матильды и анжуйского графа Джефре. Все так устали от многолетней войны, что безропотно приняли эти условия, тем более что Стефан умер уже в следующем году. Теперь королем Англии становился Генрих, который в 21 год уже был герцогом Нормандии, графом Анжу, Мена и Пуату и герцогом Аквитании. Все эти владения достались ему благодаря предкам, которые без устали то мечом, то брачными союзами расширяли границы анжуйских владений. Графов Анжу называли Плантагенетами — Джефре любил носить на шлеме ветку желтого дрока, по-латыни *planta genista*. Имели они и другое прозвище — «дети дьявола». По легенде кто-то из предков Генриха женился на прекрасной фее Мелюзине, которая не могла войти в церковь и раз в неделю превращалась в змею. В конце концов супруг Мелюзины велел затащить ее в церковь силой; тогда она исчезла, прихватив с собой двух из четырех своих сыновей.

Скорее всего, эта легенда была лишь отголоском нелюбви анжуйцев к гордой и властной Мелисанде Иерусалимской, второй жене Фулько — деда Генриха. Она и правда увезла с собой двух сыновей (позже они стали королями Иерусалима), но Джеffre не был ее сыном: он родился от Герберги, первой жены Фулько. Как бы то ни было, характер у Генриха, как и у многих Плантагенетов, был поистине дьявольским. Во время частых приступов гнева его обычно невыразительные серые глаза вспыхивали огнем, а в лице, по сообщениям очевидцев, появлялось «нечто львиное». В остальном он мало напоминал короля — невысокий, с бычьей шеей и широкими плечами, с круглым веснушчатым лицом и вечно растрепанными рыжими волосами, которые он коротко стриг из боязни облысеть. От анжуйских предков Генрих унаследовал колоссальную энергию и буйный нрав, а от английского деда Генриха I — склонность к наукам. Со своими природными данными и громадными владениями (их даже называли «анжуйской империей») Генрих вполне мог стать величайшим среди английских королей. Вместо этого он провел свое царствование в вечной бесплодной борьбе: сначала с бывшим другом, архиепископом Томасом Бекетом, потом с собственными сыновьями. Преданный всеми, он умер в одиночестве и остался в памяти англичан как убийца их национального святого.

Не в последнюю очередь это случилось из-за переменчивости и непредсказуемости характера Генриха. Он не боялся ничего, кроме вспышек своей неуправляемой ярости, которые не раз заставляли его совершать непростительные ошибки. Не мог он сдерживать и свою похоть, сделавшую его отцом множества бастардов. Жену Алиенору (или Элеонору) Аквитанскую, отбитую в свое время у короля Франции, Генрих не без основания подозревал в заговорах и неверности и в конце концов заключил в тюрьму. Он умудрился рассориться со всеми сыновьями, с советниками, с монархами всех соседних стран. Невзлюбил его и народ, поначалу принявший анжуйского принца с восторгом, как избавителя от ужасов гражданской войны. Генрих с полным основанием мог сказать: «Постоянны в этой жизни только враги». Он проявлял мало рвения в делах веры и часто подшучивал над церковью и свя-

тыми. Святой Бернар Клервоский как-то сказал о нем: «От дьявола он произошел и к дьяволу вернется».

Энергия Генриха была столь неудержима, что мало кто мог поспеть за ним. Он редко сидел и даже за столом то и дело вскакивал, торопливо глотая недожеванные куски. При дворе его не было никакого этикета; он со всеми разговаривал одним языком и, по словам хрониста Вальтера Мапа, «не старался говорить высокопарно или возвышать себя над кем-либо». С грязными руками, весь в крови после охоты или битвы, он садился за стол и жадно ел, одновременно выслушивая доклады и прошения. Он был самым скромно одетым человеком при дворе и презирал пышность, не подходящую воину. Ему дали прозвище «Короткий плащ» (*Courtmantle*), поскольку он вместо подобающей королю длинной мантии носил солдатский плащ, едва доходивший до колен. На поле брани он не имел себе равных, хотя, по свидетельству одного из придворных, «был милостивей к мертвым рыцарям, чем к живым, и более горевал о погибших, чем заботился о выживших». При его дворе почти не было развлечений: король до вечера охотился или объезжал свои имения, а по возвращении устраивал настоящий переполох.

Другой придворный, архидьякон Петр Блуаский, оставил яркое описание жизни при дворе Генриха. Он жаловался, что слуги короля «не знают ни порядка, ни меры, ни резона и в своей еде, и в путешествиях, и в распорядке дня. Капелланы и рыцари едят наскоро испеченный хлеб — полусырой, из поскребков, с сором и плевелами. Вино у них то горькое, то кислое, то водянистое, то чересчур густое, то пресное, то отдающее дегтем. Я видел не раз, как даже знатнейшим господам подносили вино столь мутное, что им приходилось зажмурить глаза, стиснуть зубы и с гримасой на лице не столько пить его, сколько хлебать. Эль, который там пьют, ужасен по виду и отвратителен по вкусу. Там покупают для стола старых и больных животных и рыбу четырехдневной давности, ибо слугам нет дела до того, что их злосчастные гости заболеют или умрут; поэтому мы вынуждены набивать живот падалью и становиться могилой для уже разложившихся трупов... Не раз, когда двор покидал какой-либо город, больных придворных оставляли там умирать...

Частые переезды также прибавляют нам мучений, так как, если король пообещал где-либо остаться и даже публично объявил об этом через герольда, можно быть уверенным, что он поднимется на рассвете и обманет все ожидания, внезапно поменяв свои планы. Когда это случается, то даже больным и раненым придворным приходится следовать за их государем без всякого снисхождения к своим недугам и отдаваться на милость случая из боязни потерять то, чего у них и так нет, да и не будет. Тогда можно увидеть мечущихся в беспорядке людей, груженных мулов, спешащих за мулами, и повозки, налетающие на повозки, — видение самого Ада. И наоборот: если государь изъявил намерение отбыть откуда-либо на рассвете, он без сомнения тоже изменит свои планы и проспит до полудня. Тогда его ждут нагруженные повозки, возницы спят на козлах, придворные торговцы в страхе ждут и шепчутся; все толпятся вокруг блудниц и пажей, пытаясь узнать маршрут поездки короля. Ведь обоз короля полон актеров и прачек, игроков, маркитантов, гулящих женщин, шутов, цирюльников, жонглеров и прочих птиц того же полета... Когда же наши путешественники готовы отправиться в долгий путь, король опять меняет планы и велит заночевать в первом попавшемся месте, где забирает для себя целый дом, куда больше не пускает никого. Я скажу, если только осмелюсь, что он находит живейшее удовольствие в наших муках. Мы тем временем блуждаем по неведомым лесам, порой в полной темноте, и почитаем за счастье, если можем найти какой-нибудь грязный и зловонный хлев. Часто придворные жестоко бьются за эти хижины и обнажают мечи ради лачуги, какой побрезгует даже свинья».

Конечно, придворные не были довольны королем, который заставлял их забыть о сне и отдыхе, о мягких постелях и вкусной еде. Не меньше они страдали от вспышек королевского гнева; иногда он гонялся с мечом за неосторожными советчиками. Как-то один из пажей, Ришар дю Гоме, посмел одобрительно высказаться о короле Шотландии. В ярости король вскочил и убежал в конюшню, где кинулся в копну соломы и начал ее грызть. Несмотря на такие неадекватные поступки, Генрих часто проявлял незаурядный государственный ум и необычную для своего времени широту взглядов. Его учителем был магистр Петр из Сента, «превыше всех современ-

ников искусный в стихосложении». Особых успехов в поэзии Генрих, правда, не проявил, зато прекрасно знал историю и законы. В свободное от войны и охоты время он обожал собирать вокруг себя ученых и разговаривать с ними на всевозможные темы, проявляя ненасытное любопытство. Известно, что он понимал едва ли не все языки от Англии до Святой земли, хотя говорил только по-французски и по-латыни — английского Генрих не знал, как и большинство Плантагенетов. Вальтер Мап писал: «Когда руки короля не были заняты луком и стрелами, мечом или поводьями, он заседал в совете или корпел над книгами. Всякий раз, когда ему удавалось выкроить время среди своих забот, он проводил его в уединенном чтении или в обсуждении с учеными какого-либо мудреного вопроса».

О ранних годах Генриха известно очень мало. Он родился 5 марта 1133 года в Ле-Мане и был первым ребенком графа Джефре и «императрицы» — так звали властолюбивую Матильду, которая уже успела побывать замужем за германским императором Генрихом V. Император был на 30 лет старше юной супруги и вскоре оставил ее вдовой, после чего она тут же вышла за своего анжуйского кузена. Джефре, напротив, был на десять лет старше жены, и их первенец Генрих родился только через пять лет после свадьбы. В отличие от Вильгельма, он с самого рождения был законным наследником отца и получил ко многому обязывающее прозвище «сын императрицы». Отца он почти не видел, а мать в 1139 году отправилась в Англию сражаться за корону. Мальчика воспитывал магистр Петр; через три года сводный брат матери, храбрый Роберт Глостерский, увез Генриха в Англию, где некий Матье четыре года обучал его «письму и манерам, приличествующим юноше его положения». Видимо, учение осталось незаконченным, потому что в 1147 году юный принц уже сражался рядом со своим отцом, который тогда завоевывал Нормандию. С тех пор и началась лихорадочная деятельность Генриха, которая не прекращалась 42 года — до самой его смерти. Только Ла-Манш он пересекал двадцать шесть раз — больше, чем любой другой средневековый владыка.

В 1148 году он получил от отца и матери собственные владения во Франции и Англии, а на следующий год отправился

на север Англии, в Карлайл, где шотландский король Давид I посвятил его в рыцари — Матильда так и не была коронована и не могла этого сделать. 7 сентября 1151 года внезапно умер граф Джеffre, напившись после жаркой скачки ледяной воды из колодца. Еще летом король Франции Людовик VII подтвердил права Генриха на владения отца, включая Нормандию, на которую до этого претендовали французские монархи. В следующем году 18-летний правитель еще больше укрепил свою власть, женившись на 30-летней Алиеноре, герцогине Аквитанской. Она была первой красавицей Европы. Будучи внучкой прославленного трубадура Гийома IX, она сама сочиняла стихи, и вокруг нее всегда царили веселье, песни и красивые юноши, которых молва относила к числу ее счастливых поклонников. Среди них был величайший поэт Прованса Бернард де Вентадорн, а некий немецкий миннезингер позже во всеуслышание заявил, что готов отдать весь мир, чтобы «ночку провести с английской королевой».

При всей любви к увеселениям Алиенора была умной и властной и при достижении своих целей порой проявляла жестокость и вероломство. Естественно, такая женщина не могла найти счастья при мрачном дворе Людовика VII, который с утра до ночи молился и ради покаяния даже обрил голову и бороду. Смеясь над ним, Алиенора называла его «монашком». Издевательства жены так допекли Людовика, что в 1152 году он собрал церковный синод и объявил, что он с Алиенорой находится в недопустимой степени родства — таков был тогда обычный предлог для развода. Его не остановило даже то, что пришлось вернуть бывшей супруге огромные аквитанские владения ее предков. Разведенная герцогиня уже решила выйти за молодого анжуйского принца — похоже, какие-то романтические отношения завязались у них еще раньше, во время визита Генриха в Париж. По пути ей дважды пришлось спасаться бегством от назойливых претендентов на ее руку, но прежде всего на ее земли. Наконец в мае 1152-го Алиенора прибыла в родной Пуатье, и тут же состоялась ее скромная свадьба с Генрихом. Анжуйские сенешали вскоре обосновались в богатых портах Аквитании, а счастливая новобрачная, которая была на восемь лет старше мужа, жестоко разочаровалась в своем идеале. Родив Генриху пятерых

сыновей и трех дочерей, Алиенора все еще оставалась привлекательной женщиной, но Генрих упорно предпочитал ей любовниц. Правда, ей позволялось вести столь же свободный образ жизни в Пуатье — пока она не стала открыто интриговать против супруга. Но это было гораздо позже.

Пока же Генрих изрядно округлил свои владения, включавшие теперь весь запад Франции, и смог претендовать и на английскую корону. Его мать Матильда к тому времени удалилась в Нормандию, завоеванную ее мужем. Войну в Англии вел Роберт Глостерский, и Генрих поспешил примкнуть к нему. Девять месяцев сражения чередовались с переговорами, пока Стефан не признал юного герцога своим сыном и наследником. Генрих, правда, попытался еще при жизни новоявленного «отца» прибрать власть к рукам, но покушение на его жизнь со стороны фламандских наемников Стефана заставило его бежать обратно во Францию. В это время его собственный брат Джеffre поднял против него восстание в Анжу, требуя раздела власти. Он быстро потерпел поражение, получил в утешение герцогство Бретань и вскоре умер, оставив Генриха единственным Плантагенетом (еще один брат Гийом умер тогда же в возрасте 18 лет). А 24 октября 1154 года умер и Стефан; в это время Генрих осаждал замок непокорного вассала в Нормандии. Друзья настаивали, чтобы он поспешил в Англию для взятия власти. «Никуда она не денется», — отрезал будущий король и вернулся к прерванному занятию. Только 7 декабря Генрих отбыл в Англию и 19 декабря был торжественно коронован в Вестминстере.

Еще до коронации, по сообщению хрониста, «весь народ полюбил его, ибо он творил справедливость и установил мир». Эти два слова — «мир» и «справедливость» — оставались главными лозунгами царствования Генриха, хотя ему не всегда удавалось им следовать. В самом начале царствования он издал хартию, подтверждавшую все вольности и привилегии, дарованные церкви и городам его дедом Генрихом I. Одновременно он изгнал наглых и жестоких фламандских наемников Стефана и принял меры по освобождению королевских замков, захваченных феодалами в период анархии. Несколько баронов попытались не выполнить приказ короля, но очень скоро увидели под стенами замков штандарт Генриха. Отвык-

нув от такой решительности в правление Стефана, который не отличался ни отвагой, ни быстротой действий, бароны быстро сдались. Уже к концу года на всей территории Англии впервые за двадцать лет воцарился порядок. Вновь заработала отлаженная при нормандских королях государственная машина — в графствах появились королевские судьи, стали собираться налоги, а на беспокойной северной границе вновь встали дозоры.

В 1156 году Генрих совершил краткий визит во Францию, где принес королю Людовику новый оммаж за свои владения. Тогда же он нанес окончательное поражение брату Джеffre и навсегда лишил его надежд на анжуйское наследство. После этого он вернулся в Англию, с большой армией двинулся на север и отобрал у шотландского короля Малькольма IV Нортумбрию, захваченную во времена Стефана. За оставшиеся у шотландцев английские земли Малькольм принес оммаж. На обратном пути Генрих заставил дать присягу нескольких валлийских князей. С триумфом вернувшись в Лондон, он снова отбыл во Францию, где добился от Людовика согласия на брак его дочери Маргариты со своим старшим сыном, тоже Генрихом (первый сын Генриха и Алиеноры Вильгельм прожил всего два года).

Король пытался еще больше увеличить свои владения — после смерти Джеffre в 1158 году он обеспечил себе власть над Бретанью, а в следующем году поддержал притязания жены на обширное Тулузское графство. Для завоевания Тулузы Генрих решил собрать всех своих английских вассалов во главе с королем Шотландии, но привыкшие к вольности бароны не спешили переплывать Ла-Манш. Тогда король принял прогрессивное для своего века решение — заменить обязательную военную повинность вассалов «щитовым сбором», на который была нанята целая армия наемников. Осенью армия Генриха заняла Керси и подступила к воротам Тулузы, но тут разразился открытый конфликт с Людовиком, который не собирался дольше терпеть разрастания анжуйских владений. С севера к Тулузе подошло французское войско во главе с самим королем. Генрих не мог нарушить феодального этикета, который запрещал вассалу лично сражаться с сюзереном. Ему пришлось заключить в мае 1160 года мир и отказаться от Тулузы.

Утешился он осенью, когда все же выдал принцессу Маргариту за своего сына и прибрал к рукам ее приданое — мощную крепость Вексен на границе с Нормандией. Позже он проявил свои качества дипломата, успешно выступив посредником в споре между папой Александром III и германским императором. Благодарный папа вынудил Людовика заключить с английским королем «вечный мир». В промежутке между войнами и интригами Генрих решил осуществить давно намеченную административную реформу в Англии. Он видел, что простого восстановления прежних учреждений недостаточно для успешного развития страны, где многолетние гражданские войны усилили независимость и активность всех сословий — рыцарей, купцов, свободных крестьян-йоменов. Одновременно резко возросло влияние духовенства. Упадок юстиции и отсутствие единых законов увеличили роль церковных судов; церковь также оставалась крупнейшим землевладельцем. Прежде королевская власть опиралась на духовенство в борьбе с феодалами; такое положение сохранялось и теперь, но уже назревала новая ситуация, когда эти две силы неминуемо должны были столкнуться.

Но начал Генрих с финансовой реформы. В 1158 году он выпустил собственные серебряные пенни или стерлинги, запретив хождение обесцененных монет своих предшественников. Заодно он принял меры по недопущению подпольной чеканки монеты из серебра, добытого в частных копях. Следующим шагом стала судебная реформа. Все важные дела были изъяты из компетенции местных судов и переданы в королевскую курию (*curia regis*), судьи которой были обязаны совершать ежегодный объезд всех графств. Тогда же были запрещены судебные поединки и прочие виды «Божьего суда»; взамен приговор выносили двенадцать избранных рыцарей данного округа — предшественники присяжных. Король повел наступление на феодальные привилегии — частные войны, право суда в своих владениях, освобождение от налогов. Уплатив «шитовой сбор» (скутагий), бароны могли теперь не отправляться вместе с королем в заморские походы. Однако этот налог распространился не только на земли светских феодалов, но и на духовные владения. Так был сделан первый шаг по ликвидации системы церковного им-

мунитета, из-за которой значительная часть населения страны не подчинялась королевским законам и не платила налоги государству.

С самого начала эти меры Генриха вызвали сопротивление со стороны церкви. Одним из главных критиков короля стал Хьюг, епископ Линкольна. Как-то он выгнал из своих владений королевского сборщика налогов. В отместку сам король и все его придворные перестали замечать епископа и разговаривать с ним. «Я вижу, вы недалеко ушли от своих фалезских родичей», — громко заметил епископ, намекая на мать Вильгельма Завоевателя — дочь кожевника из Фалеза. Окружающие замерли, ожидая привычной вспышки гнева, но Генрих только рассмеялся и простил Хьюга. Он понимал, что простоватый епископ выражает мнение большинства своих коллег. Для осторожного продвижения церковных реформ необходимо было заручиться поддержкой умного и авторитетного человека, лично преданного королю. Генрих не мог найти лучшей кандидатуры, чем его друг Томас Бекет, которого он в 1155 году сделал канцлером, а в 1161-м — архиепископом Кентерберийским. Канцлер тогда занимал важное положение — он председательствовал на всех советах, скреплял печатью королевские указы, распоряжался вакантными феодальными владениями.

Человек, назначенный на этот важный пост, не принадлежал к знатному роду. Его отец, купец Гилберт Бекет, происходил из Руана, но давно уже жил в Лондоне, где одно время занимал должность шерифа. По красивой, но абсолютно недостоверной легенде мать Томаса была дочерью сарацинского эмира, похищенной Гилбертом из Святой земли. Для своего времени Томас получил очень хорошее образование — уже в десять лет он посещал церковную школу в Суррее, потом учился в Лондоне, а после изучал богословие в Сорбонне. Вернувшись домой в двадцать два года, он нашел отца разорившимся и был вынужден работать писцом. Друг семьи представил его архиепископу Теобальду, после чего карьера Томаса пошла в гору. Он стажировался в знаменитом Болонском университете, а потом был специальным представителем Теобальда в Риме. Архиепископ благоволил Генриху, и тот после вступления на престол поспешил проявить свою бла-

годарность. Томас стал архидьяконом Кентербери, а потом и канцлером — вместо Найджела, епископа Или.

Только выдающиеся способности Томаса Бекета позволили ему занять столь важные посты, но амбиции его были еще больше. Томас был незаурядным человеком, очень похожим на Генриха. Недаром между ними установились доверительные отношения, несмотря на разницу в возрасте (Томас был старше на пятнадцать лет). Объединяло их многое — та же энергия, тот же взрывной темперамент, та же отвага в битве. И то же упрямство, которое в конце концов и сделало их врагами. Многие историки не смогли поверить быстрому превращению Бекета из воина и придворного в святого подвижника и из друга короля — в его врага. Они решили, что все его поступки были лицемерными, продиктованными одним лишь властолюбием. Но несомненна искренность поступков Томаса, которая часто шла ему во вред. Он просто не мог сдерживать свой горячий нрав, когда вначале не пытался избежать королевского гнева, а потом и сознательно провоцировал его.

Еще будучи канцлером, Томас дал обет безбрачия и стойко противился многочисленным плотским искушениям королевского двора. Однако он не смог устоять перед другим искушением — пышностью. Он одевался богаче и изящнее всех других придворных и следовал последним новинкам французской моды; за его стол, сияющий золотом и серебром, ежедневно садилось не менее десятка графов и баронов. Каждое утро пол в его гостиной устилала свежей травой, а зимой — сеном, чтобы хозяин и его гости ненароком не запачкались. Когда Томас отправился с посольством к Людовику, его обоз напоминал бродячий цирк. Впереди шли сто пятьдесят слуг в ливреях, распевая английские песни; далее следовали охотники с лающими гончими на поводках; за ними ехали шесть громадных повозок, охраняемых свирепыми мастифами. В этих повозках везли все необходимое для канцлера — в одной помещалась церковь, в другой спальня, в третьей кухня, а остальные были нагружены едой и элем в дубовых бочках. Далее следовали мулы, навьюченные церковной утварью, облачениями, мебелью, одеждой и тюками с мелкими монетами, которые по пути раздавались нищим. Дальше по двое ехали сокольничьи с соколами на перчатках, рыца-

ри и церковники, а в самом конце следовал сам Томас верхом на лошади.

Конечно, этот пышный выезд был призван произвести впечатление на французов, но он не являлся чем-то необычным для Томаса, который любил охотиться и носил шелк, меха и туфли с золотыми пряжками. Как-то король решил посмеяться над его любовью к роскоши. Когда они зимой ехали вдвоем по Лондону, Генрих обратил внимание на старого нищего, дрожащего в своих лохмотьях. «Скажи, разве не стоит подарить этому бедняку теплый плащ?» — спросил король, и Томас согласился, думая, что его друг имеет в виду свой плащ. Тогда король снял с Бекета его синий плащ, подбитый беличьим мехом, и вручил удивленному нищему. В ту пору между ними еще царило полное согласие. Генрих запросто заезжал к своему канцлеру выпить вина или поиграть в шахматы. Он слушался советов Томаса, восхищался его умом. Да и мало кто не поддавался обаянию этого высокого, темноволосого, слегка заикающегося человека.

Сразу после посвящения в архиепископы Томас отказался от поста канцлера. Генрих не ожидал этого — он думал, что Бекет останется его другом и советником. Но тот явно намеревался забыть прежние привычки. Он начал усердно молиться и поститься. Стол его был таким же богатым, но место графов за ним заняли монахи и епископы. И одевался он так же роскошно, только под кафтаном носил власяницу из грубой шерсти. Садясь за еду, он каждый раз велел привести с улицы двадцать шесть нищих и накормить их теми же блюдами. Ни минуты он не оставался без дела; все время, свободное от церковных дел и благотворительности, он уделял молитвам и чтению духовных книг. Будучи канцлером, он изо всех сил защищал интересы государства; теперь так же горячо он стремился защитить церковные интересы. Еще в январе 1163 года, когда король вернулся из Франции, он дружески обнял Бекета, но тот вскоре предупредил: «Наша дружба может обернуться враждой. Мне известны ваши планы в отношении церкви, которым я, как архиепископ, обязан противостоять. Если разрыв между нами случится, завистники позаботятся о том, чтобы мы никогда не соединились вновь». Однако король не желал понять, что Томас говорит искренне. Не верили в это и дру-

гие; Гилберт Фолиот, епископ Херефорда, писал в шутку: «Король сотворил чудо — из воина и придворного сделал святого». Скоро шутка обернулась правдой к удивлению самого Гилберта. Епископ, как и другие видные деятели церкви, оказался в сложном положении — склонный к молитвенному созерцанию, он был вынужден поддерживать все более рискованные шаги своего архиепископа.

Конфликт между королем и Бекетом возник из-за попытки Генриха распространить на церковные владения юрисдикцию светских судов. Прежде не только церковники, но и все жившие на церковных землях судились только в церковных судах по нормам канонического права, которое было куда мягче королевского. В первые восемь лет правления Генриха служители церкви совершили более ста убийств, и никто из них не был казнен. Когда Генрих пытался убедить архиепископа в неправомерности такого положения, тот отвечал лишь одно: «Оставьте кесарю кесарево, а Богу Богово». Наконец терпение Генриха лопнуло. В июле 1163 года очередной клирик, Филипп де Брой, был судим церковным судом по обвинению в убийстве и оправдан. Генрих велел судить его светским судом, но Филипп отказался подчиниться его решениям и оскорбил судью. Вконец разгневанный король поклялся «глазами Божьими» — это была его любимая клятва, — что клирик будет осужден не только за убийство, но и за оскорбление суда. По настоянию Бекета новый суд состоялся в Кентербери; он приговорил злощастного Филиппа к бичеванию и штрафу.

Однако король счел и это наказание слишком мягким. Чтобы успокоить его, еще несколько клириков были наказаны клеймением, но Генрих не смягчился. Ему нужны были не суровые приговоры духовных судов, а полное упразднение этих судов. 1 октября 1163 года в Вестминстере собрался большой собор, от которого король потребовал вернуться к положению, существовавшему при Генрихе I, когда компетенция духовных судов ограничивалась вопросами веры. Споры длились дотемна; Томас шаг за шагом отступал под нарастающим давлением Генриха. В конце концов он согласился, что клирик должен быть судим как мирянин, если будет осужден церковным судом и совершит второе преступление. «Первое!» — решительно сказал король. В ответ Томас не менее резко возразил:

«Хватит посягать на наши порядки!» Генрих вспылал, выбежал из зала и тут же уехал в Лондон. На другой день архиепископ был лишен оставшихся государственных постов и должности воспитателя принца Генриха.

Скоро гнев короля остыл, и он вызвал Бекета на переговоры. Они встретились в поле близ Нортхэмптона, не слезая с коней; разговор был коротким и сухим, и оба разъехались, не изменив своих позиций. Однако позже епископы (в том числе Гилберт Фолиот) уговорили Томаса сдаться и согласиться на проведение в Кларендоне в январе 1164 года нового большого собора. Церковники ожидали, что там им удастся ограничиться туманной клятвой, которую позже можно будет легко нарушить. Однако король потребовал совсем другого: скрепленного подписями и печатями решения, что отныне клириков будет судить только королевский суд. Что их апелляции будет рассматривать сам король, а не папский престол. Что ни один церковник не сможет покинуть Англию без позволения короля. Что дети крепостных не могут уходить в монастырь или принимать сан без разрешения их лорда. Эти требования были чрезмерны, и собор устами Томаса решительно отверг их. Он заявил, что подвергать клириков светскому суду — все равно что «вторично приводить Христа на суд Пилата». В конце концов епископы были вынуждены сдаться; тогда разъяренный Томас воскликнул: «Хорошо, пусть позор клятвопреступления падет на одного меня!» После этого он поклялся принять королевские требования. Однако подкрепить свою клятву подписью и печатью отказался, сказав, что слово пастыря крепче всякой печати.

Сразу после собора архиепископ горько пожалел о своей уступке; без сомнения, его дальнейшее упрямство было вызвано раскаянием в этой минутной слабости. Он решил отказаться от исполнения своих обязанностей до получения прощения от папы. К папе обратился и король, прося у него подтверждения решения Кларендонского собора и назначения архиепископа Йоркского папским легатом в Англии — в пику непокорному кентерберийцу. Вторую просьбу папа Александр III одобрил, а в первой отказал, поскольку она означала ослабление влияния церкви. Томас решил лично отправиться к папе, который жил в изгнании во Франции, но статьи, принятые в Кларен-

доне, уже действовали, и моряки отказались перевозить его без позволения короля. Тогда архиепископ попросил встречи с Генрихом, и тот сразу же согласился. Он совсем не хотел, чтобы Бекет покинул страну и стал орудием Людовика или иного внешнего врага; он боялся, что папа наложит на Англию интердикт — запрещение всех церковных таинств, в том числе крещения и отпевания умерших. Мало кто из средневековых монархов осмеливался противостоять подобной угрозе. Поэтому король был ласков с Бекетом и с улыбкой спросил, зачем ему покидать королевство, где хватит места им обоим. Но эта улыбка не могла скрыть от Томаса простую истину: места им обоим в Англии нет.

Скоро конфликт вспыхнул вновь. Потребовалось присутствие архиепископа на судебном процессе, но он болел или сказался больным. Король в бешенстве заявил, что его бывший друг лжет, и велел доставить его с помощью шерифа. Когда Томас явился, король отказался даже поздороваться с ним. После завершения суда с архиепископа взяли 500 фунтов штрафа за неявку. Мало того — Генрих потребовал еще 500 фунтов старого долга времен их дружбы и подробного отчета о тех имениях, которыми Бекет распоряжался в бытность канцлером. Архиепископ упал на колени, прося милости, но король был непреклонен. На следующий день Томас должен был явиться ко двору и принять все требования; ему передали, что иначе его могут казнить или бросить в темницу. Оправившись от слабости, он подготовился к роли мученика. Сначала он хотел отправиться к королю босым и в одежде грешника; потом ограничился тем, что взял в руки тяжелый крест, который обычно несли перед ним во время процессий. Друзья отговаривали его: ведь это означало, что он взывает к Божьему суду против королевского беззакония. Но Томас настоял на своем. Гилберт Фолиот вышел, пробормотав «упрямый глупец», и с архиепископом остались только Герберт Бошамп и Фиц-Стефен. С ними он и отправился во дворец.

Едва он вошел, как граф Лестерский начал читать приговор. Но Томас прервал его, подняв крест и объявив, что отправляется искать защиты у папского суда, который выше королевского. С высоко поднятой головой он направился к двери, сопровождаемый криками: «Изменник! Изменник!» Особенно

усердствовал граф Гамелен; повернувшись, Томас бросил ему: «Будь я все еще рыцарем, мой меч доказал бы, что ты лжешь». У ворот он сел на лошадь и отправился в город, где его ждал совсем другой прием. Собралась толпа, лондонцы падали на колени и целовали края одежды архиепископа. Он в последний раз поужинал у себя дома, а утром тайно покинул город и сумел найти корабль, который перевез его через Ла-Манш. Там он был радушно принят королем Людовиком, а потом отправился в Сан и передал папе Александру текст Кларендонских установлений. Папа осудил их, но никаких других действий не предпринял — он сам был изгнанником и не желал ссориться с могущественным королем Англии. Томас обрел убежище в цистерцианском аббатстве Понтины в Бургундии, где он оставался шесть лет. За это время его влияние на родине ослабло; его сторонники понимали, что нужно для вида покориться и ждать развития событий. Но сам Бекет этого не понимал: он грозил королю отлучением, писал ему оскорбительные письма, просил помощи у папы. Их конфликт с Генрихом все больше терял принципиальное значение и приобретал характер надоевшей им самим личной ссоры.

Временно избавившись от опасного соперника, Генрих смог вновь заняться реформами. Он рассматривал решения Кларендонского собора лишь как промежуточный шаг на пути к полной унификации судопроизводства. В феврале 1166 года были приняты Кларендонские ассизы, по которым в каждом графстве предстояло выбрать представителей, обязанных выявить в своих городах и деревнях всех известных им преступников и передать их на суд королевских шерифов. Особо отмечалось, что при этом не должны учитываться никакие имунитеты и частные юрисдикции. Ассизы стали первым шагом в не завершенной до сих пор в английском суде замене «обычаев» системой писаных законов. Они также впервые попытались заменить множество феодальных юрисдикций и судов единым королевским правом. Был восстановлен англосаксонский принцип круговой поруки, открывший дорогу к самоуправлению общин, которые могли теперь привлекать к суду любого своего члена. Одновременно появились и другие ассизы, по которым любой свободный человек, лишенный земли без решения суда, мог обратиться с жалобой лич-

но к королю. Историк Мейтленд назвал этот закон «возможно, важнейшим в истории английского законодательства» — он покончил с эпохой «кулачного права» и дал возможность преодолеть произвол местных феодалов и чиновников обращением в высшую инстанцию.

Оставалась активной и внешняя политика Генриха. Сразу после бегства Бекета он отправился с войском в Уэльс, чтобы покончить с независимостью этой непокорной кельтской области. Южный и Центральный Уэльс были завоеваны, а сильный король Северного Уэльса Оуэн Гвинедд вновь признал себя вассалом Англии. Однако полного подчинения не получилось; после смерти Генриха валлийские князья вернули себе самостоятельность. В 1166 году король вновь отправился на континент — на этот раз не воевать, а заключать союзы. Теперь он рассчитывал увеличить свою империю привычным анжуйским способом, с помощью своего многочисленного потомства. Чтобы обезопасить свои владения со всех сторон, он выдал одну дочь, Алиенору, за короля Кастилии, а вторую, Джоанну, — за норманнского короля Сицилии. Третью дочь, Матильду, король отдал саксонскому герцогу Генриху Льву, чтобы укрепить альянс с его кузеном, императором Фридрихом. Владыка Англии задумал сложную многоходовую комбинацию, планируя в конце концов покончить и с королем Людовиком, и с упрямым Бекетом. Для этого он всячески обхаживал императора и поставленного им антипапу в Риме, отказавшись признавать власть законного папы Александра. Этой же цели служили все брачные союзы. Генрих просватал еще одну дочь Людовика, Алису, за своего сына Ричарда (напомним, что его старший сын Генрих уже был женат на французской принцессе). Другой сын, Джеffre, добился руки наследницы Бретонского герцогства в результате утомительных трехлетних войн.

Генрих решил еще при жизни поделить свои владения между сыновьями. С этой целью он добился от Людовика признания Генриха наследником Анжу и Мена, а Ричарда — наследником Аквитании. Заодно и сам король еще раз принес присягу Людовику — чтобы сплотить сыновей и окончательно разделить их сферы влияния. По этой схеме Джеffre получал Бретань, а любимый сын Джон оставался при отце, за что еще

тогда получил прозвище «Безземельный». Генрих планировал создать настоящую империю со стройной системой власти, но это было возможно лишь в одном случае — если бы сыновья любили отца и во всем ему повиновались. Но это оказалось далеко не так. Принцы выросли без отца, который был вечно занят, и питали к нему мало привязанности. Все они испытывали сильное влияние матери, Алиеноры Аквитанской, которая постоянно жаловалась на дурное обращение с ней супруга. К тому же принцы не меньше отца были подвержены приступам «анжуйского гнева», и ссоры между ними были почти неизбежны. Это безнадежно испортило всю вторую половину царствования Генриха и привело его к роковому концу.

Но пока король желал закрепить выстроенную им пирамиду власти и короновать Генриха как своего соправителя. На континенте такая практика была обычной, но в Англии к ней отнеслись без энтузиазма. Глава английской церкви отсутствовал, и король заставил провести коронацию Роджера, архиепископа Йоркского. 14 июня 1170 года Генрих Младший был торжественно коронован в Вестминстере, несмотря на запрещение папы и Бекета. Это дало новый толчок ссоре между королем и архиепископом. 22 июня два врага встретились в Фретвале. Поначалу Генрих был в хорошем настроении: он поклонился Томасу и даже снял шляпу. Но архиепископ сразу же бросился в атаку, говоря о недопустимости совершенной коронации. Король возражал, показывая письма папы, позволявшие Роджеру совершать подобные церемонии, — эти письма были написаны давно, после смерти архиепископа Теобальда, когда кентерберийская кафедра была вакантной. Он пообещал вернуть Томасу и его друзьям все владения и должности при дворе, если архиепископ признает коронацию и помирится с ним. В ответ Бекет сошел с коня и опустил на колени, но король поднял его и держал его стремя, пока он вновь сел в седло.

Однако Генрих упорствовал в одном. Он отказывался даровать бывшему другу «поцелуй мира», предлагая «сотню раз поцеловать его в губы, руки и даже ноги», но только не в щеку. Томас даже пошел на хитрость, подойдя к королю во время мессы, когда тот был обязан дать ему «поцелуй мира». Но Генрих тут же велел отслужить вместо обычной мессы заупо-

койную, при которой поцелуй не полагался. Такое упорное нежелание заставляет историков предполагать, что король уже тогда задумал убийство Бекета. Но скорее всего, он просто предвидел неизбежность новых ссор и не хотел своим прощением давать козырь сторонникам архиепископа. А их опять становилось все больше. За время четырехлетнего отсутствия Генриха в Англии копилось недовольство Кларендонскими установлениями и всей политикой короля. Как часто бывало в Средневековье, реформы в основном свелись к повышению налогов, которые на местах взимались с большими злоупотреблениями. «Щитовой» и прочие сборы тяжелым бременем легли и на крестьян, и на города, и даже на феодалов, которые прежде вовсе не платили налогов. В этих условиях англичане приветствовали Бекета как борца с тиранией короля.

Генрих понял, что пора действовать. В марте 1170 года он наконец вернулся в Англию и тут же вызвал для отчета всех шерифов графств и других высших чиновников. Через два месяца из двадцати семи шерифов на своих постах остались только семеро, а некоторые даже заплатились за свои проступки головой. Тогда же король собрал в Лондоне всех английских феодалов и добился от них присяги на верность Генриху Младшему. Присягу давали охотно — возможно, многие бароны предвидели, что это лишь ускорит возвращение столь желанной для них анархии. Тут королю пришлось вернуться во Францию, где Людовик и папа плели новые интриги. Рождество он встречал в Байе, и тут к нему явились Роджер Йоркский и другие епископы с известием, что Бекет вновь выступил против королевской воли. Архиепископ вернулся в Англию еще в июне, хотя Людовик посоветовал ему не полагаться на милость короля, отказавшегося дать ему «поцелуй мира». На это Томас ответил: «Да сбудется Господня воля». Король предвидел, что его сторонники — особенно рыцари, захватившие кентерберийские земли, — захотят убить изгнанника, и приставил к нему для охраны Иоанна, декана Солсбери. Но охранял Бекета простой народ — тысячи людей встречали его от моря до самого Кентербери, крича: «Да здравствует отец сирот, покровитель вдов!»

Вернувшись, Томас обнаружил, что его земли захвачены и разорены, урожай похищен, а крестьяне разбежались. Не-

смотря на уговоры друзей, он тут же проклял всех расхитителей церковного добра и заодно и тех епископов, что пошли на соглашение с королем. Он рассчитывал на поддержку юного Генриха, которого некогда воспитывал. Архиепископ отправился к нему с дарами, но по пути был встречен отрядом вооруженных рыцарей, приказавших ему вернуться обратно. Фактически он оказался на положении пленника, а вскоре претерпел новую обиду. Рыцари из воинственного семейства де Брок захватили корабль с вином и деликатесами, посланный Томасу королем Франции. К тому же они затевали драки с его слугами, охотились в его лесах, а под Рождество напали на его обоз и обрезали лошадям хвосты. Бекет не мог остаться безучастным к этим оскорблениям и на Рождество произнес проповедь на евангельские слова «на земле мир и в человецех благоволение». В проповеди он повел речь о своем близком мученичестве и тут же проклял всех де Броков.

Узнав об этом, король потерял всякое терпение и произнес слова, о которых после горько жалел. «Что за неблагодарных глупцов держу я при себе, — вскричал он, — если они не могут защитить своего господина от какого-то распоясавшегося клирика!» Тут же четверо рыцарей — Вильгельм де Траси, Хью де Морвилль, Реджинальд Фиц-Урс и Ричард де Бретон — оседлали лошадей и помчались к побережью. Через день они уже были в Англии, в замке Рэндольфа де Брока. По преданию, они обсуждали план преступления шепотом и в темноте, не видя даже собственных лиц. Утром все четверо отправились в аббатство Святого Августина в Кентербери, где находился архиепископ. Когда они вошли, он сидел на кровати в своей комнате и беседовал с друзьями. Рыцари оставили оружие у входа и прикрыли латы плащами, чтобы не выдать своих намерений. Внутри их провел сенешаль Томаса Уильям Фиц-Найджел, который хорошо знал всех четверых и даже расцеловался с ними при встрече. «Милорд, — объявил он, открывая дверь, — к вам рыцари от короля Генриха». — «Пусть войдут», — сказал архиепископ и встал.

Не обращая на пришельцев никакого внимания, он продолжил прерванный разговор. Рыцари между тем растолкали клириков и уселись на пол у ног Томаса. Наконец он повернулся к ним и поздоровался с де Траси. Тот промолчал, но

Фиц-Урс воскликнул: «Да поможет тебе Бог! Мы привезли послание для тебя от короля из-за моря. Желаете выслушать его наедине или при всех?» — «Как вы хотите», — ответил архиепископ, но все же кивком велел друзьям удалиться. Те, однако, заподозрили неладное и остались возле двери. Тут один из убийц схватился за тяжелый посох Бекета, лежавший на полу; видимо, он рассчитывал использовать его в качестве оружия. Заметив это, Томас крикнул: «Такие послания нельзя держать в секрете!» — и велел слуге позвать клириков обратно. Тогда рыцари начали перечислять обвинения короля в адрес Бекета, на которые он отвечал кратко и язвительно. Они потребовали, чтобы он отправился с ними во Францию, чтобы держать ответ перед Генрихом. «Никогда больше, — сказал Томас, — море не встанет между мной и моей паствой, если только меня не вытащат отсюда за ноги».

Обе стороны начали терять терпение. Рыцари вскочили на ноги, и Бекет спросил: «Уж не собираетесь ли вы убить меня?» Фиц-Урс завопил: «Он нам угрожает! Он хочет нас всех проклясть!» Возможно, у рыцарей первоначально не было плана убивать Бекета, но теперь отступать было поздно. К этому моменту вокруг архиепископа собрались его друзья и слуги. «Кто за короля, — крикнул Фиц-Урс, взявший на себя роль вожака четверки, — идите к нам!» Никто не шевельнулся. «Ладно, тогда стерегите его, чтобы не сбежал», — сказал Фиц-Урс, и рыцари отправились за оружием. В это время друзья уговаривали Томаса укрыться в церкви или в каком-либо потайном месте. Однако, по свидетельству своего друга и биографа Грима, «он так долго жаждал мученичества, что, когда время пришло, боялся отсрочить его или избежать и не желал идти в церковь, чтобы почтение перед святостью этого места не отвратило нечестивцев от их замысла». Друзья даже попытались увести его силой, но он сопротивлялся. Наконец они убедили его, что пора служить вечерню — было пять часов. В их окружении архиепископ вошел в церковь, но обнаружил, что забыл посох, и пошел назад к выходу. Там его и настигли четверо рыцарей с мечами и топорами; Фиц-Урс громко закричал: «Ко мне, слуги короля!»

Большинство монахов разбежалось. Некоторые пытались сопротивляться, но Томас велел им не превращать Божий

храм в поле битвы. С ним остались трое друзей — каноник Мертон Роберт, Фиц-Стефен и монах Эдвард Грим, который и описал все последующее. Они увели архиепископа в алтарь, который освещался только тусклыми лампадами. Рыцари вошли следом, и кто-то из них крикнул: «Где Томас Бекет, изменивший королю?» Фиц-Урс сгреб за шиворот одного монаха и занес над ним меч. Тут из-за колонны раздался спокойный голос Бекета: «Реджинальд, я здесь. Я не предатель, а архиепископ и слуга Божий. Что вам нужно?» — «Прости отлученных тобою епископов», — сказал Фиц-Урс. «Я не могу поступать иначе, чем поступал, — ответил Томас. — Реджинальд, я сделал тебе столько добра. Для чего ты вошел с оружием в мою церковь?» — «Ты должен умереть, — прорычал Фиц-Урс. — Я вырву твое сердце!» Тогда другой рыцарь, из жалости или раскаяния, крикнул: «Беги, или ты умрешь!» — «Я готов умереть за Бога и церковь, — ответил архиепископ, — но прошу вас не трогать моих людей».

Рыцари уже обнажили оружие в церкви и не хотели еще и совершить там убийство. Поэтому они схватили Бекета за одежду и попытались вытащить его из алтаря, но он, бывалый воин, отбросил их и занял позицию у центральной колонны. Де Траси получил такой сильный удар в живот, что не мог встать; остальные окружили архиепископа, обнажив мечи, пока он проклинал их и обзывал трусами. Фиц-Урс нанес первый удар мечом, который только сбил с Бекета шапку. Тот начал молиться, когда де Траси, пошатываясь, подошел к нему и ударил мечом по голове. «В руки Твои, Господи, предаю дух мой!» — воскликнул Томас и упал на колени. Следующий удар де Траси заставил его упасть лицом вниз, и в следующую минуту Ричард де Бретон рассек ему череп. «Так свиреп был этот удар, — живописует Грим, — что белая от мозгов кровь и красный от крови мозг окрасили стены церкви Богоматери в цвета лилии и розы». Четвертый убийца погрузил меч в расколотый череп Бекета и повернул его. «Пошли отсюда, — сказал он. — Изменнику уже не встать».

Когда ужасная новость достигла Франции, Генрих был на совете. Он уже подозревал, что рыцари собираются убить Бекета, и тщетно посылал гонцов, чтобы остановить их. Теперь он во всеуслышание плакал; он оделся в рубище и посыпал

голову пеплом; он на три дня заперся в своей комнате и то рыдал, то впадал в тупое оцепенение. Придворные боялись, что король сошел с ума. В это время народ Англии уже начал прославлять убитого архиепископа как святого. Вскоре после убийства пораженные ужасом монахи вошли в алтарь и вынесли оттуда тело своего пастыря. На лице Бекета застыла улыбка, а глаза были закрыты, словно он спал. Рядом валялся топор Фиц-Урса, который тот так и не использовал. Обнаружилось, что под богатой одеждой Томас носил власяницу, изъеденную вшами; насекомые кишели даже в его волосах. Тут уж не осталось никаких сомнений в его святости.

Смерть принесла Томасу больше любви и почитания, чем любой поступок, совершенный им при жизни. Народ канонизировал его сразу же, а уже через два года он был официально объявлен святым. Против Генриха обернулось общественное мнение всей Европы. Людовик и другие враги короля обратились к папе Александру, требуя самого сурового наказания. Папа, не желая ссориться со своим покровителем, даже заперся на восемь дней в своей опочивальне. Потом он вышел и объявил, что на Англию и все анжуйские владения будет наложен интердикт, если король не покается и не докажет делом свое подчинение церкви. Генрих, немного оправившись от горя, решил тянуть время. Он приказал, чтобы в Англию не допускался ни один иностранный корабль, на котором могли бы везти папскую буллу об отлучении. Сам он отправился в Уэльс, где уже собиралось войско для завоевания Ирландии.

Генрих давно уже точил зубы на «Зеленый остров», раздражаемый междоусобицами клановых вождей. Еще в 1155 году он планировал завоевание и даже получил от папы Адриана IV буллу, одобряющую этот шаг. Правда, этот документ в папских архивах найти не удалось, и многие историки считают буллу подделкой. Действительно, трудно было оправдать завоевание острова, жители которого с давних пор были христианами и принесли веру Христову во многие страны Европы, в том числе и в Англию. Конечно, в Ирландии и в самой ирландской церкви сохранялись пережитки язычества, чем и оправдывали англичане свою агрессию. Святые давно предсказывали, что ирландцев погубят раздоры и похоть, и случилось именно так. Во время одного из набегов король Ленстера

Дермот мак Морроу силой овладел Деворгиллой, женой вождя Тигернана О'Рурка, которая после этого почему-то отказалась вернуться к мужу, оставшись жить с Дермотом. Оскорбленный Тигернан обратился с жалобой к верховному королю Ирландии Родерику О'Коннору, и тот в 1166 году изгнал Дермота из его владений. Король Ленстера отправился ко двору Генриха и пообещал ему корону Ирландии в обмен на помощь. Замыслив побратался с нормандским графом Ричардом де Клэром по прозвищу Стронгбоу (Сильный Лук) и выдал за него свою дочь. В конце 1170 года англичане во главе с де Клэром высадились в Ирландии и захватили все восточное побережье. В следующем году Дермот внезапно умер, и его зять объявил себя графом Ленстера.

Генрих понял, что пора брать завоевание Ирландии в свои руки, и в августе 1171 года покинул Францию и отправился в Пемброк собирать войско. Военственные бароны Марча сотнями стекались под его знамена, и уже 17 октября король с четырьмя тысячами рыцарей высадился в Уотерфорде. Де Клэр счел за благо подчиниться и принес ему вассальную клятву; то же сделали короли всей Ирландии за исключением отдаленного Коннахта. Генрих оставался в Ирландии шесть месяцев, пока зимние ветры с запада препятствовали ему вернуться в Англию. Рождество он встретил в Дублине, в замке, выстроенном, по ирландскому обычаю, из кольев. К этому времени в его руках находилось все восточное побережье с главными городами, выстроенными скандинавами, — Уэксфордом, Уотерфордом, Лимериком и Корком. На соборе в Кэшеле высшее ирландское духовенство подчинилось ему и провозгласило королем острова. В марте 1172 года до него дошли наконец вести из Англии: папа готов был помириться с ним. Тут же Генрих стал готовиться к отплытию, оставив в Ирландии вице-короля Хью де Ласи и гарнизоны в основных городах. Он раздал в удел де Клэру и другим нормандским баронам захваченные ими владения, а Дублин даровал горожанам Бристоля для поселения и свободной торговли. Так было положено начало английскому завоеванию Ирландии; правда, остров приходилось не раз завоевывать снова — ирландцы постоянно восставали, да и англо-нормандские поселенцы не проявляли особой покорности короне.

На Пасху Генрих отплыл из Уэксфорда; в мае он уже был во Франции, где в городе Авранш его ждали папские легаты. Он принял все условия, на которых папский престол пообещал его простить. 21 мая к собору Авранша он торжественно поклялся, что не виновен в смерти Томаса Бекета. При этом он добавил, что дал повод к убийству своими неосторожными словами. Ради покаяния он давал обещание снарядить двести рыцарей на защиту Иерусалима от мусульман и самому отправиться в Крестовый поход. Он также обещал отменить все принятые им законы, противоречащие воле Рима; позволить клирикам обращаться в Рим с обжалованием приговоров королевского суда; вернуть Кентерберийскому архиепископству все отнятые у него владения. Вдобавок он пообещал защищать папу от всех его врагов. Во всем этом король поклялся, стоя на коленях у входа в церковь.

Со стороны казалось, что Генрих капитулировал перед церковью, но на деле он почти ничего не потерял. Кларендонские установления так и не были отменены; король заявил, что просто восстановил старые законы его деда. Он еще раз проявил свои выдающиеся качества, устояв перед угрозой, которая сломила бы любого другого монарха его времени. Он даже не стал наказывать убийц Томаса, а просто выдал их церкви, которая могла только отлучить их и отказать в совершении таинств. Это само по себе было достаточно тяжело — до конца жизни четверо рыцарей каялись и постились. Однако короля это уже не заботило. Покончив с опасным противником, он остался властелином обширной империи, к которой теперь добавилась Ирландия. Случай позволил ему подчинить и Шотландию — 13 июля 1174 года молодой и воинственный король этой страны Вильгельм Лев, вторгнувшийся с маленьким отрядом на территорию Англии, был разбит в битве при Алнвике и попал в плен. Ради своего освобождения он впервые в истории объявил себя вассалом английского короля и отдал ему главные крепости королевства — Бервик, Стирлинг и Эдинбург. Шотландия фактически лишилась независимости; правда, после смерти Генриха его сын Ричард освободил шотландцев от вассальной клятвы в обмен на большую сумму денег.

После всех этих завоеваний Генрих был самым могущественным королем в Европе и мог планировать новое наступле-

ние на Людовика. Однако в этот момент наивысшего подъема фортуна изменила ему раз и навсегда. Причиной стали его собственные сыновья. С ранних лет они недолюбливали отца; Алиенора жаловалась им на грубость и неверность Генриха, который повсюду окружал себя любовницами. Самой знаменитой из них была прекрасная Розамунда Клиффорд, о которой известно очень мало. По легенде она была дочерью булочника; Генрих хотел даже жениться на ней и для этого распускал слухи о неверности самой Алиеноры — в числе ее любовников был якобы даже знаменитый султан Египта Саладин. Легендой является и история об отравлении Розамунды по приказу Алиеноры. Как бы то ни было, в 1176 году «английская роза» умерла; епископ Линкольна Хьюг велел похоронить ее за оградой кладбища как «блудницу». Неожиданно король увлекся... невестой своего сына Ричарда, французской принцессой Алисой, которой едва исполнилось 15 лет. С младенчества она была обручена с Ричардом и по обычаям тех времен воспитывалась при дворе жениха. Генрих поселил девушку в соседнем доме и по вечерам тайком прокрадывался к ней, совершенно потеряв голову от страсти. Постепенно отец девушки Людовик заподозрил неладное и потребовал ускорить свадьбу. Папа снова пригрозил Англии отлучением, но Генрих просто не обратил на это внимания.

Его занимали более важные проблемы. В 1173 году восстал старший сын Генрих, который уже отчаялся стать настоящим королем — в свои сорок лет его отец был еще молод и крепок и явно не собирался делиться властью. Вдобавок он отличался экономностью и выдавал наследнику столь мизерное содержание, что тот не всегда мог выплачивать жалованье своим слугам. Горячо любимую жену Генриха Маргариту его отец упорно отказывался короновать — возможно, чтобы лишний раз досадить ее отцу Людовику Французскому. Только после примирения с церковью он согласился на коронацию, но продолжал ворчать, что лучше было бы нанять на потраченные деньги новых наемников.

Постоянные обиды и мелочные придирки отца переполнили чашу терпения Генриха, и он уехал во Францию, к Людовику. Когда в Париж явились послы старшего Генриха, Людовик заявил им, что не знает другого короля Англии, кроме

того, что находится рядом с ним. Генрих и правда вел себя как настоящий король — раздавал феоды, собирал войско и явно готовился к войне с отцом. Алиенора всячески подзадоривала сына и побуждала присоединиться к нему Ричарда и Джефре. Она сама в мужском платье пыталась покинуть Пуатье и примкнуть к заговорщикам, но была поймана и заключена в замок Солсбери по приказу супруга. Аквитанцы ненавидели нормандцев и были готовы к восстанию; даже в самой Нормандии тяжелое налоговое бремя вызывало недовольство. На сторону принцев встала и Бретань, желающая вернуть независимость, а Анжу и Мен ждали лишь случая, чтобы встать на их сторону. Даже в самой Англии народ не простил убийства Томаса Бекета, а бароны были всегда рады лишнему поводу для мятежа.

Старший Генрих оставался спокойным, пока его враги собирали силы. Верный себе, он не бросался в бой сразу, а медленно наращивал силы, укрепляя союз с церковью иставляя на важные посты людей, которых считал верными. Наконец в апреле 1173 года разразилась война. Мятежники вырвались из своих замков и принялись огнем и мечом опустошать земли, сохранившие верность королю. Однако они имели одну слабость, из-за которой их предприятие было обречено с самого начала. У них не было сильного, признанного всеми вождя. Молодой Генрих был красив, строен и великодушен; он имел хорошие манеры и унаследовал от отца страсть к наукам. Однако он не отличался ни умом, ни сильной волей. Людовик VII был умен, но нерешителен и к тому же стар. Ричард, которому только что исполнилось шестнадцать, уже был опытным и храбрым воином, но ни тогда, ни позже не проявлял талантов политика.

За несколько месяцев король сокрушил восстание — без больших потерь и решительных сражений, с помощью быстрых марш-бросков, осад, а иногда и подкупа. Когда все закончилось, он проявил свое великодушие, простив сыновей и даже вернув им прежние владения. Он хотел помириться и с Людовиком, но тот не желал мира и побудил принцев продолжить сопротивление. Одновременно он заключил союз с шотландским королем, и тот перешел в наступление на севере, которое бесславно завершилось при Алнвике. Король

метался из страны в страну, действуя то силой, то хитростью и рассеивая силы врагов, которые тут же собирались опять. Только раз он прервал войну — чтобы понести покаяние у величественной гробницы священикомученика Томаса в Кентерберри. Босой, в одной рубашке, он прошел от западных ворот города до собора и на его ступенях простоял несколько часов на коленях. После этого он обнажил спину, и все епископы нанесли ему по пять ударов розгами, а восемьдесят монахов — по три удара.

Почти сразу же святой явил свою милость — до Кентерберри дошли новости о том, что шотландский король попал в плен. Генрих тут же вскочил с постели, где отходил от покаяния, и, плача от радости, вознес благодарственную молитву. Дела пошли на лад и на континенте, и только Ричард продолжал отважно сопротивляться войскам отца в Пуату. Он терял одну крепость за другой и наконец сдался. В конце концов все сыновья примирились с королем. Но Людовик продолжал плести козни и через свою дочь настраивал младшего Генриха против старшего. То же делала и выпущенная из тюрьмы Алиенора. Покорившиеся для виду сыновья ждали только повода для нового мятежа. Все они обожали войну и даже после примирения с королем устраивали стычки друг с другом, прекрасно зная, что семейная привязанность в последний момент удержит и отца, и братьев от решительного удара. Позже Джефре сказал послам своего отца: «Разве вы не понимаете, что сама наша натура, заложенная поколениями предков, заставляет нас не любить друг друга, что брат может сражаться с братом, а сын — с отцом? Отнимать у нас это наследственное право — значит тщетно спорить с природой». Король тем не менее пытался утихомирить своих буйных потомков и заставить их любить если не его, то хотя бы друг друга. Однако его единственной опорой оставались младший сын Джон и ба-стард Джефре, которого он сделал канцлером.

Какое-то время братья сражались между собой. Ричард захватил крепости, принадлежавшие младшему Генриху, тот в свою очередь науськивал на Ричарда его аквитанских врагов, а Джефре пользовался любым случаем, чтобы причинять неприятности обоим. Король с горечью наблюдал, как сыновья растаскивают на куски созданную им с таким трудом им-

перию. В это время, в сентябре 1180 года, умер Людовик VII; ему наследовал сын Филипп-Август, который был не только умен, но и храбр и решителен. Он терпеть не мог Генриха и поклялся отобрать у него анжуйские владения, в конце концов сдержав эту клятву. С его воцарением междоусобицы сыновей вспыхнули с новой силой и достигли апогея, когда младший Генрих потребовал от Ричарда вассальной клятвы. Тот немедленно заявил, что имеет такое же право на наследство матери, как Генрих — на наследство отца, и поднял восстание в Аквитании. Король встал на сторону Генриха и отправил его подавлять мятеж в Пуату. Вместо этого тот присоединился к мятежникам и начал войну против отца и брата одновременно. Ричард убивал всех пленных, попавших к нему в руки. Когда король, пытаясь установить мир, прибыл в Лимож, лучники младшего Генриха обстреляли его и едва не убили.

Наконец Генрих примирился с отцом и собрался в Крестовый поход, потребовал от короля воинов и припасы. Получив все это, он вместо Святой земли двинулся в Ангулем, где разграбил и сжег монастырь Граммон, особенно любимый его отцом — Генрих даже завещал похоронить его там. Однако вскоре мятежный принц заболел дизентерией, перешедшей в лихорадку. Лежа в хижине кузнеца и чувствуя приближение смерти, он послал за отцом, но тот отказался приехать, поскольку вдоволь натерпелся от вероломства наследника. Он только послал сыну кольцо с сапфиром — как считалось, этот камень имел целительные свойства — и епископа Ажена для совершения таинства соборования. Умирающий Генрих попросил у отца прощения и отдал свой плащ крестоносца верному спутнику Уильяму Маршаллу, чтобы тот отправился с ним в Палестину. Его перевезли в Руан, где он и умер 11 июня 1183 года, во власянице и с покаянным вервием на шее. Его последней просьбой было вытащить его из постели и уложить в пыли; там он и умер, целуя кольцо, посланное отцом.

Теперь наследником престола стал Ричард, а Аквитания досталась Джону, любимцу отца, которому было уже 16 лет. Еще до этого Генрих вручил ему богатое герцогство Глостер, а затем сделал наместником Ирландии. В 1185 году Джон отправился на этот остров, но уже через несколько месяцев посыпа-

лись жалобы на его жестокость; принц заманивал в свой замок ирландских вождей и по волоску вырывал у них бороды, вымогая деньги. Джон оставался последней надеждой стареющего короля, но также не обладал способностями к управлению государством — он хоть и отличался умом, но был начисто лишен силы воли, постоянства и великодушия, свойственных самому Генриху. Как и братья, он больше всего любил сражаться и скоро отправился в Аквитанию, чтобы схватиться с Ричардом и Джефре. В это время умирающий от проказы король Иерусалима Балдуин завещал свой трон Генриху, но тот отказался отправиться в дальний поход, боясь оставлять государство на разорение сыновьям. В августе 1186 года умер Джефре, оставив управление Бретанью королю Франции. Генрих попытался оспорить это решение и послал против Филиппа войско во главе с Ричардом. Тот незамедлительно перешел на сторону врага и разграбил сокровищницу отца в Шиноне. После этого он, удовлетворившись достигнутым, примирился с Генрихом. Наблюдая за поступками Ричарда, нам трудно понять, почему его считали идеальным рыцарем; однако надо учитывать, что реальный рыцарский кодекс того времени сильно отличался от изображенного Вальтером Скоттом и другими романтиками. Несомненно, по понятиям тех лет у Львиного Сердца были причины восставать против отца — достаточно вспомнить отнятую у него маленькую Алису.

2 октября 1187 года армия Саладина заняла Иерусалим. Эта новость как гром поразила христианский мир и вызвала новую волну крестоносного энтузиазма. И Генрих, и Ричард приняли крест и начали собирать войско. Желавших было так много, что во избежание неразберихи кресты им выдавались по национальному признаку: англичане носили белый крест, французы — красный, фламандцы — зеленый. Снаряжение требовало денег, поэтому король ввел новые налоги в анжуйских владениях, и так уже изнемогавших от груза податей. Пока шли сборы, Ричард ввязался в войну с Тулузой, и против него выступил недавний союзник Филипп. Генрих выступил из Англии на помощь сыну, и Крестовый поход был на время забыт. Враги увлеченно резали друг друга, выясняя, кто именно виноват в потере Иерусалима. Наконец война окончилась, но Филипп требовал немедленно выдать его сестру Алису за-

муж за Ричарда. Влюбленный Генрих отказался, и Ричард тут же восстал опять. В гневе король лишил его титула наследника в пользу Джона; тогда Ричард перешел на сторону Филиппа и принес ему оммаж за все континентальные владения, кроме полученных от отца.

Двор Генриха уже не осаждали рыцари, жаждущие славы и почестей. Здоровье короля портилось; его мучил свищ, остаток старой раны. Бесконечные войны и «Саладинов налог» истощили казну, и чиновники не получали жалованья. Многие уезжали к Ричарду, который строил грандиозные планы войн и завоеваний. Жизнь все чаще казалась королю прожитой зря. Выстроенное с таким трудом здание империи готово было каждый миг рассыпаться от соединенных усилий Филиппа и Ричарда. Увидев слабость своего противника, эти двое тут же начали решительную атаку, захватывая город за городом. Папа поддержал их — ему было важно, чтобы война прекратилась как можно скорее и начался Крестовый поход. Люди Генриха разбегались или переходили на сторону сильнейшего. Король болел и ни на шаг не отпускал от себя священника, готовый к смерти. 12 июня 1189 года в Ле-Мане он едва не сторел, когда его же солдаты выжигали поле и ветер неожиданно изменил направление.

Скоро к городу подошли войска Филиппа и Ричарда, и Генрих с кучкой солдат ушел в сторону Алансона. Впервые в жизни он без боя бежал от неприятеля; на вершине холма он обернулся и увидел объятый пламенем Ле-Ман. Воздев руки вверх, он проклял Бога. «Город, что я любил больше всего на свете, — кричал он, — где я родился и вырос, где похоронен мой отец и где лежит тело святого Юлиана, — его, Господи, ты к вящему моему стыду и позору отнял у меня столь жестоко! Я отплачу тебе, как могу! Я лишу тебя того в моей душе, что тебе дорого!» Пока он плакал и сыпал проклятиями, приблизилась погоня во главе с самим Ричардом. Стояла сильная жара, и больной, умирающий король из последних сил гнал коня, чтобы спастись от разгневанного сына. Спас его Уильям Маршалл, его единственный верный друг последних лет. Он бросился на Ричарда, и тот испугался, увидев победителя бесчисленных турниров. «Не убивай меня, Маршалл! — срывающимся голосом крикнул он. — Ты же видишь, я без шлема!» — «Убивать те-

бя? — усмехнулся Уильям. — Нет, я оставлю тебя дьяволу». Он опустил копье, и оно пронзило лошадь вместо всадника.

Генрих решил отправиться в Анжу. Там находились последние верные ему замки, и он поклялся, что Ричард их не получит. Теперь ненависть к сыну была его главным чувством. Но он не мог ничего поделать — сил оставалось все меньше, придворные, кроме верного Маршалла, перебежали к Ричарду, а Джон находился в Англии, где появлялись все новые мятежники. Филипп приказал королю явиться на поле возле Тура, и тот, еще недавно могущественнейший монарх Европы, был вынужден подчиниться. Он кое-как взобрался на коня, но на полпути силы оставили его, и он был вынужден остановиться в замке рыцарей-тамплиеров в Баллане. К Филиппу и Ричарду отправились гонцы с просьбой подождать, но они потребовали, чтобы умирающий король предстал перед ними уже на следующий день.

В Генрихе взыграла белая анжуйская гордость. Из последних сил он встал с постели и поскакал к месту встречи. Увидев его, Филипп и Ричард поняли, что его промедление не было уловкой — так явно печать смерти отражалась на его пепельном лице. Во внезапном порыве сострадания Филипп снял плащ и постелил на траву, чтобы его враг мог сесть поудобнее. Однако Генрих не стал слезать с лошади; он только потребовал у французского короля ответа — по какому праву тот разоряет его земли. Тогда Филипп отбросил дипломатию и заговорил прямо. Он сказал, что Генрих должен сдаться на его милость и принести ему оммаж, а также уплатить ему двадцать тысяч марок и вместе с ним отправиться в Крестовый поход. Все эти условия король должен был подтвердить в присутствии своих баронов. Кроме того, ему предстояло вновь объявить Ричарда наследником и передать ему все владения на континенте.

Какое-то время Генрих молчал. Он не мог не принять этих требований. Но принять их — означало своими руками разрушить все созданное за долгие годы. Внезапно в безоблачном июльском небе громыхнул гром — словно гневался Бог или старый анжуйский демон, предок Плантагенетов. За первым ударом раздался второй, и кони королей в страхе шарахнулись назад. Генрих едва не упал, но его вовремя поддержали слуги. Воля его была сломлена, и он без споров согласился

на все продиктованные ему условия. Он даже подарил сыну-предателю то, в чем так долго отказывал несчастному Томасу Бекету, — «поцелуй мира». В последний раз обнимая Ричарда, он яростно прошептал ему на ухо: «Дай Бог мне прожить достаточно, чтобы отплатить тебе, как ты того заслуживаешь!» Но тот только рассмеялся в ответ.

Генрих попросил у победителей только одно — список тех его приближенных, кто вел с ними тайные переговоры. Вечером он расположился на ночлег в Шиноне и попросил своего вице-канцлера, Рожера де Мальша, прочесть ему имена предателей. Рожер взял пергамент, но тут же со вздохом отложил его. «Да простит меня Иисус Христос, сир, — медленно сказал он, — но первым там стоит ваш сын, принц Джон». — «Все, хватит», — взмолился Генрих, окончательно сраженный этим ударом. Мгновение он молчал, потом воскликнул: «Может ли быть такое? Джон, мой дорогой сын, мое сердце, ради которого я претерпел все эти муки, — неужели и он предал меня?» Он откинулся на подушки и повернулся лицом к стене. «Будь что будет, — прошептал он. — Теперь меня не заботит ничто на этом свете».

Но он еще не умер. Длились часы агонии, когда он никого не узнавал, осыпал проклятиями своих сыновей и отталкивал епископов, пытавшихся соборовать его. Наконец прибыл ба-стард Джефре, которому удалось немного успокоить умирающего. На его плече король немного поспал и, проснувшись, сказал тихо: «Мой дражайший сын, ты один всегда был мне истинным сыном. Если, с Божьей помощью, я оправлюсь от этой болезни, я буду тебе лучшим из отцов и вознесу тебя выше всех в королевстве. Если же я не выживу, то пусть Господь наградит тебя за неизменную верность мне». — «Ах, отец, — ответил Джефре, — мне не нужно иной награды, кроме восстановления твоих силы и власти».

Потом безумие вернулось вновь, и Генрих много раз повторял одну и ту же фразу: «Позор, позор побежденному королю!» Во время последнего прояснения он отдал Джефре золотое кольцо с выгравированным на нем леопардом для будущего мужа своей дочери Алиеноры и сказал, где находится такое же кольцо, которое предназначалось самому Джефре. После этого он отпустил сына и велел отнести себя в церковь, где ис-

поведался и принял соборование. После этого он полностью пришел в сознание и тихо скончался вечером 6 июля. Когда в Шинон прибыли его друзья во главе с Уильямом Маршаллом, замок был уже дочиста разграблен слугами. Даже с тела короля сняли одежду, и одному рыцарю пришлось накрыть его своим плащом. Покойного на руках отнесли в близлежащее женское аббатство Фонтевро, где и похоронили, исполнив давнее пророчество — «король, так любивший женщин, и после смерти будет лежать с ними».

Смерть Генриха не принесла покоя в анжуйские владения. Узнав о переходе к нему короны, Ричард пышно отпраздновал победу с Филиппом-Августом, потом вместе с ним отправился осаждать очередной замок. В Англию он вернулся только в августе и почти сразу засобиравшись в Крестовый поход. Из десяти лет правления он пробыл в Англии меньше года, а остальное время занимал себя славными и бессмысленными подвигами в Святой земле и других местах. Ему не удалось освободить Иерусалим, а на обратном пути он попал в руки австрийского герцога, провел в темнице четырнадцать месяцев и был отпущен только за громадный выкуп, окончательно опустошивший казну королевства. Многие считали, что герцог заточил Ричарда по тайному соглашению с принцем Джоном, который управлял Англией в отсутствие брата и снискал дурную славу в народе. Он пытался восстановить систему управления, созданную отцом, но проявлял при этом жестокость вместо разумной твердости, настроив против себя не только горожан и йоменов, но и большинство баронов. Положение оставалось стабильным лишь благодаря усилиям двух людей — архиепископа Кентерберийского Хьюберта Уолтера и Уильяма Маршалла, который без перерыва служил четырем анжуйским королям. После него должность графа-маршала стала наследственной для его потомков, да и сейчас маршал играет ведущую роль в коронации английских монархов.

Вернувшись из плена в 1194 году, Ричард тут же отправился во Францию, где его бывший союзник Филипп пытался отвоевать анжуйские владения. Пять лет прошло в осадах, стычках и турнирах, пока 6 апреля 1199 года Львиное Сердце не был близ Лиможа убит стрелой из арбалета, пушенной со стены замка. Детей у него не было — хоть он и женился в 1191 го-

ду на наваррской принцессе Беренгари, однако, как истинный великий воин, предпочитал ей мужчин. При этом он имел двоих бастардов, которые унаследовали буйный характер отца и сложили голову в сражениях. Бесспорным властелином Англии стал Джон; правда, сын Джефре Артур Бретонский тоже попытался претендовать на корону, но был очень скоро убит по тайному приказанию Джона. Этот неудачливый король не зря носил прозвище Безземельного — казалось, не было земли, которая ни горела бы под его ногами. В 1202 году Филипп-Август потребовал от него уступки всех владений на континенте; в последующих войнах Нормандия, Анжу и Мен оказались захвачены французами, и у Плантагенетов осталась лишь Аквитания, наследство Алиеноры. Сама герцогиня умерла в 1204 году в своем дворце в Пуатье, пережив всех своих сыновей, кроме нелюбимого Джона.

Подобно своему предку Вильгельму II, Джон затягивал назначение епископов на вакантные кафедры, а в это время распоряжался их доходами. Он даже попытался не допускать в Англию назначенного архиепископом Кентерберийским Стивена Лэнгтона. Случилось это в 1208 году, при великом папе Иннокентии III, и тот, недолго думая, наложил на Англию интердикт. Однако уже тогда значительная часть британских священников предпочла подчиниться королю, а не папе, и отлучение не произвело того действия, на которое надеялся Иннокентий. В конце концов в 1213 году стороны достигли соглашения, но тут на Джона обрушилась новая напасть. Не меньше церковных владений он любил прибирать к рукам земли баронов, часто не обращая внимания на права оставшихся наследников. К тому же он продолжал увеличивать налоги.

Правда, следуя заветам отца, Джон всячески защищал права и привилегии городов, но трусливая городская буржуазия не могла защитить его в 1215 году, когда разразился открытый баронский мятеж. Всеми покинутый и окруженный врагами, Джон был вынужден подписать 15 июня на лугу Раннимед близ Виндзора знаменитую Великую хартию вольностей из 63 статей, справедливо названную «краеугольным камнем английской свободы». В ней впервые были зафиксированы общие для всех свободных людей правовые нормы, соблюде-

ние которых было обязательным для короля. В случае нарушения королем статей хартии специально созданный совет 25 баронов получал право объявить ему войну. Джон был вне себя от такого нарушения его прав. Едва подписав хартию, он бежал на запад, пытаясь найти помощь у короля Гвинедда Ллевелина Великого, за которого он выдал дочь Джоан. С первой женой, Изабеллой Глостерской, Джон развелся в 1199 году из-за ее бездетности. Вторая, Изабелла Ангулемская, родила ему двух сыновей и трех дочерей. Старший сын Генрих был еще ребенком, когда его отец был изгнан из столицы восставшими баронами.

По легенде, заплутав в валлийских лесах, Джон потерял там все регалии, включая свою королевскую корону. Так это или нет, но зять Ллевелин оказал ему кое-какую помощь, и война с баронами вспыхнула с новой силой. В разгар ее Джон умер 18 октября 1216 года в Ньюарке. Ненависть к нему была столь велика, что его похоронили не в Вестминстере, а в Вустерском соборе. Бароны даже не хотели видеть королем его девятилетнего сына и предложили на престол французского принца Людовика, сына Филиппа-Августа. Однако верный страж короны Уильям Маршалл позаботился о скорейшей коронации Генриха III. Лондон был занят восставшими, и церемония совершилась в Глостере 28 октября. Законного короля решительно поддержал папа, пригрозивший его противникам отлучением; в благодарность юный король объявил себя вассалом папы. Уильям Маршалл стал регентом государства и 20 мая наголову разбил армию претендента Людовика при Линкольне.

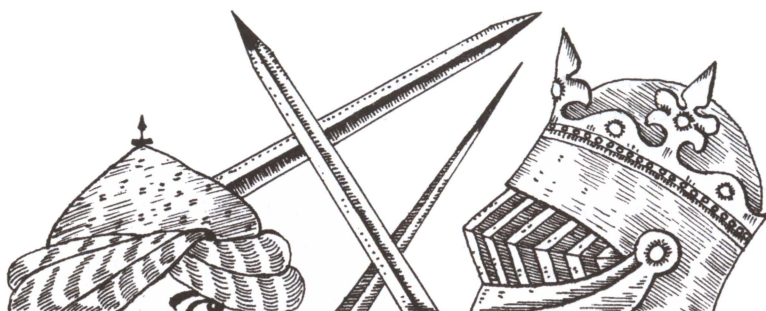
В 1219 году граф-маршал умер, и управление Англией перешло в руки королевы-матери Изабеллы и ее приближенных. Только в 1232 году Генрих достиг совершеннолетия и начал вести самостоятельную политику — причем довольно неудачно. В 28 лет он женился на Элеоноре, дочери графа Барселоны Раймунда Беренгера; она родила ему шестерых сыновей и четырех дочерей. Старший сын, Эдуард, или Эдвард, с ранних лет воспитывался как наследник и принимал участие во всех мероприятиях отца. Второй сын, Эдмунд, стал герцогом Ланкастерским; в 1254 году отец попытался сделать его королем Сицилии и четыре года вел дорогостоящую и заведомо обреченную на неудачу войну против Арагона. Таким же неудач-

ным оказалось избрание брата Генриха Ричарда Корнуэльского на императорский престол: он так и не смог добиться какой-либо реальной власти. Ричард, как и его сын Генри де Алмейн, были типичными рыцарями, храбрыми и жестокими. В отличие от них, король Генрих III во многом опередил свое время. Он был книгоцеем, покровителем ученых и писателей, тонко чувствовал прекрасное. Будучи глубоко и искренне верующим, он отдал много сил постройке и реставрации храмов и монастырей. При этом был безволен, непостоянен, недальновиден, находился под влиянием своих советников и супруги. Он пытался стать национальным английским королем, но был окружен французскими родичами и советниками, пытавшимися навести в стране свои порядки.

При этом Генрих долгие годы вел войну с Францией, пытаясь вернуть потерянные при Джоне анжуйские земли. Наконец в 1259 году он был вынужден заключить Парижский мир и окончательно уступить Франции Нормандию, Анжу и Мен. Правда, богатые порты Аквитании или Гиени остались за Англией, но Генриху пришлось принести за эту область оммаж королю Людовику IX. Тем временем привыкшие к самостоятельности бароны потребовали от Генриха соблюдения статей Великой хартии. В июне 1258 года собрался так называемый «Бешеный парламент» — Большой совет баронов, который вынудил короля принять так называемые Оксфордские провизии. Этот документ ограничивал власть короля так называемым парламентом — советом 27 баронов, который планировалось созывать трижды в год. Тогда парламент так и не собрался, но впервые появилось это слово, имевшее большое будущее.

Однако баронам не пришлось попользоваться обретенной властью. Против них выступил союз городов, церкви и мелких рыцарей — всех, кто боялся возвращения феодальной анархии и дорожил достигнутым за годы правления Плантагенетов относительным миром. Этот союз побудил короля издать в 1259 году новые Вестминстерские провизии, защищавшие интересы рыцарства и городов. Вскоре, однако, часть рыцарей и горожан выступила против короля в союзе с баронами. Началась десятилетняя «баронская война», вновь принесящая в Англию смерть и разорение. В конце ее Генрих уже фактиче-

ски уступил своему наследнику Эдуарду власть, которая всегда была ему в тягость. В последние годы жизни король постоянно молился, носил власяницу и выходил из дворца только в церковь. Умер он 16 ноября 1272 года, завещав похоронить себя в гробу короля Эдуарда Исповедника. Возможно, это странное желание было продиктовано старческим слабоумием. Его правление было полно знаменательных событий, но участие в них самого Генриха было довольно незначительным. Совсем иным стало царствование его сына Эдуарда I, чья яркая, противоречивая личность отражалась буквально в каждом шаге королевской власти.

Сын Генриха III Эдуард имел три прозвища. Самым популярным и невыразительным из них было «Лонгшенкс» (Длинное Стремя) — король отличался высоким ростом. В его гробнице, вскрытой в 1774 году, нашли скелет высотой 182 сантиметра. Еще его называли «Цвет рыцарства», поскольку до самой старости никто не мог одолеть его ни на поле боя, ни на турнире. Сила ног его была такова, что он ни разу в жизни не вылетал из седла. Ему не было равных во владении мечом и копьем, в стрельбе из лука и в прочих воинских искусствах. Вся жизнь его прошла в захватнических войнах, о чем говорит третье прозвище Эдуарда — «Молот шотландцев». Завоевание Шотландии было самым славным и самым недолговечным предприятием короля.

С детства Эдуард отличался необычайной удачливостью. В девять лет он как-то беседовал с придворными во дворце и вдруг встал и вышел. Через минуту на то место, где он сидел, упал сверху тяжелый камень. В Париже молния ударила совсем рядом с королем, убив одного из слуг. При осаде

Стирлинга шотландцы выстрелили в него из арбалета — тяжелая стрела угодила в седельную луку, не причинив Эдуарду никакого вреда. До самой смерти он ничем серьезно не болел и, участвуя в бесчисленных сражениях, ни разу не получил тяжелой раны. Ему, как и его предкам, были присущи приступы «анжуйского гнева», но он быстро отходил и прощал обидчиков. Не раз он щедрой рукой платил за лечение избитых в гневе придворных. Позже не раз отвешивал пощечины сыну, принцу Уэльскому Эдуарду, которого не без оснований считал неспособным к правлению. Как-то в ярости он швырнул в камин свою корону, и ее пришлось ремонтировать. В милостях Эдуард был так же неуправляем, как в гневе. Он первым из английских королей начал наложением рук лечить подданных от золотухи и за тридцать лет излечил, по сомнительным подсчетам хронистов, до 20 тысяч человек.

Король был неприхотлив и в пище, и в одежде. Вместо пышных нарядов он всю жизнь носил простую куртку, отороченную мехом. Когда его спросили, почему он так скромно одевается, Эдуард ответил: «Ни разу не слышал, чтобы одежда сделала кого-нибудь лучше». Он был неплохо образован и отличался красноречием, несмотря на заикание. Уважал ученых, особенно юристов, а вот к представителям свободных искусств относился пренебрежительно. Из литературы любил только баллады о рыцарских подвигах. Не жаловал и церковников, хотя был истово религиозен. Его вера была верой воина, сознающего свою правоту и считающего своих врагов врагами Божьими. Вряд ли он раскаивался в своих многочисленных жестокостях, да и обман в интересах дела не считал большим грехом. Современник говорил о нем: «Когда он в затруднении, то пообещает все, что угодно, но после победы сразу забывает обещания». Власть была для Эдуарда превыше всего. Поразительная целеустремленность и сила воли позволили ему достичь более прочных и значительных результатов, чем Генриху II, с которым его часто сравнивали. Он впервые создал в Англии национальное государство, более прочное, чем лоскутная империя Генриха. Новые законы, завоевание Уэльса и Шотландии, перестройка армии — все это служило звеньями единого плана, в осуществлении которого Эдуард I преуспел больше всех других Плантагенетов.

Он родился 17 июня 1239 года в Вестминстере. Его появление на свет было радостным событием, поскольку королева Элеонора три года не могла произвести на свет наследника. В Лондоне и других городах были устроены праздники, и народу раздали столько подарков, что современники говорили: «Бог подарил нам этого младенца, но наш господин король выкупил его у нас». Через четыре дня после рождения младенец был крещен папским легатом Одо и получил имя в честь Эдуарда Исповедника — любимого персонажа своего рыцарственного и богомольного отца. Это подчеркнуло новые веяния: короли Англии все больше гордились английским прошлым и английской кровью. Окончательно исчезло отчуждение между англосаксами и потомками Завоевателя, и они постепенно слились в единый народ. Вскоре это вылилось во вспышки шовинизма, направленного против шотландцев, французов и всех врагов «доброй старой Англии».

Одним из восприимчивиков Эдуарда стал его будущий враг Симон де Монфор, граф Лестерский, чья жена была теткой новорожденного. Принц воспитывался в Виндзоре под опекой Хью Джильярда, старого воина, который с четырех лет научил его владеть мечом. Научкам его учил капеллан Роберт Барнелл — став королем, Эдуард не раз пытался сделать его главой английской церкви. В пять лет мать, Элеонора Прованская, впервые вывезла сына в Европу, на открытие построенной ей по обету церкви в Болье. После морского путешествия Эдуард занемог и три недели пролежал больной; мать была вынуждена на это время поселиться в соседнем цистерцианском монастыре вместе со своими менестрелями и сокольничими. В Провансе дамы очень любили соколиную охоту, но в Англии это казалось диким. Элеонору вообще не любили в ее королевстве, считая легкомысленной и заносчивой чужестранкой; кстати, говорить по-английски она так и не выучилась. Принц не питал особой любви к матери, да и от отца был достаточно далек. Он рано осознал, что Генрих — слабый король, а сам он хотел быть сильным.

В 1247 году король попытался устроить брак Эдуарда с одной из дочерей брабантского герцога Генриха, но тот тянул время, справедливо указывая на болезненность принца. И в самом деле — в сентябре Эдуард опять слег, и король

даже велел всем монахам Лондона и окрестностей молиться о его выздоровлении. После этого пять лет о принце ничего не было слышно. По-видимому, он продолжал постигать науки в Виндзоре и достиг кое-каких успехов. Во всяком случае, в 1252 году, когда Генрих назначил его графом Гаскони, перед новыми подданными предстал совсем не тот Эдуард, что прежде вечно болел и прятался за мамину юбку. Теперь это был настоящий Плантагенет — сильный, уверенный в себе, хорошо владеющий как мечом, там и словом. Воспитатели внушили принцу любовь к настоящим мужским занятиям и неприязнь к трубадурам и разряженным шеголям, которых было так много в свите матери. Эдуард питал почтение к наукам, но изящные искусства всегда были чужды ему — поэтому он после так гневался, обнаружив тягу к ним в своем сыне.

Ему самому было всего тринадцать лет, когда отец назначил его управлять чужой беспокойной страной. Правда, сначала Генрих решил посетить Гасконь сам и добиться клятвы верности сыну от переменчивых местных баронов. Когда его корабль отплывал из Портсмута в августе 1253 года, Эдуард стоял на берегу и горько плакал. Опекать его остались мать и дядя Ричард, граф Корнуолла. Чтобы обезопасить владения Эдуарда от нападений короля Кастилии Альфонса X, Генрих решил женить сына на сестре Альфонса Элеоноре. Он обещал молодым не только Гасконь, но и Ирландию с Уэльсом, однако недоверчивый испанец пожелал лично увидеть будущего свояка. В мае 1254 года Эдуард покинул Англию, посетил Гасконь, где ему устроили торжественную встречу, и прибыл в Бургос. В конце октября он женился на Элеоноре в монастыре Лас-Уэльгас и был торжественно посвящен королем Альфонсом в рыцари. Отец со своей стороны дал ему Гасконь, Ирландию, Уэльс, Бристоль, Стэмфорд и графство Честер и поклялся, что, если доход от всех этих владений не превысит 15 тысяч фунтов, он будет доплачивать сыну остальное.

Однако скоро безмятежные отношения Эдуарда с его отцом ушли в прошлое. В ноябре 1255 года принц вернулся в Англию, где уже находилась его молодая жена, сразу полюбившаяся лондонцам. Черета торжественных приемов и балов прервалась известием, что в Бордо королевские чиновники незаконно конфисковали у гасконских купцов обоз с вином. Эдуард

тут же заявил, что не допустит в отношении своих подданных несправедливости, «от кого бы они ни исходили». Король был очень расстроен и даже воскликнул, что вернулись времена Генриха II, когда сын шел против отца. Принц был настроен так решительно, что Генриху пришлось уступить и возместить ущерб обиженным торговцам. К счастью, вскоре боевой дух Эдуарда устремился в иное русло — в июне 1256 года он бился на турнире в Блайте, причем в легких латах, что считалось очень опасным. Однако ничье копьё так и не смогло пробить латы принца, поскольку он сам вышибал всех противников из седла своим тяжелым копьём, подаренным Альфонсом Кастильским. В августе того же года он вместе с отцом участвовал в турнире в Лондоне, устроенном в честь короля Шотландии Александра III и его молодой супруги Маргариты — дочери Генриха.

Развлекаясь на турнирах и пирах, принц не особенно заботился об управлении своими многочисленными поместьями. Он слишком доверял слугам и управляющим, которые допускали многочисленные злоупотребления. Еще худшие дела творили привезенные им из-за моря гасконские и испанские дворяне, привыкшие на родине к разбойному образу жизни. Под их влиянием и сам принц вел себя с англичанами как французский сеньор с крепостными, забыв о давних традициях свободы и достоинства, существующих в Англии. Во главе шайки «золотой молодежи», в которую входили его кузен Алмейн и четыре сына Монфора, Эдуард наводил ужас на окрестности. Как-то они даже ограбили аббатство Уоллингфорд, а монахов избили. Хронист Матвей Парижский сообщает, что однажды Эдуард велел отрезать уши прохожему, который недостаточно быстро снял перед ним шапку. Такие случаи быстро убавили любовь англичан к принцу и заставили их задуматься о том, каким он будет королем. Он настроил против себя и могущественных баронов, открыто говоря, что на месте отца не стал бы уступать их давлению.

В это время внимание Эдуарда отвлек Уэльс. В числе других даров отца он получил в этой области так называемые «четыре сотни» — земли между реками Конвей и Ди, завоеванные англичанами. Подданные короля в этом районе постоянно подвергались набегам валлийцев, покончить с которыми не

было никакой возможности. Южный и Западный Уэльс уже давно находились в руках англичан, но северная часть страны оставалась в руках князей или королей Гвинедда, которые только эпизодически признавали власть Англии. Северный Уэльс с его дикими горами и вольными, непокорными жителями оставался постоянным источником беспокойства для Генриха III и его сына, как и баронства Марча, чьи сеньоры, пользуясь пограничным положением, фактически не подчинялись короне. Эдуард разумно предположил, что для подчинения Уэльса необходимо прежде всего уничтожить древнюю клановую систему. Для этого он приказал своему лейтенанту Джеффри Лэнгли разделить подвластную ему территорию на графства и ввести там английскую систему управления и налоги. В ответ в ноябре 1256 года король Гвинедда Ллевелин ап Гриффид вторгся во владения Эдуарда и жестоко разорил их при полной поддержке местных валлийцев. Принц двинул против него конный отряд, но зима была теплой, и рыцари застряли в грязи. Легкие отряды Ллевелина наносили англичанам тяжелый урон, наемники требовали денег, а Эдуард не мог им заплатить — доходы от имений были растрочены на развлечения или разворованы.

В следующем году набег повторился. Эдуард попросил денег у отца, но получил ответ: «Я дал тебе земли — чего же еще?» Принц был вынужден продать часть своих владений Гийому де Валансу, одному из своих чужеземных приближенных, что еще больше ухудшило его репутацию. Гийом пытался внедрить в новых владениях французские порядки, без разбора вешая и бросая в темницу как вилланов, так и свободных крестьян. Еще одно владение, остров Олерон, Эдуард пытался продать Ги де Лузиньяну, но этот граф так враждебно относился к Англии, что король запретил сделку. В это время мятежные валлийцы объединились с шотландскими баронами и совместно опустошили пограничные графства, что еще более ухудшило положение страны, страдавшей от плохого управления и баронских смут. В апреле 1258 года в Вестминстере собрался парламент, который вынудил Генриха подчиниться власти совета 24 баронов. Эдуард и его дядя Ричард отказались подписать Оксфордские провизии и были осаждены в Винчестерском замке. Голод заставил их сдаться; скреже-

щущий зубами от бешенства принц должен был передать свои владения под опеку назначенных советом баронов. Как кажется, король лично приезжал в Винчестер, чтобы убедить сына сдаться. В ответ тот публично обвинил его в трусости, и помирились они только осенью, во время совместного паломничества в монастырь Святой Свитгуны.

В следующем году в баронской партии произошел раскол. Граф Лестерский Симон де Монфор выступал за продолжение реформ в интересах широких слоев свободного населения, в то время как другой глава совета, граф Глостер, защищал только интересы феодалов. Обе партии старались заручиться поддержкой власти. 13 октября, во время сессии парламента в Вестминстере, Эдуард получил петицию от «холостяцкого сообщества» — мелких рыцарей, у многих из которых даже не было своей земли. Рыцари указывали, что бароны не выполнили обещаний и «использовали свой успех лишь для собственного обогащения и унижения короля». В ответ Эдуард заявил, что готов отдать жизнь за права сословий, и пригрозил, что, если бароны не будут выполнять свои клятвы, он тоже откажется от своих, данных при подписании Оксфордских провизий. В результате парламент принял новые Вестминстерские провизии, ослабившие зависимость короля от феодалов. В частности, было отменено решение о замене королевских шерифов в каждом графстве комиссией из четырех баронов. Эдуард весьма искусно ссорил своих врагов между собой и исподволь ограничивал баронскую власть с помощью государственных чиновников. Его влияние сильно выросло, тем более что король в то время находился во Франции.

Весной 1260 года Генрих получил донесение о том, что его сын совместно с графом Лестерским готовит заговор для отстранения его от власти. Правда, Ричард Корнуэльский тут же послал брату опровержение, но король спешно вернулся домой и затворился в лондонском Тауэре, не желая встречаться с сыном. При этом он не прекращал любить Эдуарда и говорил слугам: «Не пускайте его ко мне, иначе я не сдержусь и расцелую его». Наконец Элеонора Прованская помирила их, и вскоре принц отправился во Францию на большой турнир. Казалось, он вновь утратил интерес к политике и вернулся к прежней веселой жизни — только теперь вместо француз-

ских сеньоров его везде сопровождали граф де Монфор и его сыновья. В 1262 году умер граф Глостер, и Монфор приобрел еще большее могущество; его называли «некоронованным королем». Генриху было уже 55 лет, и он не мог с прежними силами бороться за власть. Что касается Эдуарда, то он залечивал раны, полученные во время очередного турнира в Бургундии.

В феврале 1263 года король вновь вызвал сына на родину для защиты его владений, на которые вновь напал упорный Ллевелин. Набрав во Франции войско наемников, он высадился в Англии, которая между тем оказалась охвачена мятежом. Произвол королевских чиновников заставил недовольных сплотиться вокруг графа Лестерского и едва не силой поднять его на мятеж. Эдуард обосновался в Бристоле, но скоро обнаружил, что народ враждебно настроен против него и его французов. Тогда он оставил наемников в крепости, а сам при помощи епископа Вустерского Уолтера де Кантилупа пробрался сначала в Виндзор, где находилась принцесса Элеонора, а потом в Лондон, в самое логово мятежников. 20 мая он бесстрашно появился на заседании парламента, где его обвинили в лжесвидетельстве и потребовали убраться во Францию вместе с его наемниками. Накануне мать принца, пытавшуюся покинуть столицу на лодке, закидали тухлыми яйцами, обзывая при этом «французской шлюхой». Эдуард, стиснув зубы, смотрел на бесчинства черни, но пока ему оставалось только засесть в Клеркенуэльском поместье рыцарей-госпитальеров и накапливать силы. Наемники требовали денег, и принцу пришлось ограбить сокровищницу отца в Темпле, чтобы выплатить им жалованье. Несмотря на это, когда он повел свою армию на выручку осажденного Монфором Виндзорского замка, наемники разбежались при виде закаленных в бою баронов.

В сентябре Эдуард сдался и вместе с отцом отправился в Булонь, где состоялась встреча с баронами при посредничестве Ричарда Корнуэльского. Стороны так и не смогли помириться, и принц вернулся в Англию; 14 октября в парламенте он потребовал от баронов возвращения его замков, незаконно захваченных ими. Ничего не добившись, он отправился на запад, где сумел привлечь на свою сторону баронов Марча. Эдуард убедил их в том, что Монфор хочет стать королем и ущемить

права феодалов в пользу лондонских купцов и прочих «мелких людишек». Возмущенные бароны предоставили принцу свои отряды, и он попытался штурмовать мощную крепость Дувр. Однако и эта попытка оказалась неудачной; король в это время пребывал в Оксфорде, среди милых его сердцу ученых, и не проявлял никакого стремления к активным действиям. Эдуард с трудом вынудил его вновь отправиться во Францию, чтобы добиться поддержки у короля Людовика IX. Плавание состоялось в самом конце 1263 года, и шторм едва не утопил венценосных путешественников. Визит принес разочарование — Людовик отказался помочь королю Англии.

Вернувшись в Англию, неукротимый Эдуард снова затеял войну с баронами, но терпел одни поражения. В марте он разграбил Глостер, был окружен баронской армией, притворно пообещал сдаться, но бежал и направился в незащищенный Нортхэмптон, где находился 22-летний сын Монфора. Он был убит вместе с многими горожанами — если не по приказу принца, то с его молчаливого согласия. Потом он разорил земли одного из главных своих врагов графа Феррерса и направился в Лондон, где его сторонники обещали открыть ему ворота. На полпути, у города Льюис, соединенное войско Эдуарда и его дяди Ричарда встретилось с армией баронов. Утром 14 мая принц сделал вылазку, напав со своими рыцарями на ополчение лондонских горожан, шедшее на подмогу Монфору. Ополченцы тут же бежали, и Эдуард гнал их четыре мили и перебил почти всех, мстя за прошлогоднее оскорбление. Потом он увлекся грабежом вражеского обоза и вернулся к Льюису только к двум часам дня. За это время армия баронов наголову разбила королевское войско и взяла в плен Ричарда Корнуэльского; король успел укрыться в монастыре. Увидев это, наемники Эдуарда разбежались, и ему пришлось сдаться. Его отправили в Дувр, где Генрих де Монфор, сын Симона, содержал его как обычного пленника — в цепях и на скудном пайке.

Позже принца перевели в замок Кенильворт, где он получил статус почетного пленника и даже мог принимать посетителей, хотя комендант не спускал с него глаз. В таком положении он находился целый год; парламент в январе предлагал отпустить его, но Монфор оставался непреклонным. К тому

времени король также оказался в руках графа, который провозгласил себя протектором Англии. Эдуарда спасли новые разногласия в баронском лагере. Граф Глостерский Гилберт де Клэр поссорился с Монфором и вступил в союз с феодалами Марча. Он решил опереться на помощь принца, и 28 мая тот бежал из Кенильворта при помощи охранявшего его младшего брата Глостера. Эдуард пошел на хитрость: устроив конные состязания, он загнал всех лошадей в крепости и ускакал на последнем свежем жеребце в Вигмор, где его уже ждал Роджер Мортимер, старший из баронов Марча. В Ладлоу Эдуард вступил в союз с Глостером, пообещав все, что тот хотел, — восстановить «древние, добрые и общепринятые законы», отменить все решения, ущемляющие власть сеньоров, изгнать иностранцев из страны и из королевского совета и не позволять им владеть замками или иной собственностью в Англии.

Это соглашение позволило недавнему изгнаннику без всякой борьбы восстановить королевскую власть, еще недавно жестоко униженную. На его стороне, кроме баронов Марча, оказались теперь граф де Варенн, Гийом де Валанс, Хью Бигод и другие могущественные феодалы. Монфор сумел заставить епископов всей Англии отлучить Эдуарда и его сторонников от церкви, но это мало повлияло на успехи принца. 8 июня он захватил Вустер, а чуть позже осадил Глостер, который храбро оборонялся. Когда город пал, Эдуард проявил великодушные, отпустив всех пленных на условии месяц не воевать против него. Постепенно изживая пороки юности, он становился тем, кем вошел в историю, — суровым и властным монархом, порой жестоким, но всегда справедливым. Разрушив мосты через Северн, он отрезал армию Монфора от подкреплений, которые вел к нему сын, Симон-младший. Граф Лестерский попытался выбраться из окружения на кораблях, которые вызвал из Бристоля, но Эдуард посадил своих воинов на галеры и атаковал вражеский флот. Часть кораблей была потоплена, а Монфор отступил в Ньюпорт, где 8 июля принц нанес ему решительное поражение.

Однако в это время к Кенильворту подошел Симон-младший с 30-тысячной армией. Войско Эдуарда насчитывало только двадцать тысяч человек, и он вскоре обнаружил, что Монфоры зажимают его в клещи. Принц неплохо организо-

вал разведку: его люди под видом крестьян беспрепятственно проникали во вражеский стан. Они-то и донесли, что в лагере Симона-младшего совершенно отсутствует дисциплина. Воспользовавшись этим, Эдуард рано утром 1 июля напал на Кенильворт и взял в плен чуть ли не половину баронского войска, после чего вернулся в Вустер. Узнав об этом, Монфор срочно двинулся к Кенильворту. Эдуард совершил стремительный марш на юго-запад и встретил его у городка Ившем; помня о неудаче при Льюисе, он строго-настрого запретил своим людям покидать поле боя. 4 августа состоялось решающее сражение «баронской войны». У Монфора осталось всего семь тысяч солдат против 20 тысяч воинов принца; однако он с мужеством отчаяния атаковал центр вражеского строя. Невзирая на усталость, закаленные бойцы Эдуарда легко разбили войско графа Лестерского; среди трех тысяч трупов нашли тела самого Симона и его сына Генри.

Оставшихся мятежников принц заочно приговорил к смерти, что вынудило их продолжить сопротивление. Правда, Лондон и другие крупные города сдались сразу; конфисковав имущество их мятежных жителей, Эдуард смог пополнить свою казну. В октябре он взял Дувр и направился в Линкольншир, где Симон-младший с другими лордами укрепился на острове Эксхолм среди болот и разорял округу. Остров был хорошо укреплен, и армия Эдуарда смогла взять его лишь в декабре, когда стал лед. Симона приговорили к изгнанию, но Эдуард помиловал его; однако в феврале следующего года младший Монфор бежал в Уинчелси и поднял на мятеж «Пять портов» — самоуправляющийся союз городов Восточной Англии. Эдуард вновь отправился в поход и 7 марта легко разбил ополчение мятежников. Однако он понимал, что Англия устала от войн, и заключил с «Пятью портами» мир, пообещав простить лидеров восстания.

Однако многие мятежные рыцари разбрелись по стране, организовав разбойничьи шайки, и ради установления мира Эдуарду пришлось еще целый год преследовать их по лесам и болотам. Однажды здоровенный рыцарь Адам Гурдон со своей шайкой подстерег принца во время одной вылазки в Хэмпшире. Эдуард был один, но храбро схватился с разбойником, ранил его и, перебросив через седло, отвез в Виндзор.

Легенда гласит, что он простил верзилу Гурдона, и тот стал его преданнейшим вассалом. Однако это вряд ли было так — в борьбе за порядок принц проявлял изрядную беспощадность и казнил грабителей, невзирая на их титулы. Между тем в октябре 1265 года в Англию вернулась Элеонора Кастильская, которую Эдуард ради ее безопасности отослал за море. Через девять месяцев она родила принцу первенца, которого назвали Джоном.

Последним оплотом восставших баронов оставался Кенильвортский замок. Принц вместе с отцом осаждали его с середины лета, но мощная крепость не сдавалась, и Эдуард был вынужден 20 декабря заключить почетный мир с ее защитниками и отпустить их восвояси. Одновременно новое восстание вспыхнуло на севере. Джон де Вески, один из участников мятежа, захватил конфискованный у него замок Алнвик и прочие свои земли и сплотил вокруг себя соседних баронов. Однако Эдуард с армией стремительно двинулся на север и без боя сломил мятежников, вернув им часть прежних владений. Там же он встретился с сестрой, шотландской королевой Маргаритой, — очевидно, чтобы попроситься с ней перед путешествием на Восток. Еще в тюрьме он дал обет в случае победы отправиться в Крестовый поход, однако с выполнением этого обещания пришлось подождать. Граф Глостер неожиданно восстал и захватил Лондон, осадив в Тауэре папского легата Оттобуони и заставив короля Генриха бежать из столицы. Его соратники захватили «остров Или» среди болот Норфолка, откуда беспокоили набегами весь запад страны.

Глостер, узнав о приближении армии Эдуарда, помирился с королем, и принц бросил все силы против мятежников в Или. Захватить остров было невозможно без помощи местных жителей, знавших тайные тропы среди болот. Обосновавшись в аббатстве Ромси, Эдуард богато одаривал крестьян, пока кто-то из них не согласился играть роль проводника. В один прекрасный день перед ничего не подозревающими повстанцами вырос лес копий армии принца. Эдуард выехал вперед и крикнул: «Кто обнажит оружие против моих людей, будет обезглавлен. Всем остальным — прощение». Подумав, мятежники сдались. Так окончилась «баронская война» — главным

образом благодаря военным талантам и благоразумию Эдуарда. В свои 28 лет он смог разбить силы численно превосходящих врагов, восстановить во всем объеме роль королевской власти и разумным сочетанием твердости и уступок заставить большую часть противников сдаться. В стране восстановились мир и порядок. Король все больше отдалялся от власти, предаваясь молитвам и беседам с учеными богословами. Под влиянием папы он запретил турниры как «вредное и опасное занятие», однако осенью 1267 года их было в Англии как никогда много. Во многих турнирах с энтузиазмом участвовал принц Эдуард, открыто попирая запрет отца и показывая, кто теперь хозяин в королевстве.

24 июня 1268 года на сессии парламента в Нортхэмптоне Эдуард принял крест вместе с младшим братом Эдмундом и кузеном Генрихом Альмейном. Это решение утвердил папский легат Оттобуони, игравший тогда важную роль в Лондоне. Пользуясь его влиянием, несколько итальянских купцов добились откупа таможенных сборов, что нарушало привилегии лондонцев. Горожане обратились с жалобой к Эдуарду, которого отец недавно назначил стюардом королевства и смотрителем всех портов. В апреле 1269 года он отобрал у итальянцев привилегии (которые сам же им и дал), что вызвало у жителей столицы прилив любви к принцу. Еще больше вырос его авторитет, когда он велел запретить евреям покупать земли и дома христиан, а уже купленное немедленно вернуть. Во время недавней войны многие представители знати попали в кабалу к ростовщикам-евреям, которым уже принадлежала чуть ли не треть лондонского Сити. Конфискованная у них собственность изрядно пополнила казну короля, что дало ему возможность быстро снарядиться в поход. К тому же благодарные лондонцы вручили ему две тысячи марок, и много больше пожертвовали бароны и епископы.

Неугомонный граф Глостерский продолжал мутить воду, выступив против налога, введенного принцем для финансирования похода. Попутно он обвинил Эдуарда в намерении конфисковать его владения и даже в непозволительных отношениях с его женой, с которой Глостер недавно развелся. Тем временем французский король Людовик IX — муж сестры матери Эдуарда — предложил ему отправиться в поход вме-

сте, но тот ответил, что Англия разорена войной и ему нужно время, чтобы накопить средства. Тогда рыцарственный Людовик предложил ссудить принцу 70 тысяч ливров в обмен на доход с его французских владений за время пребывания на Святой земле. Эдуард также пообещал в походе подчиниться Людовику и отослал ему в качестве заложника маленького сына Генриха, которого галантный король тут же вернул обратно. Однако приготовления к походу тянулись еще целый год. 13 октября 1269 года Эдуард возглавлял пышную церемонию перенесения в Вестминстер останков короля Эдуарда Исповедника (о чем просил его отец), а в июле следующего года во главе целого войска арестовал графа Джона де Варенна за убийство и разбой. После этого он посетил в качестве паломника свою любимую церковь Святой Свитгуны и уже собирался отплыть, когда получил известие, что епископы отказываются избрать его друга Роберта Барнелла архиепископом Кентерберийским. Он отправился в Кентербери, но ничего не добился, получив ехидный ответ: «Сэр, вы еще не король». 11 августа он с армией крестоносцев отплыл из Дувра и направился в Гасконь.

Элеонора пожелала отправиться с ним, оставив двух маленьких сыновей на попечение Ричарду Корнуэльскому. Преодолев Пиренеи, крестоносцы прибыли в порт Эг-Морт, где узнали, что Людовик IX не дождался их и отбыл в Тунис. Плавание длилось долго, и на африканском берегу Эдуард вне себя от досады узнал, что король умер от чумы, а его сын Филипп заключил позорный мир с неверными. «Клянусь кровью Божьей, — воскликнул принц, — даже если все мои воины и сородичи оставят меня, я с одним конюхом Фовеном достигну Акры, и только смерть помешает мне сделать это!» Акра к тому времени оставалась единственным оплотом крестоносцев в Палестине, и именно ей на выручку направились бы крестоносцы, если бы не нелепое решение Людовика. Теперь флот Эдуарда отправился в Святую землю; по пути крестоносцев сильно потрепала буря, но 13 английских кораблей остались целы и невредимы. Принц увидел в этом Божью награду за то, что он остался тверд и не повернул назад, как другие участники похода. Зимой он провел на Сицилии, а весной 1271 года высадился в Сирии, отправив назад кузена Генриха,

которого назначил сенешалем Гаскони, — на обратном пути он был убит младшим Симоном де Монфором.

В мае маленькое войско Эдуарда, состоящее из нескольких сот человек, достигло Акры, к стенам которой уже подступили мусульмане. Это была армия египетского султана, в которой было много метких тюркских и монгольских лучников. Наблюдая за ними, Эдуард, возможно, пришел к выводам, которым предстояло реформировать всю военную стратегию в Европе. Но это было позже, а пока, как и сто лет назад, конные рыцари рубились с неверными, изнемогая от жары в своих латах. Эдуард отогнал египтян от крепости и смелыми набегами захватил Назарет и Хайфу. Успехи привлекли к нему многих добровольцев из Европы и с Кипра, которым некогда правил его предок Львиное Сердце.

О молодом отважном вожде «кафиrow» узнали и вожди страшной секты ассасинов, решившие избавиться от опасного врага ислама. 17 июня в палатку Эдуарда явился мусульманин, якобы прибывший с письмом от эмира Яффы. Обнаружив, что принц один и без оружия, гость выхватил отравленный кинжал и попытался заколоть его. Он ранил Эдуарда в руку, которой тот заслонился, но в следующий момент принц схватил его за руку и вывернул с такой силой, что кинжал вонзился в грудь нападавшего. Прибежавшие на шум адъютанты увидели лежащего ассасина и начали избивать его; уже теряя сознание, Эдуард велел им не трогать покойника. Яд уже начал проникать в рану, и через день она почернела. Великий магистр тамплиеров предоставил принца заботам лучших арабских врачей, но те заявили, что не могут ничего сделать. Тогда один лекарь (по преданию, англичанин) сказал, что сможет спасти Эдуарда, если тот согласится вытерпеть сильную боль. Тот доверился врачу, который вырезал из раны все почерневшее мясо и сказал принцу, что через две недели тот сможет ездить верхом; так все и случилось. Позже Элеонора утверждала, что это она высосала яд из раны мужа; на самом деле королеву пришлось удалить из палатки больного, поскольку она своим плачем и причитаниями мешала выздоровлению.

Когда египетский султан Бейбарс узнал о покушении, он прислал к Эдуарду трех послов с богатыми дарами и уверениями, что он тут ни при чем. Слушая их льстивые похвалы, принц

изрек: «Хоть они меня и хвалят, но никогда не полюбят». Это была верная догадка, учитывая, что он не брал пленных и вырезал всех жителей в захваченных городах. Скоро Эдуард понял, что его положение безнадежно — из его людей выжило чуть больше половины, да и те страдали от болезней. К тому же он получил известие об ухудшении здоровья короля Генриха. Он заключил с Бейбарсом мир на десять лет и 15 августа 1272 года отплыл на Сицилию. Там он узнал о смерти короля, которая случилась 16 ноября. Незадолго до этого скончались дядя Ричард и первенец Эдуарда Джон. 20 ноября лорды королевства во главе с графом Глостером, епископы и бароны провозгласили Эдуарда королем. Впервые в истории английской монархии правление короля началось не после коронации, а сразу после смерти предшественника, хотя сам принцип «король не умирает» был сформулирован лишь в XIV веке.

За время своего отсутствия принц заставил многих позабыть старые обиды и увидеть в нем единственного человека, способного навести в Англии порядок. И это был не просто старый порядок — по своей природе Эдуард был законодателем и теперь готовился воплотить в жизнь давно задуманные реформы. Ему было 33 года — возраст расцвета; к храбрости юных лет теперь добавились осмотрительность, умение слушать советы, выжидать и быстро действовать, когда пришло время. Он не был красавцем — высокий лоб уже покрылся морщинами, левое веко временами дергалось, а небольшие серые глаза наливались кровью в приступах ярости. Его волосы, в детстве светлые, в зрелости стали темными, а в старости — снежно-белыми. Он немного шепелявил, но умел говорить кратко и весомо, подчеркивая каждое слово. «Верен слову» (*pactum servo*) — таким был его девиз, начертанный и на надгробии. При этом письменному слову он следовал не так аккуратно, как устному, и порой нарушал обещания, данные в письмах.

На Сицилии он привлек к себе на службу Франческо Аккурси, сына знаменитого юриста из Болоньи. С его помощью он позже создавал свои законы, но прежде всего они были основаны на английских реалиях и тщательно обдумывались вплоть до мелочей. Во всей своей деятельности он старался воплотить дух прерванных реформ Генриха II — унифициро-

вать систему управления и поставить ее под жесткий контроль королевской власти. Он начал работу по превращению государства из аморфной системы феодальных связей в четкий, эффективно работающий механизм. Феодалы становились теперь не полновластными собственниками своих владений, а наследственными чиновниками короля; то же стало с епископами и аббатами. Парламент из центра оппозиции на века превратился в орудие власти; права и обязанности всех сословий были четко изложены и доведены до их сведения. Эдуард укрепил существующую систему самоуправления, хотя она не раз оборачивалась против него и его потомков.

Но все эти изменения совершались исподволь, незаметно для современников. Пока же новый король не спешил в свое королевство. Он посетил Неаполь, потом Рим, где папа Григорий X — бывший соратник по Крестовому походу — даровал ему право три года собирать церковную десятину, чтобы покрыть расходы. В городах Ломбардии, через которые он проезжал, его встречали криками: «Да здравствует император Эдуард!» В июне 1273 года он очутился во Франции, где затеял стычку с графом Шалона. Тот еще в Италии прислал ему вызов на дуэль; узнав об этом, из Англии отправились на помощь Эдуарду около тысячи рыцарей. Поединок превратился в настоящую войну, в которой французы были разбиты, а самого графа Эдуард сшиб с коня и взял в плен. 26 июня он достиг Парижа, где принес новому королю Филиппу III оммаж за Гасконь. В самой Гаскони между тем поднял восстание виконт Беарна, и Эдуарду пришлось отправиться туда и целый год сражаться среди диких скал. В июле 1274 года он поссорился в Монтрее с графом Фландрии, результатом чего стало далеко идущее решение. Фламандцы перестали поставлять в Англию ткани, и подданным Эдуарда пришлось организовывать у себя изготовление знаменитой впоследствии английской шерсти.

Наконец 2 августа 1274 года король высадился в Дувре и был радушно принят в замках двух сильнейших лордов — Гилберта Глостерского и Джона де Варенна. 18-го он достиг Лондона и на следующий день был коронован вместе с Элеонорой архиепископом Робертом Килуордби. Во время коронации он принял оммаж короля Шотландии Александра, а вот его старый враг Ллевелин отказался прибыть в Лондон и про-

должал разорять английские земли, хотя в 1267 году заключил в Шрусбери «вечный мир» с Генрихом. Первым делом Эдуард занялся разбором жалоб, накопившихся за время его отсутствия. Он назначил своего старого наставника Роберта Барнелла канцлером и поручил ему организовать перепись королевских имений — первую после «Книги Страшного суда». 22 апреля 1275 года на большом парламенте в Вестминстере король «с согласия всех лордов и всех общин королевства» представил Первый Вестминстерский статут из 51 статьи. Многие из статей были взяты из Великой хартии; статут стал первой попыткой создания единой системы законов для всего королевства. Для возмещения расходов Эдуард попросил парламент ввести налог в размере одной пятнадцатой от всех доходов и отдать короне таможенный сбор с ввозимых тканей и кож. Заодно он опять обрушился на евреев, запретив им ростовничество и позволив заниматься только торговлей.

С наступлением лета у короля, как и в последующие годы, начала болеть рана от кинжала ассасина. Лишь в июле он смог передвигаться и отправился в Честер, где ожидалась встреча с Ллевелином; однако старый хитрец опять не явился. Более того — он собрался жениться на Элеоноре де Монфор, дочери бывшего протектора, претендуя уже и на английские земли. Однако корабль с невестой налетел на скалы и попал в руки английской береговой стражи. Ллевелин пообещал за невесту большой выкуп, но Эдуард потребовал от него сначала вернуть захваченные земли и восстановить разрушенные валлийцами замки. В ответ воины Ллевелина летом 1276 года совершили большой набег на Марч. 12 ноября Эдуард обратился ко всем епископам и баронам королевства с уведомлением о начале следующим летом большой войны против Уэльса. Он собирался лично вести армию и летом перевез двор в Шрусбери вместе с казначейством и «королевской скамьей», на которой выносились приговоры по особо важным делам.

Еще за два поколения до Эдуарда политический деятель и историк Гиральд Камбрийский, сам наполовину валлиец, подал совет, как одолеть Уэльс. Он хорошо знал военную тактику валлийских воинов, которые «то яростно нападают, то быстро и проворно скрываются в непроходимых лесах и горах». Поэтому он советовал набрать вспомогательные отря-

ды в покоренных областях Уэльса, обязательно сочетая в них рыцарей с лучниками. Длинный охотничий лук был незамеченным оружием в валлийских горах, хотя в европейских войнах того времени его применяли лишь периодически. Эдуард в Уэльсе впервые в широких масштабах использовал лучников, что предвосхитило одержанные с их помощью блестящие победы англичан в Столетней войне. Одновременно он окончательно заменил феодальное ополчение наемной армией. Васалы по обычаям того времени обязаны были служить сеньору только сорок дней; по истечении этого срока им предлагалось вступить в ряды королевских наемников. Армия включала не только англичан, но и опытных наемников из Гаскони и Фландрии. Большое внимание Эдуард уделял снабжению; для перевозки припасов он мобилизовал моряков, а дровосеки по его приказу прорубали дорогу войску в валлийских лесах.

31 июля 1277 года король выступил из Честера с двадцатитысячной армией. По пути он заложил замки Руддлан и Флинт — первые в том ожерелье королевских замков, что до сих пор привлекает в Уэльс туристов. В это время английский флот захватил остров Англси (Мона) — житницу Гвинедда. Узнав об этом, Эдуард удовлетворенно заметил: «Наш друг Ллевелин лишился первого пера из своего хвоста». Многие валлийские князья сразу перешли на сторону англичан; Ллевелин еще рассчитывал, как и прежде, отсидеться в горах Сноудона, но настала зима, а враги все не уходили. 11 ноября валлийский правитель спустился с гор и заключил с Эдуардом мир в Руддланском замке. Он отдавал захваченные земли и обязывался заплатить 50 тысяч марок и принести омжак королю Англии. Его брат Давид, воевавший на стороне англичан, получил богатые дары, звание рыцаря и дочь графа Дерби в жены. Сам Ллевелин тоже был обласкан: он смог жениться на Элеоноре де Монфор и провел зиму в Лондоне, в королевском дворце.

Казалось, война окончена, но Эдуард все же велел выстроить в Уэльсе новые замки. Они воздвигались по небывалому в Англии плану; башни по углам прямоугольной стены и мощный центральный донжон формировали три линии обороны, составлявшие единую систему. Победа вновь оживила в короле честолюбивые мечтания и память о героях прошлого.

В апреле 1278 года Эдуард и Элеонора посетили Гластонбери и перенесли останки загадочного короля Артура в специально выстроенную часовню. По описанию хронистов, в гробу Артура лежал скелет почти двухметрового роста; король сам нес его к новому месту захоронения, а его жена несла останки королевы Гвиневеры. В июне Эдуард приказал всем владельцам крупных имений пройти посвящение в рыцари или заплатить штраф; это делалось для консолидации феодального сословия. В августе король издал знаменитую грамоту «*Quo warranto*», по которой каждый лорд обязан был предъявить документы, на основании которых он владеет землями. В ответ на это старый граф де Варенн бросил на стол королю ржавый меч, которым его прапрадед сражался при Завоевателе. «Вот мой документ, — сказал он, — и с его помощью стали королем и ты, и твои предки». Несмотря на подобные патетические сцены, феодальная знать понемногу подчинилась грамоте, как и другим указам грозного короля.

В августе король вновь отправился в Уэльс, чтобы принять оммаж у Ллевелина, а 13 октября в Вестминстере пышно отпраздновали свадьбу старого вождя с Элеонорой де Монфор. Накануне король Александр и все лорды Шотландии также принесли оммаж. А в ноябре наступил последний акт драмы английских евреев — Эдуард велел арестовать всех иудеев в королевстве по обвинению в подделке монет и занятиях ростовщичеством в нарушение указа. В апреле следующего года 279 евреев были повешены. В обстановке нетерпимости периодически всплывали обвинения евреев в ритуальных убийствах — особенно после событий в Линкольне, где маленький мальчик был распят неизвестными на кресте. Периодически устраивались погромы; евреев изгоняли, одевали в шутовские костюмы или заставляли насильно посещать церкви. Наконец 18 июля 1290 года король издал указ об изгнании всех евреев из Англии, куда они смогли вернуться только через четыреста лет.

В 1278 году умерла мать королевы, которой принадлежало графство Понтъе. Король отправился в Париж, чтобы принести Филиппу III оммаж за это графство; на обратном пути он встретился с Джоном Пекемом, которого папа вопреки желанию Эдуарда утвердил архиепископом Кентерберийским. Скоро Пекем начал сердить короля, объявив о проклятии

для всех чиновников государства, нарушающих права церкви. Он также велел всем священникам вывесить на дверях своих церквей текст Великой хартии. Ответ короля был скорым и решительным: по его просьбе парламент заставил архиепископа отменить принятые решения. Вдобавок с духовенства стали взимать одну пятнадцатую и другие новые налоги. Это не вызвало никаких проявлений недовольства — со времен Томаса Бекета английская церковь давно уже привыкла подчиняться королевской воле. Правда, сам архиепископ в этот раз не пострадал и даже продолжал вести службы в королевской капелле.

На Пасху 1282 года до короля дошли новости, что Ллевелин и его брат Давид опять восстали, разрушили несколько замков и убили английских наместников. Сначала он даже не мог поверить в такое предательство, но вскоре убедился, что новости правдивы. Тогда он назначил на 6 апреля общий сбор войск и послал в Гасконь за наемниками. Архиепископ Пекем отлучил Ллевелина от церкви. Летом валлийский поход повторился: флот опять захватил Англси, а войска начали прорубать дороги через леса. Англичане встретили ожесточенное сопротивление; 6 ноября валлийцы напали на них при переправе через реку Менаи и нанесли большой урон. Ободренный Ллевелин спустился с гор и 10 декабря был убит в случайной стычке. Так погиб первый принц Уэльский и последний король династии, восходящей к Кунедде Великому. Его голову отослали Эдуарду, который велел выставить ее на воротах Тауэра, увенчав плющом — символом измены. Война требовала больших расходов, и король велел конфисковать средства, которые собирались у народа на Крестовый поход и хранились в церквах. Правда, потом он обещал их вернуть, но подоспела новая война — с Шотландией, — и поход был забыт.

Пасху 1283 года Эдуард встретил в новом замке в Аберконви, куда ему доставили священные реликвии Уэльса — корону Артура и обломок Господня Креста. 22 июня валлийцы выдали своего последнего предводителя Давида; король отказался видеть его и велел отослать на суд парламента. В июле парламента в Шрусбери вынес неслыханное решение: казнить Давида ап Гриффида «повешением, обезглавливанием, извлечением внутренностей и четвертованием», а его голову выставить

в Тауэре рядом с головой брата. Валлийскими делами Эдуард занимался до лета. В Руддлане он издал статут об управлении Уэльсом и осуществил свою мечту: ввел в этой непокорной области английские законы и систему управления, хотя бароны Марча пока сохранили свои привилегии. В ознаменование победы был устроен грандиозный «круглый стол» на берегу моря с турнирами, пирами и пением менестрелей. Именно там Эдуард пообещал валлийцам принца, который родится на их земле и не будет знать ни слова по-английски. Они с восторгом согласились, и тогда король велел вынести к ним своего только что рожденного сына Эдуарда — первого английского принца Уэльса.

Зимой 1285 года король вернулся в Лондон, где не был целых три года. Этот год стал кульминационным в его законотворческой деятельности; летом парламент принял Второй Вестминстерский статут, который, хоть и уступал по важности первому, завершил складывание единой юридической системы. Его первая статья была, очевидно, принята по настоянию баронов и ограничивала право короны конфисковать земли и другое имущество феодалов. На том же парламенте король окончательно подавил поползновения архиепископа Пекема, жестко ограничив компетенцию духовных судов вопросами веры и бракоразводными делами. В октябре появился Винчестерский статут, положивший начало организации полиции — по нему графства обязаны были следить за порядком на своей территории и выделять для этого специальных людей. За преступления, происшедшие из-за несоблюдения норм статута, отвечали теперь не только преступники, но и местное начальство.

Между тем Филипп III Французский потребовал у Эдуарда, как у своего вассала, помочь ему в войне с королем Арагона из-за Сицилии. Король Англии давно уже пытался помирить Педро Арагонского и Карла Анжуйского, короля Неаполя. Еще в 1283 году они собирались решить спор поединком и выбрали Эдуарда арбитром, но папа Мартин запретил это мероприятие. Позже за Карла вступился король Франции; Эдуард был обязан воевать на его стороне, но не желал усиления французов в непосредственной близости от Гаскони. Тут одновременно умерли Педро и Филипп III, и их на-

следники опять воззвали к посредничеству английского короля. В мае 1286 года Эдуард высадился во Франции, принес оммаж новому королю Филиппу IV Красивому и отправился в Бордо, где жестко подавил беспорядки среди горожан. Последующие два года он провел в Гаскони и был посредником при заключении мира Франции с Арагоном. Однако каждая сторона решила, что он отдал предпочтение другой, и осталась недовольна. Поссорился Эдуард и с папой Николаем IV, которому попенял в письме за разжигание войн между христианскими монархами, «в то время как неверные торжествуют над делом Христа». Король даже вновь принял крест и попросил денег на новый поход у парламента, но тот — неслыханное дело — не дал. Граф Глостер заявил, что никаких денег не будет, «пока король не покажется в Англии».

Узнав об этом, Эдуард поспешил домой. Там его ждали груды жалоб на злоупотребления королевских судов. Один из главных судей Вейланд был навечно изгнан, а прочие лишлись постов. После этого король навестил мать, которая в его отсутствие ушла в монастырь, и до конца года совершал паломничество по святым местам. Он всегда в трудные моменты давал обеты различным святым и после посещал их реликвии. Во время Великого поста он обычно отправлялся в какой-либо крупный монастырь и там молился вместе с братией. При этом вечная нехватка денег не позволяла ему, как его отцу, воздвигать и перестраивать храмы. В архитектуре правление Эдуарда I было эпохой замков, а не церквей. Не был он подвержен и обычным суевериям своего времени. Так, в один из визитов к матери он застал ее в восторженном состоянии — она встретила человека, который якобы прозрел на могиле ее покойного мужа. Когда король заявил, что этот человек лжет, мать в гневе прогнала его с глаз долой; тогда он заявил одному священнику: «Я знаю своего отца — он бы скорее вырвал глаза этому прохвосту, чем вернул бы ему зрение».

Летом 1290 года король выдал замуж двух дочерей: Джоанну — за графа Гилберта Глостерского, а Маргариту — за герцога Брабанта. 28 ноября в Харби во время паломничества умерла Элеонора Кастильская. Эдуард глубоко переживал ее смерть и до конца жизни не переставал горевать. В память о ней он приказал установить на всем пути похоронной про-

цессии каменные кресты с портретами покойной королевы. Зиму он провел в обычном сельском доме в Бэкингемшире, предаваясь размышлениям и готовясь к решительной борьбе за корону Шотландии; отныне этой борьбе предстояло стать смыслом его жизни.

В 1286 году трагически погиб шотландский король Александр III — он спешил поздно вечером к молодой жене и свалился на коне с обрыва. У него осталась только внучка Маргарита (Норвежская Дева), дочь норвежского короля Эрика. Она была формально объявлена королевой, но в Шотландию так и не попала. Эдуард сразу начал переговоры с Эриком о браке его дочери и принца Эдуарда. В ноябре 1289 года представители трех королевств договорились в Солсбери о заключении брака; тогда король назначил епископа Дарэмского наместником Шотландии и потребовал передать ему все шотландские замки. В это время Маргарита морем отправилась в Шотландию, но умерла возле Оркнейских островов. Тут же объявились не менее дюжины претендентов на шотландскую корону, начавшие рвать страну на части. Епископ Сент-Эндрюса и другие члены Регентского совета попросили Эдуарда вмешаться, что он с удовольствием и сделал — якобы неохотно, уступая давлению. Однако лордам Англии он заявил, что постарается как можно скорее полностью подчинить Шотландию и привести ее к тому же состоянию, что и Уэльс.

Правда, вначале Эдуард играл в демократию. В мае 1291 года он созвал в Норхэме совет шотландской знати и предложил им выбор: избрать королем его или кого-либо из местных лордов. Бароны в один голос заявили, что умрут за независимость своего королевства. Он назначил выборы короля на 2 августа, а тем временем взял под контроль замки и укрепленные города, назначил регентов из числа своих сторонников и начал уже принимать присягу в разных местах Шотландии. Выгоды присоединения этой бедной страны выглядели сомнительными, тем более что папа не так давно дал Эдуарду право сбора десятины сроком на шесть лет. Дело в том, что в этом году наконец пала Акра и деморализованные христианские монархи видели в английском короле главного защитника своего дела. Он же начисто забыл о Крестовом походе и даже опоздал на похороны матери, умершей 8 сентября. Все его мысли занима-

ла Шотландия — а точнее, возможность покончить с давним врагом Англии, сплотить Британские острова, создать прочную базу для новых завоеваний.

Из-за разногласий выборы короля Шотландии состоялись только в ноябре. Им стал представитель одного из знатных англо-шотландских родов Джон Балиол; 26 декабря он принес оммаж Эдуарду в Ньюкасле. А в это время обычная ссора между английскими и французскими моряками медленно, но верно перерастала в войну. Занятый шотландскими делами, король всячески пытался избежать этого; несмотря на скорбь по жене, он попросил у Филиппа IV руку его сестры Бланки, в которую, по слухам, давно был влюблен. За нее он даже обещал отдать французам в управление Гасконь. Но Филиппу нужна была именно война. Он и так владел Гасконью со времени последнего визита Эдуарда и попытался еще раз заманить английского монарха к себе, чтобы захватить его в плен. В сентябре 1293 года во Францию отправились английские войска, но военные действия шли вяло. Сам Эдуард в это время воевал в Уэльсе, где подняли восстание сын Ллевелина Мадог и другие местные вожди. Одновременно он пытался заручиться поддержкой императора Адольфа Нассауского и влиятельных французских феодалов.

Власть попала в заколдованный круг: войны и восстания требовали новых налогов, а их введение вызывало новые войны и восстания. Или, по крайней мере, глухое недовольство. В сентябре король снова потребовал денег у духовенства, но ему пообещали лишь двойную десятину. В ответ он потребовал половину всех церковных доходов, а тем, кто откажется, пригрозил опалой. «Кто не согласен, — добавил посланец короля, — пусть встанет, чтобы все его видели». Декан собора Святого Павла пытался успокоить короля, но умер от страха, представ перед ним. Духовенство не имело главы, поскольку недавно назначенный архиепископ Кентерберийский Роберт Уинчелси еще не вернулся из Рима. Король добился денег у церкви, а в октябре получил их у баронов на парламенте, где не присутствовали представители городов. В ноябре Эдуард с армией явился в Уэльс и велел окружить район восстания заставами, чтобы голодом выманить Мадога из неприступных гор. План удался — к весне в кольце окружения не осталось

ни одного живого человека. Все это время король находился в замке Аберконвей, а в мае 1295 года отправился в Лондон, где его ждали папские легаты, предложившие заключить мир с Филиппом. Однако в это время выяснилось, что французский король подкупил некоего рыцаря Турбервилля, который должен был сдать ему укрепления «Пяти портов». Заговор был раскрыт, однако французы все же напали на Дувр и сожгли часть города.

Король снова остро нуждался в деньгах. Война в Уэльсе затягивалась, возникли новые проблемы в Шотландии, а французский флот кружил у побережья и едва не сорвал посвящение нового архиепископа в Кентербери. В ноябре был созван расширенный парламент — все представители епископата, по два рыцаря от каждого графства и по два представителя каждого города. С тех пор все парламенты Англии до XIX века созывались по такой же схеме. У каждого сословия отдельно Эдуард добился обещания выделить деньги на войну с Францией. Однако он не смог лично возглавить поход, так как вновь отвлекся на шотландские дела. Как сюзерен, он имел право рассматривать жалобы своих шотландских вассалов друг на друга. Сначала жалобу на Джона Балиола подали горожане Бервика, потом — граф Файфский. Пытаясь склонить короля на свою сторону, все они предлагали ему деньги на французскую войну. В ответ сторонники Балиола завязали тайные переговоры с Францией; узнав об этом, Эдуард вновь потребовал передать ему шотландских крепостей. Вместо ответа шотландцы напали на пограничные графства и разорили их. Чаша терпения короля переполнилась, и в марте 1296 года он пересек границу с отборным войском, созданным для похода во Францию, — пять тысяч рыцарей и тридцать тысяч пеших солдат.

Первой на пути англичан оказалась крепость Бервик. После недолгой осады она пала, и все ее защитники — восемь тысяч человек — были преданы мечу. Однако сдавшихся солдат гарнизона, женщин и детей Эдуард отпустил. Пока он строил дальнейшие планы, явился посол от Балиола с известием, что король отказывается от присяги Англии. «Лживый дуралей! — воскликнул Эдуард. — Чего он добивается? Если он не придет к нам, мы сами к нему придем». В апреле—мае были взяты штурмом почти все шотландские крепости — пораженные

ужасом защитники просто разбежались. Эдинбург пал на восьмой день осады. 10 июля в Монтрозе Эдуард принял отречение Балиола; неудачливого короля постригли в монахи. 22 августа он вернулся в Бервик, увозя с собой Сконский камень — древнюю реликвию шотландских монархов. Там же он принял присягу всех лордов и прелатов Шотландии, чьи подписи заняли тридцать пять больших листов пергамента. Он старался быть милостив: никого не казнил, а некоторым даже пожаловал земли и титулы. После этого он вернулся в Англию и вновь потребовал денег у церкви.

Архиепископ Уинчелси сослался на буллу, в которой папа под страхом отлучения запретил светским властям взимать налоги с дохода церкви или с имущества церковников. Но на Эдуарда это не подействовало: он дал епископам некоторое время на размышление, а после повторного отказа пожал плечами и сказал: «Что ж, если они не хотят выполнять своих вассальных обязанностей, и я не буду выполнять своих». 30 января 1297 года он объявил о конфискации всей церковной собственности в Англии. Духовенство было так запугано, что некоторые епископы тут же согласились заплатить требуемую королем сумму. Однако архиепископ Уинчелси заявил, что подвергнет отлучению каждого, кто нарушит папскую буллу. Казалось, что возвращаются драматические времена Томаса Бекета. Однако среди тогдашних прелатов Бекетов не нашлось: после встречи с королем в марте Уинчелси позволил епископам поступать «по своему разумению», и почти все предпочли смириться и уплатить пятую часть доходов.

Теперь пришла пора уламывать лордов. Английские войска в Гаскони терпели поражение, и Эдуард решил лично возглавить поход. 25 февраля на парламенте в Солсбери он одного за другим стал побуждать баронов отправиться в поход, однако все они отказались. Тогда он заявил, что земли остающихся перейдут к тем, кто поедет, но это мало помогло. Даже коннетабль Херефорд и маршал Бигод не собирались следовать за своим монархом, и Эдуард вспылил. «Клянусь Богом, — воскликнул он, — вы пойдете или будете повешены!» — «И я клянусь, — ответил Хью Бигод, — что не пойду и не буду повешен». Тут же непослушные бароны отправились в собственные замки и начали собирать войска. Король пошел на чрезвычайный

шаг — объявил созыв всеобщего ополчения, хотя по закону оно не могло воевать за пределами страны. Тогда коннетабль с маршалом явились к Эдуарду и стали просить не набирать в войско «мужичье»; он отослал их и назначил новых командиров. 14 июля король обратился прямо к народу в Вестминстер-холле, вместе с архиепископом и сыном Эдуардом. Он плакал; он каялся в своих ошибках; он говорил, что был обманут плохими советниками, но все его действия служили благу королевства. «Теперь, — закончил он, — я ухожу, чтобы сражаться за вас, и прошу вас потерпеть до моего возвращения. Тогда я верну все, что было у вас отнято. Если же я не вернусь, коронуйте моего сына». При этих словах Уинчелси и весь народ заплакали и поклялись королю в верности.

Но бароны и прелаты были не так впечатлительны. Они знали, что в Шотландии вспыхнуло новое восстание. Что страна истощена и новых налогов взять неоткуда. Но король уже не мог отступить. 7 августа он разослал через шерифов обращение ко всем подданным с той же просьбой: потерпеть еще немного. Англичан призывали вести списки претензий к власти, и такие списки сразу же начали поступать: избыточные налоги, конфискация товаров, нарушение прав, записанных в Великой хартии. Король заявил, что разберется со всем этим после войны, и срочно отбыл в Винчестер. Там он едва не погиб, когда его конь, испугавшись чего-то, прыгнул с обрыва. Но Эдуарду опять повезло: каким-то чудом конь приземлился на все четыре ноги. 23 августа король уже был во Фландрии, с графом которой вступил в союз против Франции. Однако сперва его войскам пришлось сражаться с мирными фламандцами, которым не нравилось, что у них бесплатно отбирают припасы. А в Англии оставленный за короля принц Эдуард поддался давлению баронов и подписал обновленную хартию с добавочными статьями, запрещавшими повышение налогов. Особенно смутила короля статья, по которой он не мог вводить налоги без санкции парламента. Однако спорить он не стал и подписал предложенный ему пергамент. Тем более что лорды и епископы сразу стали уступчивей в отношении налогов, как только на границе показались шотландские рыцари.

Восстание в Шотландии возглавил небогатый дворянин Уильям Уоллес — по иронии судьбы предки его были нор-

мандцами. Он был равнодушен к политике, но, как и все шотландцы, терпеть не мог покушений на свою собственность. А англичане не проявляли особой шепетильности в этом отношении. Когда Уоллес был еще мальчишкой, английские солдаты захотели отнять у него наловленную рыбу. Защищаясь, он, как гласит легенда, удочкой убил одного из обидчиков. Позже он женился и поселился в Ланаркшире, где его никто не знал. Но горячий нрав подвел его и там; когда какой-то англичанин стал издеваться над его одеждой, Уоллес убил и его. После этого он бежал, но англичане сожгли его дом вместе с женой и детьми. Тогда озлобленный патриот собрал отряд таких же смельчаков и стал нападать на английские отряды. Постепенно вокруг него собралась целая армия, с которой он 11 сентября 1297 года разбил англичан у Стирлингского моста. Наместник граф Суррей едва сумел спастись, но королевский казначей Крессингем погиб, причем шотландцы содрали с него кожу и сделали из нее подпруги для лошадей.

А Эдуард томился бездействием во Фландрии. Вдобавок он в дым рассорился с графом Ги, которому его подданные то и дело жаловались на бесчинства англичан. К счастью, у Филиппа Красивого появились свои проблемы, и он при посредничестве папских легатов предложил заключить мир. В августе 1298 года было подписано перемирие, скрепленное женитьбой 59-летнего Эдуарда на 26-летней Маргарите, сестре Филиппа. Тогда же принц Эдуард согласился жениться на шестилетней дочери короля Франции Изабелле — будущей «Французской волчице», доставившей Англии столько неприятностей. Свадьба короля состоялась в Кентербери 10 сентября 1299 года, а в 1303 году был подписан окончательный мирный договор.

25 мая 1298 года в Йорке состоялся очередной парламент, а на 23 июня было намечено начало шотландского похода. Однако графы Норфолк и Херефорд сразу заявили, что не пойдут воевать, пока король не подтвердит подписанные им хартии. В ответ несколько лордов поклялись от имени короля, что в случае победы он выполнит все, что пожелают сословия. После очередного паломничества к раке святого Иоанна в Беверли король возглавил свое воинство в Роксборо — там собрались семь тысяч рыцарей и 80 тысяч пеших, среди которых

большинство составляли наемники из Ирландии, Уэльса и Гаскони. Армия начала продвигаться в глубь страны; шотландцы по своей привычке отступали, уничтожая все припасы в своем и без того негостеприимном краю. Солдаты уже начали роптать, когда предатели-шотландцы донесли, что армия Уоллеса стоит около Фолкирка. Накануне боя лошадь короля понесла, он упал — впервые в жизни — и сломал два ребра. Несмотря на это, он велел туго затянуть себя бинтами и весь следующий день провел на коне. Этот день, 22 июля 1298 года, был трагическим для шотландцев. Зависть или предательство решили их судьбу: рыцарская конница покинула поле без боя, оставив пеших горцев погибать под ударами английских копий. Они выдержали четыре атаки, но потом пустились бежать и были перебиты почти полностью.

Уоллес спасся с немногими людьми. На пепелище Стирлинга, сожженного шотландцами, Эдуард провел две недели, залечивая травму и рассылая во все стороны отряды, которым было приказано сжигать и истреблять все на своем пути. Поправившись, король повернул назад и в сентябре был в Карлайле. Его армия настрадалась от голода и представляла собой жалкое зрелище; чтобы утешить военачальников, он раздал им земли шотландских лордов. Моральный эффект победы при Фолкирке был велик, но Шотландия оставалась враждебной и непокоренной, и король не мог этого не понимать. А в Англии ему предстояло выполнять обещания своим подданным. 8 марта 1299 года в Лондоне состоялся совет, где королю опять было предложено подтвердить хартию. Он сделал это с одним маленьким добавлением: «кроме того, что ущемляет права короны». Услышав эту поправку, лондонцы, собравшиеся в соборе Святого Павла, разразились проклятиями в адрес монарха.

Скоро пришлось предпринимать новую экспедицию в Шотландию, где Уоллес вновь собрал отряд и продолжал тревожить захватчиков набегами. Выбранные лордами регенты вступили в сговор с Филиппом Красивым и на французские деньги начали собирать войско. В ноябре 1299 года Эдуард был в Бервике, но бароны заметили, что уже зима и они не пойдут воевать, если король не подтвердит хартию без всяких поправок. Эдуарду пришлось вернуться в Лондон и сле-

дующей весной выполнить это требование. Только тогда он смог отправиться в Шотландию с тремя тысячами солдат. На его походном знамени были изображены «три свирепых настороженных леопарда из чистого золота на красном фоне»; так впервые появился нынешний герб Англии. Какое-то время его задерживала крепость Карлаверок, которую обороняли всего шестьдесят человек. В награду за доблесть Эдуард отпустил их и даже велел выдать всем по новому мундиру. Потом он направился в Голуэй, где его нагнал архиепископ Уинчелси с папской буллой. Эдуарду предлагалось прекратить войну и передать Шотландию... папскому престолу. В ответ король воскликнул, что «до последних сил будет защищать права, принадлежащие ему в глазах всего мира». Папе написали отписку, где говорилось, что король должен посоветоваться с лордами.

Однако с лордами король советовался совсем о другом. Как известно, Вильгельм Завоеватель объявил все леса собственностью короны. Позже, во времена смут, многие леса были захвачены светскими и духовными феодалами, и Эдуард, верный своим принципам, потребовал их назад. Однако теперь зная, пользуясь финансовой зависимостью короля от нее, добилась сохранения лесов за собой. Более того — на парламенте в Линкольне прелаты и бароны объединились против короля, требуя снижения налогов и других льгот. Но Эдуард оставался Эдуардом: ловко играя на патриотических чувствах, он вызвал возмущение баронов намерениями папы в отношении Шотландии. К тому же старый оппонент короля граф Херефорд умер, а его сына Эдуард женил на своей дочери Елизавете. Бездетный граф Норфолк вообще завещал короне все свои владения.

Летом 1301 года состоялся новый поход в Шотландию, и повторилось то же самое: выжженная земля, голодные люди и лошади, тщетные поиски неуловимого врага. Рождество король встретил в голых каменных стенах аббатства Линлитгоу и весной ни с чем вернулся в Англию. Дела на континенте шли неплохо: папа Бонифаций поссорился с королем Филлиппом и оба наперебой искали поддержки Эдуарда. В этих условиях он мог сосредоточиться на Шотландии и в 1303 году прошел всю страну с юга на север, почти не встретив со-

противления. В следующем году он созвал шотландских баронов в Сент-Эндрюс и получил присягу от всех, кроме Уоллеса. Этот неукротимый патриот все еще сражался против королевских войск, пока не был схвачен. Выдал его шотландский дворянин Джон Мэнкен, польстившийся на объявленную англичанами награду. 23 августа 1305 года Уоллес был четвертован в Лондоне.

В этом году папой под именем Климента V был избран подданный Эдуарда — гасконец Бертран де Го. Он пригласил короля в гости; тот не приехал, но попросил папу о маленькой услуге — позволить ему отказаться от хартии, принятой в 1297 году «под давлением обстоятельств». Вдобавок папа запретил английским епископам отлучать короля или его чиновников, выбив тем самым оружие из рук Уинчелси. Узнав об этом, архиепископ явился к королю и едва не на коленях просил его о прощении. Эдуард напомнил ему обо всех враждебных выступлениях против королевской воли и сказал: «Вряд ли мы станем друзьями, сэр. Пожалуй, вам лучше покинуть Англию». Архиепископ так и сделал и не возвращался до смерти короля.

В сентябре 1305 года на совете в Лондоне Эдуард поднял вопрос о введении в Шотландии английской системы управления. Если бы эта схема была осуществлена, Шотландия могла бы постигнуть судьба Уэльса. Но тут давний претендент на шотландский престол Роберт Брюс убил другого претендента Джона Комина и поднял новое восстание против англичан. Король спешно отправил в Шотландию графа Пемброка с войском, а сам 22 мая 1306 года устроил грандиозный праздник посвящения в рыцари. Был посвящен принц Эдуард, назначенный наместником Аквитании, и еще 300 человек. Церемония происходила в Вестминстерском аббатстве; давка была такая, что два новоиспеченных рыцаря задохнулись. На этом «празднике лебедей» королю поднесли живого лебедя, и он поклялся им, что уничтожит Брюса и никогда больше не поднимет оружия на христиан, а умрет в Святой земле, сражаясь с неверными.

Осенью 1306 года король и принц Эдуард отправились в Шотландию. Принц медленно продвигался вдоль границы, беспощадно опустошая окрестности, пока его не свали-

ла с ног дизентерия. Старый король продолжал наступать; маленькое войско Брюса было разбито, а сам он бежал в Ирландию. Увидев, что мягкость в отношении шотландских лордов не приносит результатов, Эдуард казнил многих из них, а прочих приказал заточить в тюрьму, включая сестру Брюса и престарелую графиню Бьюкен. Без сомнения, он не испытывал при этом угрызений совести: в его глазах все эти люди были предателями, изменившими вассальной клятве. Король все сильнее страдал от болезни; летом войско вернулось в Карлайл, и Брюс тут же появился вновь и вернул утраченные позиции. Король опять сел на коня, надеясь, что в походе его здоровье восстановится, как это бывало раньше. В начале июля он слег окончательно, так и не перейдя в этот раз шотландскую границу. Его хотели отвезти в город, но он предпочел остаться в палатке, как привык в походах. Он умер 7 июля 1307 года, перед смертью попросив сына похоронить его сердце на Святой земле. Но Эдуард II не исполнил и эту волю отца — 27 октября тело короля опустили в гробницу в Вестминстере.

Смерть Эдуарда стала несчастьем для всей Англии и особенно для его сына; он получил власть, которой не желал и боялся. Он был коронован в феврале 1308 года, но продолжал вести привычный образ жизни — ученые занятия, состязания и пиры в обществе молодых красавцев. Любимцем его был молодой гасконец Пирс де Гавестон, мать которого была сожжена за колдовство. Узнав о слишком тесной «дружбе» своего сына с Гавестоном, король отправил последнего в ссылку, но после его смерти Эдуард II освободил фаворита и предоставил ему чрезвычайно большую власть. У Гавестона были пергаменты с королевской подписью, куда он мог вписать любой указ. Многие представители знати не любили гасконского выскочку, тем более что он был чрезвычайно заносчив и резок на язык. В 1312 году графы Уорик и Ланкастер захватили Гавестона в плен и убили. Король был потрясен и поклялся наказать убийц; однако он не смог сделать этого, и в довершение унижения церковь отказалась хоронить убитого в освященной земле, считая его колдуном.

Вскоре Эдуард обзавелся новыми любимцами — отцом и сыном Диспенсерами. Они также приобрели большое влия-

ние на дела государства и к тому же вмешивались в семейную жизнь короля. Изабелла, молодая и красивая женщина, очень страдала от равнодушия мужа, хоть и родила ему сына Эдуарда и четырех дочерей. Диспенсеры не только заменили ее в сердце супруга; по их наущению король лишил Изабеллу владений и фактически посадил под домашний арест. В конце концов она бежала к отцу во Францию, и уже никто не мешал Эдуарду вести привычный образ жизни. Он обожал стихи, музыку, книги, был хорошим каменщиком и кузнецом, прекрасно плавал и ездил верхом. Умел он и владеть оружием, но отличался равнодушием к войне, был плохим дипломатом и еще худшим полководцем. Это особенно ярко проявилось в его неудачных шотландских войнах.

Ободренный смертью своего могучего врага, Роберт Брюс вновь перешел в наступление. Уже в 1308 году он отвоевал занятые англичанами крепости, а вскоре шотландские отряды начали вторгаться в Северную Англию, сея смерть и разрушение. В конце концов под давлением советников Эдуард был вынужден собрать армию и отправиться в поход. По излюбленной шотландской тактике Брюс отступал, заманивая врага в глубь страны. 24 июня 1314 года в местечке Баннокберн близ Стирлинга состоялось генеральное сражение. Англичане сбились в кучу на болотистой равнине, позволив шотландцам занять позиции на окружающих холмах. Вначале воины Брюса расстреливали врагов из луков, вызвав среди них смятение, а атака пехоты завершила дело. Во время бегства многие воины Эдуарда утонули в реке Форт или свалились в глубокий овраг, который был доверху завален трупами. Погибло пятнадцать тысяч англичан, включая 27 баронов, а граф Херефорд, коннетабль, попал в плен. Сам король едва успел бежать с поля битвы и в панике направился в Англию, без боя сдав шотландцам Стирлинг и другие крепости.

После этого Эдуард II потерял в народе всякую популярность. Правление фаворитов привело к упадку государственного управления и усугубило последствия неурожая и нескольких эпидемий. Недовольные бароны бежали во Францию к королеве Изабелле; один из них, Роджер Мортимер, стал ее любовником. Вместе с ним она набрала во Фландрии войска и в 1326 году высадилась в Англии. Армия Эдуарда разбе-

жалась, и он был вынужден сдаться. Королева тут же возвела на трон своего 15-летнего сына Эдуарда, а свергнутый монарх был заточен в замок Беркли. Насильственное отречение короля создало печальный прецедент; другим прецедентом стало его убийство. По тайному приказу королевы и Мортимера 21 сентября 1327 года четверо тюремщиков тайно убили Эдуарда, введя ему в задний проход раскаленный железный прут — чтобы не оставлять следов на теле. Погибли страшной смертью и близкие друзья короля; Диспенсеров жгли каленым железом, отрезали «члены, коими они творили грех», а потом четвертовали. Англичане, ожидавшие от королевы милостей, были настолько поражены такой жестокостью, что прозвали ее «Французской волчицей». Не меньшую неприязнь вызывал и Мортимер, который не скрывал своих притязаний на корону. В конце концов бароны с санкции молодого короля совершили переворот. Мортимер был схвачен и казнен, а королеву до конца жизни заточили в замок Райсинг недалеко от Кингс-Линна.

Эдуард III был выдающимся воином и администратором и гораздо больше напоминал деда, чем отца. В начале его правления был заключен Нортхэмптонский мир с Шотландией, по которому Роберт Брюс становился независимым монархом, но приносил оммаж королю Англии. В 1329 году старый воин умер от проказы, а слабость его наследника свела шотландскую угрозу к минимуму. Эдуард, одержимый мечтами о рыцарской славе и завоеваниях, смог обратить свои взоры за море. В 1328 году во Франции прекратилась династия Капетингов, и трон перешел к их побочной ветви, графам Валуа. Тут же король Англии предъявил свои права — ведь его мать Изабелла была родной сестрой последних Капетингов. В ответ французские пэры ссылались на Салический закон, по которому женщины и их потомки не имели прав на престол. Однако это не убедило Эдуарда, который стал готовиться к войне. К тому времени потомки нормандских баронов изрядно размножились и обеднели, а суровое королевское правосудие и запрет частных войн лишили их любимых занятий. Они горели желанием повоевать где-нибудь, добыть славу и заодно пограбить. В этом с ними были вполне едины еще более бедные валлийские и шотландские дворяне.

В борьбе с Францией Эдуард мог рассчитывать на помощь горожан Аквитании и Фландрии, которых притесняли французские феодалы. Для укрепления союза с Нидерландами юный король в 1328 году женился на 14-летней Филиппе, дочери графа Эно. Красивая и добрая королева пользовалась огромной популярностью в Британии — она постоянно заботилась о бедных и не раз склоняла своего воинственного супруга к милосердию. Филиппа была довольно образованна для своего времени и покровительствовала людям искусства, в том числе писателю Чосеру и историку Фруассару. Она родила Эдуарду восьмерых сыновей и пятерых дочерей, но судьба большинства из них была печальной. Иного и трудно было ожидать в тот кровавый век. В 1337-м началась Столетняя война с Францией. Английские войска, в которых была велика роль легкой пехоты и лучников, быстро проявили превосходство над неповоротливой рыцарской конницей французов.

В 1346 году англичане одержали победу при Креси и заняли важный порт Кале, но их дальнейшим успехам помешала эпидемия чумы — знаменитая «Черная смерть» 1348 года, унесшая почти половину населения Англии. Однако Франция пострадала от чумы не меньше и в возобновившейся войне продолжала проигрывать. 19 сентября 1356 года при Пуатье французская армия потерпела новое сокрушительное поражение. Погибли две с половиной тысячи рыцарей; столько же попали в плен вместе с самим королем Жаном II Добрым. Этот недалекий монарх был так очарован рыцарским обхождением с ним победителей, что подписал договор, отдающий англичанам в качестве выкупа половину Франции и еще четыре миллиона золотых экю.

Однако условия договора выполнять никто не собирался, и война вспыхнула с новой силой. Сам Эдуард наступал на французов с севера, а на юге англичан возглавлял его сын — тоже Эдуард, прозванный Черным принцем из-за цвета лат. Его храбрые и жестокие наемные войска прошли от Бордо до Кале, занимая крепость за крепостью, и вынудили французов подписать в 1360 году мир в Бретиньи, по которому после смерти Жана французская корона должна была достаться Эдуарду. Тот еще в 1340 году принял титул короля Франции, который его потомки продолжали носить до самого 1801 года.

Однако французский дофин Карл после смерти отца сам сделался королем и с помощью разумной политики изрядно потеснил англичан. После всех войн и побед Эдуарда в его руках осталась только небольшая часть Аквитании и некоторые порты, включая Кале. Любимый сын и наследник Черный принц умер в 1376 году от дизентерии — «солдатской болезни». Любовь народа к нему была столь велика, что король назначил наследником сына покойного Ричарда в обход собственных сыновей, что заложило основы многих будущих конфликтов. Сыновья короля Джон Гонт и Эдмунд Лэнгли стали родоначальниками двух могущественных феодальных родов — соответственно Ланкастеров и Йорков, — которым следующие сто лет предстояло сражаться за корону Англии.

Король проявил себя как талантливый администратор. Он впервые разделил парламент на две независимых палаты — лордов и общин. Он же позволил парламентариям проводить процедуру «импичмента» — выражения недоверия недобросовестным чиновникам. Он увеличил независимость судов от местной и центральной власти, а также совершил еще одно полезное дело — выкупил из французского плена будущего великого писателя Джеффри Чосера. Однако куда большую известность получило другое деяние Эдуарда III — учреждение ордена Подвязки (*Order of the Garter*). Как-то на балу графиня Солсбери так расплясалась, что обронила подвязку. Чтобы отвлечь внимание от оплошности дамы, благородный король подобрал подвязку и надел ее на свою ногу, внушительно заявив: «Позор тому, кто подумает об этом плохо». Хотя именно со времен Эдуарда официальным языком двора стал английский, эти слова были сказаны по-французски и стали девизом нового рыцарского ордена, число членов которого не могло превышать 24 человек.

Еще до этого графиня Солсбери прославилась храброй защитой своего замка от войск шотландского короля. По слухам, она была любовницей короля, но вообще-то Эдуард любил Филиппу и старался хранить ей верность. Только после ее смерти в 1369 году он начал заводить фавориток, которых народ ненавидел и распускал про них разнообразные слухи. Самую известную, Алису Перрерс, считали еврейкой и говорили, что она делила постель короля со своей дочерью и, кроме то-

го, заразила его гонореей. От этого или от чего-то другого рыцарственный Эдуард III умер 21 июня 1377 года.

Казалось, повторяется история с Эдуардом I. Наследник покойного, семилетний Ричард II, не очень подходил для королевской должности. Управление страной он предоставил своим дядям, в особенности герцогу Ланкастерскому Джону Гонту, а сам целиком отдался утонченным забавам в кругу придворных. Король весьма увлекался литературой, модами и кулинарным искусством; он прослыл изобретателем носового платка и автором первой в Англии поваренной книги, среди рецептов которой были устрицы в греческом вине и другие деликатесы. При этом война во Франции заглохла, и баронам пришлось направить освободившуюся энергию на стычки друг с другом и угнетение крепостных.

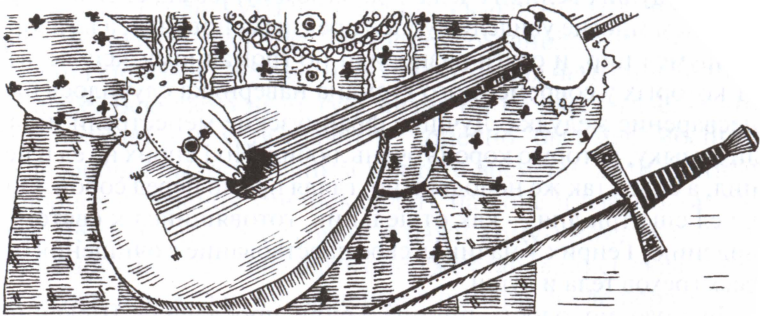
В 1381 году вспыхнуло мощное восстание крестьян под руководством Уота Тайлера, с которым королевской власти едва удалось справиться. Юный король сам отправился в лагерь восставших и вообще проявил неожиданную храбрость. Его гомосексуальные наклонности ослабли после женитьбы в 1382 году на Анне Богемской, дочери императора Карла IV. Ричард нежно любил ее, хотя она так и не смогла — вероятно, по его вине — родить наследника. Когда она умерла в 1395 году в Шинском дворце, король был настолько убит горем, что приказал снести ни в чем не повинное здание. Однако вскоре он по настоянию придворных женился на семилетней Изабелле, дочери французского короля Карла VI Безумного.

В 1399 году умер Джон Гонт, и король, вечно нуждавшийся в деньгах, конфисковал земли Ланкастеров. Этот шаг оказался роковым — сын покойного Генри Болингброк сплотил вокруг себя недовольных баронов и 30 сентября 1399 года сверг Ричарда, который в то время подавлял очередной мятеж в Ирландии. Бывший король был заключен в замке Понтефракт, где через полгода то ли уморил себя голодом, то ли был убит. С его свержением Плантагенетов сменила новая Ланкастерская династия.

С самого начала Генри, теперь королю Генриху IV, пришлось столкнуться с оппозицией могущественных феодальных родов — прежде всего Йорков, а также Перси из Нортумберленда и Моубри из Норфолка. В 1408 году король едва не

был свергнут объединенной коалицией Перси и потомка валлийских королей Оуэна Глендаура. Однако незаурядный дипломатический талант позволил ему разбить врагов поодиночке и оставить наследнику сплоченное и хорошо управляемое королевство. В последние годы Генрих страдал кожным заболеванием вроде экземы, которое современники считали проказой и видели в нем кару Божью за свержение доброго и богобоязненного Ричарда. «Божьей карой» называли и наследника, принца Генри, который славился своим беспутством; англичане с трепетом ожидали увидеть в его лице наихудшего короля, но вместо этого получили одного из лучших в своей истории.

Победитель. Генрих V

Ночь смерти своего отца принц Генри Монмут провел за необычным для себя занятием — уединенной молитвой в Вестминстерском аббатстве. До этого его ночи обычно проходили в пьяных кутежах в лондонском «веселом квартале» Истчип. Но эта ночь в Вестминстере изменила его так же сильно, как Томаса Бекета — избрание архиепископом. Мало кто из исторических личностей так же твердо следовал избранным раз и навсегда целям, как новый король Англии Генрих V. Коронация совершилась 9 апреля 1413 года, накануне Пасхи; Генриху было двадцать пять лет. Накануне он, по обычаю, посвятил в рыцари пятьдесят знатных юношей, среди которых были и давние соперники Ланкастеров — Мортимеры и Моубри. Этим новый король хотел показать, что уверен в правах своей династии и не боится соперников. Тогда же состоялось первое посвящение в рыцари основанного Генрихом IV ордена Бани — его назвали так потому, что перед посвящением кандидаты совершали омовение.

Во время пышной коронации Генрих проехал из Тауэра в Вестминстер во главе процессии новопосвященных рыцарей

и всех лордов королевства. В соборе он поднялся на помост напротив алтаря, обтянутый золотой парчой. Лицо молодого короля было бесстрастным, на губах не играла обычная улыбка. Таким же он оставался и на банкете после коронации, когда восседал в мраморном кресле, «прекрасный и печальный, как ангел», то ли прощаясь с беззаботной юностью, то ли мечтая о будущих великих делах. За окном бушевала снежная буря, в чем многие увидели дурное предзнаменование, а во дворце шумел пир, и слуги разносили по громадному залу яства, от которых у современного гурмана наверняка случилось бы несварение желудка. Лучшие французские менестрели играли музыку, которую король очень любил. Но Генрих не ел и не пил, а сидел так же неподвижно, глядя прямо перед собой. Он не ел еще три дня — как отшельник, готовящийся к святому видению, Генрих V начинал свое царствование с очищения от всех грехов тела и души.

Бурную молодость принца Генри прославили Шекспир и другие авторы, но все они жили намного позже. Свидетельства современников куда сдержаннее. Томас Элмхем писал: «В юности принц был усердным служителем сладострастия и излишне увлекался музыкой. Превосходя пределы приличия, он служил Венере наравне с Марсом и среди доблестных трудов войны находил отдых в излишествах, свойственных необузданной юности». То же говорит Тит Ливий Фруловизий: «Пока был жив его отец король, он главным образом предавался радостям Венеры и Марса и прочим удовольствиям юности». Принц родился 9 августа 1387 года в валлийском замке Монмут, от которого и получил свое прозвище, как это было свойственно английским королям — можно вспомнить Генриха IV Болингброка и Генриха VI Виндзора. Генрих был старшим среди детей будущего Генриха IV; сразу после него родились Томас (герцог Кларенс), Джон (герцог Бедфорд) и Хэмфри (герцог Глостер). Еще был жив могущественный дед Джон Гонт, прославленный строительством замков — главный из них, Кенильворт, считался самым мощным в Англии. Отец Генриха был еще графом Дерби и в промежутках между войнами прилежно занимался увеличением своих владений. Немалое приданое принесла ему и Мэри де Бохун, дочь графа Херефорда, которую он взял замуж совсем молодой. Ген-

риха она родила в 17 лет, а умерла в 24 во время очередных родов. Мэри была хохотушкой, любившей петь и играть на лютне. В момент рождения первенца графа Генриха не было рядом — он отправился на юг, чтобы помешать готовящейся высадке французов.

Воспитывался он, по всей видимости, в Кортфилде близ Монмута, где до XVIII века хранилась «колыбель принца Гарри». В архивах графства Ланкастер сохранилась запись о болезни Генриха в 1395 году и о купленных для него книгах, мече и арфе. Всю свою недолгую жизнь он не расставался с этими предметами, хотя главным, конечно, был меч. Воспитание юноши было типичным для того времени. Дети знатных баронов с пеленок учились сидеть на коне и владеть оружием. Лет в десять их отдавали в пажи кому-нибудь из отцовских друзей; в четырнадцать они уже становились сквайрами в дружине и ждали посвящения в рыцари после первых боевых подвигов. Генрих прошел тот же путь — в десять лет выступал на турнире в замке Плаши «на прекрасном жеребце под черным седлом, обтянутым шелком», а в шестнадцать впервые сражался в бою. С восьми лет он целыми днями пропадал на охоте, которая была в те времена настоящей школой, помогающей постигать искусство войны. Ему посвящена книга об охоте, написанная его кузеном Эдуардом, герцогом Йоркским, и подробно повествующая о тонкостях этого занятия. Охотник не должен лениться; он встает на рассвете, «видит сладостный и дивный восход в ясную погоду и слышит песни мелких пташек». Он учится справляться с коварством дикой кошки, с быстрыми ногами оленя и клыками свирепого кабана, который «может распороть мужчину от колена до груди и одним ударом убить его до смерти». Вечером, придя домой, охотник оmyвает ноги, расслабляет уставшее тело, ест и «предается радостям жизни». Так Генрих жил бы еще долго, если бы не вмешался неумолимый политический расчет.

Уже в 10 лет его отправили учиться в Оксфордский университет, которым управлял его дядя Генри Бофорт, епископ Винчестера. Похоже, способного к наукам юношу отец хотел видеть в сане епископа, но этому мешал веселый нрав Генриха. В Оксфорде долго помнили о дерзких выходках молодого Ланкастера, не уступавшего в озорстве старшим товари-

шам. В 1394 году умерла мать Генриха, а в 1398 году его отец был осужден на десять лет тюрьмы по обвинению в заговоре. Однако добрый король Ричард не распространил опалу на Генриха; более того, он взял его под свою опеку и пообещал ежегодно выделять 500 ливров. В мае 1399 года Ричард взял Генриха с собой в Ирландию и там посвятил его в рыцари. В августе, когда Ланкастер-старший высадился с армией в Йоркшире, Генрих и его брат Хэмфри на всякий случай были отосланы в замок Трим, но и там на их свободу никто не посягал. Хронист Оттерборн пишет, что король жаловался Генриху на вероломство его отца, но тот поклялся в своей полной невинности, и Ричард поверил ему. Действительно, хитрый Болингброк вряд ли стал бы раскрывать свои планы двенадцатилетнему сыну, с которым никогда не был особенно близок.

В сентябре Генрих IV захватил престол, и его сын стал принцем Уэльским. Кроме того, отец сделал его кавалером ордена Бани, герцогом Корнуолла и чуть позже Аквитании. 3 ноября парламент попросил «не увозить принца из королевства», поскольку долгое отсутствие на родине последних двух королей привело к резкому ухудшению управления. Тогда же отец предложил Генриху жениться на 10-летней Изабелле, дочери французского короля, которую совсем недавно сватали за Ричарда. В январе враги Ланкастеров попытались отравить короля и его детей на пиру, но яд оказался слабым, и все четверо скоро поправились. Тогда начался открытый мятеж; заговорщики соединились с королем Шотландии и вместе начали разорять северные графства. Хроники писали, что Генрих вместе с отцом отправился летом в поход на север, но, скорее всего, он оставался в Лондоне и замещал короля на совете.

Осенью 1400 года вспыхнуло восстание и в Уэльсе во главе с Оуэном Глендауром. Этот потомок валлийских королей, разбогатевший благодаря дружбе с королем Ричардом, выждал удобный момент и захватил почти весь Уэльс, объявив о восстановлении независимости. На этот раз принц принял несомненное участие в подавлении мятежа, а весной следующего года уже самостоятельно освобождал от восставших валлийские замки. С ним вместе был прославленный храбрец Генри Перси по прозвищу Хотспир (Горячее копье), сын графа Нортумберленда. 28 мая им удалось взять мощный замок Конвей,

но Перси уехал, и принц не мог в одиночку справиться с разразившимся восстанием. Тогда ему на помощь пришел король, который отругал сына за неспособность и отослал в Лондон, назначив его воспитателем Томаса Перси, дядю Хотспира. Однако король тоже не смог справиться с Глендауром, да и восстания сторонников Ричарда требовали его присутствия в других местах, поэтому в 1403 году он снова назначил сына своим представителем в Уэльсе и вручил ему десятитысячную армию. Уже в мае Генрих сумел потеснить Глендаура и сжечь его резиденцию в Сихерте. Однако прижимистый король не торопился выделять сыну деньги, и принцу пришлось продать собственные драгоценности, чтобы заплатить жалованье солдатам.

Этого явно не хватало, и Глендаур опять перешел в наступление. К тому же в июле семейство Перси подняло восстание на севере; король и принц с двух сторон напали на мятежников. 21 июля 1403 года состоялось решающее сражение при Шрусбери. Как ни странно, великий воин Генрих за свою жизнь участвовал всего в двух сражениях и о первом предпочитал не вспоминать — там он проливал английскую кровь, к тому же его противниками были двое бывших друзей, Томас Перси и Хотспир. Войско мятежников насчитывало 10 тысяч человек, королевское было чуть больше. 16-летний Генрих вел свой отряд в наступление вверх по холму и испытал на себе всю страшную силу английских длинных луков. Стрелы скосили чуть ли не треть его людей, и он сам был ранен в лицо, но сумел пробиться наверх и сдерживать натиск врагов до подхода отца. Шекспир в своей хронике утверждает, что Генрих лично заколол Хотспира в поединке, но источники об этом умалчивают. Во всяком случае, опасный враг Ланкастеров был убит, а Томас Перси взят в плен и казнен. Отрубленную голову Хотспира повесили в Йорке на мосту, под которым должен был пройти старый граф Нортумберленд, сдавшийся на милость короля.

После победы Генрих IV вернулся в Лондон, оставив сына выздоравливать и заодно разбираться с Глендауром. Целый год военные действия шли довольно вяло; принц в это время поправлял здоровье в Херефорде. Осенью следующего года он вернулся в Уэльс и еще год вел безуспешную войну среди гор

и лесов. Валлийцы применяли любимую тактику: неожиданно нападали на королевские войска, забрасывали их градом стрел и камней и быстро отступали. В ноябре 1405 года принц отправился в Шотландию с таким большим войском, что шотландцы сдались без боя и подписали мир. В следующем году парламент поблагодарил принца за его усилия и предложил королю вновь отправить его в Уэльс.

Однако прежде Генрих принял участие в суде над лоллардами. Движение этих сектантов — последователей Джона Уиклифа — распространилось в Англии так широко, что довольно терпимый в вопросах веры Генрих IV был вынужден принять меры. До 200 лоллардов по его приказу было казнено или брошено в темницу. Нет никаких свидетельств, что принц пытался облегчить их участь. С ранних лет он был рыцарем и милостиво относился к побежденным врагам, но мягкость к еретикам не относилась к числу его добродетелей. К тому же лолларды не признавали себя побежденными, а сурово обличали прелатов и королевских чиновников — «слуг Велиала». Позже их идейные наследники, пуритане, попортили немало крови потомкам Генриха. Но пока главной проблемой оставался Уэльс. Только осенью 1408 года войска принца взяли крепость Абериствит — последний оплот Глендаура. Отважный вождь валлийцев скрывался в лесах еще два года, а потом исчез неведомо куда.

В это время принц уже был занят более важными обязанностями. Король часто болел, и Генриху приходилось замещать его в совете. Однако после суровой походной жизни он не смог справиться со столичными искушениями. Именно к тому периоду относится тот образ разгульного принца Гарри, который был создан Шекспиром и другими поздними авторами. Принц сдружился с молодыми дворянами, вместе с ними просиживал ночи в кабаках и затевал драки. Однажды он даже избил главного судью, который вынес суровый приговор одному из собутыльников принца. Он изобретал невероятные фасоны одежды и однажды явился к отцу в наряде из голубого атласа, с которого свешивалось множество ниток с иглоками. Король разбрал его, на что Генрих пожал плечами и сказал, что не захотел менять свое повседневное платье. Однако такие анекдоты не должны заслонять тот факт, что принц приобрел все

большее влияние в государственных делах, проявляя немалую твердость. Так, он сумел отвергнуть притязания архиепископа Арундела на управление Оксфордским университетом, что тут же усилило придворную группировку Бофортов, которые всюду пользовались болезнью короля.

Генриха беспокоило положение дел во Франции. Его отец не желал продолжать войну и гораздо больше заботился об укреплении своей власти в Англии. Но принц всячески приближал начало военных действий; одни историки объясняют это юношеским стремлением к славе, но другие указывают, что только война могла удержать в повиновении английских баронов, привыкших жить грабежом и начисто забывших об управлении своими поместьями. Миротребие уже стоило короны Ричарду II, и Генрих не мог не помнить об этом. Тут подвернулся удобный случай: союзник Англии герцог Бургундский, бывший регентом при безумном короле Карле VI, терпел поражения от антианглийской партии арманьяков. Он обратился за помощью в Лондон, и принц вопреки сопротивлению отца добился отправки во Францию отряда во главе с Гилбертом де Умфравилем. В ноябре 1411 года бургундцы и англичане разбили арманьяков при Сен-Клу; в благодарность герцог предложил Генриху руку своей дочери, но тот отказался. Он уже наметил себе невесту — десятилетнюю Екатерину, дочь короля Карла. Такой брак мог бы значительно укрепить права принца на французский престол.

Король продолжал болеть. Пользуясь этим, его брат Генри Бофорт попытался вынудить его отказаться от власти в пользу сына. Вероятно, это делалось с согласия принца, поскольку после отказа отца он покинул королевский совет. Его тут же заменили на брата Томаса, который прервал приготовления к войне и поссорился с бургундцами. Однако враги во главе с архиепископом Арунделом не успокоились; они обвинили принца в растрате денег, полученных им из казны на укрепление Кале. После этого обиженный Генрих нашел забвение в новых пирушках и сумасбродных выходках. Весной 1413 года стало ясно, что король умирает. Его отношения с сыном до конца оставались натянутыми; недоброжелатели утверждали, что Генрих проник к умирающему отцу и выкрал у него корону, в которой вечером красовался перед своими друзьями в Ист-

чипе. Как бы то ни было, 20 марта 1413 года Генрих IV скончался, и принц был провозглашен королем Генрихом V. Некоторые современники считали, что на изменение характера Генриха повлияла снежная буря, случившаяся во время коронации; другие верили, что он лишь изображал из себя беззаботного повесу, чтобы усыпить бдительность врагов.

Во всяком случае, веселый принц Гарри стал другим человеком. Больше всего его занимали события во Франции, поэтому он постарался как можно скорее урегулировать английские дела. Сразу же Генри Бофорт был назначен канцлером, и его семейство еще более усилило свои позиции. Чтобы не ссориться с архиепископом Арунделом, его брата сделали королевским казначеем. В мае собрался первый парламент нового царствования, на котором Генрих постарался произвести хорошее впечатление. Выживших мятежников выпустили из тюрем, а останки свергнутого Ричарда II были перенесены из Лэнгли в Вестминстер и захоронены с почестями. Уже первые меры Генриха выявили в нем справедливого, но решительного монарха. Это быстро ощутили на себе лолларды, вождь которых, сэръ Джон Олдкасл, оказался в Тауэре. Однако влияние сектантов было в то время так велико, что Олдкасл смог бежать из тюрьмы, а его сторонники попытались совершить покушение на короля в Элтеме, где он праздновал Рождество. Генрих срочно перебрался в Лондон; тогда лолларды наметили на поле Сент-Джайлс близ столицы всеобщее собрание своих единомысленников. Король действовал решительно — по его приказу войка заняли поле и заперли все лондонские ворота, не выпуская из них членов секты. Еретикам пришлось уйти в подполье, а Олдкасл был схвачен и казнен в 1418 году, когда король уже воевал во Франции.

Парламент в Лестере, собравшийся в апреле 1414 года, был посвящен в основном церковным делам. Архиепископ Арундел недавно умер, и его преемником избрали Генри Чичли. Он-то и выступил с обращением к королю, в котором просил немедленно начать войну с Францией, откуда лолларды якобы получали помощь. На самом деле просьба Чичли была скорее попыткой отвлечь Генриха от борьбы с ересью. Среди лоллардов было немало клириков, вплоть до приоров и настоятелей монастырей, и король намеревался конфисковать

их владения, в чем епископы справедливо увидели дальнейшее наступление на привилегии церкви. Они надеялись, что возобновление французской кампании заставит Генриха забыть о церковных землях, и так и случилось. Правда, вначале король отправил за море епископов Дарэма и Норича для переговоров о мире, но английские условия были заведомо неприемлемыми: признание прав Генриха на французскую корону и возвращение Англии всех областей, переданных ей по кабальному договору в Бретиньи. Французские придворные были возмущены требованиями молодого короля; несмотря на прошлые победы англичан, Франция по-прежнему оставалась больше и сильнее своей соперницы. Ее население в десять раз превышало население Англии, а армия значительно усилилась благодаря реформам Карла V. Правда, слабость центральной власти и борьба между феодалами ослабляли страну, но ни одна из враждующих группировок не питала особой любви к англичанам.

Французы отпустили послов восвояси, вручив им «подарок» для короля — теннисные шарики. Тем самым они намекали, что молодому монарху лучше играть в детские игры, чем мериться силами с Францией. Получив дары, Генрих воскликнул: «Ничего, если Бог позволит, я через пару месяцев сыграю с ними в такую игру, что им больше не захочется шутить». Но оказалось, что золота в казне мало, поэтому пришлось срочно просить денег на поход у парламента и церкви. Тем временем французы в апреле 1415 года все же пошли на заключение перемирия, но соблюдать его никто не собирался. Уже тогда король решил отправиться летом на войну, принял меры по охране границ Шотландии и Уэльса и назначил брата, герцога Бедфорда, регентом на время своего отсутствия. На этом посту Джону Ланкастеру предстояло пробыть целых двадцать лет, поскольку с тех пор Генрих появлялся на родине лишь эпизодически и на короткое время. Вскоре король отправился в Портсмут — наблюдать за снаряжением флота. В июле был раскрыт очередной заговор: три знатных барона пожелали свергнуть Генриха и возвести на престол его кузена Ричарда Йоркского. Но тот возмутился их намерениями и сам донес обо всем брату, что позволило ему избежать наказания. Трое заговорщиков были обезглавлены, но остальных король помиловал.

Наконец 11 августа английская армия покинула Портсмут. Полторы тысячи кораблей увозили во Францию 2500 конных рыцарей, 8000 валлийских стрелков и почти тридцать тысяч пехотинцев. Через два дня они высадились в устье Сены; первым же приказом Генрих под страхом смерти запретил всякое насилие над мирными жителями. Почти месяц англичан задерживала крепость Гарфлер; в это время Генрих послал герольда к дофину, сыну Карла VI, предлагая ему решить спор за корону в честном поединке. Однако трусоватый дофин, которому к тому же исполнилось всего 12 лет, вовсе не горел желанием сражаться с полным боевого пыла королем. 5 октября состоялся военный совет; все время осады в английском лагере свирепствовали болезни, прежде всего дизентерия: голодные солдаты жадно набрасывались на недозрелые фрукты. Многие даже предлагали вернуться обратно, но Генрих настоял на том, чтобы пробиваться сушей к Кале. Герцога Кларенса с заболевшими отправили в Англию, после чего у Генриха осталось не более 15 тысяч солдат. С ними он 8 октября начал поход через Нормандию, оставив в Гарфлере весь обоз и даже артиллерию.

Захватив Фекан и Арк, англичане попытались преодолеть Сомму у Аббвиля, но французы успели разрушить мосты. Генриху пришлось двигаться вдоль реки на Амьен и Корби. 19 октября армия нашла наконец брод у Бетанкура, перешла реку и двинулась в сторону Кале, почти не встречая сопротивления. 24-го утром войско Генриха форсировало реку Тернуаз; в это время разведчики сообщили о приближении мощного французского войска. Это была армия коннетабля Франции Карла д'Альбре численностью до тридцати тысяч человек. Она гналась за англичанами от самого Руана и наконец преградила им дорогу на Кале. Король тут же остановил солдат и велел им готовиться к битве. Французы встали лагерем близ деревни Мезонсей, где всю ночь пировали и играли в кости на пленников, которых рассчитывали взять в будущем сражении. Англичане же по приказу Генриха преклонили колени, молясь о победе. Сам король тоже молился, сказав: «Бог доверил мне этих людей, и он же повергнет гордыню французов, которые сейчас бахвалятся своими многолюдством и силой». Уповая на Господа, король не пренебрег и практическими мерами — послал разведчиков, чтобы тщательно изучить окрестности. По

некоторым данным коннетабль Карл предложил англичанам перемирие, но поверить в это трудно. Французы были уверены в победе, а их враги измучены долгим маршем. Провиант у них давно кончился, и вопреки благим намерениям короля приходилось грабить население. Оно не оставалось в долгу, устраивая налеты на английский арьергард и добывая оставших.

Утром 25 октября англичане заняли удобную позицию у южного края узкой теснины, окруженной густым лесом. Французам для атаки пришлось входить в теснину по частям, разделившись на три колонны. Впереди двигались пешие воины и арбалетчики, сзади — тяжелая рыцарская конница. Англичане также выстроились тремя соединениями, состоявшими из спешенных всадников и копейщиков. Между ними и впереди занимали позиции валлийские и английские лучники. Перед строем был сооружен частокол для защиты от кавалерийской атаки. Настроение у английских бойцов было невеселым; они слишком хорошо видели неравенство сил. По легенде сам король велел не платить за него выкуп, если он попадет в плен. Часа два противники простояли на месте; Карл надеялся, что английский король по юношеской горячности поспешит в атаку и первым войдет в теснину. Догадавшись об этом, Генрих велел начать ложное наступление и тут же вернуться на прежние позиции. Когда французы обнаружили, что их обманули, было уже поздно — рыцари стремительно неслись вперед.

Английские лучники встретили наступающих тучей стрел. Какое-то время рыцари еще пробивались вперед, но вскоре упавшие и мечущиеся в панике лошади перегородили лоцину и сделали движение невозможным. Тогда в атаку пошла первая колонна французов во главе с самим Карлом д'Альбре. От недавних дождей земля размокла, и рыцари еле передвигали ноги, представляя собой прекрасную мишень. Правда, им удалось дойти до вражеских позиций, но тут лучники взяли за мечи и топоры и обрушились на неприятеля с флангов. За считанные минуты колонна Карла прекратила существование: все французы, включая самого коннетабля, были убиты или взяты в плен. Тут же в бой пошла вторая колонна во главе с герцогом Алансонским; она сумела прорваться в центр ан-

глийского войска, и герцог своей рукой ранил брата Генриха, Хэмфри Глостера. Король кинулся на выручку брату и сам получил удар мечом по голове. Прежде чем он опомнился и приказал не трогать герцога, тот был окружен и погиб с большинством своих воинов. Остальные в беспорядке отступили; в это время Генрих получил известие о том, что французы напали на английский лагерь и грабят его. Поняв, что теперь ему придется обороняться на два фронта, король велел перебить всех пленных, кроме самых знатных. Оказалось, что на лагерь напали обычные мародеры из числа местных крестьян. Спротивление французов было уже невозможным; после нерешительной атаки третья колонна повернулась и побежала. Битву завершила стремительная атака английской конницы во главе с самим королем. Спаслись лишь те французские воины, которые вовремя укрылись в лесу.

Разгром был полным, хотя сражение продолжалось всего три часа. Потери французов составляли от пяти до десяти тысяч человек, в основном знатных рыцарей. Погибли герцоги Брабанта, Бара, Алансона и около девяноста графов. Английские хронисты уверяли, что их войско потеряло всего 14 человек, но это явная неправда. Скорее можно доверять французским авторам, оценившим английские потери в 1600 человек; среди погибших были герцог Йоркский и граф Саффолк. О достаточно больших потерях говорит и то, что англичане не смогли преследовать врага и до утра простояли в Мезонсее, предавая земле убитых с той и другой стороны. Генриху не понравилось название деревни, означающее «пастушья хижина», и он велел именовать битву в честь близлежащего замка — Азенкурской. Под этим названием она и вошла в историю как одна из самых впечатляющих побед английского оружия. В ней погибли едва ли не все вожди арманьяков, а их противники-бургундцы повели дело напрямик к капитуляции перед англичанами.

Но сразу после Азенкура Генрих не рисковал задерживаться во Франции, опасаясь нападения свежих сил неприятеля. 29 октября его поредевшая армия прибыла в Кале, а уже 16 ноября король высадился в Дувре. Лондонцы устроили ему торжественную встречу как «новому Александру», но сам король держался подчеркнуто скромно, отнеся все свои успехи

на счет Господа. Он предстал перед толпой в том же помятом шлеме, в каком был на поле битвы. Собранный еще в его отсутствие парламент выразил свое восхищение тем, что пожизненно передал королю таможенные сборы с шерсти и другие пошлины, а также церковную десятину за текущий год. Генрих оставался в Англии до лета 1417 года, решая дела, возникшие в его отсутствие. Следуя своей политике примирения с оппозицией, он вернул владения наследникам Перси и Мортимеров и заключил мир с последними сторонниками Глендаура в Уэльсе. Шотландская угроза была ослаблена недавним пленением молодого короля Шотландии Якова IV; однако Генрих велел освободить Якова и заключил с ним почетный мир. Одновременно он провел переговоры с представителями многих европейских держав. Наиболее важным стал визит в Англию в апреле 1416 года римского короля Сигизмунда, который добивался помощи Генриха в борьбе с расколом римской церкви. Ради этого был созван собор в Констанце, где английские представители поддержали имперскую партию — в частности, проголосовали за казнь Яна Гуса. В ответ Сигизмунд обещал содействовать заключению мира с Францией.

Между тем французы понемногу собрались с силами и возобновили военные действия. В мае их флот напал на берега Англии; одновременно сухопутные силы осадили Гарфлер. Экспедиция герцога Бедфорда сняла осаду; на переговорах, где посредничали Сигизмунд и граф Вильгельм Голландский, Генрих предложил заключить перемирие на три года. Однако группировка графа Арманьяка, под влиянием которой находился дофин Карл, еще рассчитывала победить. Благодаря Сигизмунду, Генрих сумел перетянуть на свою сторону нескольких европейских правителей, в том числе герцога Бургундского. После секретных переговоров с королем в Кале тот 8 августа заявил, что признает права Генриха на французский трон. Правда, помогать новому союзнику он не спешил, но одного бездействия крупнейшего феодала Франции хватало, чтобы сделать позиции дофина почти безнадежными.

16 октября Генрих вернулся в Англию и тут же созвал парламент. Под влиянием воинственных призывов канцлера Бедфорда общины без возражений выделили еще больше денег на новую войну, которая должна была покончить с домом Валуа.

Всю зиму король набирал войска, готовил снаряжение и строил в Саутгемптоне новые большие корабли. С этого началось существование великого британского флота; до этого корабли снаряжались отдельными феодалами или конфисковывались у торговцев. Тогда же по приказу Генриха были созданы первые в английской истории военные и военно-морские уставы. 25 апреля 1417 года король проехал на прощание по улицам Лондона, встреченный бурей ликования, а 23 июля он отплыл из Саутгемптона с армией из 50 тысяч человек.

1 августа громадный английский флот высадился на том же месте в устье Сены. Менее искусный полководец на месте Генриха направился бы прямо к Руану — столице Нормандии. Но король построил план кампании по-иному; прежде всего он решил завладеть городами и замками Центральной Нормандии, откуда открывался путь как в Париж, так и в старые английские владения — Анжу и Мен. Захватив Тук и Довийар, англичане подступили к Кану и 4 сентября взяли этот древний город штурмом. После этого почти без сопротивления армия Генриха завладела Байе, Алансоном и Аржантоном и дошла до самого Ле-Мана. В Алансоне король встретился с герцогом Бретани, который согласился вступить с ним в союз и принести вассальную клятву. По всей Франции арманьяки с увлечением дрались с бургундцами, а англичане продвигались все дальше. 2 января они взяли Фалез, родину Вильгельма Завоевателя. Из почтения к предку Генрих велел не трогать город; он вообще старался поддерживать порядок в своих войсках и не допускать тех вопиющих насилий, которыми «прославились» отряды Черного Принца или графа Солсбери.

До середины лета король находился в Кане, пока его помощники успешно продолжали наступление. Герцог Глостер взял Шербур, граф Уорик осадил мощную крепость Домфрон, а Кларенс подступил к Руану, который был главной целью англичан на данном этапе. К концу июля почти вся Нормандия оказалась в руках Генриха, и он с Уориком и Солсбери отправился осаждать город. При любых осадах он прежде всего уделял внимание организации снабжения — осаждающие в те времена чаще страдали от голода, чем осажденные. Он также стремился создать несколько линий укреплений, которые одновременно создавали форпост перед крепостью противни-

ка и предохраняли его собственные войска от внезапного удара с тыла. При осаде Руана было особенно важно блокировать Сену, поскольку французские корабли могли прервать сообщение английского войска с Гарфлером, откуда доставлялись припасы и подкрепления. Задачу блокирования выполнил флот, предоставленный родичем и союзником Генриха — королем Португалии. Выше по течению англичане перегородили реку деревянным мостом, который простоял всю осаду, несмотря на постоянные попытки французов его поджечь. Генрих велел перетащить несколько кораблей по суше на расстояние трех миль, чтобы добиться превосходства на воде. Обрушившись с двух сторон на французские корабли, англичане вынудили осажденных затопить их; одновременно был сожжен руанский арсенал, который находился на левом берегу Сены. Однако город еще держался, надеясь на помощь. В это время бургундцы и их сторонники устроили в Париже резню, убив графа Арманьякского и сотни его сторонников.

Герцог Бургундский еще пытался сохранить лицо. В ответ на мольбы граждан Руана он объявил о посылке армии для освобождения города от осады. Вместо этого в английский лагерь в ноябре прибыли бургундские послы для переговоров о капитуляции. Такие же переговоры Генрих начал и с дофином; несмотря на молодость, он еще раз проявил себя мудрым и осмотрительным политиком. Он вел переговоры с обоими сторонами, играя на их противоречиях, пока голод и болезни медленно истребляли защитников Руана. Между тем к осаждающим из Англии поступали боеприпасы, продукты и даже проститутки, которые из патриотизма обслуживали солдат бесплатно. Под стенами города появились полторы тысячи босых ирландцев, все оружие которых составляли мясницкий нож и пучок дротиков. Папа Мартин V послал к королю кардинала Дезерсена, который должен был добиться мира; однако Генрих запутал старика, посылая его то к одной стороне, то к другой, пока он не вернулся в Рим окончательно сбитым с толку.

Положение осажденных в Руане стало отчаянным. Чтобы избавиться от лишних ртов, они в разгар холодов выгнали из города несколько тысяч беженцев из соседних сел. Англичане отказались выпустить их, и эти несчастные стояли лагерем

между двух линий обороны, питаясь только обедками, которые им бросали английские солдаты. Руанцы в последний раз обратились к герцогу Бургундскому; когда помощь опять не пришла, они согласились на переговоры, но Генрих требовал безоговорочной капитуляции. Тогда горожане в отчаянии решили идти на прорыв и погибнуть с оружием в руках. Узнав об этом, король пожалел осажденных и предложил сравнительно мягкие условия капитуляции. Всем, кто признает его своим господином, были обещаны жизнь и свобода. Почти все руанцы, измученные голодом, согласились; девять отказавшихся были казнены. Генрих вступил в Руан 19 января 1419 года. Его первой заботой было накормить оставшихся в живых горожан; после этого он взялся за организацию управления провинцией. Была созвана ассамблея нормандской знати, организованы суды и казначейство. В Кане чеканились монеты с латинской надписью «Генрих, король Франции».

Бургундцы и партия дофина продолжали вести переговоры, борясь друг с другом за внимание английского монарха. Преуспел в этом герцог Бургундский, который склонил на сторону англичан королеву Изабеллу, жену окончательно сошедшего с ума Карла. 29 мая в Манте король встретился с герцогом, Изабеллой и ее дочерью Екатериной, которой было уже 18 лет. Первая встреча прошла безрезультатно, как и семь следующих; Генрих требовал руку принцессы и все территории, уступленные по миру в Бретиньи, вместе с Нормандией. При этом он отказывался от французской короны, надеясь, что она достанется его сыну от Екатерины. Изабелла пыталась сама очаровать красавца Генриха и не позволяла ему встречаться с дочерью. Герцогу все это надоело, и он 29 июля неожиданно заключил мир с дофином. Тогда Генрих так же неожиданно захватил крепость Понтуаз, откуда открывалась прямая дорога на Париж. Верный своей привычке, он не торопился и из Понтуаза вернулся в Нормандию, где в конце сентября руководил взятием Жизора — последней французской крепости, сопротивлявшейся целых полгода.

Дофин обоснованно не доверял герцогу Бургундскому, и 11 сентября последний был вероломно убит в Понтеро сторонниками королевской партии. Этот недалевидный шаг поставил наследника убитого Филиппа снова заключить со-

юз с Англией. В отличие от отца Филипп обязался не только признать королевские права Генриха, но и помогать ему войсками, а также добиваться его брака с принцессой Екатериной. Скоро к соглашению присоединились Париж и другие города; 24 декабря был заключен предварительный договор, за которым 9 апреля 1420 года последовал окончательный мир. К нему присоединились герцоги Бургундии и Бретани, другие крупные феодалы и королева Изабелла, узурпировавшая права своего несчастного мужа. Сопротивление французов почти прекратилось; и только на юге, у Ла-Рошели, их флот в союзе с испанцами сумел нанести поражение англичанам. Сам Генрих всю весну провел в Руане и только в апреле отбыл с армией в Труа, где предстояло подписание мирного договора. 20 мая состоялось обручение его с Екатериной, а на другой день было подписано соглашение, по которому Генрих до смерти Карла VI объявлялся регентом с титулом «король Англии и наследник Франции». Впоследствии он должен был стать королем Франции, вернуть ей все захваченные территории и править в согласии с древними обычаями королевства. В тот же день Бургундия возобновила союз с английским монархом.

2 июня, в праздник Троицы, в церкви Святого Иоанна в Труа состоялась свадьба Генриха и Екатерины Французской. Всего через два дня король вместе с Филиппом Бургундским и герцогом Бедфордом отправился осаждать Сан, который пал после короткой осады. Герцог Глостер был отослан в Англию, откуда доносились все более настоятельные просьбы о возвращении короля. Но Генрих отправился не в Англию, а в Мелен, осада которого была более продолжительной. Город пал только после победы короля в поединке с комендантом Барбазаном. По своему обычаю, Генрих вернул свободу всем защитникам и казнил лишь тех, кто был обвинен в убийстве старого герцога Бургундского. Были казнены и несколько пойманных шотландцев — их обвинили в измене их королю Якову, который как раз находился в лагере англичан. После этого Генрих присоединился к Карлу и Изабелле в Корбее и вместе с ними 1 декабря торжественно въехал в Париж. По радости горожан можно было судить, что чужеземный захватчик пользовался среди них куда большей популярностью, чем сумасшедший король или его трусливый наследник со своим продаж-

ным двором. Дофин к тому времени был оставлен почти всеми приближенными и в страхе метался по долине Луары, пока наконец не нашел убежища в Бурже.

Новый наследник тут же созвал Генеральные штаты Франции, которые поклялись ему в верности. Отпраздновав Рождество в великолепном Версальском дворце, Генрих вместе с молодой женой отбыл в Англию, где отсутствовал три с половиной года. Все это время в королевстве царил мир, не считая небольших стычек на границах Шотландии да сомнительного дела мачехи короля, Хуаны Наваррской, которую обвинили в заговоре и отправили в монастырь. 24 февраля Екатерину торжественно короновали в Вестминстере; народу было роздано множество подарков, включая живых кур, которые символизировали побежденного «галльского петуха». После этого молодые супруги вместе с двором отправились в поездку по стране, везде встречая восторженный прием. Путешествие прервалось в Йорке, где Генрих получил известие о том, что сторонники дофина разгромили и убили его брата Кларенса при Боже. Король тут же созвал парламент и попросил одобрить новый поход во Францию. Сословия с тем же энтузиазмом выдали новые средства и простили государству все долги за снаряжение и провизию, поставленные во время предыдущего похода.

В мае Генрих заключил наконец мир с Шотландией, отпустив короля Якова восвояси с английской невестой. 10 июня он в третий и последний раз отправился во Францию. На этот раз с ним плыли 12 тысяч солдат, с которыми он спешно направился на выручку Эксетеру, которого осадили в Париже сторонники дофина. 4 июля король пробился к Парижу и очистил от противника всю долину Луары вплоть до Орлеана. Эта крепость показалась ему слишком сильной, и он вернулся в Париж, по пути опустошая окрестности. Решение оказалось роковым; слава Генриха могла открыть ему ворота Орлеана, о которые позже окончательно разбились завоевательные усилия англичан. Последовала полугодовая осада Мо, который защищал искусный военачальник Варюс; выведенный из себя король велел после взятия крепости повесить ее коменданта. В своем нетерпеливом желании поскорее завершить войну он все чаще претупал заповеди рыцарства. Это сказывалось

и на обращении его войск с мирными жителями; снова стали обычными не только реквизиции продуктов, но и убийства, насилия и сожжение целых городов. На эти действия французский народ откликнулся партизанской войной. Отряды беглых солдат и крестьян наносили большой урон англичанам, чем армия дофина, — правда, они не упускали случая пограбить и своих соотечественников. Страна заполнилась бродячими шайками, сражавшимися против всех.

Английская армия начала испытывать недостаток продовольствия, и Генрих обратился к своим союзникам в Германии и Португалии с просьбой о посылке ему солдат и припасов. 6 декабря 1421 года он получил радостное известие из Лондона — у него родился сын, наследник тронов Англии и Франции. В мае королева с малышом прибыли в Париж, но Генрих не успел насладиться общением с ними. Он поспешил в Компьен, потом в Кон-сюр-Луар, осажденный дофином. По пути король почувствовал себя больным, доехал до Мелюна и там слег, передав командование Бедфорду. В Венсене, куда его доставили на носилках, он узнал, что его болезнь — скорее всего, это была дизентерия — неизлечима. Последние дни он отдавал распоряжения об управлении королевством после его смерти и о воспитании своего сына. Наконец врачи объявили, что ему осталось жить два часа; тогда он причастился и велел читать покаянные псалмы. Когда чтецы дошли до слов «воздвигни стены Иерусалимские», король прервал их: «Господи, Ты знаешь, что, если только я останусь жить, я восстановлю эти стены». После этого он замолчал и в два часа ночи 31 августа 1422 года умер. Его тело для лучшей сохранности сварили в соленой воде и в бочке отвезли в Париж, откуда в забальзамированном виде отправили в Англию. Похоронная процессия много километров двигалась среди толп скорбящих — не только англичан, но и французов. 11 ноября тело Генриха было доставлено в Лондон и захоронено по его завещанию в Вестминстере, в гробнице Эдуарда Исповедника. Надгробие из резного дуба было украшено серебряным изображением покойного короля, которое пропало в 1545 году. Над могилой — также по завещанию — повесили щит, шлем и седло, с которыми король сражался при Азенкуре.

Нынешним историкам трудно объяснить любовь англичан к Генриху V — большую, чем к любому другому королю. Его победы оказались бесплодными и привели лишь к разорению как Франции, так и Англии, к гибели многих тысяч людей и разрушению десятков городов и сел. Усилия короля по улучшению системы управления были эффективными, но слишком краткими и в целом не содержали ничего нового по сравнению с политикой его предшественников. Даже роль Генриха как выдающегося полководца ныне ставится под сомнение — порой его успехи объясняются удачей, хитроумием самого короля или слабостью его врагов. Но при любом отношении к Генриху как к государственному деятелю невозможно не восхищаться его личными качествами, о которых высоко отзываются все современники — англичане, французы и представители других наций. В личной жизни он проявлял умеренность — во всяком случае, с момента восшествия на престол, — скромность и бережливость; отличался глубиной и искренней религиозностью, был прост в отношениях с людьми и не раз проявлял великодушие и милосердие даже к врагам. Говорил он мало и кратко и никогда не допускал ложных обещаний или двусмысленных выражений, отвечая только «да» или «нет».

С детства он полюбил чтение и отдавал предпочтение рыцарским романам и творениям Отцов Церкви. Любил он и музыку и в молодости сам играл на лютне — правда, потом оставил это увлечение как чересчур легкомысленное. Он покровительствовал университету в Оксфорде и планировал построить там новый большой колледж, однако не успел осуществить это начинание, как и многие другие. Единственными постройками, возведенными в Англии по его приказу, остались три церкви в Шине. Генрих хорошо знал французский и латынь, но сам предпочитал говорить и писать по-английски и заботился о развитии английской словесности. По его просьбе Лидгейт перевел с латыни его любимый рыцарский роман «Осада Трои». В качестве правителя Генрих более всего поражал современников своей справедливостью. Его решения скрупулезно учитывали права и обязанности его подданных из разных сословий, хотя его меры в отношении лоллардов или непокорных французов были, несомненно, жестокими. Одна-

ко нужно учитывать, что для Генриха защита католической веры и его прав на французский престол была в высшей степени справедливым и богоугодным делом. В то же время он никогда (или почти никогда) не проявлял беспричинной жестокости или жадности мести. В отличие от отца он не был ни злопамятным, ни жадным; в народе долго сохранялись легенды о его щедрости и умении платить добром за добро.

Генрих постоянно заботился о своих солдатах, делил с ними все тяготы походной жизни и в бою подавал им пример храбрости. Он не всегда проявлял милосердие к побежденному противнику (пример тому — резня пленных при Азенкуре), но строжайшим образом, под страхом смерти, запрещал обижать женщин и церковников. Его отношение к женщинам удостоилось наивысших похвал хронистов — он никогда не позволял себе грубого или бесцеремонного обращения не только со знатными дамами, но и с простолюдинками, что в то время было большой редкостью. Его многолетнее желание жениться на Екатерине, возможно, объяснялось не только политическими причинами, но и искренним чувством, хотя на людях он вел себя с молодой женой не более нежно, чем с любой другой дамой. Он был хорошим дипломатом — твердым, но готовым к уступкам, учитывающим мнения и интересы всех сторон и готовым к сложным политическим комбинациям.

О планах Генриха трудно судить определенно. Некоторые историки считают, что он намеревался сделать сына королем Англии и Франции, а сам удалиться в Крестовый поход или в Нормандию, на родину предков. Последнее предположение вроде бы подтверждается его особым интересом к Нормандии; однако более вероятно, что это просто была единственная провинция, которую он успел хоть немного обустроить. Несомненно, он собирался установить во всех своих владениях порядок и справедливость в его понимании. Не вызывают сомнения и его намерения отправиться в Святую землю — незадолго до смерти он отправил туда бургундского рыцаря Жильбера де Ланнуа с заданием разузнать все о состоянии тамошних государств и их военной мощи. Король отдавал себе отчет, что поход потребует объединения сил всей Европы; этому отчасти служили и его международные союзы, и его борьба за прекращение раскола римской церкви. Не случайно он вое-

вал именно с теми странами, которые поддерживали антипап Климента и Бенедикта, — Францией, Испанией и Шотландией. К моменту его смерти все они фактически перешли под его влияние, а с прочими европейскими странами он поддерживал хорошие или даже союзные отношения. Не исключено, что Генрих с его дипломатическими талантами одним из первых оценил новую угрозу со стороны Турции, которая требовала сплочения сил всего Запада.

Внешность Генриха, описанная современниками, была достаточно привлекательна: овальное лицо, чуть длинноватый прямой нос, густые черные волосы, блестящие серые глаза. Он не был силачом, как Эдуард I, и отличался невысоким ростом и стройным сложением. При этом был гибок, очень подвижен и отличался как на поле боя, так и в спортивных играх, которые очень любил. После шумных забав юности он, похоже, потерял интерес к пирам и прочим подобным развлечениям. До конца короткой, но яркой жизни его главными увлечениями оставались война и политика.

В самой Англии, где Генрих провел всего два года из десяти лет своего правления, он проводил политику укрепления королевской власти и ужесточения дисциплины. Одним из проявлений этого стали гонения на еретиков-лоллардов, призывавших к реформе церкви и разделу собственности богачей. Еще будучи принцем Уэльским, Генрих в 1410 году присутствовал при казни портного-лолларда Бедби и обещал помиловать его, если тот отречется от своих взглядов. Бедби отказался и был сожжен. Та же судьба в 1414 году постигла вождя еретиков Джона Олдкасла, после чего движение лоллардов пошло на убыль. Еретические движения питались недовольством народа, страдавшего от тяжелых налогов — оборотной стороны военных побед. Суровый приговор королю вынес даже такой патриот, как Уинстон Черчилль: «Внушительная империя Генриха V была искусственна и фальшива. Возродив притязания англичан на Францию, он положил начало величайшей трагедии истории... Азенкур был блистательной победой, но бесплодные кампании, последовавшие за ним, обесценили его моральное и военное значение, а следующий век, несчастливый и горький, бросил черную тень на героический триумф Генриха».

Единственному сыну Генриха V и Екатерины Валуа Генриху в момент смерти отца было всего восемь месяцев. Он царствовал почти полвека, но провел все эти годы в тени могущественных советников и регентов. Вначале это были дяди короля, герцоги Бедфорд и Глостер, затем — знаменитый «делатель королей» граф Уорик. Сам Генрих VI был человеком скромным, замкнутым и чрезвычайно богомольным; из него вышел бы хороший епископ, но Англии, страдающей от расстройств экономики и гражданских смут, нужен был совсем другой король. Несмотря на все усилия регента Бедфорда, война во Франции безнадежно проигрывалась. Лишь с помощью предательства англичанам удалось взять в плен французскую народную героиню Жанну д'Арк, чья казнь несмыслимым пятном позора легла на английский королевский дом. В 1435 году бургундский герцог покинул своих союзников и перешел на сторону дофина Карла, теперь короля Карла VII. Через два года Карл вступил в Париж; после этого французы брали город за городом, пока 19 октября 1453 года не пал последний оплот англичан — Бордо. У Англии остались только Кале да иллюзорный титул короля Франции.

В 1445 году Генрих VI попытался пойти на мировую и взял в жены французскую (вернее, анжуйскую) принцессу Маргариту. Однако это только оскорбило французов — богомольный король дал обет безбрачия, и молодая энергичная королева томилась в его дворце, больше похожем на монастырь. Когда она в 1453 году наконец родила сына Эдуарда, король воздел руки к небу и заявил, что тут не обошлось без Святого Духа. На самом деле к рождению Эдуарда, скорее всего, приложил руку герцог Сомерсет, фаворит королевы; в 1447 году они вместе организовали убийство всемогущего герцога Глостера и взяли власть в свои руки. Правление вельмож вызывало все большее недовольство народа. Это проявилось уже в 1450 году, во время мощного восстания Джека Кэда, когда мятежникам даже удалось на некоторое время захватить Лондон. Постепенно недовольные обратили свои надежды на род Йорков. Действительно, герцог Ричард Йоркский (внук Эдмунда Лэнгли) был куда более достоин короны, чем Генрих. К тому же король начал проявлять признаки психического заболевания, унаследованного им от Карла Безумного.

В 1455 году две партии знати столкнулись в открытой борьбе. Произошел известный эпизод в саду Темпла, после которого началась война Алой и Белой розы. Ланкастеров (Алую розу) возглавляли королева Маргарита и герцог Сомерсет, Йорков (Белая роза) — герцог Ричард и перешедший на его сторону граф Уорик. Йоркисты захватили Лондон и провозгласили своего вождя протектором, но их враги быстро набрали войска из воинственных рыцарей Севера и Запада. Первая битва состоялась 22 мая 1455 года при Сент-Олбене; Ланкастеры были разбиты, а сам герцог погиб. Йоркисты захватили власть, но королева с сыном бежали в Шотландию и в 1460 году вернулась с новой армией. 30 декабря ее сторонники вероломно нарушили заключенное по случаю Рождества перемирие и ворвались в лагерь йоркистов. Герцог Ричард, его 17-летний сын Эдмунд и шурина граф Солсбери попали в плен. По приказу королевы Маргариты их казнили, а головы выставили на Миклгейтских воротах Йорка. Королева проявила невероятную жестокость; ее войска вели себя в Англии, как в завоеванной стране, жгли селения и церкви и убивали даже домашний скот. Маргарита заставляла шестилетнего сына выносить смертные приговоры пленным, что вызывало возмущение даже у сторонников Ланкастеров.

Сторонники Йорков сплотились вокруг Эдуарда, второго сына погибшего Ричарда. 4 марта 1461 года он без боя занял Лондон, а потом совершил поход в Йорк, где снял с моста головы отца и брата и похоронил их с почестями. 28 июня Эдуард IV торжественно короновался в Вестминстере, а его братья Джордж и Ричард получили титулы герцогов Кларенса и Глостера. Маргарита с сыном опять бежали в Шотландию, а злополучный Генрих бродил по дорогам, не находя нигде приюта, пока не был пойман и заключен в Тауэр. Однако ему было суждено еще раз вернуться на трон, и причиной этого стала личная жизнь короля Эдуарда. Он был одним из немногих королей, женившихся по любви — на красивой вдове из Ланкашира Элизабет Вудвилл. Брак был заключен тайно в 1464 году, но вскоре придворные узнали о мезальянсе и увидели в нем оскорбление короны. Граф Уорик и герцог Кларенс, брат короля, перешли на сторону Ланкастеров и в 1470 году свергли Эдуарда. Тот вместе с Ричардом бежал во Фландрию, где по-

знакомился с английским первопечатником Кэкстоном и высоко оценил его работы. Вскоре притеснения ланкастерцев вызвали массовый переход их сторонников в лагерь Йорков. Эдуард вернулся в Англию и наголову разбил врагов при Барнете 14 апреля 1471 года. Уорик был сражен стрелой, когда сидел на коня, а Кларенс накануне перебежал обратно к брату, который простил его.

Маргарита еще пыталась продолжать войну, но 4 мая ее отряды были наголову разбиты при Тьюксбери. Ее 17-летний сын Эдуард погиб, а сама она была взята в плен, выкуплена королем Франции и уехала к нему, чтобы никогда не возвращаться. Что касается Генриха VI, утратившего всякий интерес к жизни, то он опять попал в Тауэр, где в мае 1471 года умер или был убит. Утвердившийся у власти Эдуард жестоко подавлял мятежи как ланкастерцев, так и непокорных йоркистов. Он не пощадил даже брата Кларенса, который постоянно строил козни и даже пытался навести порчу на королеву Елизавету. Он был посажен в Тауэр и в 1478 году тайно убит — по легенде его утопили в бочке с вином. В 1483 году умер и сам Эдуард, которому едва исполнилось сорок лет.

Его наследником стал 13-летний сын Эдуард, однако его дядя Ричард не скрывал своих притязаний на трон. Сразу после объявления Эдуарда V королем епископ Батский Роберт Стилингтон сообщил парламенту, что некогда тайно обвенчал короля Эдуарда с некоей Элинор Батлер. Таким образом брак короля с Элизабет Вудвилл становился незаконным, и их сын терял право на трон. Чтобы как можно скорее пресечь возможную смуту, парламент уже 25 июня низверг Эдуарда и объявил королем Ричарда. Юный принц вместе с братом Ричардом оказался все в том же Тауэре, где в сентябре их убили и тайно захоронили под лестницей старинной Белой башни. В 1678 году там нашли их останки, которые по приказу короля Карла II были захоронены в Вестминстере. Скорее всего, убийство действительно организовал король Ричард III, хотя он вовсе не был горбатым чудовищем, изображенным Томасом Мором, а за ним Шекспиром. На самом деле 30-летний Ричард был умным и храбрым человеком и, очевидно, неплохим правителем.

Впрочем, некоторые историки считают, что на самом деле убийство принцев организовал Генрих Тюдор, новый претен-

дент на английский трон. Этот молодой потомок валлийских королей женился на Елизавете, сестре казненного Эдуарда V. Его эфемерные права на престол были, однако, поддержаны знатью, которая за время гражданской войны привыкла к безначалию и проявляла недовольство суровыми мерами Ричарда, который пытался восстановить в стране порядок. Сторонники Ланкастеров и Йорков объединились вокруг Генриха и вступили в битву с войском Ричарда при Босворте 22 августа 1485 года. Меньшее по численности войско Ричарда было разбито, и он сам погиб, храбро сражаясь. В 2012 году останки короля были случайно найдены в Лестере при раскопках бывшей автостоянки и опознаны при помощи генетической экспертизы; на его скелете нашли как минимум 11 ран.

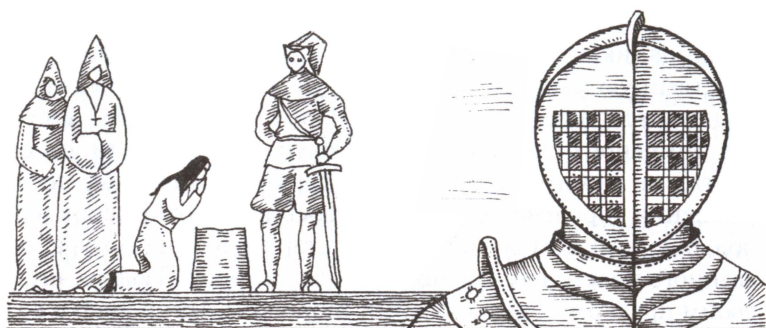
30 октября 1485 года Генрих VII, первый из династии Тюдоров, был коронован в Вестминстере. На этом закончилась Война роз, в которой погибло большинство могущественных феодальных родов. Оставшиеся еще пытались сопротивляться, используя разного рода самозванцев, — ведь никто толком не знал, что случилось с сыновьями Эдуарда IV. Уже в следующем году в Ирландии появился 11-летний мальчик, которого бароны выдавали за сына герцога Кларенса. На самом деле это был кухаркин сын Ламберт Симнел; Генрих легко взял его в плен и сделал поваренком на дворцовой кухне. Более жестоко поступили с Перкином Уорбеком, который в 1496 году в Шотландии выдавал себя за убитого вместе с Эдуардом V Ричарда, — он был пойман и повешен.

Генрих VII был чрезвычайно рачительным и экономным монархом. Он присвоил земли феодалов, погибших в войнах и казненных по обвинению в действительных или мнимых заговорах. Всячески содействуя развитию промышленности, он побуждал англичан не продавать шерсть фламандским купцам, как раньше, а самим выделывать сукно. Землевладельцы превращали громадные участки земли в пастбища для овец, а крестьян-арендаторов выгоняли вон. Эти «огораживания» привели к появлению большого числа бродяг и разбойников, против которых принимались жестокие законы. Бродягам отрубали нос или уши и выжигали клеймо на лице; некоторых посылали на рудники или отдавали в матросы. Именно тогда начал создаваться великий английский флот, чему также

способствовал король Генрих. Он финансировал экспедицию Джона Кабота, в результате которой в 1497 году было открыто побережье Северной Америки.

Генрих всячески избегал внешних войн и открыто издевался над рыцарской романтикой. В его правление безвозвратно ушли в прошлое рыцарские подвиги, турниры и куртуазные традиции. В моду вошли бережливость и трудолюбие. Сам король спал не больше шести часов и ежедневно вызывал к себе чиновников для отчета. Он безукоризненно отладил государственную машину и добивался уплаты налогов, невзирая на неурожай и прочие бедствия. Народ не любил его, тем более что Генрих был чрезвычайно скуп — в частности, он сократил до минимума обычные подарки, раздаваемые после рождения королевских детей. Из восьми его отпрысков наибольшие надежды возлагались на старшего сына Артура, названного в честь легендарного короля, которого Тюдор считал своим предком. Однако слабый здоровьем Артур умер в возрасте 16 лет, и наследником стал его младший брат Генрих. Он и вззошел на престол 21 апреля 1509 года после смерти отца на 53-м году жизни.

Губитель. Генрих VIII

Этому монарху Британия обязана немалой толикой своих традиций — от гвардейцев-бифитеров в Тауэре до государственной англиканской церкви. Он сделал больше других для укрепления центральной власти и развития новых экономических отношений, благодаря которым его страна вскоре сделалась самой передовой в Европе. Тем не менее отношение англичан к Генриху VIII всегда было сложным — Чарльз Диккенс даже называл его «кровавым и грязным пятном на страницах английской истории». Виной тому не только скандалы вокруг шести жен Генриха, но и его бурный темперамент реформатора. Создавая одни традиции, король безжалостно рушил другие, не щадя ни старинных построек, ни человеческих жизней. В чем-то он очень походил на своего русского современника Ивана Грозного — даже число жен у них было одинаковым, — но в отличие от него не испытывал никаких побуждений к раскаянию. Правда, он не был и садистом — никого лично не убил и почти никогда не присутствовал при казнях, поскольку от вида крови ему становилось дурно.

Ломая голову над поступками Генриха, многие историки искали их причины в психологии короля, сформированной ранним сиротством, рано доставшейся властью и связанном с ней ощущением вседозволенности. Доля истины в этом есть — после многих лет гражданских войн Генрих был первым правителем, который воспитывался в королевском дворце и был с детства окружен почетом и преклонением. Он родился 28 июня 1491 года в Гринвиче и сначала пребывал в тени старшего брата Артура, изяществом и умом которого восхищались все придворные. Артуру предстояло стать не только королем, но и орудием осуществления хитроумных планов отца. Тот намеревался вступить в союз с Испанией для совместного противоборства со своим главным врагом — Францией. С этой целью в 1499 году начались переговоры по заключению брака между Артуром и Екатериной Арагонской, дочерью «католических монархов» Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. Через два года 15-летняя невеста прибыла в Лондон, и в ноябре 1501-го ее обвенчали с принцем.

Генрих VII уже упивался грандиозными перспективами этого союза, когда в апреле 1502 года юный наследник заболел чахоткой и умер. Король вместе со всей страной тяжело переживал эту утрату, но не собирался отказываться от своих планов. Теперь жениться на испанской принцессе предстояло второму сыну Генриху, который был на пять лет младше своей избранницы. Было решено до достижения им брачного возраста оставить Екатерину в Англии, поселив ее в отдельном дворце. Принц Генрих об этом ничего не знал. Лишившись товарища по играм, он тоскливо бродил по дворцовым покоям, наблюдая за приготовлениями к новой свадьбе. Его сестра, принцесса Маргарет, выходила замуж за шотландского короля Якова IV — ей предстояло стать бабушкой злополучной Марии Стюарт. Свадьба состоялась в августе 1503-го, но еще до этого Генрих лишился матери. 36-летняя Елизавета Йоркская умерла от родильной горячки вместе с новорожденным младенцем. Кроме отца у принца остался лишь один родственник — семилетняя сестренка Мэри.

От отца Генрих унаследовал непреклонный характер и упрямство, но во всем остальном больше походил на родственников матери — Йорков. Как и они, он был вспыльчив, не-

обуздан в гневе, жаден до удовольствий. Обликом принц тоже напоминал не худощавых низкорослых Тюдоров, а статных Йорков. Высокий и атлетически сложенный, он был искусен во всем — прекрасно ездил на коне, метко стрелял из лука, сочинял стихи и по знанию Священного Писания соперничал с оксфордскими профессорами. Знаменитый гуманист Эразм Роттердамский, посетивший Лондон в 1500 году, был поражен познаниями юного принца, который на равных беседовал с ним о философских материях. Получив от Эразма стихотворное послание на латыни, Генрих через три дня прислал ответ — тоже на латыни и тоже в стихах. Не менее трех часов в день он посвящал ученым занятиям, но его никак нельзя было назвать книжным червем — оставшееся время он занимался охотой, спортивными играми и музицированием. Научившись играть на лютне, принц сам сочинил несколько песен, в числе которых называют и до сих пор любимые англичанами «Зеленые рукава».

Не меньше других наук Генрих преуспевал в «науке страсти нежной». Еще в юные годы жертвой его обаяния пало немало придворных дам, за что он не раз получал выговоры от отца. Принц встречал родительские нотации с плохо скрываемым раздражением — его давно злили мелочность и скудость Генриха VII. Король, в свою очередь, считал сына безответственным мотом и не раз прилюдно жалел об умершем Артуре. Он не торопился женить сына на заждавшейся Екатерине, требуя от испанского короля выплаты обещанного приданого. В конце концов Генрих-младший показал характер, пригрозив вообще отказаться от брачного контракта, заключенного без его согласия. Но король был не менее упрям — свадьба состоялась лишь после того, как 21 апреля 1509 года Генрих VII скончался.

Коронация нового монарха ознаменовалась давно забытыми пышными торжествами. Генрих старался показать своим подданным, что порядки в стране изменились. С этой целью он заточил в Тауэр, а после казнил Ричарда Эмпсона и Эдмунда Дадли — наиболее ненавистных сборщиков налогов. Вскоре финансы государства оказались в руках Томаса Уолси, сына мясника, поднявшегося до должности королевского раздатчика милостыни. Уолси был безмерно благодарен Тюдорам за свое возвышение, и его преданность могла сравнить-

ся только с его жадностью. Он вновь начал повышать налоги, а позже изобрел еще один способ увеличения доходов казны — порчу монеты. В серебро, из которого чеканились деньги, подмешивались дешевые металлы, что подстегивало инфляцию. Уолси не пренебрегал и всеми способами личного обогащения, включая взятки. Но об этом король узнал гораздо позже, а пока его больше занимали не скучные дела управления, а военные подвиги. Еще будучи принцем, он с друзьями-придворными устраивал рыцарские турниры, участники которых называли себя именами рыцарей Круглого стола. Теперь для Генриха настало время проявить свои способности на настоящем поле брани.

Момент казался ему подходящим — в Европе бушевала война, в ходе которой Франция и Священная Римская империя оспаривали друг у друга контроль над Италией. Генрих решил ударить в спину терпевшим неудачи французам и отбить у них земли, утраченные после Столетней войны. С помощью верного Уолси он быстро набрал и вооружил большое войско — благо отец оставил ему полную казну денег. В мае 1512 года англичане высадились в Кале, куда через несколько недель подошла армия германского императора Максимилиана I. Генрих мечтал о походе на Париж, однако более реалистичный император ограничился захватом крепостей Турень и Теруан. После этого военные действия застопорились. С помощью Генриха империя добилась ухода французов из Италии и Наварры, оставив английскому королю только рыцарскую славу. Наконец терпение Генриха лопнуло — он решил покинуть неблагодарных союзников и заключить сепаратный мир с французским королем Людовиком XII. Летом 1514 года переговоры завершились успехом. Ради политических целей Генрих легко пожертвовал счастьем близких людей — сестры Мэри и своего лучшего друга Чарльза Брэндона, герцога Саффолка. Молодые люди любили друг друга и собирались пожениться. Теперь 18-летней Мэри предстояло выйти замуж за 52-летнего Людовика. К ее радости, через несколько недель после свадьбы супруг умер, и принцесса на первом же корабле поспешила в Англию, в объятия Саффолка.

Пока Генрих воевал во Франции, в его владениях тоже не было мира. Править королевством он оставил королеву

Екатерину, которая относилась к своим обязанностям весьма серьезно — заседала в королевском совете, восхищая лордов своими разумными речами. В свободное время она тоже не сидела без дела, вышивая знамена для английской армии. Так же серьезно она относилась к другому делу — рождению наследника. Увы, эта задача оказалась для нее сложнее государственных обязанностей. Восемь раз за время своего брака Екатерина ждала ребенка, однако выжил лишь один новорожденный — дочь Мария. В самом начале 1511 года все королевство праздновало рождение королевского сына Генриха, но и он умер семь недель спустя. В августе 1513 года королева в очередной раз собиралась рожать, когда гонцы принесли известие — шотландский король Яков IV готовится к нападению на Англию. Говорили, что войско шотландцев насчитывает сто тысяч человек; сегодня историки считают эти данные преувеличенными, но, так или иначе, в поход отправилась почти вся шотландская знать. Стюарты и их подданные собирались отомстить Англии за все обиды, нанесенные со времен Эдуарда I.

Екатерина была в панике. К счастью, рядом с ней оказался Томас Говард, граф Суррей — опытный военачальник, сражавшийся еще при Босворте. Он отправился на север Англии укреплять оборону, в то время, как беременная королева лично объезжала города и деревни, убеждая их жителей записываться в армию. В короткие сроки удалось собрать 60-тысячное войско, но нагрузки и волнения не прошли для королевы даром — в начале сентября она родила мертвого младенца. Тем временем шотландцы пересекли границу и углубились на территорию Нортумберленда, разоряя все на своем пути. 9 сентября в долине реки Флодден они попали в засаду. 70-летний Суррей провел хитроумный маневр. Шотландская армия потерпела страшное поражение — погибло почти 10 тысяч человек, включая большинство титулованной знати и самого короля Якова IV. Англичане потеряли всего 1500 человек. Новым королем Шотландии стал малолетний Яков V — сын английской принцессы Маргариты, ставшей при нем регентшей. С тех пор англо-шотландские войны надолго прекратились.

В сентябре 1514 года король вернулся домой и занялся делами королевства. Граф Суррей был назначен командую-

шим армией, а верный Уолси стал архиепископом Йоркским. В следующем году Генрих сделал его кардиналом и лордом-канцлером, доверив ему все финансовые вопросы, а сам снова предался мечтам об идеальном рыцарстве и куртуазной любви. Снова начались турниры и «праздники роз», на которых утонченные придворные кавалеры изображали суровых рыцарей Артура. В феврале 1516-го короля отвлекли от празднеств — Екатерина родила девочку, которая выжила, получив имя Мэри. Ободренный этим, Генрих вновь начал мечтать о сыне-наследнике, об идиллической семейной жизни на лоне природы, о веселых праздниках и рыцарских трудах.

Однако действительность то и дело грубо вторгалась в эти мечты. В мае 1517 года в Лондоне вспыхнул мятеж, направленный против иностранцев. К тому времени в столице обосновались тысячи фламандцев, итальянцев и немцев — трудолюбивых мастеров и удачливых торговцев. Английские ремесленники жаловались, что иноземцы отбирают у них работу. Некий Ланкольн поднял подмастерьев на бунт — толпы с факелами грабили и поджигали лавки иностранцев и их дома. Казалось, в Лондон вернулись грозные дни Уота Тайлера. Знаменитый гуманист Томас Мор, бывший тогда помощником стролничного шерифа, отправился к восставшим и попробовал уговорить их разойтись, но все было напрасно.

Иначе действовал канцлер Уолси — он вызвал графа Суррея с его войсками, которые быстро навели порядок. Десятки бунтовщиков были схвачены и тут же повешены. Четыреста человек посадили в тюрьму в ожидании короля, который должен был решить их судьбу. Лишь спустя неделю Генрих вернулся из Ричмонда, очень недовольный тем, что его вырвали из мира рыцарских грез. В Вестминстере к нему привели осужденных, которые кинулись королю в ноги и принялись молить о прощении. К их просьбе присоединились сразу три королевы — Екатерина Арагонская, Маргарита Шотландская и Мэри Саффолк, бывшая королева Франции. Выдержав театральную паузу, Генрих поддался их уговорам. К тому времени решение уже было принято — Уолси убедил монарха проявить милосердие, что подняло бы авторитет верховной власти. Конечно, Генриху хотелось примерно наказать дерзких оборванцев, но он уже достаточно разбирался в политике, чтобы послушаться своего канцлера.

Что касается лицедейства, то по этой части королю всегда не было равных. Он обожал праздники и маскарады, во время которых появлялся перед придворными в костюмах странствующего рыцаря, трубадура, разбойника, — и от души радовался, когда его «не узнавали». Ему всячески подыгрывал Уолси, который не меньше своего господина любил роскошь и развлечения. В его свите состояло около восьмисот человек, и выезд кардинала по пышности превосходил королевский. Обед Уолси состоял из 10–15 блюд, а на кухне трудились два главных повара с двенадцатью помощниками. Кардинал имел тайную семью, жившую на окраине Лондона. Его привлекало не только богатство, но и власть. Мечтая о папской тиаре, Уолси всячески старался заручиться поддержкой французского короля и с этой целью укрепить отношения между Францией и Англией. В июне 1520 года благодаря его стараниям близ Кале встретились два монарха — Генрих и молодой король Франции Франциск I.

Место встречи получило название «поля золотой парчи» — из этого драгоценного материала были возведены палатки участников. На поле были возведены потешные замки, устраивались фейерверки, вина лились рекой. На организацию встречи Генрих затратил больше денег, чем ушло на короткую войну с Шотландией. Конечно, были и турниры, в которых англичане и французы вместе сражались против рыцарей из других стран. Два короля прекрасно поладили друг с другом, и раскаты их смеха то и дело доносились из большого алого шатра, где проходили переговоры. Однако хитрый Франциск не собирался идти на уступки, и переговоры не дали ничего, кроме заявлений о «вечной дружбе». Этого, однако, хватило, чтобы новый германский император Карл V обеспокоился и постарался вбить клин в отношения между Англией и Францией. Первым делом он пообещал Уолси папский престол, и кардинал тут же начал нашептывать королю доводы в пользу союза с империей.

В июле 1522 года англичане и французы снова встретились на поле боя. Вслед за визитом в Англию императора Карла армия графа Суррея высадилась в Бретани и разграбила несколько городов. Сам король готовился отправиться на континент, но его сдерживала угроза с севера, где шотландцы снова

взялись за оружие. К тому же у него не было денег на войну. Оставленная отцом полная казна почти опустела, и нужно было вводить новые налоги. В 1523 году Генрих вернулся домой и впервые за свое правление созвал парламент, чтобы добиться от него согласия на дополнительное налогообложение. Избранный спикером палаты общин Томас Мор заявил представлявшему короля Уолси, что повышение налогов вконец разорит народ и лишит короля опоры. Через несколько дней парламентарии все же выдали королю деньги на войну, но в значительно меньшем размере, чем от них требовалось.

Война вяло тянулась до 1525 года, когда в битве при Павии Карл V разгромил французского короля и взял его в плен. Генрих решил, что ему представился наконец случай для взятия Парижа, и вновь переправился на континент. Однако денег для решительного наступления опять не было. Военные победы вызывали все большее возмущение в стране, и некоторые графства отказались выделить деньги. Когда герцог Норфолк, ответственный за сбор налогов в своем графстве, потребовал назвать ему имя зачинщиков бунта, ему ответили, что их зовут Голод и Нищета. Уолси пришлось широким жестом предложить королю покрыть недостающие суммы из личных средств. Генрих принял этот дар, но задумался — почему у его канцлера денег оказалось больше, чем у целой страны? Тем же вопросом задавались и англичане, среди которых росла ненависть к выскочке-кардиналу.

Уолси хорошо знал характер короля. Он понимал, что рано или поздно из него сделают козла отпущения, и отчаянно стремился к прекращению войны. В 1527 году Англии удалось заключить с освободившимся из плена Франциском мирный договор. Присмиревшему королю Франции пришлось согласиться на брак с десятилетней дочерью Генриха VIII. Правда, потом принцессе был найден более подходящий жених — второй сын Франциска, будущий король Генрих II. Наконец-то наступил мир, Уолси смог заняться пополнением казны, а король — борьбой с ересью. К тому времени в Европе началась Реформация, а в Англии вновь подняли голову уцелевшие лолларды. Такое положение не могло не беспокоить Генриха, и он взялся за написание трактата, обличающего протестантов. В 1521 году, когда написанная на хорошей латыни книга

попала в руки папы Льва X, он присудил английскому монарху титул «защитник веры» (*fidei defensor*). Папа представить себе не мог, что несколько лет спустя Генрих сделается одним из главных врагов Рима.

Романтически настроенные историки до сих пор видят причину резкого поворота английской политики в охлаждении отношений Генриха с его испанской женой. Но конечно же, подлинные причины были глубже — они заключались в социально-политическом развитии Англии. Генрих, как и его отец, ставил целью максимальное укрепление королевской власти. Одно препятствие на пути к этому — титулованная знать — было почти устранено за годы Войны роз, однако другое — высшее духовенство — за годы войны только укрепило свое влияние. Церкви и монастырям принадлежали громадные богатства, которые вечно нуждавшийся в деньгах король был не прочь присвоить. Его выводило из себя и вмешательство Римской курии в дела страны, ставшее особенно явным после того, как в личной жизни короля возникли проблемы. Генрих сделал ставку на горожан и мелкое дворянство, а эти слои населения не меньше его недолюбливали церковную и светскую знать. Последующие кровавые репрессии запятнали Генриха в глазах потомков, но можно сказать одно — они получили поддержку значительной части народа. Англичане, насмотревшиеся на феодальную смуту, резонно полагали, что сильная, пусть даже жестокая верховная власть куда лучше слабой.

Но если применить силу против своих противников Генрих решил вполне сознательно, то первым шагом на пути к этому решению стала все-таки страсть. Отношения с Екатериной Арагонской давно перестали устраивать его — с годами испанка увядала, полнела и становилась все более набожной, что не могло радовать пылкого и влюбчивого короля. К тому же Екатерина так и не смогла родить желанного наследника. Примерно до 1518 года король все же хранил верность супруге, но потом, что называется, пустился во все тяжкие. Около двух лет его любовницей была Элизабет Блаунт, родившая королю сына Фицроя, крестным отцом которого стал кардинал Уолси. Ее сменила 18-летняя фрейлина королевы Мэри Болейн, а вскоре король обратил благосклонное внимание и на

ее сестру Анну, которой в 1523 году исполнилось 16. Придворные заметили Анну еще на «поле золотой парчи», где эта девушка, почти ребенок, держалась с необычайным изяществом и грацией. При этом Анна не отличалась красотой, к тому же имела два заметных недостатка: на левой руке у нее был рудиментарный шестой палец, а на ключице — большое родимое пятно. Однако находчивая фрейлина научилась скрывать это — она носила длинные, прикрывавшие кисть рукава и высокие воротники. С таким же искусством она очаровывала короля, который впервые в жизни влюбился, как мальчишка. Анна несколько лет провела при французском дворе, где во всех тонкостях обучилась искусству обращения с противоположным полом. В отличие от сестры Мэри, она не торопилась уступать домогательствам монарха, поставив перед ним почти невыполнимое условие — законный брак.

Генрих оказался в трудной ситуации. Римская церковь разрешала монархам развод лишь в случае бесплодия жены, а у королевы уже была дочь. К тому же племянником Екатерины был могущественный союзник Англии — император Карл V. И все же тюдоровское упрямство заставило короля пойти на рискованный шаг — попросить у папы разрешения на развод. Просьба мотивировалась тем, что Екатерина до замужества уже являлась женой брата Генриха (пусть и формальной) и, значит, находилась с мужем в непозволительно близком родстве. В 1527 году папа отказал королю в просьбе, но все же прислал в Англию комиссию во главе с кардиналом Кампеджио. В мае 1529 года папские посланцы и английские епископы созвали судебное заседание в лондонском монастыре Черных братьев. Суд затянулся надолго — представлявший короля Уолси старался избежать ссоры с Римом и всюду использовал тактику проволочек. Между тем многие английские церковники и миряне возмущались поступком короля, хотя публично поддержать королеву осмелился лишь епископ Рочестерский Джон Фишер.

Генрих все больше терял терпение; ему не без оснований казалось, что Уолси плетет интриги за его спиной. Недовольство короля поддерживала Анна Болейн, которой никогда не нравился льстивый кардинал. Весной 1527 года Анна уступила наконец домогательствам своего венценосного уха-

жера и сделалась его любовницей. Очень скоро смышленная и бойкая на язык дама начала вмешиваться в политику, давая Генриху советы и высказывая суждения по самым разным вопросам. Это была ее роковая ошибка — король вовсе не собирался слушать чье-то мнение, кроме своего собственного. Но пока что он был ослеплен страстью, что немудрено: прелестная 20-летняя девушка сменила на его ложе 42-летнюю Екатерину, которая и в молодости относилась к утехам любви, как к досадной повинности. Отношения Генриха с женой свелись к минимуму, но Екатерина продолжала терпеть и делать вид, что ничего не происходит, — ей, воспитанной в строгих испанских традициях, меньше всего хотелось выносить сор из королевской избы.

Влюбленные обосновались во дворце Хэмптон-Корт, который до этого принадлежал Уолси. Предусмотрительный кардинал подарил его королю, но это не помогло ему избежать опалы. Осмотрев подарок, Генрих осведомился, на какие деньги его министр выстроил столь роскошную резиденцию. Уолси и тут вывернулся, ответив, что строил дворец исключительно для того, чтобы преподнести его своему повелителю. Однако судьба кардинала была решена. В октябре 1529 года его лишили поста канцлера, на который был назначен Томас Мор. Уолси погубила склонность к интригам — уехав подальше от столицы, он попытался завязать контакты с партией королевы Екатерины. Осенью 1530-го против него было начато дело о растрате государственных средств. Слугам короля было велено доставить Уолси из Йорка в Лондон как обычного преступника — верхом на муле, с ногами, связанными под брюхом животного. Этого 55-летний кардинал уже не выдержал — он умер в самом начале пути на одном из постоянных дворов. Место Томаса Уолси у трона заняли два других Томаса — юрист Томас Кромвель и доктор богословия Томас Кранмер. Оба этих деятеля отличались не только блестящими способностями, но и полным отсутствием совести, что сильно облегчало их карьеру при беспокойном царствовании Генриха.

Кранмер написал книгу, где доказывалась недействительность брака Генриха и Екатерины. Это подвигло короля на решительные действия. В мае 1531-го делегация пэров и епископов посетила королеву в Гринвиче, убеждая ее согласиться на

развод. Екатерина с неизменным упрямством ответила, что она остается законной супругой короля, что вызвало приступ гнева Генриха — он заявил, что впредь отказывается не только поддерживать с королевой какие-либо отношения, но даже видеться с ней. Екатерина осталась при собственном виндзорском дворе, который постепенно превращался в центр оппозиции королю. Консолидировались и силы сторонников Генриха, глашатаем которых теперь выступал Кромвель. В марте 1532-го он подготовил и представил в парламент петицию под названием «Жалоба на священников». Обходя вопрос о королевском разводе, петиция утверждала, что папа или любой другой чужеземец не могут иметь власти в Англии — вся она без остатка принадлежит королю. Против этого тезиса выступил канцлер Мор, справедливо увидевший в нем обоснование деспотизма. В мае 1532-го он оставил свой пост, и Большая королевская печать перешла в руки бесцветного и вполне лояльного Томаса Олди.

В августе того же года скончался престарелый архиепископ Кентерберийский Уорэм. После долгих переговоров в январе 1533-го его место занял Кранмер, который через два дня заключил тайный брак короля и Анны Болейн. Причина такой спешки стала ясна позже — Анна была беременна, и король надеялся на рождение долгожданного наследника. В апреле синод епископов объявил прежний брак Генриха недействительным, а парламент, начавший было протестовать, был оперативно распущен. 23 мая Кранмер официально объявил о новом браке короля, а спустя неделю состоялась коронация Анны. Несчастную Екатерину объявили «вдовствующей принцессой Уэльской» и сослали в поместье Бакден в Хантингдоншире, где она молилась и вышивала вместе с несколькими фрейлинами. Уехать в Испанию и даже видеться с испанскими посланцами ей запретили. Ходили слухи, что приближенные короля травят ее медленным ядом. Как бы то ни было, здоровье Екатерины начало ухудшаться, и в январе 1536 года она умерла. Испанской принцессе выпала важная историческая роль — ее развод с Генрихом оказался разводом Англии с католичеством.

Напряженность в отношениях короля с Римом развязала руки противникам папства в Англии. В Лондоне и других го-

родах начали появляться кружки протестантов, соединявших давние идеи лоллардов с учением Лютера и других вождей Реформации. Их требования были прежними: отказ от подчинения папе, ликвидация церковной обрядности и иерархии, возвращение к обычаям ранних христиан. Король и его приближенные разделяли только первый пункт этой программы, но в своем противостоянии Риму они на время сделали союзниками радикалов. Это проявилось уже на парламенте 1532 года, который принял Акт о подчинении духовенства. Им священникам и монахам запрещалось принимать любые документы, идущие против интересов короны. Дальнейшие события развивались быстро. Король запретил английской церкви платить Риму налоги и окончательно отнял у папы право назначения епископов, передав его королю. В январе 1534-го эти решения были одобрены вновь собравшимся парламентом. В ответ 23 марта папа Климент VII незадолго до своей смерти отлучил Генриха от церкви. Однако этот шаг, прежде бывший роковым для европейских монархов, не причинил особого вреда королю, который к тому времени обеспечил себе поддержку большинства английских прелатов и богословов. Оксфордский университет провозгласил, что власть папы над Англией незаконна. В сентябре 1534-го совет епископов решил возносить за богослужением молитву об освобождении «от тирании и гнусного бесчинства римского епископа». А 3 ноября парламент принял Акт о супрематии, провозгласивший Генриха главой английской церкви.

Настало время наложить руку на церковные богатства, к которым уже давно жадно приглядывались приближенные короля. Достаточно сказать, что уже в 1532 году Томас Кромвель исподволь принялся переписывать имущество церквей и монастырей. В 1535-м тот же Кромвель был назначен главным викарием по церковным делам. Сразу же была начата общая ревизия церковных учреждений; в каждое из них был послан список из 86 вопросов об имуществе и владениях. За уклонение от ответов грозили суровыми наказаниями. В феврале следующего года отчет о ревизии был прочитан в парламенте, который под крики «долгой монахов» принял билль об упразднении малых монастырей, где число монахов не превышало ста человек. После этого было закрыто более 400 монастырей.

Ликвидация производилась с исключительной жестокостью — королевские чиновники подвергали монахов пыткам, чтобы заставить их выдать ценности, а тех, кто пытался спрятать реликвии, казнили. Сами обители, многие из которых были памятниками старины, безжалостно разрушались — впрочем, здесь главную роль сыграли не ревизоры, а местные жители, разбиравшие здания на стройматериалы.

Конфискация монастырского имущества изрядно пополнила казну, но и эти доходы скоро растаяли. Помимо военных нужд и бесконечных праздников, деньги уходили на грандиозное дворцовое строительство. После Генриха остались 55 новых дворцов, большая коллекция вышивок и гобеленов, ценнейшие библиотеки в Уайтхолле и Гринвиче. К английскому двору, который прежде считался бедным и захолустным, потянулись законодатели мод, ученые и поэты со всей Европы. Поддержание королевского величия также требовало немалых расходов, как и укрепление обороноспособности страны. По приказу Генриха английские мастера и приглашенные иностранцы возводили новые крепости и переоснащали флот, охраняя Англию от вторжения. С каждым годом казна все больше нуждалась в деньгах, и церковные богатства были самым удобным источником ее пополнения.

В 1538 году настал черед крупных монастырей, которых насчитывалось около 60. В основном они сдавались добровольно, выдавая ценности казне и распуская по домам монахов. Впрочем, и здесь происходило множество трагедий. Последний аббат Гластонбери Ричард Уайтинг вместе с двумя казначеями был пойман при попытке закопать в землю монастырские сокровища. Все трое были повешены, как и множество других монахов. Иногда за них вступались местные жители; особенно много таких случаев было на отсталом севере Англии. В октябре 1536 года вспыхнуло восстание в Линкольншире и Йоркшире, получившее название «Благочестивого паломничества». Хотя оно проходило под католическими лозунгами, главной его причиной были высокие налоги и произвол королевских чиновников. Восставшие крестьяне во главе с сельскими сквайрами образовали настоящую армию, но местные лорды уговорили ее разойтись, поверив обещаниям милости со стороны короля. Генрих даже встретился с вождем

мятежников Робертом Эском и посулил ему и его людям прощение. Однако сразу за этим последовала жестокая расправа — сотни крестьян были повешены вдоль дорог графства, причем родственникам запретили снимать их тела.

Между тем террор уносил все новые жизни. Когда папа возвел в сан кардинала известного оппонента короля Джона Фишера, Генрих заявил, что пришлет в Рим его голову, чтобы на нее можно было надеть кардинальскую шапку. В июне 1535-го Фишер был казнен. Та же судьба постигла и Томаса Мора. В свое время этот выдающийся гуманист видел в Генрихе просвещенного государя, призванного превратить Англию в придуманную им Утопию. Разочаровавшись в деспотичном и капризном короле, Мор покинул пост канцлера, а потом отказался признать Акт о супрематии. Брошенный в Тауэр, он упорно хранил верность своим взглядам и не отрекся от них на суде в Вестминстере, слушая дикие обвинения в государственной измене и колдовстве. Сначала мстительный король велел приговорить своего бывшего советника к варварской «квалифицированной казни» — его должны были протащить к месту казни волоком, а затем четвертовать. Боясь народного сочувствия к Морю, эту казнь заменили простым отсечением головы, которое провели не в Тайберне, где собиралось много людей, а во внутреннем дворе Тауэра. Мор был обезглавлен 6 июля 1535 года, завершив карьеру знаменитой остротой о своей бороде, которая не совершала измены. Позже Мор, Фишер и множество других жертв королевского гнева были причислены Римом к лику святых.

Между тем в области догматики Генрих фактически оставался католиком — он отвергал такие протестантские принципы, как причащение хлебом и вином, отказ от почитания святых, брак священников. В 1538 году король устроил диспут с немецкими лютеранами и «доказал» свою правоту при помощи английских богословов, которые дружным криком заглушали доводы оппонентов. В следующем году были приняты «десять правил веры», которые представляли собой компромисс между католичеством и протестанством. Тогда же первые радикалы, не признавшие нового учения, были отправлены в тюрьмы или повешены. Тем не менее число тех, кого не устраивала ограниченная реформация, продолжало расти;

позже этих приверженцев «очищения» церкви прозвали пуританами. В 1539 году король сделал новый шаг к католицизму в так называемом «кровавом статуте», где трактовался деликатный вопрос о преосуществлении крови в вино во время причастия. Правда, спустя несколько лет произошел новый сдвиг — вышла Королевская книга, в которой отразилась позиция умеренных протестантов. Все эти колебания отражали неуверенность короля, который разрушил старую церковную организацию, но явно не знал, как построить новую.

Не меньше религиозных вопросов Генриха занимала судьба династии — в 45 лет он так и не заимел законного наследника. 7 сентября 1533 года Анна родила ребенка, но радость короля оказалась преждевременной — на свет появился не долгожданный сын, а дочь, названная Елизаветой. После этого королева все же родила сына, но мертвого, и с тех пор уже и не могла забеременеть. Это стало решающим фактором в изменении отношения Генриха к той, кого он так долго и страстно добивался. На него влияло и настроение народа, который недолюбливал разлучницу Анну, лишившую короля законной супруги. Поговаривали, что она приманила к себе Генриха колдовством, что она — ведьма, желающая принести погибель всей Англии. Многих раздражала алчность новой королевы и ее родных — кроме положенного королеве содержания Анна получала доход от богатого графства Пемброк, а ее отец и братья получили весьма доходные синекуры. При этом клан Болейнов не желал удовлетворяться достигнутым и вести себя тихо. Анна периодически устраивала мужу скандалы, требуя от него защиты ее королевских прав, и народная молва взваливала на «пучеглазую шлюху Нэн Баллен» вину за все жестокости Генриха.

Возникшая позже легенда о королеве как защитнице протестантской веры имеет мало общего с действительностью — прежде всего Анна защищала саму себя и свою любовь. Без сомнения, она любила Генриха и поэтому так сильно переживала любые признаки его охлаждения к ней. Даже смерть Екатерины Арагонской в январе 1536-го не утешила ее — при дворе шептались, что король увлекся Джейн Сеймур, сестрой одного из своих придворных. Джейн было уже двадцать семь лет, и она не отличалась особой красотой, но привлекла коро-

ля простотой и наивностью, каких не приходилось ждать от язвительной Анны. К тому же род Сеймуров славился плодовитостью, что было для Генриха особенно важно. Сближению короля с Джейн активно способствовали честолюбивый брат девушки Эдвард и многочисленные недоброжелатели королевы. В конце января у расстроенной Анны случился выкидыш, что фактически предопределило печальный финал. По слухам, у мертвого младенца нашли серьезные телесные уродства, которые, согласно представлениям того времени, доказывали, что дитя — плод кровосмешения. Враги быстро отыскивали подходящую кандидатуру — брата Анны Джорджа Болейна, который находился с сестрой в очень доверительных отношениях. Этим подозрениям поддался и король, который уже тяготился Анной и жаждал новых впечатлений. Решающим оказалось вмешательство Кромвеля, который, оценив расстановку сил, также склонился на сторону недругов королевы.

30 апреля 1536 года разразился скандал — на приеме во дворце Анна набросилась на давнего советника короля Генри Норриса, обвиняя его в том, что он замышляет жениться на ней в случае смерти ее супруга. Королевская юстиция действовала без промедления — в следующие два дня были арестованы Норрис, Джордж Болейн и придворный музыкант Марк Смитон. Все они были арестованы и подвергнуты пыткам, а 2 мая в Тауэр отправили саму Анну. Пока шло следствие, Генрих начал открыто появляться на людях в обществе Джейн Сеймур. В отношении своей пока еще супруги он не выказывал ни гнева, ни жалости — казалось, он попросту забыл о ней. 10 мая в Вестминстере начался суд над мнимыми заговорщиками. Ни Анна, ни другие подсудимые не признавали своей вины, и лишь музыкант Смитон туманно заявил, что заслуживает смерти.

Анну обвинили не только в прелюбодеянии, но и в попытке извести короля колдовством. Обвинительное заключение гласило: «Презирая брачный обет, злоумышляя против короля, уступая низменной похоти, она предательски вступала в мерзкие разговоры, обменивалась поцелуями, ласками и иным непотребством со слугами короля, понуждая их вступать в преступную связь». Этот чудовишный вердикт огласил ее дядя, герцог Норфолк, бывший председателем суда. Королева уве-

ренно и убедительно отвергла обвинения одно за другим, но ее никто не слушал. Пэры и прелаты послушно утвердили приговор — обезглавливание. 17 мая были казнены пятеро подсудимых-мужчин, а на следующий день на эшафот во внутреннем дворе Тауэра взойшла сама Анна Болейн.

Казнь жены король отпраздновал наедине с Джейн Сеймур, которая уже на другой день сделалась его законной супругой. На время Генрих, казалось, обрел семейный мир. Один из его придворных, Джон Рассел, в мае 1536-го записывал в дневник: «Король попал из ада в рай, обретя нежность взамен злобы и несчастья, свойственных первому». Новая жена действовала на Генриха умиротворяюще и пробуждала в нем сочувствие к обеим дочерям, которые оказались незаконными. Если маленькую Елизавету можно было не принимать в расчет, то Марии исполнилось уже двадцать, и она в полной мере унаследовала упрямство и испанскую гордость матери. Из своего дворцового заточения принцесса периодически предьявляла права на наследство — даже после того, как ей намекнули, что это может окончиться печально. К тому времени убежденность в своей правоте, подогреваемая придворными льстецами, окончательно превратила Генриха в капризного деспота. Он не остановился бы перед казнью собственной дочери, если бы хоть на миг поверил, что она угрожает его власти. К счастью, в этот миг рядом с королем оказалась не мстительная Анна, а кроткая Джейн, сумевшая пробудить милосердие в зачерстневшей душе супруга. В июле 1536-го Мария и Елизавета были признаны королевскими дочерьми, но лишены права наследования, которое закреплялось за будущими детьми новой королевы.

Народ искренне полюбил новую королеву — она вела себя скромно, не блистала пышными нарядами, а ее родня, за исключением брата Эдварда, держалась в отдалении от двора. Весной 1537 года выяснилось, что Джейн беременна. Король волновался за судьбу будущего ребенка, хотя его в это время беспокоили религиозные проблемы и мятежи католиков на севере Англии. 12 октября в Хэмптон-Корте Джейн разрешилась здоровым младенцем мужского пола, который неделю спустя был торжественно объявлен принцем Уэльским. Торжества по всей стране продолжались несколько недель, но

во дворце они прекратились уже 18 октября, когда у королевы началась родильная горячка. Все меры врачей оказались бессильными, и поздно ночью 23 октября несчастная Джейн скончалась. Хронист Холл писал: «Никто в королевстве не страдал более Его величества, которого эта смерть заставила вернуться в Вестминстер, где он скорбел и долго пребывал в сокровенном одиночестве».

Траур при дворе закончился только в феврале, и тогда же Томас Кромвель завел разговор о новой королевской женитьбе. Могущество королевского викария росло; в 1536 году он был назначен лордом-хранителем печати, а в 1539-м получил высшее звание лорда-протектора — фактически заместителя короля. Стремясь упрочить позиции протестантизма в Англии, Кромвель сделал ставку на брак короля с одной из немецких лютеранских принцесс. Сам Генрих, однако, больше склонялся к союзу с Карлом V и соответственно к браку с племянницей императора Кристиной Миланской. Посланный в Милан придворный художник Ганс Гольбейн привез портрет Кристины — прелестной 16-летней вдовы, только что лишившейся мужа. Король уже мечтал о скорой женитьбе, но неожиданно все сорвалось — летом 1538 года император заключил с французским королем Франциском очередной договор, в котором обе стороны обязались не вступать в соглашения с Англией. Тогда же папа Павел III пустил в ход давно заготовленную буллу, лишавшую Генриха английского трона. Это сделало брак с католической принцессой невозможным.

Возможность войны с Францией и империей заставила Генриха ускорить поиск невесты в лагере возможных союзников. В начале 1539 года всплыла кандидатура 24-летней Анны, дочери герцога Клеве — стратегически важной территории на Нижнем Рейне. Анну готовили в жены какому-нибудь из мелких германских принцев и воспитывали соответствующим образом — она была обучена лишь молитвам и рукоделию, с трудом читала по-немецки и редко выходила за стены дворца. Не отличалась она и красотой, но Кромвель твердо решил исправить этот недостаток. Посланному в Германию Гольбейну были даны необходимые инструкции, и на его портрете Анна предстала писаной красавицей. В октябре 1539-го Генрих согласился на брак и начал ждать прибытия невесты, которое

все время откладывалось. Лишь 28 декабря принцесса появилась в Англии, и романтически настроенный король решил перехватить ее по пути, сыграв роль влюбленного незнакомца, как делал это не раз в молодости. Увы, годы сделали свое дело — Анна не смогла опознать своего нареченного в тучном мужчине, который с трудом протиснулся в дверь ее покоев во главе толпы людей в масках. Приняв незваных гостей за грабителей, девушка подняла отчаянный крик, использовав весь свой запас немецких ругательств. Озадаченный король признался в своем розыгрыше, но первое впечатление было испорчено. «Она мне не нравится», — сердито бросил он придворным, вернувшись в Лондон.

Брак был заключен 6 января 1540 года, но его церемония по настроению участников больше напоминала похороны. Не задалась и интимная жизнь молодоженов — Генрих, как любовью стареющий мужчина, боялся фиаско в отношениях с женщинами, а неискушенная Анна ничем не могла ему помочь. После первых нескольких ночей король уже не приближался к жене, хотя на людях сохранял видимость добрых отношений с ней. Его раздражение обрушилось на инициатора брака Кромвеля, на которого немедленно ополчились его враги из католической партии графа Норфолка. Им удалось обвинить министра не только в неудачах внешней политики, но и в религиозном расколе, который продолжал сотрясать Англию. Какое-то время Кромвель сохранял влияние и в апреле даже стал графом Эссексом и лордом-канцлером. Однако дни его были сочтены — противникам удалось убедить подозрительного короля, что его вернейший слуга намеревается посадить на английский трон немецкого протестантского принца. 10 июня недолговечный лорд-канцлер был заключен в Тауэр, а 28 июля обезглавлен.

Падение Кромвеля вызвало новую волну репрессий, на этот раз направленных против протестантов. Архиепископ Кранмер, как всегда, успел перестроиться в угоду новым настроениям короля, но его соратники, включая епископа Вустерского Хью Латимера, оказались в тюрьме. Впрочем, не стоит преувеличивать размах террора — число представителей знати, казненных при «кровавом» правлении Генриха, не превышало ста человек. Гораздо больше претерпел простой народ,

страдавший от огораживаний — захвата крестьянских земель богатыми лордами. Толпы потерявших кров людей скитались по Англии, занимаясь нищенством и разбоем, что серьезно угрожало порядку в государстве. Генрих, как обычно, предпочел радикальное решение проблемы — в 1536 году был принят «кровавый статут», по которому бродяг полагалось бичевать и клеймить раскаленным железом, а после третьей поимки вешать. Уже после смерти короля был принят новый статут, который предписывал отбирать у нищих родителей детей и фактически отдавать их в рабство «дееспособным хозяевам». От этих мер погибли и пострадали многие тысячи людей, но английское государство окрепло — форсированный сгон крестьян с земли способствовал привлечению рабочих рук в торговлю и ремесленное производство, которым Тюдоры всячески покровительствовали.

Падение Кромвеля решило и судьбу новой королевы — в июне ее отослали в Ричмонд и там объявили, что ее брак с Генрихом является незаконным. В утешение принцессе достались солидные земельные владения, и она удалилась в замок Хивер, где жила до своей смерти в 1557 году. Анна Клевская покинула вершины власти без злобы и сожаления и была, кажется, довольна, что вообще осталась жива, — в Европе о короле Англии ходили самые мрачные слухи. Теперь Генрих снова был холост и мог подумать о новой, пятой по счету женьтебе. Кандидатка была под рукой — 19-летняя фрейлина Екатерина Ховард, дочь лорда Эдмунда Ховарда и племянница герцога Норфолка. Несмотря на молодость, она уже была опытной кокеткой и до знакомства с королем имела два довольно продолжительных романа с молодыми дворянами. Она хранила осторожность и на предостережения отвечала, что «женщина может миловаться с мужчиной и не зачать ребенка, если сама этого не захочет». Во всяком случае, она сумела произвести на Генриха впечатление невинной девицы, и 49-летний монарх снова поддался чувствам. В апреле 1540-го его встречи с Екатериной стали регулярными, и, похоже, она, в отличие от Анны Болейн, не заставила его долго добиваться желанной близости.

В июле парламент пошел навстречу королю, обратившись к нему с просьбой жениться ради «сохранения преемствен-

ности наследования». При этом не учитывалось, что церковь обычно не позволяла даже монархам жениться более четырех раз, как и то, что Генрих и Екатерина были довольно близкими родственниками — род Ховардов происходил от Эдуарда III. 28 июля состоялась свадьба, после которой король какое-то время выглядел совершенно счастливым. Увы, очень скоро новая супруга проявила свои отрицательные качества — она оказалась ограниченной, легкомысленной и вдобавок жадной, а ее многочисленные родственники накинулись на государственное достояние, как мыши на сыр. Самой Екатерине были выделены богатые владения казненного Кромвеля и бывшие аббатства Гластонбери и Ридинг, а содержание ее многочисленной свиты обходилось в 4600 фунтов в год.

Хитроумная красавица старалась угождать всем желаниям мужа, но скоро разница в возрасте стала слишком заметной. На фоне молодости и очарования Екатерины физические недостатки Генриха становились слишком заметны, и это пробуждало в нем привычные реакции — раздражение и гнев. Он то набрасывался на жену с упреками, то целыми неделями отказывался видеться с ней, отговариваясь болезненным состоянием. Весной 1541-го темперамент Екатерины не выдержал — ей надоело быть покорной куклой в руках ворчливого мужа и жадных родственников, и она завела роман с одним из своих прежних поклонников — молодым придворным Томасом Калпепером. Скоро она совсем забыла об осторожности и сделала своим секретарем другого бывшего ухажера — Фрэнсиса Дэрема. Скоро при дворе начали распространяться сплетни, и Генрих был, пожалуй, единственным, кто не слышал или не желал слышать об измене своей супруги. Екатерина продолжала окружать больного короля заботой, а оба ее любовника лелеяли мечты о высоком положении, которого они добьются после скорой смерти монарха.

Все сложилось иначе благодаря ревностному протестанту Ласселзу, который случайно узнал о предосудительном поведении королевы до брака и поспешил донести об этом архиепископу Кранмеру. В ноябре 1541 года началось расследование, и Дэрем был арестован. На первых же допросах он сознался во всем, выдал и Калпепера, что лишило Екатерину последней надежды. Для короля все случившееся стало страш-

ным ударом; он метался по Хэмптон-Корту, то впадая в припадки гнева, то ударяясь в слезы. Несколько дней спустя он уехал на охоту, предоставив своим советникам распутывать ситуацию. 12 ноября Екатерину перевезли в отдаленный монастырь Сайон, где продолжали допрашивать. Она сознавалась только в добрачных грехах и утверждала, что ее недавние отношения с Дэремом и Калпепером не шли дальше невинного флирта и были вызваны стремлением обоих мужчин добиться продвижения в карьере. Однако добытые под пыткой показания любовников изобличили ее во лжи, и 22 ноября было объявлено, что леди Ховард предала честь и достоинство королевы. 10 декабря признанные виновными Калпепер и Дэрем были отправлены в Тайберн, где первого обезглавили, а второго подвергли четвертованию. Особая ненависть Генриха к Дэрему была вызвана тем, что тот еще до брака обесчестил юную королеву.

Сама Екатерина 10 февраля была перевезена в Тауэр, где выслушала свой приговор. Три дня спустя она вошла на эшафот вместе со своей фрейлиной Джейн Рошфор, вдовой казненного брата Анны Болейн. Опале подвергся и герцог Норфолк, а члены семьи Ховард были осуждены на лишение владений и ссылку. Намечался новый виток репрессий, и дрожавшие за свою жизнь члены королевского совета начали срочно подыскивать новую невесту, которая смогла бы смягчить гнев Генриха. Как ни странно, охотниц было мало — судьба всех предыдущих жен не вдохновляла даже самых честолюбивых придворных красавиц. Перспектива нового брака возникла только в 1543 году, и на этот раз выбор Генриха поставил в тупик даже самых близких к нему людей. Всегда ценивший в женщинах молодость и красоту, король решил жениться на 30-летней вдове, похоронившей двух мужей и не отличавшейся ни миловидностью, ни светским лоском.

Это была Екатерина Парр, дочь сельского дворянина из Уэстморленда. Потеряв отца в пятилетнем возрасте, она в 17 лет была выдана замуж за сына лорда Бороу, умершего три года спустя. Вскоре Екатерина стала женой лорда Лэтимера из Йоркшира, который примкнул к «Благочестивому папачеству» и в результате оказался в королевской тюрьме, откуда вышел тяжело больным. Последующие годы Екатерина

посвятила уходу за медленно угасавшим мужем, которого она перевезла в Лондон. Там на нее и обратил внимание король, которого в леди Лэтимер привлекало как раз то, чего не было в его прежних женах, — солидность, спокойствие и материнская ласка. Всем этим Екатерина обладала в полной мере, хотя детей у нее не было. Похоже, она никогда не любила короля и стремилась вступить в брак с братом Джейн Сеймур Томасом, который также добивался ее руки. Однако она знала, что сопротивление монаршей воле может оказаться гибельным не только для нее, но и для любимого ей человека. Поэтому после смерти мужа в марте 1543-го новоиспеченная вдова приняла предложение Генриха и поклялась стать ему верной и любящей женой.

Шестое бракосочетание Генриха состоялось 12 июля в Хэмптон-Кортском дворце. Похоже, новая жена устраивала всех — она придерживалась протестантских убеждений, но благодаря покойному мужу была связана и с католиками. Екатерина была скромна, благочестива, неизменно приветлива и мила со всеми. Ей удалось добиться любви всех трех детей короля, что само по себе выглядело настоящим чудом. Наследник Эдуард, которому она заменила мать, стал благодаря ей убежденным протестантом. Сама Екатерина написала два благочестивых сочинения — вполне толковых, хотя и не выдававших особенной глубины мысли. Она и во дворце осталась провинциальной помещицей, любившей животных, цветы и немудреные сельские развлечения. В придворных интригах она не участвовала, как и члены ее семьи — даже ее энергичный брат Уильям Парр, ставший в 1543 году графом Эссексом, старался не примыкать ни к одной из враждующих партий.

Такое поведение в высшей степени устраивало короля, который чувствовал себя старым и больным и хотел только одного — надежного семейного тыла. Пышные торжества, охоты и маскарады ушли в прошлое, и быт королевской семьи в Хэмптон-Корте напоминал теперь будни какого-нибудь сквайра. Вернувшись вечером в покои после государственных дел, Генрих блаженно растягивался в кресле у камина, а жена читала ему вслух или молча вязала рядом, если у короля не было желания общаться. Екатерина одна могла укрощать приступы королевского гнева, и многие придворные могли благода-

рять ее за спасение их жизни. Однако и у этой кроткой королевы нашлись враги — приверженцы католической партии во главе с епископом Вустерским Стивенем Гардинером. Они смогли настроить короля против радикальных протестантов, и в 1543 году, через несколько дней после свадьбы Екатерины, первые лютеране взошли на костер. Три года спустя за ними едва не последовала сама Екатерина — это случилось, когда Гардинер, пользуясь плохим настроением Генриха, выпросил у него разрешение на ее арест. Королева едва успела добиться встречи с мужем и отвергнуть обвинения в свой адрес. Посланный арестовать ее отряд увидел мирно гулявших вместе Генриха и Екатерину и был вынужден удалиться восвояси. Эта история привела к опале Гардинера, которого вывели из состава королевского совета.

Многие современные авторы уделяют столько внимания семейной жизни Генриха VIII, что порой кажется, будто король только и делал, что женился и разводился. Это не так — он проводил весьма активную внутреннюю и внешнюю политику. В его правление позиции английской монархии усилились не только внутри страны, но и на ее беспокойных окраинах — в Шотландии и Ирландии. Особенно много хлопот доставляла Ирландия, где королю не подчинялись не только гэльские вожди, но и английские бароны, которые приняли ирландские имена и обычаи и вели себя весьма независимо. В период борьбы за власть Генрих VII был вынужден назначить наместником Ирландии мятежного графа Килдэра. Его сын и наследник, Джеральд Фицджеральд, дважды отказывался выполнять приказы Генриха VIII. Сперва он отделался недолгим заключением в Тауэр, но во второй раз был обезглавлен. Его сын Томас тут же поднял восстание, с большим трудом подавленное английскими властями. Все мужчины из рода Фиджеральдов были казнены, а стены их замков сровнены с землей.

После подавления восстания Генрих назначил новым наместником Ирландии лорда Леонарда Грея, который решительно взялся за англлизацию острова. Ирландцам было запрещено говорить на родном языке и носить старинную кельтскую одежду. Вожди кланов были лишены власти, а их владения конфискованы. Гэльское население массами сгоня-

лось со своих земель, которые передавались английским поселенцам. Ирландцам были оставлены наименее плодородные области — Мунстер и Коннахт. Носителей культурной традиции — ирландских бардов — было велено хватать и вешать как бродяг. Во время Реформации были закрыты многие монастыри, бывшие единственным источником образования в Ирландии. Тем не менее жители «зеленого острова» держались за прежнюю религию, ставшую последним оплотом сопротивления. В итоге ирландцы остались католиками, что стало поводом для вековой вражды между ними и поселившимися на их земле выходцами из Англии.

Беспокоили короля и шотландские дела. После начала Реформации местные феодалы вынудили короля Якова V разорвать отношения с Англией. В 1532 году между двумя королевствами вспыхнула война, которая представляла собой скорее цепь пограничных стычек. Более серьезный конфликт произошел в 1542 году — в ответ на английский рейд через границу большая шотландская армия вторглась в графство Камберленд. 23 ноября при Солуэй-Мосс шотландцы подверглись неожиданной атаке английской кавалерии и позорно бежали, бросив обоз и артиллерию. В плен попало множество лордов. Узнав о поражении, король Яков умер от горя, успев перед смертью узнать о рождении дочери. Это была Мария Стюарт, принесшая потом много горя Шотландии и Англии, но больше всего — себе самой.

Конфликт с Шотландией испортил отношения англичан и с Францией — женой покойного Якова V была французская принцесса Мария де Гиз. Генрих решил нанести превентивный удар и в 1544 году заключил мир с Карлом V. Император как истинный политик пошел на союз с «еретиком», чтобы не допустить победы Франции в продолжавшейся уже много лет войне. В 1546 году английские войска переправились через Ла-Манш и после долгой осады взяли Булонь, обезопасив свой последний плацдарм на континенте — крепость Кале. Одновременно Генрих распорядился возобновить войну в Шотландии, которая после смерти короля вернулась в состояние феодальной анархии. Армия лорда Хертфорда перешла границу и уничтожила все укрепления от Бервика до Эдинбурга. Столица Шотландии была сожжена победителями,

которые пощадили только королевский замок Холируд. Вскоре англичанам пришлось отступить — Карл V в очередной раз заключил сепаратный мир с французами, которые могли теперь обратить все свои силы против англичан. Чтобы не допустить этого, Генрих срочно заключил мир с Францией, а заодно и с Шотландией.

Война еще больше сблизила короля с его последней женой, которая была сделана регентшей на время отсутствия супруга. Чуть ли не каждый день Екатерина писала Генриху нежные и ободряющие письма, а после его возвращения в сентябре 1546-го посвятила все силы заботам о его здоровье, которое неуклонно ухудшалось. Тучность короля приобрела болезненный характер, но ни один врач не осмеливался предложить царственному пациенту соблюдать диету. Он почти лишился возможности ходить, и его возили по дворцовым залам в специальном троне на колесах. В Вестминстере был построен деревянный лифт, на котором Генриха поднимали в верхние покои. Теперь каждый приступ гнева грозил королю апоплексическим ударом, и ему приходилось регулярно пускать кровь. Беспокоила его и незаживающая язва на ноге — результат давней венерической болезни. Генрих быстро лысел и с трудом мог есть любимую мясную пищу из-за больных зубов. В свои 55 лет он выглядел глубоким стариком, как и его российский «двойник» Иван Грозный. Два монарха не только прожили почти одинаковое количество лет, но и правили государством по 37 лет каждый. Еще одно совпадение — Иван начал править самостоятельно в том самом 1547 году, когда Генрих закончил свою грешную жизнь.

Генриха постигла участь всех тиранов — он так усердно истреблял правых и виноватых вокруг себя, что оставить государство оказалось не на кого. Короля окружали беспринципные честолюбцы, угождавшие своему повелителю и люто ненавидевшие друг друга. Наследник Эдуард был еще мал, и борьба за власть неизбежно смела бы его с трона. Генрих постарался обезопасить сына привычным для себя способом — расправился с консервативной католической партией, которая казалась ему наиболее опасной. В результате укрепились позиции партии умеренных реформаторов, которых возглавляли граф Хертфорд и архиепископ Кранмер. Король надеял-

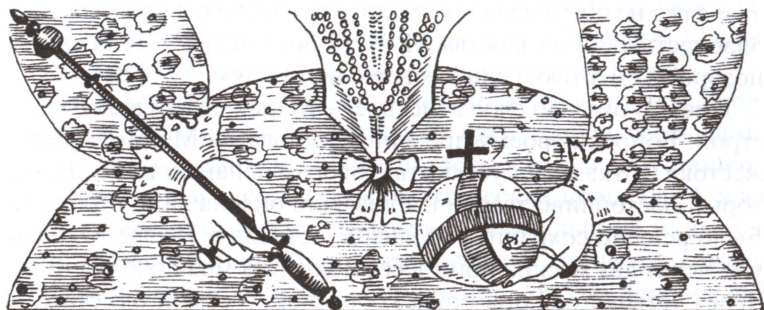
ся, что граф, бывший дядей принца Эдуарда, сумеет защитить его права. Принц рос болезненным и хилым, и Генриху пришлось, скрепя сердце, подписать в 1544 году акт о престолонаследии, по которому нелюбимые дочери тоже получали право на престол. Эта мера оказалась нелишней — случилось так, что все трое детей грозного короля по очереди занимали английский трон. Эта чехарда началась после того, как Генрих умер 28 января 1547 года.

Перед смертью король успел отдать приказ о казни главы консерваторов графа Суррея и его отца, герцога Норфолка. Первого успели обезглавить, а второй засиделся в Тауэре и был помилован новым монархом. 16 января Генрих еще занимался делами, но после этого слег и уже не вставал. С ним рядом не было ни Екатерины, ни детей; он до последнего отказывался верить, что умирает, и послал за ними, когда уже было слишком поздно. Королева за годы брака приучилась скрывать свои чувства, но, вероятно, испытала лишь облегчение, узнав о смерти своего грозного супруга. Теперь ее сердце было открыто для Томаса Сеймура, ставшего тем временем главным адмиралом королевского флота. В июне 35-летняя Екатерина тайно вышла замуж и спустя полгода зачала своего первого ребенка. Она впервые искренне полюбила, а вот лорд Сеймур, похоже, воспринимал ее лишь как ступень для карьерного продвижения. Пока жена готовилась родить, этот честолюбец недвусмысленно ухаживал за юной принцессой Елизаветой, жившей в том же дворце. 30 августа 1548 года Екатерина Парр родила здоровую дочь Мэри, а сама неделю спустя умерла от родильной горячки.

Девятилетний Эдуард VI, увековеченный Марком Твенном в романе «Принц и нищий», находился на троне шесть лет. В это время страной управляли сначала герцог Сомерсет, старший брат Джейн Сеймур, а после его казни — Джон Дадли, герцог Нортумберленд. Сам Эдуард в это время вел беззаботную жизнь в королевском дворце вместе с сестрами Марией и Елизаветой и мачехой Екатериной Парр. Он был красивым и добрым мальчиком, но всегда отличался хрупким здоровьем и 6 июля 1553 года умер от туберкулеза. Эдуард, как верно отметил писатель, не любил учиться, но заботился о просвещении других и велел основать многочисленные школы;

некоторые из них существуют по сей день. За время его недолгого правления произошло еще одно знаменательное событие — установление правил богослужения, которыми до сих пор руководствуется англиканская церковь. После смерти Эдуарда протектор Нортумберленд пожелал возвести на престол 17-летнюю Джейн Грей, внучку сестры Генриха Марии и свою родственницу. Однако парламент высказался против нее, и после девяти дней царствования несчастная Джейн оказалась в Тауэре, а позже была казнена вместе со своим мужем и Нортумберлендом.

Теперь на троне оказалась Мария, прозванная в народе «Кровавой Мэри». Она была наполовину испанкой и ревностной католичкой и больше всего желала восстановить в Англии католическую веру, хотя большинство жителей уже стали протестантами. В 1554 году она вышла замуж за испанского короля Филиппа II и постоянно приглашала его и его войска в Англию для расправы с протестантами. Однако Филипп так и не приехал, не без оснований боясь восстания непокорных англичан. Тем не менее 280 противников католической веры были сожжены на костре или обезглавлены; в их числе был и главный защитник церковной реформы Томас Кранмер. Свои последние надежды гонимые протестанты возлагали на младшую дочь Генриха Елизавету, которая слыла сторонницей Реформации. Они не знали, что жизнь обожаемой ими принцессы тоже находится в опасности.

16 марта 1554 года во всех залах Вестминстерского дворца горели камин, согревая многочисленную стражу. Сотни солдат и придворных стерегли одного пленника — двадцатилетнюю девушку, которая едва оправилась от тяжелой болезни. Многим делалось не по себе, когда они видели ее хрупкую фигурку, мертвенно-бледное лицо, непослушные рыжие кудри. Но стражники старательно подавляли в себе жалость. Им сказали, что они стерегут опасную преступницу, держащую в руках нити недавнего заговора против королевы Марии, ее сестры. Да, на этот раз под арестом оказалась принцесса Елизавета Тюдор, дочь Генриха VIII от злосчастной Анны Болейн. И с каждым днем росла вероятность того, что ей придется разделить участь матери.

Принцесса зябко ежилась — камин не согревал ее. Верные люди приносили известия о том, что по всей стране идут аресты и казни заговорщиков и тайных протестантов. Сегодня должна решиться и ее судьба. Вот уже распахиваются двери, и в покои входят члены королевского совета — лорды Винчестер и Сассекс. Они сообщают, что должны сопроводить

принцессу в Тауэр и корабль уже ждет у причала. На просьбу о встрече с королевой звучит отрицательный ответ. Но может она хотя бы написать своей сестре? Сассекс, который приходится узнице дядей, нерешительно соглашается. Елизавета садится за бюро и торопливо выводит строки: «Никогда не злоумышляла я против Вас лично, никогда не поддерживала и даже не обсуждала шаги, которые могли бы представлять опасность для государства. И пусть Бог покарает меня самой позорной смертью, если я говорю неправду».

Письмо оказало свое действие — Мария сжалилась над сестрой. Вопреки своему прозвищу, «кровавая Мэри» не была жестока и отказалась уступить уговорам испанского посла, который настойчиво твердил: Елизавета опасна даже в тюрьме. Было решено сохранить ей жизнь, оставив в Тауэре. Однако уже через два месяца принцесса покинула мрачную темницу. Через четыре года она стала королевой — самой блистательной в истории Англии. Вопреки уверениям придворных подхалимов, далеко не все жители страны обожали Елизавету. Ее терпеть не могли и безжалостно гонимые католики, и диссиденты-пуритане, и угнетенные ирландцы — добрая половина ее подданных. Но даже они соглашались: страна обрела наконец монарха, воплощавшего собой царственность. Царственный блеск только усиливался от того, что носителем его стала женщина. Это случилось второй раз в британской истории, однако краткое и неудачное правление Марии Кровавой стало лишь репетицией, оттенившей славу ее сестры — «доброй королевы Бесс».

Елизавета родилась в полдень 7 сентября 1533 года в покоях Гринвичского дворца, где по одной из бесчисленных британских традиций разрешались от бремени королевы Англии. С первых дней обстановка вокруг новорожденной принцессы была довольно нервной. Бушевал отец Генрих VIII, с нетерпением ждавший сына, от его упреков плакала мать, шептались придворные, уверенные в том, что рождение нежеланной дочери — Божья кара королю за разрыв с Римом. Многие ненавидели малышку лишь за то, что она — дочь «шлюхи Нэн», укравшей корону у законной королевы Екатерины Арагонской. Спустя три года враги смогли радоваться открыто — Анна Болейн поднялась на плаху, а на ее дочку на много лет легло

клеймо незаконнорожденной. Но тогда маленькая Елизавета еще не понимала этого, а на ее положении мало сказывались политические бури. Она жила в загородном дворце Хэтфилд в окружении целой армии нянюшек и слуг. Прежде Хэтфилд занимала дочь Екатерины Мария, которую теперь отселили в дальний флигель и лишили всех почестей. Испанская гордость будущей «кровавой Мэри» не давала ей общаться с сестрой. Когда ее попросили представиться принцессе, Мария резко возразила: «В Англии только одна принцесса — я».

Пока Елизавета считалась законной наследницей, придворные группировки оспаривали друг у друга честь заниматься ее воспитанием. Любые потребности девочки становились предметом сложных бюрократических процедур. Когда пришло время отнимать ее от груди, «начальница нянь» леди Брайан сообщила об этом всемогущему министру Томасу Кромвелю, который передал прошение королю. Генрих дал инструкции гофмейстеру Полетту, который отправил разрешение леди Брайан вместе с инструкцией матери. Сама Анна навещала дочь нечасто — придворные обязанности, праздники и ревнивый характер мужа, требовавшего постоянного ее присутствия возле себя, оставляли для этого мало времени. Король тоже не баловал Елизавету вниманием — в год он посещал Хэтфилд один-два раза. Иногда девочку привозили в Лондон, чтобы показать иностранным послам и наметить будущие выгодные браки. В ту эпоху не считалось зазорным продавать принцесс чуть ли не с момента рождения. Когда Елизавете было семь месяцев, Генрих едва не сговорился о ее обручении с третьим сыном Франциска I. С этой целью малышку предъявили французским послам сперва в «роскошном королевском облачении», а затем голой, чтобы они убедились в отсутствии у невесты физических недостатков.

Во времена, когда больше младенцев умирало, чем выжило, Елизавета росла на удивление здоровой, румяной и не по годам сообразительной. Плакала она редко, зато прекрасно знала, как при помощи слез добиться у нянюшек желанного лакомства или игрушки. Конечно, единственную наследницу баловали и угождали всем ее желаниям. Во время дворцовых торжеств к трехлетней малышке выстраивалась целая очередь пэров, которые складывали у ее ног подношения. Елизавета

в сшитом на взрослый манер парчовом платье благодарила каждого, изяшно приседая на французский манер. Уже тогда она приучалась вести себя, как подобает королеве, и не забыла эти навыки за время долгих лет безвестности. Девочка навсегда запомнила страшный день 1 мая 1536 года. Прижав ее к себе, мать стояла на коленях перед отцом, выкрикивая жалкие оправдания, а он глядел куда-то вдаль и, казалось, ничего не слышал. После этого Елизавета видела короля очень редко, а мать не увидела больше никогда. На суде Анну обвинили в распутстве, и сразу распространились слухи, что Елизавета — не королевская дочь. В самом деле, худенькая рыжая девочка мало напоминала Генриха VIII, зато была весьма похожа на мать, а также на ее предполагаемого любовника — придворного музыканта Марка Смитона. Сам Генрих, похоже, не сомневался в своем отцовстве, но предпочел убрать с глаз долой ту, что напоминала о его позоре.

Елизавета по-прежнему жила в Хэтфилде под надзором «начальницы нянь» леди Брайан и управляющего Джона Шелтона. Генрих сократил расходы на содержание дочери, но распорядился воспитывать ее по-королевски — ведь она оставалась выгодным товаром для иностранных женихов. Осенью 1536-го у нее появилась новая гувернантка Кэтрин Чембернон, которая заботилась не только о воспитании девочки, но и о ее образовании, обучая ее читать и писать не только по-английски, но и на латыни. На долгие годы Кэт заменила принцессе мать, и позже Елизавета вспоминала: «Она провела подле меня долгие годы и прилагала все усилия к тому, чтобы обучить меня знаниям и привить представления о чести... Мы теснее связаны с теми, кто нас воспитывает, чем с нашими родителями, ибо родители, следуя зову природы, производят нас на свет, а воспитатели учат жить в нем». Елизавету научили всему, что, по тогдашним представлениям, подобало благородной девице, — вести себя за столом, танцевать, молиться и рукодельничать. Уже в шесть лет она подарила маленькому братику Эдуарду батистовую рубашку собственного изготовления.

Вообще-то у Елизаветы не было особых причин любить сына Джейн Сеймур, который окончательно закрывал ей дорогу к трону. Правда, сама королева Джейн обращалась с девочкой ласково, но вскоре после рождения сына она умерла. Потом

промелькнули еще две королевы — так быстро, что Елизавета едва успела их заметить. Шестая и последняя супруга отца Екатерина Парр была серьезной и в то же время доброй женщиной, твердо решившей относиться к королевским отпрыскам, как к своим детям. Именно по ее просьбе Елизавета, Мария и Эдуард впервые надолго обосновались в королевском дворце. Старшая сестра ликовала — ей это казалось приближением к желанной власти. А Елизавета тосковала по зеленым лугам и лесам Хэтфилда, по своей Кэт и по товарищу детских игр — Роберту Дадли, сыну одного из приближенных Генриха. Только с ним нелюдимая принцесса была откровенна и однажды сказала, что, насмотревшись на печальную участь отцовских жен, решила никогда не выходить замуж.

С 1543 года Елизавета обучалась наукам под руководством ученых профессоров Джона Чика и Уильяма Гриндела и священника Ричарда Кокса, к которым позже присоединился наставник принца Эдуарда Роджер Эшем. Все они были людьми глубоко верующими и одновременно гуманистами, отвергавшими фанатизм и нетерпимость предыдущей эпохи. Елизавета стала первой английской принцессой, воспитанной в духе Ренессанса; прежде всего это означало изучение древних языков и античной культуры. К двенадцати годам принцесса умела читать и говорить на пяти языках — английском, латинском, греческом, французском и итальянском. Ее таланты произвели большое впечатление на королевского антиквара Джона Лиланда, который, проверив знания девочки, в восторженных словах поведал об этом королю. Вместе с Елизаветой постигали науки другие знатные девицы — сестра королевы Анна Парр и будущая «однодневная королева» Джейн Грей. Иногда эти уроки посещала и принцесса Мария.

После смерти Генриха VIII в положении Елизаветы многое изменилось. Оставив дворец брату, она вместе с Марией переехала в особняк королевы в Челси, где вскоре появился новый хозяин — Екатерина Парр вышла замуж за адмирала Томаса Сеймура. Этот интриган играл важную роль при дворе своего племянника и не терял надежды закрепить ее браком с одной из принцесс. До женитьбы на Екатерине он безуспешно сватался к Марии, а потом так же безуспешно добивался позволения жениться на ее сестре. Считая себя неотразимым

кавалером, он начал откровенно приставать к своей падчерице, уже вступившей в отроческий возраст. По утрам он врывался к Елизавете в спальню и принимался тормошить и щекотать юную принцессу, нимало не стесняясь присутствием служанок и верной Кэт, которая к тому времени вышла замуж за дворянина Эшли, но так и не рассталась со своей подопечной. Ни Кэт, ни сама королева не могли остановить нахала, который не раз намекал, что его сердце принадлежит Елизавете. Понемногу девушка начала верить в чувства адмирала, и однажды Екатерина застала ее в объятиях мужа. Разыгрался скандал, и в апреле 1548-го Елизавета со всеми своими слугами переехала в поместье Честнат.

На новом месте принцесса с усердием предалась учебе под руководством Эшема. В сентябре, за два дня до ее пятнадцатилетия, умерла от родов королева Екатерина. По Лондону разнеслись слухи, что адмирал, амбиции которого продолжали расти, вот-вот посватается к Елизавете, и даже Кэт считала это хорошей идеей. Многие считали, что Сеймур уже соблазнил принцессу и именно это ускорило смерть его супруги. Похоже, рыжая чертовка пошла в свою развратницу-мать — яблочко от яблони недалеко падает... Между тем Елизавета, подверженная всем соблазнам молодости, все сильнее укреплялась в своем отвращении к браку. Этому способствовало поведение Сеймура, который теперь лицемерно лил слезы над гробом жены, прибрав к рукам ее немалое состояние. Адмирал не скрывал своих притязаний на власть, и Елизавета жила в постоянном страхе того, что он просто вынудит ее выйти за него замуж. Конец наступил в марте 1549-го — Томас Сеймур был арестован по обвинению в заговоре и спустя неделю казнен. Вместе с ним в тюрьме оказались Кэт Эшли и казначей принцессы Перри. Саму Елизавету тоже допрашивали на предмет участия в заговоре, но скоро оправдали.

В октябре 1549 года в Тауэр отправился брат казненного адмирала, протектор Сомерсет. Власть в государстве досталась Роберту Дадли, герцогу Нортумберленду. Этому предшествовало кровавое подавление восстания католиков на западе Англии. Страну опять охватывало религиозное брожение, и обе принцессы не могли остаться в стороне от него. Мария осталась убежденной католичкой, а воспитанная в протестант-

ском духе Елизавета все больше проявляла себя защитницей новой веры. Юный король Эдуард тоже был протестантом, но почти не вмешивался в дела религии — он все чаще болел, и многие опасались за его жизнь. Летом 1551 года разразилась эпидемия чумы, и короля поспешили отправить в Хэмптон-Корт. Елизавета укрылась в Хэтфилдском дворце, где осталась теперь полновластной хозяйкой. На нее легла забота обо всем громадном хозяйстве — о полях, лесах, сенокосах, о конюшнях и фермах, о старом парке, на деревья которого она лазила ребенком. Теперь ей исполнилось восемнадцать, и она проявила себя рачительной и экономной хозяйкой — лично вела амбарные книги, проверяла счета, раздавала жалованье слугам. Лондон она навешала лишь на Рождество, каждый раз с тревогой наблюдая за ухудшением здоровья короля. В случае его смерти трон займет Мария, которая постарается полной мерой воздать ненавистным протестантам.

Худшие опасения оправдались в мае 1553 года, когда стало ясно, что Эдуард умирает. В преддверии развязки Нортумберленд задумал новую интригу — он женил своего сына Гилфорда Дадли на Джейн Грей, которая могла претендовать на трон как правнучка Генриха VII. Джейн, как и Елизавета, была умна, прилежна в учебе и в полной мере наделена знаменитым тюдоровским упрямством, но ей не хватало железной воли сестры. Под давлением герцога король переписал завещание, лишив Елизавету и Марию престола и оставив его Джейн. 6 июля Эдуард умер, но Мария успела бежать в Саффолк и создала там настоящую армию из католиков и личных врагов клана Дадли. Герцог отправился в поход против нее, но его солдаты разбежались, а королевский совет перешел на сторону Марии.

Новая королева вступила в Лондон в начале августа, и через несколько дней перед воротами Тауэра появилась голова Нортумберленда на пике. В октябре состоялась торжественная коронация, на которой Елизавета занимала почетное место. Она выражала полную покорность сестре и даже согласилась исполнять католические обряды. Однако новые советники Марии — испанские и имперские посланцы — убеждали, что доверять принцессе нельзя. Что, если она очарует какого-нибудь могущественного вельможу или даже иностранного государя и с его помощью захватит власть? Первое время Мария не осо-

бенно верила этим слухам, но заговор протестантов в марте 1554-го изменил ее мнение. Именно тогда Елизавета очутилась в Тауэре.

Судьба хранила принцессу — в то время, как десятки людей, включая ее несчастную кузину Джейн Грей, оказались на плахе, а многие протестанты встретили смерть на костре, она отделалась ссылкой в захолустный Вудсток. Правда, в тамошнем сыром климате ее продолжали донимать болезни — опухало тело, лицо покрылось фурункулами, внезапные приступы гнева сменялись слезами. Исполнительный комендант замка Бедингфилд жалел узницу, но строго следовал инструкциям королевы, гласившим — неустанно следить и никуда не выпускать. Приближалась зима, и от холода страдания Елизаветы еще больше усилились. Не раз она обращалась с просьбами к сестре перевести ее в другое место, но Марии было не до того — она недавно вышла замуж за испанского принца Филиппа и от всей души надеялась забеременеть. Будущий ребенок должен был стать надеждой католичества, преградой на пути ненавистной сестры к английскому трону.

Однако пока что Елизавета оставалась законной наследницей, и дальновидный Филипп решил, что безопаснее держать ее поближе к королевскому дворцу. Конечно, еще лучше поскорее выдать ее замуж за какого-нибудь иностранного принца; для этой цели намечался Эммануил-Филиберт Савойский. Пережив тяжелую зиму в Вудстоке, Елизавета весной появилась в столице и неожиданно для себя была встречена приветственными криками толпы. Непрерывные казни протестантов настроили против королевы значительную часть англичан. В Лондоне по ночам разбрасывали листовки, на которых Мария изображалась в обличье мерзкого чудовища, кормящего грудью жабу с лицом испанского принца. Многие с ностальгией вспоминали грозного Генриха VIII, который теперь, по прошествии лет, казался не капризным тираном, а сильным и справедливым правителем. Выросшая Елизавета напоминала отца и высоким ростом, и царственной осанкой, и громким повелительным голосом. И в то же время она была в полной мере наделена женским обаянием, которому поддался даже ее враг Филипп Испанский. После знакомства с принцессой он всерьез подумывал о том, чтобы в случае смерти болезненной

супруги предложить руку и сердце ее сестре. Между тем Мария так и не смогла родить ребенка и, потеряв интерес ко всему на свете, позволила Елизавете вернуться в Хэтфилд.

В милом ее сердцу особняке начали собираться старые друзья — Кэт Эшли, казначей Перри, учитель Роджер Эшем. Были и новые — итальянский литератор Кастильоне, ученый алхимик Джон Ди и молодые дворяне, приезжавшие со всех концов Англии, чтобы выразить принцессе свое восхищение и сообщить, как ее любят в народе. Эта любовь доставляла все больше беспокойства королеве, которая подумывала вообще удалить Елизавету из Англии, чтобы выдать ее за дона Карлоса — сына Филиппа от первого брака. Были и другие претенденты — герцог Савойский и австрийский эрцгерцог Фердинанд. Однако Филипп не давал хода этим планам, не оставляя мысли самому жениться на принцессе. Между тем популярность Елизаветы росла, а ее сестры — падала. Помимо казней и постоянного роста налогов этому способствовали неудачи во внешней политике. В январе 1558 года французы взяли штурмом Кале — последний английский оплот на континенте.

Все больше придворных и церковников отправлялись на поклон к Елизавете в Хэтфилд, где образовался настоящий второй двор. Туда приезжали даже иностранные послы, не терявшие надежды устроить брак наследницы с кем-либо из европейских государей. К осени 1558-го, когда здоровье Марии резко ухудшилось, путь ее сестры к трону преграждали лишь два человека. Одним был Филипп Испанский. Другим — Реджинальд Поул, кардинал и архиепископ Кентерберийский, который был убежденным католиком и пользовался большим влиянием при дворе. Однако судьба продолжала хранить Елизавету — 16 ноября, когда Мария испустила последний вздох, Филипп оказался в Испании, а кардинал Поул сам лежал при смерти. В тот же день, ближе к полудню, в зале парламента Елизавета была провозглашена королевой Англии. Узнав об этом, она произнесла на латыни: «На то воля Божья, и она священна в наших глазах». Одновременно о ее коронации объявили в лондонской мэрии, и огромная толпа горожан встретила это известие радостными криками.

Народ приветствовал новую королеву, и она всерьез собиралась доказать, что его надежды не напрасны. Первым де-

лом прекратились казни и преследования протестантов, хотя Елизавета и объявила о намерении хранить католическую веру. Потом пришлось срочно одалживать у лондонских банкиров деньги для уплаты долгов — королевская казна оказалась пуста. Главным делом была коронация — сложный ритуал, призванный напомнить подданным о величии британской монархии. В ее преддверии Елизавета обновляла государственный аппарат, в который вошли как приближенные Эдуарда, так и старые друзья принцессы, включая казначея Перри. Главным советником королевы был назначен Уильям Сесил, ставший вскоре государственным секретарем и лордом Берли. Этот энергичный и трудолюбивый чиновник обладал редкостным умением примирять интересы враждующих дворцовых партий и в то же время был безжалостен к врагам государства. Он был искренне предан Елизавете и воспитал в духе этой преданности своего сына, который сменил его на высоком посту.

За годы правления сестры Елизавета в совершенстве овладела искусством плести интриги и ссорить между собой своих противников. Теперь она применила это умение для того, чтобы манипулировать своими приближенными и добиваться от них всего, что ей нужно. Она вела себя с ними то как капризная кокетка, то как грозная государыня, то как соратница по общему делу, причем эти личины мгновенно сменяли друг друга, ставя озадаченных придворных в тупик. Тем, кто принимал ее слова всерьез, скоро стало ясно — Елизавету интересует только полное подчинение ее воле. Без казней и ссылок она добилась от приближенных куда большего повиновения, чем покойная Мария. Это было нелегко — в первое время при дворе царил настоящий хаос, его заполняли толпы просителей и молодых дворян, ищущих чинов. К королеве они относились почти фамильярно — мало кто сомневался, что скоро она выйдет замуж и станет лишь тенью истинного монарха. Еще ни одна королева, кроме полузабытой нормандской Матильды, не правила Англией самостоятельно. Даже Мария быстро отыскала себе соправителя-консорта. Неужели Елизавета найдет в себе смелость поступить иначе?

16 января 1559 года отшумела пышная коронация, после которой королева приходила в себя не одну неделю. Здесь было все: костюмированные шествия, военные парады, фейер-

верки, чтение любительских стихов. У ворот Сити лорд-мэр вручил королеве символический подарок — кошель с тысячью золотых марок. В ответ она произнесла речь, которая запомнилась лондонцам надолго. «Благодарю вас, милорд мэр, — говорила Елизавета, — ваших собратьев и всех вас. Поскольку вы просите, чтобы я оставалась вашей госпожой и королевой, будьте уверены, что я останусь к вам так же добра, как всегда была добра к моему народу. Для этого у меня нет недостатка желания и, я верю, не будет и недостатка власти». Акценты в речи были расставлены весьма продуманно: королева обещала быть любящей матерью своих подданных, защитницей слабых и наследницей славных дел своего отца.

Новой королеве требовалось наладить отношения не только с народом, но и со знатью. Во время коронации Елизавета старалась не выделять особо никого не придворных, но уже в скором времени при дворе выявился фаворит. Это был не кто иной, как детский приятель Елизаветы Роберт Дадли, ставший теперь главным конюшим. Этот статный красавец держал себя с королевой так раскованно, что мало кто сомневался в сути их отношений. Шокированные придворные и иностранные послы наблюдали, как Дадли с королевой по вечерам удаляются в опочивальню, закрывая за собой дверь. Елизавета, которой неожиданно полученная власть вскружила голову, казалось, сознательно шокировала общество своим поведением. Верные люди доказывали ей, что молодой конюший ей не пара, что для сохранения власти королеве необходимо срочно порвать с ним и найти себе мужа среди иностранных принцев. Первой разговор об этом завела Кэт Эшли, но ей было заявлено, что если даже королева находит удовольствие в делах, нравственность которых сомнительна, то никто не может ей этого запретить.

Между тем проявлялась главная особенность царствования Елизаветы — что бы ни творилось в личной жизни королевы, это никак не отражалось на ее политике. Сначала она была больше всего занята религиозными делами. Ее воцарение прибавило храбрости радикальным протестантам, которые по всей стране устраивали погромы в храмах и разбивали на куски статуи святых. Сторонниками протестантизма выступали самые активные слои населения, и рано или поздно королеве

следовало встать на их сторону. Но сделать это сейчас — значило поставить страну перед угрозой интервенции двух могущественных католических держав, Испании и Франции. Английская армия и флот пришли в плачевное состояние за годы правления Марии, которая заботилась только о своей личной гвардии. Теперь Елизавета до предела сократила расходы государства, направив все средства на закупку оружия и выплату жалованья солдатам. Одновременно она не уставала убеждать Генриха Французского и Филиппа Испанского в своей верности католической вере.

В марте 1559 года был заключен мир с Францией, которой пришлось уступить Кале. После этого Елизавета пошла на принятие Акта о главенстве, который покончил с недолгой гегемонией католиков. Архиепископом Кентерберийским стал протестант Мэтью Паркер. Было восстановлено протестантское богослужение, а посещение католической мессы отныне каралось тюремным заключением. Испанские послы в гневе покинули Англию, но дипломаты других стран продолжали хлопотать о браке Елизаветы. В мужа ей предлагали то австрийского эрцгерцога Карла, то шведского короля Эрика, но чаще всего звучало имя жениха, нежеланного буквально всем, — Роберта Дадли. Расположение королевы к нему не убывало, и весной 1560-го он сам хвастался, что через год займет куда более высокое положение. Оставалась одна преграда — законная жена Дадли Эми Робсарт, но 8 сентября ее обнаружили мертвой у подножия лестницы в собственном доме. Ее муж с утра уехал на охоту вместе с королевой, предварительно отослав слуг.

Разыгрался громкий скандал. Многие были уверены, что королева и Роберт подослали к несчастной женщине убийц. Требовали судебного разбирательства и даже низвержения «рыжей шлюхи». Сановники во главе с Сесилом явились к Елизавете, фактически предъявив ей ультиматум — удалить Дадли от двора. Ей пришлось согласиться, и несостоявшийся жених был отослан в Кью. Смерть Эми оставила пятно на репутации королевы, хотя уже в XX веке исследования ученых помогли оправдать ее. Изучение останков миссис Дадли показало, что у женщины было смещение дисков позвоночника, вызывавшее приступы острой боли, — во время одно-

го из них она могла потерять равновесие и упасть с лестницы. Впрочем, фаворит был вполне способен избавиться от супруги. О его истинном лице говорила предпринятая уже в ссылке попытка сговориться с Филиппом II о его (то есть Дадли) браке с Елизаветой в обмен на обещание проводить происпанскую политику.

В июле 1559 года трагически погиб на турнире французский король Генрих II, и трон занял его сын Франциск, женатый на шотландской королеве Марии Стюарт. Угроза совместного нападения Франции и Шотландии на Англию сделалась еще более реальной, и, чтобы отдалить ее, Елизавета решилась на первую за свое царствование войну. Армия лорда Грея выступила на север, но поход затянулся — шотландцы не принимали боя, донимая противника партизанскими ударами. Только дипломатия Сесила привела к заключению мира, который на долгие годы обезопасил Англию от военной угрозы с севера. Однако оттуда исходила и другая опасность — юный французский король вскоре умер, и его супруга вернулась в Шотландию. Она имела права на английский престол как правнучка Генриха VII и к тому же была правоверной католичкой, что надолго сделало ее имя знаменем противников Елизаветы. Тем временем о своих правах на трон заговорили и две выживших сестры Джейн Грей — Мария и Екатерина. Их подбадривали болезни королевы — она продолжала страдать от опухолей, а осенью 1562-го едва не умерла от оспы, хотя, вопреки обыкновению, болезнь не оставила на ее лице никаких следов.

Некоторые современные историки предполагают, что из-за слабого здоровья Елизавета была не способна к деторождению и именно поэтому отказывалась выходить замуж. Другие видят причину этого решения в подсознательном страхе перед замужеством, воспитанном опытом неудачных браков отца. Третьи принимают на веру версию самой Елизаветы, которая уверяла, что не хочет выходить замуж за одного мужчину, поскольку она «замужем за всей Англией». Возможно, королева на самом деле старалась не допустить к власти ни одного из британских и особенно иностранных соискателей ее руки. Она желала править сама, резонно считая, что справляется с этим не хуже монархов-мужчин. Ради любви к власти она отказалась даже от любви к Дадли, которую сохранила

и после происшествия с Эми. Постепенно фаворит вновь обрел былое влияние, получив титул графа Лестерского и пост командующего армией. Во время опасной болезни королевы она именно ему завещала регентство над Англией в случае своей смерти.

И все же к 1563 году былая любовь сошла на нет. Елизавета даже собиралась женить Дадли на своей заклятой врагине — Марии Стюарт. Шотландский посол Мелвилл писал позже, что королева «говорила о нем, как о брате и лучшем друге, за которого она и сама была бы счастлива выйти, если бы не решила никогда не вступать в брак. Но уж коль скоро дала она себе слово остаться девственницей, то пусть он достанется королеве, ее сестре». Брак не состоялся — Мария предпочла Лестеру своего дальнего родственника лорда Дарнли. За этим последовала череда драматических событий, которая в 1567 году привела шотландскую королеву на английскую границу, а потом в тюрьму в замке Тьютбери.

В Англии Мария оказалась еще опасней для Елизаветы, чем была в Шотландии. Это проявилось в ноябре 1569 года, когда графы Нортумберленд и Уэстморленд подняли на севере восстание под католическими лозунгами. Тысячи людей стеклись под их знамена, отрекшись от «протестантской ереси». По слухам, во главе заговора стоял один из самых влиятельных вельмож — граф Норфолк, но он еще в октябре был заключен в Тауэр. Однако у восставших были союзники по сильнее — короли Франции и Испании и римский папа, снабжавший мятежных графов деньгами через лондонских банкиров-итальянцев. Королевское войско во главе с графом Сассексом было малочисленно и не рвалось в бой; близилась зима, и повстанцы планировали окопаться на севере и ждать помощи из-за границы. Однако случилось непредвиденное — их крестьянская армия, не дождавшись быстрой победы, начала разбегаться. В декабре главари «воинства пяти ран Христовых» бежали в Шотландию, и Сассекс начал расправу над простыми участниками восстания. Повторились ужасы 1536 года — солдаты вешали людей сотнями, сжигали дома, уводили с собой скот. Крестьянские семьи, лишённые всякого пропитания, вымирали от голода. Бежавшие графы были выданы шотландцами и казнены.

Королева относилась к этим репрессиям с полным пониманием и даже требовала от Сассекса подавлять мятеж как можно решительней, чтобы не платить солдатам лишнего жалования. Стремление к милосердию было забыто, и его сменила свойственная отцу привычка решать государственные проблемы при помощи топора. В самом деле, ее подданные слишком распустились. На сессии парламента в 1566 году они осмелились требовать от королевы вступить наконец в брак или назначить себе преемника. Претенденты были все те же — сестры Грей, успевшие выйти замуж, и Мария Стюарт. Правда, теперь, в 1569-м, все они были в тюрьме, но кто помешает заговорщикам при первом удобном случае выпустить их и возвести на трон? Полагаться нельзя ни на кого — даже верный Лестер устал ждать и завел себе любовницу, юную красавицу Летицию Ноллис. Теперь он открыто собирался жениться на ней.

Между тем к королеве сватались все реже — неуклонно старея, она переставала котироваться на рынке невест. Лишь царь *Ivan the Terrible* продолжал свои анекдотические ухаживания, посылая владычице Англии приглашения приехать к нему, в далекую Московию. Цели у него были вполне практическими — найти союзника в Европе и наладить сбыт русских товаров. Во время обострения борьбы с боярами царь Иван даже прошупывал вариант эмиграции в Англию, но практичная Елизавета ответила, что не сможет содержать столь знатного монарха за свой счет. Дело о браке не двигалось, и раздосадованный Грозный начал ругаться. Он писал несостоявшейся невесте: «Ажно у тебя мимо тебя люди владеют... и о наших государевых головах прибýtка не ищут, а ищут своих торговых прибýtков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица». Такого оскорбления Елизавета снести не могла, и переписка сошла на нет.

Да, королева старела, хотя сама верила в это с трудом. Казалось, так недавно худенькая рыжая девочка бегала по Хэтфилдскому парку вместе с Робом Дадли. Сейчас Дадли по-прежнему завидный жених, а она — сорокалетняя больная женщина, над которой за спиной потешаются дурочки-фрейлины. Ее рыжие кудри поредели, когда-то нежно-белая кожа покрылась красными пятнами. Королева обильно пудрилась,

увешивала себя украшениями, придумывала еще более пышные фасоны платьев. За ней новую моду прилежно перенимали придворные, а потом и провинциальные шеголи. В «елизаветинскую эпоху» достигло апогея стремление украшать не только себя, но и все окружающее. Не случайно именно тогда зародился великий английский театр — Шекспир, Марло, Грин, Бомонт и Флетчер. В их пьесах кипели страсти, любовь побеждала смерть, и над всем царила тень великой королевы. Эдмунд Спенсер воспел ее в «Королеве фей» под именами божественной Глорианы и амазонки Бритомартис. Придворным тоже приходилось быть поэтами — чем старше делалась Елизавета, тем больше ей нравились пышные похвалы.

Уходили старые друзья, в том числе и Кэт Эшли, умершая в 1565 году. Вероломный Лестер был отлучен от двора, и его сменили новые фавориты — юный граф Оксфордский Эдуард де Вир и адвокат Кристофер Хэттон, которого Елизавета ласково называла «барашком». Им обоим молва приписывала любовные отношения с королевой, хотя, скорее всего, дело ограничилось легким флиртом. Любовь все чаще уступала политике, и место у трона занимали отважные авантюристы или ловкие шпионы. К числу последних принадлежал Фрэнсис Уолсингем, ставший в 1572 году государственным секретарем. Этот небогатый дворянин из Глостершира стал создателем английской секретной службы, эффективно раскрывавшей все заговоры врагов королевы.

А заговоры следовали один за другим. В 1571 году граф Норфолк затеял очередную смуту, которая оказалась для него последней — в июле следующего года «северный лис» был казнен. Испанцы и французы продолжали предоставлять или, по крайней мере, обещать помощь заговорщикам. В ответ англичане взялись помогать протестантам во Франции, раздираемой религиозными войнами, и восставшим против Испании жителям Нидерландов. К счастью для Елизаветы, ее противники не ладили друг с другом — брат французского короля герцог Франциск Алансонский ввязался в нидерландские события, надеясь стать правителем этой богатой страны. В 1578 году герцог решил подкрепить свои притязания женитьбой на английской королеве. В следующем году был составлен брачный контракт, а специально созванный конси-

лиум врачей объявил, что невеста здорова и готова произвести на свет наследника. Алансон добивался брака в политических целях, но зачем он был нужен Елизавете? Она соглашалась на самые невероятные условия — например, на объявление Франциска английским королем или на сохранение им католической веры. Поневоле кажется, что королева по-женски хваталась за последний шанс выйти замуж, предоставленный ей судьбой.

Посол Алансона Симье щедро раздавал взятки английским лордам, добиваясь от них согласия на брак. Когда он с Елизаветой катались на лодке по Темзе, выстрел с берега ранил матроса. Стрелявших не нашли, но, возможно, они были наняты тем же Симье, чтобы показать королеве — ее может защитить только сильная мужская рука. Вскоре француз пустил в ход «тяжелую артиллерию», доложив королеве о тайном браке Лестера с Летицией Ноллис. Елизавета была взбешена и велела заключить бывшего любимца в Гринвичский замок. Приготовления к свадьбе ускорились, и в августе Алансон прибыл в Лондон. Похоже, внешность царственной невесты его не обрадовала — он всячески оттягивал женитьбу, выпрашивая у Елизаветы деньги на войну в Нидерландах. Герцог прожил в Англии почти три года, пока королеве самой не опостылело затянувшееся сватовство. По слухам, ее галантный поклонник тратил казенные деньги не только на военные нужды, но и на услуги лондонских шлюх, одна из которых наградила его дурной болезнью. Состоялось бурное объяснение, и в феврале 1582 года герцог отплыл во Францию, чтобы спустя два года скончаться от дизентерии в военном лагере. Елизавета проводила его печальными стихами — ей казалось, что с ним уплывает последняя надежда на счастье.

Между тем Испания вела себя все более агрессивно. Она высаживала военные отряды в Ирландии для помощи местным католикам и готовилась к вторжению в саму Англию. Королю Филиппу II это казалось не только путем к искоренению ереси во владениях его бывшей супруги, но и единственным способом подавления восстания в Нидерландах. На испанские деньги велось обучение монахов-иезуитов, которых засылали в Англию, чтобы подстрекать народ против протестантов. В 1579 году папа издал буллу, призывавшую подданных Ели-

заветы не подчиняться ей как еретичке и клятвопреступнице. Множилось число католиков-нонконформистов, и многие из них были готовы избавить Англию от царства «коронованной Иезавели». Власть отвечала на это привычным способом — репрессиями. Летом 1580 года были приняты законы против католиков, грозившие нонконформистам тюрьмой и крупными штрафами. В том же году начались казни священников и монахов, обвиненных в заговоре против престола. Положение власти было довольно ненадежным, если учесть, что большинство англичан в то время еще были католиками и даже половина королевских пэров принадлежала к этой гонимой конфессии.

Но главным врагом королева считала Испанию, имевшую громадные колониальные владения и могучий флот. Для борьбы с ней следовало избрать то же оружие, и в 1580-е годы на верфях в Портсмуте и Саутгемптоне началось строительство новых кораблей. Испанцы получали золото и серебро из Америки, и Елизавета одобрила действия пиратов, грабивших их флотилии. Первым «королевским пиратом» стал Фрэнсис Дрейк, чья «Золотая лань» явилась в Плимут в сентябре 1580-го с полными трюмами золота, совершив кругосветное путешествие. На палубе корабля королева пожаловала отважному пирату рыцарский титул. За Дрейком последовали и другие; порой, увлекаясь, они грабили и английские суда, но куда больший урон наносили испанцам. На островах Карибского моря «джентльмены удачи» строили форты, над которыми развевался английский флаг, — так закладывались основы великой колониальной империи.

Почти ежегодно королева даровала хартии новым купеческим компаниям, основанным для торговли с далекими странами. Среди них были Московская компания, чьи корабли бороздили закованную льдом Арктику, и Ост-Индская, сыгравшая позже ведущую роль в завоевании «жемчужины короны» — Индии. Всего за два десятилетия английское влияние распространилось едва ли не на все уголки мира, и современники ставили это в заслугу Елизавете. Действительно, королева неизменно поддерживала авантюры купцов и пиратов, которых было порой затруднительно отличить друг от друга. Одной из главных причин было то, что солидный процент от

их добычи пополнял казну. Елизавета видела выгоду и в приобретении новых колоний, на котором настаивали ее фаворит Уолтер Рэли и его брат Гилберт. С легкой руки Рэли в Северной Америке в 1586 году была основана первая английская колония, названная Виргинией в честь королевы-девственницы.

В Европе дела англичан шли менее удачно. В декабре 1585 года английский флот из пятидесяти кораблей высадился в Нидерландах для поддержки местных протестантов. Им командовал граф Лестер, на старости лет получивший шанс отличиться на войне. Увы, ветеран паркетных битв оказался никуда не годным полководцем — он потерял время, пока испанцы накапливали силы, провел несколько бесплодных боев и год спустя вернулся в Англию ни с чем. Вдобавок он позволил провозгласить себя правителем Нидерландов, что привело Елизавету в ярость. Англии не нужны никакие правители, кроме нее, и уж не метит ли «милый Робин» на ее трон, как это уже было однажды?

Католики продолжали устраивать заговоры против королевы, и тайная полиция Уолсингема свирепствовала вовсю. В Лондоне регулярно проводились облавы, в ходе которых всех подозрительных отправляли в тюрьму, а особенно невезучих — на казнь. На площадях регулярно появлялись новые виселицы, а на Лондонском мосту — колья с насаженными на них головами. В октябре 1584 года были повешены сразу 18 человек, включая двух женщин и двух подростков. Однако число подлинных и мнимых заговорщиков не уменьшалось. Среди них был даже член парламента Уильям Пэрри, который хотел заколоть королеву во время приема, но в последний момент струсил и отказался от своего намерения. Это не помогло — его все равно казнили. Многие злоумышленники действовали от имени Марии Стюарт, и Уолсингем подстроил шотландской королеве западню, чтобы раз и навсегда избавиться от нее. Его агенты, внедрившись в ряды заговорщиков, упростили Марию подписать письменное согласие на убийство Елизаветы. Эту бумагу предъявили королеве, которая после долгих раздумий подписала смертный приговор сопернице. 8 февраля 1587 года Мария Стюарт была обезглавлена в замке Фотерингей.

Если прежде враги королевы еще могли рассчитывать на внутренний переворот в Англии, то теперь у них осталась одна надежда — внешнее вторжение. Словно отвечая их чаяниям, Филипп II в марте 1587-го начал собирать в испанских портах громадную эскадру для похода на Англию. В состав Непобедимой армады входило около 130 кораблей, включая 27 больших галеонов, на борту которых размещалось 30 тысяч солдат и матросов. Англичане не смотрели на сбор испанских сил безучастно — уже через месяц отважный Дрейк устроил налет на Кадисскую бухту и уничтожил десятки кораблей будущей армады и весь ее провиант. Однако приготовления шли своим чередом, и 12 июля 1588 года крупнейший в европейской истории парусный флот двинулся в путь.

В Англии ходили слухи, что враги собираются уничтожить все взрослое население страны, а младенцев передать на воспитание матерям-католичкам. Но англичане не замерли в ужасе — угроза вторжения, как не раз бывало в истории, вызвала у них мощный патриотический подъем. Купцы Лондона и других городов снарядили больше сотни военных кораблей, снабдив их оружием и боеприпасами. Во всех графствах собирались отряды ополчения, население приморских районов днем и ночью дежурило на берегу. В этой обстановке католиков начали воспринимать как вольных или невольных агентов врага. За четыре месяца были осуждены на смерть сорок католиков, а многих толпа растерзала без суда. Филипп, думая защитить дело католицизма в Англии, нанес ему смертельный удар.

Какое-то время королева медлила, не предпринимая никаких действий по координации отпора врагу. Лишь под давлением Дрейка и других командиров она издала указ о соединении добровольцев в единую армию, которую возглавил граф Лестер. 8 августа Елизавета лично прибыла в городок Тилбери, где располагался штаб английских сил обороны. Там она произнесла перед солдатами и собравшимся населением речь, которую до сих пор цитируют английские учебники истории. «Я выгляжу слабой и хрупкой женщиной, — говорила королева, — но у меня сердце и дух короля Англии, и я с презрением думаю о любом государе, который отважится нарушить границы моего королевства. Клянусь честью, что, защищая его,

я сама возьмусь за оружие, сама стану и вашим военачальником и вашим судьей, и тем, кто по достоинству оценит вашу доблесть в бою». Последняя фраза была особенно своевременной: жалование войску постоянно задерживалось. Наскоро собранные на юге Англии силы отчаянно нуждались в продовольствии и боеприпасах; на некоторых кораблях от голода умерла половина команды.

Тем временем об испанской армаде не было ни слуху ни духу. Позже оказалось, что громадное скопление кораблей курсировало вдоль побережья, выискивая удобное место для высадки и не находя его. Английские корабли и бури попеременно наносили удары по испанцам, причиняя им существенный урон. Так армада добралась до Северной Шотландии, где у нее начали иссякать порох и провиант. Обогнув остров, эскадра направилась на юг, где попала в сильнейший шторм. Побережье Ирландии было усеяно обломками и трупами утонувших испанцев. На обратном пути английские моряки продолжали наносить врагу удары, и в конце сентября в Лиссабон вернулись жалкие остатки армады — 54 корабля. По случаю победы королева велела отчеканить медаль с латинской надписью «*Adflavit Deus et dissipate sunt*» (Дунул Бог — и они рассеялись).

Долговременный эффект испанского поражения был велик — именно с этого момента начался упадок морского могущества великой католической державы. Однако сразу после событий 1588 года Испания даже окрепла. Наказав виновных в плохой организации похода, король Филипп улучшил организацию и вооружение флота. Кроме того, он помирился с Францией, и теперь испанцы создавали базы у английских берегов, готовясь к новому вторжению. Королеве омрачала победу и утрата графа Лестера, умершего от лихорадки 4 сентября. На протяжении многих лет они ссорились и мирились, оставаясь при этом близкими людьми. Неизвестно, существовали ли между ними любовные отношения, но не вызывает сомнений, что «милый Робин» был тем, кто лучше всех понимал Елизавету и скрашивал ее одиночество в полном людях дворце.

При дворе, казалось, все шло по-прежнему. Королева также раздавала пощечины служанкам, изобретала новые наря-

ды и кокетничала с молодыми фаворитами, которые расточали ей комплименты. Однако за этим фасадом скрывалась напряженная работа по поддержанию в исправности государственного механизма, кряхтящего от перегрузок. Придворные и иностранные послы, оставившие мемуары, видели Елизавету на балах и приемах, но редко допускались в кабинет, где она не менее четырех часов ежедневно трудилась над бумагами. Силы ее убывали, а требующих разрешения вопросов становилось все больше. Время средневековых монархов, вникавших во все дела управления, безвозвратно уходило в прошлое. Понимая это, Елизавета формировала новый аппарат управления — при высших сановниках создавались учреждения наподобие современных министерств.

После победы над армадой страна получила возможность вздохнуть свободнее. Теперь можно было распустить армию, ликвидировать посты берегового наблюдения, сократить штат секретной службы. Собравшийся в феврале 1589 года парламент до минимума сократил налоги на ближайшие четыре года, поскольку измученному населению все равно было нечем платить. Королева пыталась наполнить казну с помощью «королевских пиратов», но попытка оказалась тщетной. Испанские золотые караваны охранялись теперь гораздо лучше, и Дрейку уже не удалось повторить свои былые успехи. В январе 1596 года старый морской волк умер в Пуэрто-Бельо во время последнего морского похода.

Уходили и другие приближенные королевы. В 1586 году скончался Уолсингем, оставив после себя лучшую в Европе службу разведки. Дряхлый Сесил ушел на покой, уступив место своему сыну Роберту, который стал в 1596-м главным советником королевы, унаследовав отцовскую вражду к партии графа Лестера. Тот незадолго до смерти определил на придворную службу своего приемного сына — Роберта Девере. Этот красивый и храбрый юноша впервые оказался при дворе в 1587-м, когда ему было семнадцать лет, и сразу обратил на себя внимание королевы. Елизавета всегда любила таких молодых людей, в которых пылкость воина сочеталась с поэтической душой. Долгое время Роберт воевал во Франции и Нидерландах, затем вернулся в Лондон и в 1593-м был назначен членом королевского совета, получив вскоре титул графа Эс-

секса. Влияние его росло, и скоро отец и сын Сесилы, решив окоротить выскочку, принялись настраивать против него королеву.

Но было поздно — Елизавета влюбилась. Эссекс, как истинный поэт, осыпал свою государыню изысканными комплиментами. «Самая прекрасная, дорогая, великолепная госпожа! — писал он ей. — Пока Ваше Величество дарит меня правом говорить о своей любви, любовь эта остается главным моим, ни с чем не сравнимым богатством. Лишившись этого права, я сочту, что жизнь моя окончена, но любовь пребудет вовеки». Королева с удовольствием выслушивала эти комплименты и вела себя с новым обожателем так же вольно, как когда-то с Лестером. Но она уже не была юной влюбленной девицей и не собиралась чрезмерно возвышать своего фаворита. Не меньше его она ценила его соперников — всезнающего горбуна Роберта Сесила и «пирата-джентльмена» Уолтера Рэли. Что касается, самого Эссекса, то он, вероятнее всего, был очарован царственным блеском Елизаветы, но не ее женским обаянием, от которого мало что осталось. Об отсутствии у него подлинно глубоких чувств говорит и то, что, расточая знаки внимания королеве, он тайно женился на вдове своего друга — погибшего в Нидерландах юного поэта Филиппа Сидни.

Борьба партий у трона стареющей королевы все более обострялась. Одно время на первые роли претендовал Рэли, добившийся расположения Елизаветы эффектным жестом — когда ей понадобилось перейти через лужу, он бросил ей под ноги свой роскошный плащ. Рэли совмещал в себе многие таланты — смелого воина, блестящего кавалера, автора прекрасных сонетов. Не чужд он был и писательству, оставив после себя философские эссе и незавершенную «Всемирную историю». Вокруг него объединился кружок вольнодумцев, в который входили драматург Кристофер Марло и знаменитый астролог Джон Ди. Очарованная королева пожаловала Рэли оловянные рудники в Корнуолле, сделала его вице-адмиралом флота. Он в ответ познакомил ее, а заодно и всю Европу с невиданным развлечением — курением привезенного из Америки табака. Карьеру Рэли, как и многих придворных Елизаветы, погубила женщина — в 1591 году он тайно женился на фрейлине Элизабет Трогмортон, после чего попал в опалу. В сле-

дующем году былой любимец оказался в Тауэре, и, хотя позже королева простила его, прежнего влияния он уже никогда не достиг.

В 1594 году Эссекс объявил, что раскрыл заговор против королевы, в котором участвовали испанские эмиссары и личный врач Елизаветы — испанский еврей Руй Лопес. Ни оба Сесила, ни сама королева не верили наговорам фаворита, но он добился ареста и казни несчастного эскулапа. После этого Эссексу поручили возглавить морской рейд на Кадис, который он блистательно провалил. По возвращении Елизавета потребовала от него отчета и в ответ на сбивчивые объяснения отхлестала по щекам. Оскорбленный граф схватился за шпагу и был с позором вытолкан из дворца. Сесилы торжествовали, но привязанность королевы оказалась слишком велика — после смерти старого графа Берли фаворит вновь занял свое место у трона.

В 90-е годы Англию поразил жестокий неурожай. Добываемые деньги на войну, власти ввели торговые монополии, больно ударившие по карману практически всех жителей страны. Целые графства голодали, но королевские служители взыскивали налоги до последнего цента. Религиозный конфликт закрыл для англичан рынки почти всех стран Европы, а их союзники-голландцы по иронии судьбы оказались главными торговыми соперниками Англии. Сукно, которое прежде было главным экспортным товаром, теперь гнило на приморских складах, а ткачи и суконщики становились нищими. Война пожирала все больше средств, и сама королева была вынуждена продать на переплавку часть регалий своих предков. Военные действия на суше и море шли вяло, и скорой победы ждать не приходилось. В 1598 году умер король Филипп, но его сын не стал заключать мира. Непокойно было и в Ирландии, где подняли восстание два представителя англо-ирландской знати — графы Тирон и Тирконнел. В 1597 году им на помощь пришли три испанских корабля с солдатами, что грозило англичанам скорой потерей «зеленого острова».

Елизаветинская государственная машина все чаще давала сбои. Лорды, назначенные на высокие посты по протекции, проявляли вопиющую некомпетентность или вообще устранились от дел. Чиновники помельче погрязли в коррупции, судьи решали дела за взятки. Царствование, начавшееся

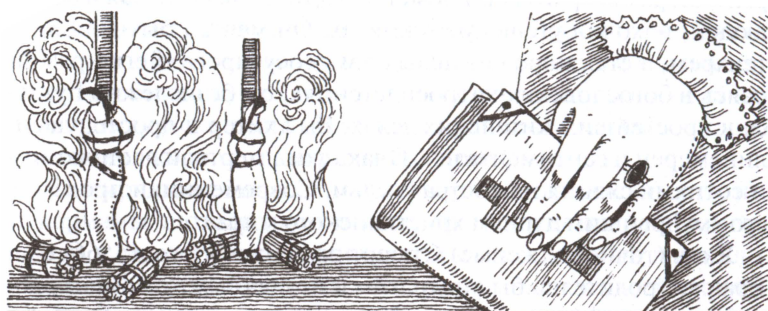
под лозунгами мира и справедливости, завершалось в обстановке войны и беззакония. Все больше людей желали, чтобы страной правила не старая королева, а энергичный молодой человек, и таким человеком мог быть только Эссекс. Его все больше бесило засилье старых сановников, мешавших осуществлению его грандиозных планов. По его настоянию Елизавета весной 1599 года отправила его в Ирландию подавлять восстание. Через полгода Эссекс вернулся ни с чем, потеряв четверть своего войска, и был отдан под суд за то, что осмелился вступить в переговоры с лидерами мятежников. После этого его любовь к королеве превратилась в ненависть, и он начал готовить мятеж в Лондоне. С помощью друзей-гвардейцев он собирался захватить дворец и свергнуть королеву, но секретная служба вовремя узнала об этих планах. В феврале 1601-го Эссекс, узнав о провале заговора, призвал лондонскую чернь к восстанию, но за ним пошла лишь жалкая кучка сторонников. После короткого боя граф был схвачен и казнен 25 февраля.

За кризисом последовало затишье, в ходе которого придворные интенсивно искали преемника Елизаветы. Самым вероятным кандидатом был сын Марии Стюарт, шотландский король Яков VI, и английские лорды принялись обхаживать его так же, как саму Елизавету, когда ей предстояло сместить на троне сестру. Это раздражало королеву, заставляя ее повторять: «Мертва, но еще не погребена». «Я пережила свое время», — говорила она с горечью. Итог своему царствованию она подвела в последней речи перед парламентом, произнесенной в Уайтхолле в октябре 1601 года. Тогда она сказала: «На том месте, что я сейчас занимаю, никогда не появится тот, кто более предан стране и ее гражданам, чем я, кто с такой же готовностью отдаст жизнь за ее безопасность и процветание. Жизнь и царствование имеют для меня цену только до тех пор, пока я служу благу народа».

В сентябре 1602 года королеве исполнилось шестьдесят девять лет — возраст, до которого в то время доживали немногие. Она исхудала и страдала болями во всем теле, но по привычке бодрилась — гуляла по Хэмптон-Кортскому парку, ездила верхом и пыталась работать с документами, хотя слепнувшие глаза с трудом различали буквы. Во время рождественских празд-

ников она простудилась, а за время долгого пути в Ричмонд, где двор собирался провести зиму, простуда перешла в бронхит. С тех пор она уже не вставала — сидела в постели, опершись на подушки, и упорно отказывалась умирать. Доктора сумели остановить развитие болезни, но уже не могли вылечить дряхлое тело. Королева почти ничего не ела и не говорила ни с кем, общаясь при помощи жестов. 21 марта она уже не могла шевельнуть рукой, и только тогда слуги решились раздеть ее и уложить в постель. Вечером 23 марта Елизавета уснула. Около трех часов утра из ее покоев вышел капеллан Пэрри со словами: «Все кончено».

Теперь английским королем впервые должен был стать шотландец — 37-летний Яков. Не захочет ли он отомстить за кровь своей матери и за все беды, что Англия причинила его родине? Не решит ли ввести в новых владениях шотландское пресвитерианство или вообще восстановить папистскую веру? Не запьют ли на Темзе костры ведьм, уже много лет горящие на берегах Твида и Клайда? Эти вопросы волновали многих британцев. 14 апреля 1603 года, когда на окраине Лондона показалась торжественная процессия нового монарха, страна застыла в тревожном ожидании.

В 1591 году 25-летнему Якову VI, королю шотландцев, доложили о раскрытии очередного заговора против него. Заговоры давно уже не удивляли монарха, как и имя заговорщика — Фрэнсис Стюарт, граф Босуэлл. Его дядя был когда-то любовником, а затем и мужем несчастной матушки короля, Марии Стюарт. Был он и убийцей отца короля — графа Дарнли. Теперь племянник добирался и до его, Якова, горла. И чего им надо, этим шотландцам? Сами погрязли в нищете и суевериях и еще все время пытаются извести своих законных государей. И ладно еще привычными способами — мечом, ядом, даже взрывом пороха, как беднягу Дарнли. Но на сей раз дело было совершенно неслыханным. С белым, как стена, лицом король выслушивал признания обвиняемых; по приказанию Босуэлла они сделали из воска фигурку короля и истыкали ее иглами, чтобы вызвать болезни и скорую смерть. Чтобы дело шло успешнее, читали колдовские заклинания, чертили пентаграммы. Более того — вызвали самого дьявола, и тот лично побуждал их покончить с Яковом, которого называл (почему-то по-французски) «своим врагом, главным на целом свете». Дьявол! Вот кто сто-

ит за всеми заговорами и за всем злом в мире. И король будет бороться с дьяволом из последних сил — огнем, мечом и мудрым словом.

Вся жизнь Якова I прошла в борьбе с двумя этими угрозами — заговорами и дьяволом. Их он видел всюду и считал неотделимыми друг от друга. Не будучи ни сильным, ни храбрым, он разил врагов при помощи чернил. Не понимая и боясь людей, находил утешение в книгах. Он мечтал быть библиотекарем, а стал королем целых двух государств. Легко разбираясь в богословских хитросплетениях, он безнадежно путался в простейших житейских делах. Был хитер и простодушен, лицемерен и сентиментален. Плакал над мертвой ласточкой — и сотнями сжигал на кострах ведьм. Современники прозвали его «мудрейшим дурнем христианского мира».

Яков (точнее, Джеймс) Стюарт родился 19 июня 1566 года. Брак его родителей был недолгим и неудачным; к моменту рождения сына Мария и Генри ненавидели друг друга. Они оба были молоды, самолюбивы, влюбчивы, но граф Дарнли был еще и мужчиной и не упускал случая напомнить об этом жене. Сначала были просто ссоры, а потом граф со своими слугами на глазах у жены зарезал ее секретаря Давида Риччо, посчитав их отношения чрезмерно близкими. Однако ветреная Мария быстро нашла нового фаворита — графа Босуэлла. То ли с ее согласия, то ли по своей инициативе этот решительный человек заложил две бочки пороха под дом, где Дарнли выздоравливал после оспы. Маленький Яков остался без отца, а скоро лишился и матери. Не выждав и трех месяцев после смерти мужа, Мария вышла замуж за Босуэлла. Это переполнило чашу терпения шотландских лордов и протестантских проповедников, которых и прежде возмущала пышность нарядов королевы-католички. 24 июля 1567 года совет знати вынудил Марию отречься и бежать через границу в Англию, где ее ждали девятнадцать лет тюрьмы и плаха в замке Фотерингей.

Годовалый король-сирота был поручен заботам графа и графини Мар. Но реальная власть в королевстве оказалась в руках коварного и властного графа Меррея, сводного брата Марии. Не менее могущественным был рыжий Дуглас, граф Мортон; это он на коронации Якова выразил надежду, что король будет «соблюдать законы и установления, принятые издавна, и вы-

корчевывать все ереси, враждебные истинной вере». Под истинной верой подразумевался кальвинизм, утвердившийся в Шотландии в середине XVI века. Между этими двумя силами — феодальной знатью и фанатиками-протестантами — Яков балансировал всю жизнь. Через три года регент Меррей был убит; потом такая же судьба постигла его преемника Леннокса. Умер (как многие думали — от яда) и граф Мар, и воспитание Якова перешло к его брату Эрскину. В августе 1571 года короля зачем-то принесли в парламент и усадили за стол. Ему было скучно, и он глядел по сторонам, пока не обнаружил дыру в скатерти. «В вашем парламенте дырка!» — громко объявил король, сконфузив сидящих рядом лордов.

Но дырявыми были не только парламентская скатерть, но и карманы шотландцев, и государственная казна. Единая власть в стране фактически отсутствовала; каждый лорд или клановый вождь полновластно хозяйничали в своей округе. Вдобавок они вели между собой постоянные войны за власть, за лучшие пастбища, а то и просто из-за вековой вражды. Новая причина для войн возникла после Реформации, когда одни феодалы остались католиками, другие сделались умеренными протестантами, а третьи — пресвитерианами, которые выступали против епископов и монахов и под шумок завладели большей частью церковных земель. Воспитатель короля Бьюкенен с полным правом называл лордов «чинителями разбоя и возмутителями мятежа, погрязшими в ненасытной похоти и неутомимой гордыне, неверными в клятве, не знающими жалости к низшим и уважения к высшим, в мире желавшими бедствий, на войне жаждущими крови».

Джордж Бьюкенен, яростный враг Марии и всех католиков, стал первым учителем короля. Он не особенно стеснялся в методах воспитания и часто пускал в ход розгу. Добрая графиня Мар как-то упрекнула его в том, что он лупит помазанника Божия. «Я бью не его, а его зад, — отозвался не стеснявшийся в выражениях Бьюкенен. — Можете целовать его, если хотите». Уроки легли на благодатную почву — уже в десять лет прилежный и памятный Яков мог «с ходу перевести главу из Библии с латыни на французский, а с французского на английский». Бьюкенен прививал ученику и собственные политические взгляды: король должен быть слугой «народа»,

то есть благонаправных граждан, посещавших протестантские «кирки». В протестантизме слабая королевская власть могла найти союзника в борьбе с жестокими и продажными лордами, которые полностью контролировали государственный аппарат. Взамен король обязан помогать протестантам бороться с теми, кто все еще подвержен «пагубному лжеучению» католичества. Пока же лорды с их родичами и слугами и протестантские проповедники с их паствой составляли две непримиримые партии, грозившие в любой момент разорвать страну надвое. Только авторитет власти и твердое управление могли соединить эти две Шотландии. Сменявшие друг друга регенты пытались править решительно, но кончалось это всегда одинаково — их смертью. В марте 1578 года, после очередной кровавой смуты, 12-летний король был объявлен полновластным правителем, но на деле власть осталась в руках регента Мортон.

Противоречивой была не только внутренняя, но и внешняя политика Шотландии. Длительный союз с Францией был прерван, когда регенты Меррей и Мортон взяли открыто проводить проанглийскую политику. Но французская партия не дремала — ее глава Эсме Стюарт на деньги Гизов подкупил лордов и добился ареста и казни Мортон по давнему обвинению в убийстве Дарнли. После этого Эсме сделался герцогом Ленноксом и фактическим правителем, а его родич и союзник Джеймс Стюарт получил титул графа Арранского. Эсме для виду принял протестантство, но все знали о его католических симпатиях. В 1582 году он добился от короля назначения своего ставленника Монтгомери епископом Глазго; протестанты, не желавшие никаких епископов, подняли бунт и привлекли на свою сторону нескольких лордов. В августе король был схвачен графом Гоури в одном из замков; с ним обращались уважительно, но вынудили подписать указ об отстранении обоих Стюартов от власти. Эсме спас свою жизнь лишь поспешным бегством в Париж.

Якову тогда шел семнадцатый год. С детства привыкший к придворным интригам, он вырос осторожным, упрямым и подозрительным. По мере сил он старался продолжать политику Меррея и Мортон: с одной стороны, держать в повиновении лордов и протестантских проповедников, соря их

между собой, а с другой — поддерживать тесные отношения с Англией, лелея мечту о наследовании трона после бездетной Елизаветы. Король не обращал внимания на то, что королева-девственница держала в заточении его мать, и видел в этом лишь удобный повод для политического торга. С детства его убедили, что Мария — заблудшая женщина, убийца его отца. Впрочем, был ли Дарнли его отцом? Когда Генриху IV Бурбону рассказали об уникальной учености шотландского монарха, этот остряк заметил: «О, его поистине можно назвать новым Соломоном. Он ведь тоже сын Давида». Генрих намекал на происхождение Якова от любовника Марии, итальянского музыканта Давида Риччо. Однако внешне король был типичным Стюартом — узкое лицо, длинный, с горбинкой нос, большие, чуть навывкате глаза. Он был высок, отличался хилым телосложением и часто болел, хоть и проявлял недожизнную выносливость — часами стоял на молитве и целыми днями охотился. Охота наряду с учеными штудиями была главным развлечением молодого короля; и кони, и гончие были подарены ему Елизаветой.

Яков был необычайно терпелив для монарха. Пока его враги истребляли друг друга, он прятался в Холирудском дворце и ждал своего часа. Терпение помогло ему одолеть и грубую силу лордов, и пылкое красноречие протестантов. Впрочем, последним было трудно его упрекнуть — в юности личная жизнь короля была безупречной. Он не плодил незаконных детей, как все прочие Стюарты, и вообще боялся женщин. Боялся он и многого другого: бледнел при виде обнаженного клинка, прятался под кровать во время грозы. До сих пор непонятно, чем объяснялись многие его поступки — страхом или холодным политическим расчетом. По одной из этих причин он отрекся от Мортонна, а потом и от герцога Леннокса, когда мятежные лорды заперли его в замке Фолкленд. Жизни короля пока ничто не угрожало, но проповедники во главе с Эндрю Мелвиллом уже начали атаку на него, обвиняя в католических симпатиях. «Уликой» стали шесть великолепных жеребцов, которых Якову прислал вождь французской Католической лиги герцог Гиз. Королю пришлось еще раз торжественно поклясться в верности протестантизму (однако жеребцов он так и не вернул). В июне 1583 года он сумел бежать из

Фолкленда к лордам, враждебным группировке Гоури. Однако те в свою очередь сделали Якова своим заложником и вынудили его восстановить связи с Францией. Гоури и его соратники бежали в Англию, а проповедника Мелвилла заключили в замок Блэкнесс.

К власти снова вернулся граф Арран. По его совету Яков написал папе, прося его помощи против Елизаветы. При этом король не допускал и намека на перемену религии и был, как всегда, осторожен. Арран всячески побуждал его заниматься охотой и другими развлечениями вместо политики и принимал за него все решения. Граф сделался первым из тех фаворитов, роковая зависимость от которых всю жизнь портила репутацию Якова и заставляла его принимать непопулярные решения. Каприз очередного любимца часто значил для короля больше, чем вся его тщательно продуманная политика. Аррану он не помешал заманить графа Гоури в Шотландию и казнить его.

Превосходный портрет Якова оставил Фонтене, французский посланник при его дворе: «Он поразительно умен, но при этом полон горделивых амбиций и имеет чрезвычайно высокое мнение о себе. Помня преступления, среди которых он вырос, он послушен могущественным лордам и редко осмеливается противоречить им; он особенно боится выглядеть смелым и решительным... Он не любит танцев, музыки, вольных разговоров, пышных нарядов и всех придворных забав... Он говорит, ест, одевается и ведет себя как настоящий мужлан, независимо от присутствия дам. Он ни минуты не сидит на месте, а непрестанно ходит по комнате взад и вперед; ходит он неуклюже, вразвалку, говорит громко и отрывочно. Охоту он предпочитает всем другим занятиям и способен шесть часов провести на коне... Тело у него хилое, но не нежное; его можно назвать молодым стариком... Он полон самомнения и часто недооценивает других государей. Подданных он злит неуважительными и жестокими поступками. Он ленив, беззаботен и чересчур предан удовольствиям, прежде всего охоте, предоставляя дела Аррану, Монтрозу и своему секретарю... Он сам сказал мне, что, несмотря на это, не упускает из виду все происходящее и позволяет себе уделять столько времени охоте лишь потому, что может за час сделать больше, чем другие за день».

Тем временем на короля надвигались новые испытания. У него не хватало сил, чтобы удержать у власти Аррана, против которого объединились и лорды, и проповедники. Логика событий подталкивала Якова к союзу с противниками как Аррана, так и его матери. В то время вся Европа разделилась на два лагеря, которые на Британских островах представляли Елизавета и Мария. Последняя пыталась сделать сына орудием своих планов, воздействуя на него вначале через Леннокса, потом через Аррана. Но осторожный и эгоистичный Яков думал только о сохранении власти и о заветном английском троне. Мать, которую он не помнил, казалась ему лишь досадной помехой. Он завязал тайные переговоры с Елизаветой и в апреле 1585 года заключил с ней соглашение через английского посла Эдварда Уоттона. За пять тысяч фунтов в год Яков обязался вступить в союз с Елизаветой против всех ее врагов.

Однако вместе с деньгами король получил и новые заботы. Вскоре шотландские лорды совершили набег на Англию; Уоттон тут же обвинил в этом Аррана и потребовал его отставки. Якову пришлось сделать окончательный выбор между Англией и Францией, между протестантизмом и католической партией. С обычной предусмотрительностью он выбрал первое. В июле была создана уже официальная «протестантская лига» Англии и Шотландии. Арран был уволен; король сохранил привязанность к нему и пытался удержать при дворе, но свергнутый фаворит помнил печальный конец своих предшественников и предпочел бежать во Францию. Взамен из Англии вернулись мятежные лорды из партии Гоури — 4 ноября в Стирлинге они поклялись в верности королю вместе с восемью тысячами своих приверженцев.

2 июля 1586 года в Бервике был подписан новый договор двух королевств. Посobie Якову сокращалось до четырех тысяч фунтов, зато Елизавета в чрезвычайно туманных выражениях обещала воздержаться от любых шагов, «могущих ущемить наследственные права Его величества, кроме как в случае неблагодарных поступков с его стороны». Это соглашение вело к окончательному разрыву короля с матерью и ее католическими союзниками. В мае Мария из тюрьмы лишила сына наследства и завещала свои владения Филиппу Испанскому. Однако это не имело никаких последствий и лишь ускорило

развязку затянувшейся драмы. После раскрытия католического заговора Бабингтона завешание Марии попало в руки Елизаветы, которая тут же передала его Якову. Притворившись обиженным, тот заявил, что «из соображений чести не может не заботиться о сохранении жизни матери», однако не собирается вмешиваться в дела правосудия. «Правосудие» оказалось оперативным: в октябре Марии был вынесен смертный приговор.

Яков направил в Англию своих доверенных лиц Грея и Мелвилла, наказав им попытаться спасти королеву, но в то же время вести себя чрезвычайно осторожно и ни в коем случае не угрожать. Елизавета отлично понимала, что никаких действий со стороны короля не последует, и даже отказалась принять шотландских послов. 8 февраля следующего года Мария была казнена. Неблагодарное поведение Якова вызвало возмущение многих, однако мало кто в Шотландии жалел королеву. Протестанты открыто радовались ее смерти и даже не позволяли молиться за упокой ее души. Лишь по личному приказу короля епископ Сент-Эндрюса смог войти в свою церковь. Правда, король попытался сохранить лицо, сделав козлом отпущения ни в чем не виноватого Грея. Его обвинили в том, что он чуть ли не ускорил вынесение смертного приговора, и приговорили к смерти; правда, король заменил приговор изгнанием.

В июне Яков торжественно отпраздновал свой 21-й день рождения. Эту дату он решил использовать для прекращения бесконечных ссор между лордами и уговорил злейших врагов пройти по улицам Эдинбурга рука об руку. Тогда же было принято решение о возвращении короне всех земель, захваченных феодалами за время малолетства короля. Все это не могло не вызвать недовольства привыкших к безвластию лордов. Часть из них встала под знамена католиков, воодушевленных военными приготовлениями Испании. Летом 1588 года, когда к британским берегам приближалась испанская «Непобедимая армада», лорды Хантли и Максвелл восстали и потребовали от короля смены курса. Однако Яков проявил необычную решительность; он с войском выступил против Максвелла и вынудил того сдаться. В это время армада была разгромлена, едва успев доплыть до английских берегов, что пресекло дальнейшие заговоры шотландской знати.

Яков в мечтах уже видел себя королем Англии и решил обеспечить наследование трона. Еще в 1585 году начались переговоры о его браке с Анной, средней дочерью короля Дании. При помощи Елизаветы в 1589 году брак был одобрен договором, и невесту уже отправили морем в Шотландию, но шторм отнес корабль в Осло. Нетерпеливый Яков отплыл туда, и 23 ноября наконец состоялась скромная свадьба. Анна была первой женщиной в жизни робкого и нелюдимого короля; он ждал свадьбы с нетерпением и некоторым испугом и писал невесте романтические письма, обращаясь к ней «мой ангел». На самом деле Анна была обычной принцессой — в меру образованной, любившей танцы, наряды и сплетни. Ей мало подходили мрачный и бедный шотландский двор и супруг-книголюб, уделявший ей куда меньше внимания, чем охоте и богословским штудиям. К тому же он обращался с ней так же грубо, как и со всеми, и проявлял излишнюю склонность к выпивке. Это проявилось еще в Дании, где молодые пробыли целую зиму. Один из спутников Якова писал домой: «Наш король с толком провел время и пил до самой весны». В супружестве Анна родила шестерых детей, из которых до совершеннолетия дожили лишь двое — будущий король Карл I и его сестра Элизабет. Королева утешалась путешествиями и заботой о бедных; молва настойчиво приписывала ей супружескую неверность, но, скорее всего, ее увлечения не выходили за пределы легкого флирта с красивыми юношами, которыми Яков окружал себя.

Женитьба короля неожиданно снова пробудила в нем страх перед дьяволом и спровоцировала первое из многих судилищ над ведьмами, которыми было отмечено его царствование. В 1590 году в Норз-Бервике были арестованы несколько женщин, которых обвинили в том, что они посредством колдовства пытались утопить королевский корабль по пути в Норвегию. Ведьмы якобы вызывали бури, плавая по морю в решете или бросая в воду предварительно окрещенного кота, к лапам которого привязывали конечности мертвецов. Король был потрясен, когда одна из обвиняемых, Агнесса Симпсон, пересказала ему слова, которыми он обменялся с женой в первую брачную ночь в Осло. Он и прежде верил в колдовство, а эта история окончательно убедила его в том, что все вокруг кишит

слугами Сатаны. Были арестованы еще множество предполагаемых колдунов и ведьм, в том числе дочь лорда Юфимия Маклин и злосчастный граф Босуэлл. Последнему, правда, удалось бежать, но остальные были сожжены.

Король пришел в такую ярость, что обозвал присяжных, посмеявших оправдать одну из жертв, «сборищем дураков». Сразу по окончании суда он засел за научный труд по демонологии, который вышел в 1594 году и еще больше усилил гонения на ведьм. В 1604 году шотландский парламент принял «Акт против колдовства», установивший процедуру судов над ведьмами. После этого гонения достигли небывалого размаха, что усугублялось общей дикостью страны и глубоко укоренившимися суевериями. В Шотландии использовались особенно жестокие пытки: раздробление ног, стягивание головы веревками, вырывание ногтей, надевание власяницы, вымоченной в уксусе. За каждую пытку жертву заставляли платить, что также было чисто шотландской особенностью. Судьи сочетали физические истязания с психическими. Так, в 1596 году «печально известную ведьму» Элисон Бальфур 48 часов держали в железных тисках в Эдинбургском замке, заставляя смотреть, как ее 81-летнего мужа раздавливали железными балками весом в полтонны, сына одевали в «испанские сапоги», а семилетней внучке ломали пальцы. Как только прекратили пытки, Элисон и ее домочадцы отреклись от своих признаний, однако их все равно отправили на костер.

В то время как в Англии за всю историю ведовских процессов было сожжено не больше тысячи обвиняемых, в Шотландии только в правление Якова на костер взошли многие сотни ведьм. Несомненно, виной тому позиция короля, который лично присутствовал на пытках и судах и настаивал на самых суровых приговорах. Прав историк XIX века Линтон: «Все кровавым преступлениям, совершенным шотландскими судами, он дал первоначальный импульс, и каждый стон несчастных истязуемых, влекомых своей ужасной судьбой, и каждая слезинка выживших... покрывают память о нем позором и осуждением, нестираемым на все времена». Правда, с течением времени Яков под влиянием таких советников, как Фрэнсис Бэкон и выдающийся врач Уильям Гарвей, пересмотрел свою позицию в отношении ведьм. У короля хватило

ума, чтобы прямо связать ужасающие самооговоры обвиняемых с применяемыми против них пытками. В последние годы жизни он, похоже, вообще перестал верить в ведьм и колдунов, что сразу же сказалось на приговорах судов: за девять лет было сожжено всего пять ведьм.

А пока король укреплял свои позиции, продолжая балансировать между лордами и вождями протестантов. Союз с Англией временно укрепил его связи с протестантизмом; в августе 1590 года на всеобщей ассамблее в Эдинбурге он заявил о «вечной приверженности» Шотландии делу протестантской веры, а в 1592 году одобрил решение парламента о замене епископов выборными пресвитерами. Так появилась пресвитерианская церковь, до сих пор господствующая в Шотландии. Правда, Яков был ближе к англиканству и желал сохранения епископов, что выразил в свойственной ему афористичной форме: «Нет епископов — нет короля». При этом он был не прочь обогатить казну церковными владениями — вернее, тем, что осталось от них после многих лет религиозных раздоров. Отношения с протестантами были урегулированы, но лорды продолжали представлять постоянную угрозу для короля. В июле 1593 года неутомный Босуэлл неожиданно напал со своими людьми на Холируд и захватил короля, который прятался в шкафу. Какое-то время Яков послушно выполнял приказы мятежника, однако вскоре тот был изгнан коалицией лордов. В следующем году он опять подступил к Эдинбургу, но был отогнан выстрелами из пушек и бежал в Англию, где его окончательно упрятали за решетку.

Своей армии у короля не было, и в борьбе с врагами ему приходилось просить помощи у лордов, которые тут же пытались использовать это в своих целях. Так, для борьбы с Босуэллом Яков дал особые полномочия недавнему бунтовщику графу Хантли. Однако тот вместо Босуэлла разгромил и убил своего личного врага, графа Морей. Мгновенно распространились слухи, что убийство организовал сам король, поскольку Морей был якобы любовником королевы Анны. К тому же граф Хантли был вождем католической партии, и столичные протестанты тут же обвинили Якова в сговоре с католиками. Проповедникам было мало оправданий: они требовали, чтобы король пошел войной на Хантли и других католических лор-

дов. Однако их силы были слишком велики; к тому же Яков, никому не признаваясь в этом, надеялся использовать их в борьбе с самим зарвавшимся духовенством.

Скрытный и двуличный король пытался для укрепления своих зыбких прав на английский престол наладить мирные отношения с Римом и с Испанией, против чего резко выступали протестанты. В 1592 году стало известно о так называемых «испанских бланках» — чистых листках бумаги с подписями Хантли и других католических лордов, которые якобы собирались вписать туда обращения к королю Испании с призывом вторгнуться в Шотландию и занять трон. Под шумок и самого короля обвинили в переписке с испанским королем и папой. На этот раз ему пришлось отправиться в поход против Хантли, который в 1595 году вместе со своими сторонниками бежал в Англию. Король отказался от предложенной протестантами конфискации их владений, хотя состояние казны было плачевным. В начале следующего года он созвал комитет из восьми человек (так называемых «октавианцев») для ревизии королевских доходов, но проповедники не дали ему работать, поскольку некоторые его члены были католиками. В августе собрался парламент, который попросил Якова простить изгнанных лордов; в ответ Эндрю Мелвилл пригрозил всем собравшимся проклятием. Вскоре пресвитериане собрали собственную ассамблею в Файфе, которую король объявил незаконной. Мелвилл явился к нему и в самых грозных выражениях заявил о праве проповедников поправлять «неправедные» действия короля. «Помни, что ты лишь нерадивый вассал Господа», — обратился он к озадаченному Якову.

Тем временем граф Хантли нелегально вернулся в Шотландию и попросил короля простить его, заявляя о готовности принять протестантскую веру. Однако пресвитериане продолжали свои нападки. Наконец Яков не выдержал: 16 декабря из Эдинбурга были высланы четыре самых ярких проповедника и 74 их сторонника из числа горожан. На другой день в столице вспыхнул стихийный бунт, который удалось легко подавить. 18-го король уехал в Линлитгоу, заявив на прощанье, что выведет из Эдинбурга двор и королевский суд, которые не могут действовать в условиях давления. Это охладило пыл протестантов и сплотило здравомыслящих горожан. Магист-

рат решил арестовать наиболее активных возмутителей спокойствия, и им пришлось бежать в Англию. В январе 1597 года Яков вернулся в столицу полным хозяином положения. До конца года он вернул владения всем изгнанным лордам в обмен на принятие ими протестантской веры.

В феврале Яков созвал духовенство на ассамблею в далеком северном Перте. Это был хитрый ход — бедные шотландские священнослужители не могли позволить себе дальние путешествия, и на ассамблею собрались в основном те из них, кто жил на севере и был послушен Хантли и прочим лордам. По их приказу члены ассамблеи быстро приняли решения, угодные королю, и осудили мятежные действия своих южных коллег. Они также запретили проповедникам осуждать в церквях короля или других официальных лиц без королевской санкции. Вдобавок они присвоили королю право вносить на будущих ассамблеях предложения, касающиеся управления церковью. В целом Пертская ассамблея установила конституционные отношения между властью и церковью и тем самым в корне подорвала доктрину «двух царств», которую развивали Мелвилл и его радикальные сторонники. Они в ответ объявили ассамблею незаконной, в чем были поддержаны частью пресвитериан.

Тогда король созвал в мае новую ассамблею в Данди, где предложил выбрать из числа проповедников нескольких человек, уполномоченных давать королю советы в церковных делах. Вслед за их избранием Яков рекомендовал парламенту предоставить этим уполномоченным места, которые раньше занимали епископы. Однако парламент по-прежнему контролировался знатью, и король получил издевательский ответ: «Они могут занять места в любой момент, как только Ваше Величество соблаговолит предоставить им должность, звание, титул и достоинство епископов, аббатов или иных прелатов». Королю снова пришлось выбирать между старой знатью и новой церковью, которая, к счастью, оказалась в целом более гибкой и склонной к соглашению, чем ее крайние представители. Какое-то время он отдавал явное предпочтение церковникам. 7 марта 1598 года в Данди опять собралась ассамблея, на которую хитростью не пустили Марвелла и других крайних. Представители церкви согласились, что пятьдесят один

человек из их числа должен заседать в парламенте, и поручили их выборы узкому кругу проповедников и ученых докторов — так называемому «конвенту», голосование в котором было закрытым.

Однако осенью король, как это часто бывало, изменил свое намерение и выступил за то, чтобы церковники-члены парламента назначались им лично. В тот период у него все чаще прорывалось раздражение против проповедников, бесцеремонно дающих советы монарху. Это заметно и в книге «Базиликон Дорон» (Дар венценосцу), написанной им в качестве руководства для старшего сына и наследника Генри, который родился в 1594 году и умер в возрасте 17 лет. На страницах книги часто встречаются упреки в адрес духовных лиц, которые вмешиваются в дела государства. Для избавления от этого зла он советует сыну «приближать и выдвигать благочестивых, ученых и скромных проповедников... и поручать им епископства и бенефиции», то есть фактически восстановить должности епископов. После этого он советовал возродить в парламенте представительство всех трех сословий, в то время узурпированное лордами. В другой своей книге — «Истинный закон свободных монархий», вышедшей без указания автора в сентябре 1598 года, Яков более подробно излагает свою теорию управления. Королям самим Богом назначено повелевать, а их подданным — повиноваться. Король выше закона, но обязан повиноваться ему, чтобы не подавать дурной пример подданным. Хотя подданные не должны восставать против дурного короля, Бог сам находит способы покарать его, в том числе и посредством восстаний.

В ноябре 1599 года король созвал в Холируд проповедников, чтобы убедить их согласиться на избрание представителей в парламент, которые должны были занимать свои места пожизненно и снова принять епископский титул. Однако церковники не согласились и приняли на ассамблее в Монтрозе альтернативные предложения. Представители церкви должны были заседать в парламенте один год и голосовать строго в соответствии с требованиями ассамблеи. Согласие так и не было достигнуто, а вскоре король оказался вовлечен в очередное столкновение с церковью. Толчком к этому стал очередной разговор, устроенный сыновьями казненного графа Гоури. Один

из них, Александр Рутвен, 5 августа 1600 года заманил короля в дом своего брата в Перте и запер его там. Возможно, братья намеревались на лодке переправить Якова в уединенный замок Фаст и там убить или заставить принять выгодные им решения. Однако король в процессе борьбы сумел дотянуться до окна и позвать на помощь придворных. Завязалась драка, в которой оба сына Гоури были убиты юным Джеймсом Рамсеем. Вернувшись в Эдинбург, Яков велел ежегодно служить молебны в память о своем «чудесном избавлении». Однако пять проповедников публично усомнились в правдивости рассказанной королем истории; после тщетных попыток примирения самый упрямый из них, Роберт Брюс, был отправлен в изгнание.

Семья Гоури пользовалась репутацией ярых сторонников пресвитерианской веры, и случившееся стало новым поводом для нападок воинственных проповедников на короля. Тогда Яков в прямом противоречии с решениями ассамблеи в Монтрозе назначил в ноябре трех епископов, которые тут же заняли места в парламенте, но были отвергнуты большинством церковников. Одновременно продолжались репрессии против семьи Гоури: две сестры покойных были изгнаны из свиты королевы, а двое братьев бежали в Англию. Но Якова больше всего занимало не это, а судьба английской короны. Елизавете было уже 67 лет, она страдала от многочисленных недугов, но упорно отказывалась умирать. Однако соперников у шотландского короля практически не было, и ему оставалось только сидеть и ждать. Параллельно он старался заручиться поддержкой всех сколько-нибудь влиятельных партий в Англии, в том числе католиков. В 1599 году, когда шотландец Уильям Чизхолм был избран кардиналом, король даже подписал письмо к папе, которое начиналось обращением «Святой отец». Правда, сам он впоследствии уверял, что эту подпись у него чуть ли не на коленях вымолил секретарь Эльфинстон. Он завел переписку и с влиятельными сановниками английского двора, в том числе и с могущественным Робертом Сесилом, обещая им все возможные награды в случае своего восшествия на трон.

Наконец 24 марта 1603 года Елизавета скончалась, и в тот же день Яков был провозглашен королем Англии, хотя он предпочитал называть себя королем Великобритании — так

впервые появилось это слово, официально признанное только в 1707 году. Спустя три дня в спальню короля ввалился усталый и грязный Роберт Кэри, который за шестнадцать лет до того сообщил ему о казни Марии. Теперь он привез радостные вести. Уже 5 апреля новый монарх покинул Эдинбург и отправился в долгий путь на юг. В Бервике состоялось, может быть, самое важное событие его царствования — переход границы, на которой столетиями кипели кровопролитные войны. Теперь границы не стало, хотя этого еще не осознали собравшиеся англичане и шотландцы, кидавшие друг на друга полные враждебности взгляды. По пути Яков отказался от кареты, чтобы во всей красе предстать перед любящими подданными. Однако вскоре он пожалел о своем решении — вокруг него собирались сотни людей, и все желали потрогать монарха не очень чистыми руками. Он удивлялся тому, как много народу в Англии, и начал осознавать, что ненавидит толпу.

В новых владениях его ждало еще много открытий. Из своей нищей страны английский королевский двор казался ему гораздо богаче, чем на самом деле, поэтому на первых порах он с неслыханной щедростью раздавал деньги, титулы и земли. В Ньюарке он велел без суда повесить воришку — ему представлялось, что королевская власть, столь ограниченная в Шотландии, в Англии должна быть безграничной. На самом деле положение в двух странах было в корне различным. В Шотландии с ее вечными феодальными раздорами многие еще мечтали об абсолютной монархии французского типа. В Англии этот этап был давно пройден, и общественное мнение все больше склонялось к ограничению королевской власти. Непонимание этих отличий стало роковым для династии Стюартов, пытавшейся осуществить на английской почве свои шотландские мечты.

Да и великая Глориана оставила своему наследнику больше проблем, чем богатства. Ее войны разорили казну, а твердая политика умножила число недовольных. Знаменитый флот порядком обветшал и с трудом защищал от пиратов даже берега самой Англии. Страна богатела, но королевская власть беднела — этот парадокс омрачил последние годы Елизаветы и стал настоящим проклятьем для ее преемника. Он не понимал, как подданные могут требовать от короля финансового

отчета; по его мнению, монарх и его страна составляли единое целое, и все у них было общим — точнее, королевским.

Первым испытанием способностей Якова в качестве короля Англии стал подбор советников. При дворе Елизаветы существовало множество партий — Говарды, Кэри, Далли, Сидни, Саквиллы, — и она старалась привлекать к власти всех понемногу. Яков оставил только тех, чье мнение совпадало с его мнением. Он выступал за мир с Испанией и сместил тех, кто выступал за продолжение войны, а знаменитый путешественник, авантюрист и поэт сэр Уолтер Рэли был даже заточен в тюрьму. В то же время опытный царедворец Сесил сохранил свою должность, мгновенно сделавшись миротворцем. Король повелел прекратить враждебные действия против Испании, хотя мирный договор был заключен только в 1604 году. Многие английские каперы, недовольные таким решением, ушли в пираты; с этого начался золотой век морского разбоя.

Другим шагом Якова стало ослабление репрессивных мер против католиков, введенных Елизаветой (так называемые «законы о неконформистах»). Король не отменил эти законы, но высказался за их смягчение — в частности, за отмену специального налога с католиков. Однако эти меры открыто саботировались министрами, особенно Сесилом. А скоро и сам Яков был разозлен открытым сопротивлением католиков. Все началось с заговора католического священника Уотсона, решившего свергнуть короля и восстановить «истинную веру». О заговоре, как ни странно, Якову сообщили иезуиты, которые хотели тем самым побудить короля улучшить положение католиков. Первоначально их надежды оправдались; 17 июля король встретился с депутацией католиков и торжественно пообещал им отменить дискриминационный налог. В ответ папский нунций обещал, что папа Климент VIII примет все меры, вплоть до отлучения от церкви, чтобы удержать католиков Англии в повиновении королю. Но тут в процесс примирения вмешались личные обстоятельства. Королева Анна была тайной католичкой, и в январе 1604 года некий Стэнден привез ей реликвии и какие-то письма из Рима. Вскоре Яков узнал, что на самом деле папа вовсе не собирается отлучать католиков за их выступления против «еретика». Ему также донесли, что после отмены налога число католиков и их священников

в стране сильно возросло. Все это воскресило в нем привычную боязнь заговоров, и он начал действовать. Хотя налог пока не был восстановлен, указ 22 февраля предписал выслать из Англии всех католических священников.

Не меньшим, чем католики, преследованиям подвергались при Елизавете и пуритане — радикальные сторонники протестантизма. Эту публику Яков хорошо знал по Шотландии и не питал к ней никакого сочувствия. Он с раздражением говорил: «Пресвитеры согласуются с монархией не больше, чем Бог с дьяволом. Этак любые Джек и Том могут собраться и начать указывать мне и моему совету, что нам делать да как поступать». По пути в Лондон представители пуритан поднесли ему так называемую «Петицию тысячи», прося позволить им устраивать церкви в соответствии с нормами их вероучения. Первоначально король склонялся к их требованиям, которые к тому же поддерживал его советник Бэкон, но на совещании в Хэмптон-Корте пуритане проявили такую агрессивность, что Яков прогнал их, сказав: «Раз они так себя ведут, пусть подчиняются правилам, иначе я выгоню их из страны». Он по-прежнему глубоко интересовался церковными делами, и прежде всего — новым переводом Библии, предпринятым группой ученых по инициативе короля и при его живом участии. «Библия короля Якова» стала одним из важнейших итогов его царствования; сам он придавал ей такое важное значение, что даже советовался с парламентом в отношении отдельных трудных мест.

Однако Библия стала единственным вопросом, по которому король и парламент смогли договориться. В целом абсолютистские замашки Якова были глубоко чужды большинству членов парламента. Борьба Генриха VIII и Елизаветы с феодалами и церковью усилила роль мелкого дворянства — джентри, которое понемногу вступало в союз с торговой буржуазией и юристами из лондонского Сити. Объединившись в стенах парламента, эти силы могли блокировать чуть ли не все решения короля. Его, как и Елизавету, особенно раздражали покушения депутатов на те вопросы, которые ранее считались исключительно монаршей прерогативой, — международные отношения, браки королевских родственников и церковную политику.

Собравшийся 19 марта парламент отклонил все предложения короля; он удовлетворил все требования пуритан и отверг окончательный союз с Шотландией, на котором настаивал король. На открытии король произнес напыщенную и как обычно путаную речь, сказав: «Я муж, а весь остров — моя жена. Я голова, а это — мое тело; я пастух, а это — мое стадо. Никто ведь не будет столь неразумен, чтобы думать, что я, христианский король, буду мужем двух жен одновременно». Однако парламентарии предпочли оставить Шотландию отдельным государством, чтобы она не сделалась бастионом консерватизма, оплотом английских противников реформ (заметим в скобках, что это все равно произошло). 7 июля король лично явился в парламент, чтобы повлиять на него, но в итоге вступил в перебранку с депутатами и в конце концов закрыл заседание. После этого меры против пуритан были ужесточены — все проповедники, отказавшиеся подчиниться официальной церкви, высылались в другие графства.

В отношении католиков какое-то время репрессии не применялись; даже указ о высылке священников король велел придержать. Только что был заключен мир с Испанией, и Яков надеялся добиться окончательного примирения двух враждующих стран и религий. Хотя в «Базиликоне» он и осуждал браки между приверженцами разных конфессий, но считал, что на государей это не распространяется и вел переговоры о женитьбе принца Генри на дочери Филиппа III Испанского. Более того — король говорил с посланцем герцога Лотарингского о возможном объединении католической и англиканской церкви на условиях, выгодных для обоих. Однако католики продолжали устраивать заговоры против него, а число священников и их паствы росло, как на дрожжах. В конце концов Яков был вынужден все же ввести в действие указ о высылке, а заодно и обложить налогом самых богатых католиков — королевская казна почти опустела. В ответ папа отверг его идею объединения церквей и потребовал личного обращения Якова, «в каком случае ему простятся все грехи». 10 февраля 1605 года разгневанный король восстановил налог на католиков в прежнем размере.

Еще до этой суровой меры в горячих головах нескольких католиков созрел план взорвать короля, его сыновей и всех де-

путатов на открытии очередной сессии парламента 5 ноября. Решительнее всех высказывался один из заговорщиков, бывалый солдат Гай Фокс, заявивший: «Опасная болезнь требует сильнодействующих лекарств». Ему и доверили заложить 36 бочонков с порохом в подвал парламентского здания. Что случилось дальше, так толком и не выяснено. По утвердившейся версии, один из заговорщиков Трешэм питал дружеские чувства к члену парламента лорду Монтеглу и послал ему письмо с предупреждением. Лорд известил членов королевского совета, а те 3 ноября 1605 года отправились в подвал Вестминстера, где и поймали Гая Фокса при закладке пресловутых бочек. Заговор был организован так топорно, что многие историки считают его провокацией английских спецслужб. Действительно, момент был выбран удачно — следовало отвлечь короля от католических симпатий, используя его боязнь всяческих заговоров. Собравшийся несмотря на происки заговорщиков парламента сделал 5 ноября днем национально-го праздника, а соломенное чучело, которое сжигали в начале зимы со времен друидов, получило отныне имя «Гай». Что касается самих заговорщиков, то их всех обезглавили 1 февраля 1606 года. Волна репрессий прокатилась по всей стране; в Вустершире был казнен даже случайно схваченный иезуитский резидент Гарнем.

Чуть позже парламента одобрил новый, еще более тяжелый налог на католиков. На той же сессии непонятно откуда взялся слух об убийстве короля; когда обнаружилось, что он жив, депутаты на радостях выделили ему крупную сумму денег. Семилетний период после Порохового заговора был лучшим временем для Якова, когда напуганные король и парламента старались действовать в согласии и идти друг другу навстречу. В 1606 году парламентарии без обычных возражений выдали королю еще одну субсидию, но она была растрчена так же быстро и бездарно. Деньги шли на придворные развлечения и раздутый чиновничий аппарат, а чаще просто разворовывались королевскими любимцами. Открыто воровали почти все, в том числе казначей лорд Дорсет; в 1608 году он умер прямо на заседании совета, рассказывая веселый анекдот.

В народе популярность Якова все больше снижалась. Он не проявлял ни храбрости, ни щедрости, ни великодушия —

качеств, которых всегда ожидают от королей, — а ученость и миролюбие были не теми качествами, которые могли впечатлить простых англичан. Вдобавок он привез с собой множество нищих шотландцев с их грубостью, жадностью и склонностью к пьянству. Обычно скупой Яков пытался купить расположение подданных подарками. Он быстро полюбил пышные развлечения, балы и фейерверки, которых был лишен в детстве. Ему нравились пышные наряды и драгоценности, и придворные старались не отставать от своего монарха. Огромные деньги тратились на маскарады и театральные представления, декорации для которых делались лучшими архитекторами, включая знаменитого Иниго Джонса. Роскошь становилась все более вульгарной, а веселье переросло в пьяные оргии. В 1606 году, когда при дворе принимали шурина Якова, датского короля Кристиана, фрейлины, игравшие в спектакле, были так пьяны, что падали со сцены. Король и сам любил выпить, хотя по уверению его личного врача ум у него был таким ясным, что не поддавался воздействию алкоголя. Он по-прежнему с неохотой занимался государственными делами, предпочитая охотиться или беседовать с учеными мужами о тонкостях богословия. Яков куда меньше предыдущих монархов появлялся на публике, а после Порохового заговора и вовсе предпочитал не выходить из дворца.

Перебравшись в Англию, король продолжал бороться с независимостью шотландской церкви. Назначенные им епископы так и не смогли занять свои кафедры, но теперь он намеревался восстановить епископскую систему во всей полноте. Для этого необходимо было лишить духовенство его организующих центров, и король своим указом упразднил асамблеи. Против этого 2 июля 1605 года выступили девятнадцать проповедников, объявивших себя в Абердине законной асамблейей. Власти запретили их собрание, и в следующем году шесть проповедников были приговорены к вечному изгнанию. Эти меры на время усмирили оппозицию, и в 1606 году Яков лично собрал в Линлитгоу лидеров церкви. Он предложил им избрать в каждой области постоянного «модератора», то есть главу церковной организации. Фактически это было восстановлением епископства, хотя никаких формальных ре-

форм наученный горьким опытом король проводить не стал. Во всяком случае, до конца его царствования крупных волнений среди шотландского духовенства больше не было. Успокоились и лорды: с одной стороны, они уже не могли физически воздействовать на уехавшего в Англию монарха, с другой же — Яков покупал их верность щедрыми раздачами титулов и английских поместий.

Он не раз пытался создать политический союз двух своих королевств. Эта идея постоянно блокировалась английским парламентом, но несколько мер король смог воплотить в жизнь. Они касались свободной торговли между двумя странами и натурализации англичан в Шотландии и шотландцев в Англии. В 1608 году парламент принял решение, по которому шотландцы, родившиеся после союза 1603 года, приобретали права граждан Англии. Но и до этого решения молодые и предприимчивые шотландские дворяне делали быструю карьеру при английском дворе. Так было с фаворитом Якова Робертом Карром, который в 1609 году получил поместье Шерборн, отобранное у Уолтера Рэли.

Для поддержания авторитета и осуществления своих политических планов Якову требовались деньги, но королевская казна, обескровленная войнами Елизаветы и плохим управлением, находилась в плачевном состоянии. На четвертой сессии парламента в 1610 году Сесил, который стал теперь графом Солсбери и государственным казначеем, предложил пополнить ее путем так называемого «великого контракта». По нему король отказывался от своих «феодалных» поступлений (главным образом доходов с оставшихся без владельцев вотчин) в обмен на выплату ему 200 тысяч фунтов в год. Однако парламент обусловил свое согласие на эту сделку уступчивостью короля в ином деле. В 1606 году казначейство постановило, что король вправе взимать таможенные пошлины без согласия парламента, и вскоре эти пошлины уже давали королю 70 тысяч фунтов в год. Парламент не желал мириться с таким ущемлением своей власти и потребовал от Якова отказа от взимания пошлин. Тот согласился, но парламент не принял «великий контракт», а отложил его рассмотрение на полгода. На этот раз Яков не устраивал скандала, а просто распустил парламент 9 февраля 1611 года.

Неуступчивость парламентариев обострила в короле чувство собственной слабости и боязнь заговоров. В 1610 году он неоправданно жестоко обошелся со своей кузиной Арабеллой Стюарт, единственный проступок которой заключался в том, что она вышла замуж за Уильяма Сеймура. Почему-то вообразив, что эта пара собирается претендовать на трон, Яков особым указом лишил их детей прав наследства, а потом и вообще заточил Арабеллу в Тауэр, где она сошла с ума и вскоре скончалась. Король и на международной арене проявлял слабость, которая резко контрастировала с агрессивной политикой Елизаветы. Одновременно он повсеместно пытался выступать в роли миротворца. Именно по его настоянию был заключен Антверпенский мир между Испанией и нидерландскими провинциями; перед этим Яков заключил с Нидерландами оборонительный союз, помешавший новым попыткам испанцев продолжить войну. В 1609 году в Германии обострилась борьба за раздел графств Юлих и Клеве, которая имела религиозную причину и грозила перерасти в большую европейскую войну. В конце концов Яков послал четыре тысячи английских солдат, которые со времен Елизаветы сражались в Нидерландах, чтобы занять Юлих и не допустить его перехода в руки католиков. После этого он попытался организовать переговоры враждующих сторон, но запутался в аргументах и бросил свои усилия.

Попытки Якова найти своим детям богатых невест и женихов диктовались не только политическими причинами, но и банальной нуждой в деньгах. Особенно упорно он пытался женить Генри, в 1610 году провозглашенного принцем Уэльским, на одной из испанских инфант. В 1611 году в Мадрид отправился посланник Джон Дигби, который донес, что старшая дочь Филиппа III Анна уже обвенчана с королем Франции Людовиком XIII, а взамен испанцы предлагают младшую, шестилетнюю Марию. Яков оставил свой план и стал сватать сыну дочь тосканского герцога — богатую наследницу и к тому же католичку, что было важно для поддержания равновесия. С той же целью Яков выдал дочь Елизавету за Фридриха Пфальцского — лидера немецких кальвинистов. Их дочь, электоресса София, стала позже матерью Георга I, первого английского короля Ганноверской династии. Своих детей Яков

не очень любил, за исключением дочери Мэри, которую он с чувством называл «кудрявым ангелом». Она умерла от горячки в двухлетнем возрасте, без конца повторяя: «Я иду! Я иду!» Король проплакал целый день, потом успокоился, но с тех пор всегда молился «двум девственным Мариям».

В 1612 году относительное благополучие короля завершилось несколькими невосполнимыми утратами. 24 мая умер Роберт Сесил, который решал за короля важнейшие дела управления. Яков заявил, что теперь сам будет государственным секретарем, но вскоре вручил этот пост новому фавориту Карру, сделав его виконтом Рочестером. Тот не отличался способностями покойного, да и вообще какими-либо способностями, не считая приятной внешности и бьющей в глаза преданности королю. 6 ноября 1612 года умер от тифа принц Генри, на которого возлагали столько надежд. Принц унаследовал красоту своей бабки Марии Стюарт, был умен, благороден и щедр. Он открыто навещал в тюрьме Уолтера Рэли и обещал, что освободит его, когда вырастет. Незадолго до смерти он избил теннисной ракеткой фаворита Карра. Современники на все лады превозносили принца, который был «более привержен военному делу, чем гольфу, теннису и другим мальчишеским забавам» и «всегда предпочитал общество ученых и верующих людей компании шутов и паразитов, бездельников и атеистов». Под последними подразумевались фавориты короля, которые, как на грех, не отличались ни умом, ни высокими нравственными качествами. Это сказывалось и на авторитете самого Якова, которого шепотом обвиняли в постыдном пороке Эдуарда II. Но если он и был гомосексуалистом, то, так сказать, латентным; в мужчинах, как и в женщинах, он искал понимания и любви, которых ему не хватало всю жизнь.

Очень скоро Роберт Карр оказался в центре грандиозного скандала. Он захотел жениться на Фрэнсис Говард, красавице-жене графа Эссекса. Король лично способствовал разводу Фрэнсис и ее новому браку с Карром, который получил еще и титул графа Сомерсета. Семья Говард не скрывала своих католических симпатий, и фаворита стали подозревать в том, что он готовит сговор Якова с испанцами. Враждебная партия при дворе сумела обвинить Карра и его жену в том, что они посредством колдовства убили мешавшего их планам дво-

рянина Томаса Овербери и еще нескольких человек. Два года процесс фаворита и его сообщников развлекал лондонскую публику и был неисчерпаемым источником сплетен. В конце концов их приговорили к повешению; король сумел добиться помилования для Карра, но обвинения в колдовстве оказались достаточно для того, чтобы он навсегда отказался от бывшего любимца. Новым и последним фаворитом короля стал Джордж Вилльерс, получивший титул герцога Бэкингема. Правда, враждебные ему партии пытались подсунуть королю своих кандидатов — так, Саквиллы назойливо предлагали ему некоего Уильяма Монсона, которого для пущей привлекательности даже купали в молоке. Однако король сохранил верность своему любимому «Стини», и дело кончилось опалой Саквиллов.

В отличие от Карра, Бэкингом был неглуп, но зато жаден и неразборчив в средствах. На всех высоких постах, куда его назначали, он запускал руку в государственную казну, и только вмешательство короля спасало его от суда. Об их чрезвычайно нежных отношениях говорят многочисленные письма, где они соревновались в выражениях любви друг к другу. Бэкингом подписывал письма так: «Ваш смиренный раб и пес Стини». Король вторил: «Дорогой, да благословит Бог тебя и меня! Вечно твой Дж. Р.». Он даже сделал Стини воспитателем принца Карла, ставшего после смерти Генри наследником престола. Более неудачный выбор трудно было сделать; Бэкингом добивался любви принца тем, что всячески баловал его и прививал ему любовь к развлечениям и роскоши. Одновременно Карл перенял от отца неприязнь к парламенту и стремление к абсолютной власти. Именно это сочетание свойств позволило ему, став королем Карлом I, превратить при помощи своих фаворитов вполне решаемый спор в грозную революцию.

С помощью Бэкингема принц вытягивал у обычно скупого отца деньги и драгоценности. Вместе они отправились и в путешествие по Европе на поиски невесты Чарльзу. Принцу сразу понравилась французская принцесса Генриетта-Мария, дочь Генриха IV. Однако он не прочь был жениться на инфанте, той самой Марии, которую хотели выдать за Генри. Друзья вели вольготный образ жизни, и денег часто не хва-

тало. Бэкингом, который посылал Якову из Мадрида разные диковины, беззастенчиво требовал: «Если вы не будете давать малышу достаточно денег, я больше ничего вам не пришлю». «Малышом» они с королем называли принца, которому шел уже двадцать первый год. Яков, в свою очередь, писал сыну: «Ношу под камзолом, у сердца портрет Стини в голубой рубашке». В старческом слабоумии король воображал, что обрел наконец настоящих любящих сыновей — принца и Бэкингема. Скоро фавориту подыскали богатую невесту — Кэтрин Мэннерс, единственную наследницу графа Ратленда. Она тут же стала «малышкой Кэт», и даже мать Бэкингема, леди Комптон, заняла свое место в этой пародии на семью.

Но все это было гораздо позже, а пока Яков все еще боролся с неуступчивыми протестантами. В 1610 году ассамблея в Глазго согласилась на введение епископата, и осенью того же года в Шотландию прибыли три епископа, посвященных их английскими коллегами. Однако большая часть населения оставалась в оппозиции к ним; к тому же благодаря объединению в Шотландию проникли английские пуритане. В Англии их продолжали преследовать, что заставило многих из них эмигрировать в Америку — в 1607 году там была основана первая английская колония Виргиния. Новый парламент, собравшийся в 1614 году, предложил прекратить гонения на пуритан, а заодно отказал королю в новых субсидиях — в частности, не стал утверждать «великий контракт». Из-за всего этого он был распущен, не успев принять ни одного закона, за что и получил прозвище «протухшего».

Еще до этого Яков тайно говорил с испанским послом Сармьенто, спрашивая, может ли король Испании обеспечить ему поддержку в случае восстания общин. Он впервые прибегал в Англии к своей испытанной шотландской тактике — опираться в борьбе с внутренними врагами на помощь других государств, играя на их противоречиях. Его отношения с испанцами после мира 1604 года оставались довольно теплыми, и теперь Сармьенто обещал королю помощь. Яков даже пожаловался ему на «неблагодарность» парламента, все просьбы которого он старался удовлетворять. Он явно забыл о том, что четверо депутатов бывшего парламента были посажены в Тауэр за пуританские симпатии. Парламент 1614 года резко вос-

противился и другой затее Якова: сбору денег для протестантов Юлиха и Клеве. Было собрано 66 тысяч фунтов, которые благополучно осели в королевской казне. Отношения между королем и его подданными быстро ухудшались: одна сторона проявляла все большую жесткость, а другая — все большую неуступчивость. Яков вел себя в духе просвещенного деспота Макиавелли в стране с давними традициями самоуправления, с укоренившейся привычкой советовать королям и даже спорить с ними.

Результатом разногласий стало несколько громких уголовных дел. В 1614 году проповедник Оливер Пэшем был заточен в Тауэр за написанную, хотя и не прочитанную проповедь, в которой он резко осуждал правление Якова. Против его ареста выступил давний оппонент короля, главный судья Кок, защищавший верховенство закона над волей монарха. По совету лорда-канцлера Бэкона король решил выяснить мнение судей касательно этого дела по отдельности, чтобы избежать общественного давления на них. Этот метод он с успехом использовал и в дальнейшем. Кок был рассержен и начал открыто противодействовать всем решениям короля; 30 июня 1616 года он был отправлен в отставку. Накануне Яков изложил в Звездной палате свои взгляды на отношения короля и суда. «Абсолютные прерогативы короны, — сказал он, — не являются темой для обсуждения юристов... Для подданных предосудительно и крайне неприлично обсуждать, что король может делать, а что не может; следует смириться с волей короля, выраженной в его законах».

Внешняя политика Якова становилась все менее популярной. Его вновь подозревали в сговоре с Испанией; это произошло в ходе суда над Робертом Карром, во время которого король сильно нервничал. Многие решили, что он боится разоблачений Карра, который мог знать много подробностей о тайных переговорах короля. Подозрения укрепились, когда Яков велел своему посланнику Дигби возобновить переговоры о женитьбе принца на инфанте Марии. Одновременно он освободил из тюрьмы Уолтера Рэли, который обещал отыскать где-то в Америке богатейшие золотые россыпи. Отважно-авантюриста отправили с экспедицией на Ориноко, строго-настрого запретив причинять какой-либо вред подданным

Испании. Эту инструкцию Рэли не выполнил, да и золота не нашел; в результате по возвращении его ждали Тауэр и эшафот. Этого требовал король Испании, обещая взамен Якову руку своей дочери для принца и приданое на 600 тысяч фунтов. Однако после казни Рэли испанцы выдвинули новое требование — отменить все законы против католиков. Яков не мог сделать этого, но так нуждался в деньгах, что согласился.

Среди всех государственных забот король не забывал притеснять шотландских пуритан. Он требовал, чтобы на Пасху все шотландцы принимали причастие, чтобы выявить не только пуритан, не признававших этого обряда, но и ведьм с колдунами — по утверждению «Демонологии», те не могли проглотить освященную просфору... В 1616 году он лично явился на ассамблею в Абердине, чтобы потребовать от духовенства принятия составленных им пяти статей. В соответствии с ними все жители королевства обязаны были регулярно принимать причастие, крестить детей и праздновать дни Рождества, Распятия и Воскресения Спасителя, а также приносить новорожденных для благословения епископам. Правда, ему так и не удалось добиться утверждения этих статей, как не удалось и вернуть в Холирудскую церковь статуи святых, удаленные оттуда пуританами. Король отыгрывался на шотландских лордах, которых вынуждал принимать причастие на коленях, угрожая в противном случае опалой. Популярным стало лишь одно его мероприятие: увеличение зарплаты приходским священникам. Правда, он тут же потребовал за это принятия своих пяти статей и добился этого на ассамблее в Перте в 1618 году.

В 1618 году Яков под влиянием фаворита Бэкингема сменил круг своих приближенных. Все Говарды были удалены со своих постов. Ослабло влияние канцлера Бэкона, который имел несчастье возражать фавориту. Позже, в марте 1621 года, Бэкон был обвинен в коррупции и отдан под суд. После защитительной речи короля парламент почти единогласно приговорил бывшего канцлера к крупному штрафу и тюремному заключению. Так случалось не раз: чтобы досадить Якову, а впоследствии и Карлу, депутаты выносили суровые приговоры их любимцам. Единственным министром, который устраивал и короля, и парламент, стал новый казначей Лайо-

нел Крэнфилд, который с помощью разумных мер сумел привести в порядок финансы и без новых поборов пополнить королевскую казну.

2 марта 1619 года умерла королева Анна. Из-за расхождений в вере они с королем последние несколько лет встречались только на официальных церемониях. Королева проводила время в поездках по стране, раздавая милостыню и невольно способствуя росту популярности своего скупого супруга. Тем не менее король был так потрясен смертью жены, что тоже заболел во время поездки в Ньюмаркет и сам едва не умер. Только к 1 июня он поднялся на ноги и вернулся в Лондон, где в соборе Святого Павла собралась толпа, благодарившая Бога за его выздоровление. Король расчувствовался — все же народ любит его! Да и положение в стране казалось благоприятным. Разумная строгость заставила утихнуть и католиков, и неистовых пуритан в обоих королевствах. Денег в казне прибавилось, и Яков даже начал строить в Уайтхолле громадный дворец-храм по проекту Иниго Джонса. К тому же началась Тридцатилетняя война, и воюющие державы наперебой искали поддержки Лондона. Мечта Якова сбылась: он сам остался над схваткой и мог теперь выступать в роли миротворца. Его зять Фридрих Пфальцский стал на время чешским королем и метил в императоры; Испания и Франция предлагали ему невест для сына и щедрые подарки. Хорошее настроение короля проявилось в написанной в 1619 году книжке «Размышления о Господней молитве». Там наряду с обычными для Якова нудными рассуждениями встречаются шутки, издевки над пуританами и даже случаи из охотничьей жизни.

В это время англичане начали требовать от короля вступления в войну на стороне протестантов. Это нарушало принцип равновесия, но Яков был вынужден разрешить набирать английских добровольцев на войну и собирать деньги для помощи Фридриху Пфальцскому. Но тут в Лондоне опять появился Сармьенто, теперь уже граф Гондомар. Обаятельный испанский гранд оказывал на короля такое сильное влияние, что тот немедленно пошел на попятную, отказал зятю в помощи и опять заговорил о женитьбе Чарльза на инфанте. Считавший себя мудрым и твердым, Яков на деле мгновенно поддавался влиянию не только местных, но и иностранных фавори-

тов. Опутав короля лестью и обещаниями, Гондомар убедил его, что военные приготовления испанцев в Нидерландах не направлены против Пфальца и тем паче против Англии. Более того — рассерженный постоянными конфликтами английских и голландских моряков король согласился на совместные с испанцами действия против Голландии, что не только нарушало договор о союзе, но и в корне противоречило всей прежней политике. При этом он позволил английским волонтерам во главе с Хорэсом Вером отправиться в Пфальц — равновесие превыше всего.

В сентябре 1620 года испанская армия Спинолы все же вторглась в Пфальц. Король в ярости публично объявил о скорой войне с Испанией и попросил парламент, открывающийся в январе, выделить для этого деньги. Однако еще до этого в Лондоне узнали, что Фридрих Пфальцкий разбит в битве при Белой горе и изгнан из Чехии. Яков стал срочно искать благовидный предлог для отступления. 30 января 1621 года он выступил в парламенте с длинной путаной речью о том, что нужно стремиться к миру, но держать меч наготове. Для этого он снова попросил денег. Речь прозвучала так неискренне, что депутаты выделили лишь две небольшие субсидии и стали ждать развития событий. Протестанты в Европе то побеждали, то терпели поражения, и вопрос о вступлении Англии в войну сам собой отпал. Вместо этого парламент занялся фаворитами короля, которые погрязли в коррупции и незаконных сделках. Все началось с рассмотрения торговых и промышленных монополий; выяснилось, что многие из них без официальных указов были отданы таинственным комитетам во главе с самими фаворитами или их многочисленными родственниками. Вместо того чтобы успокоить палату общин, Яков 10 марта выступил с грозной речью, обвинив депутатов в неуважении к королевской персоне. Лишь по настоянию испугавшегося Бэкингема король смягчился и объявил о готовности пересмотреть привилегии, которые парламент посчитает незаконными. Ему пришлось отдать на растерзание Бэкона; тучи сгушались и над Бэкингом, но тут Яков, пользуясь своим правом, перенес парламентскую сессию на зиму.

За это время король разослал по всем странам Европы миссии, но война приобретала все больший раз-

мах. Испанцы и имперские войска теснили протестантов на всех фронтах, и многоопытный посланник Дигби заявил Якову, что Англия должна вступить в войну, иначе она лишится всякого влияния в Европе. В ноябре снова собрался парламент, который потребовал от короля немедленного разрыва с Испанией и объявления ей войны. Все мирные усилия Якова терпели крах; приходилось забыть об инфанте и ее богатом приданом. 3 декабря парламент принял петицию, где говорилось: король должен возглавить войну против католической партии, искоренить католичество в самой Англии и женить принца на протестантке. Зная Якова, можно было предсказать, что такие советы вызовут его негодование. Гондомар подбивал его наказывать авторов петиции и даже распустить парламент, но король ограничился посланием, в котором указал депутатам на недопустимость нарушения его прерогатив.

11 декабря посланцы парламента явились к королю в Ньюмаркет, чтобы объяснить свою позицию, но диалог не получился. Яков упрямо заявлял, что парламент не должен вмешиваться в политические и тем более международные дела или тем более требовать от короля отчета по ним; он вправе рассматривать только те вопросы, которые сам король ему предложит. 18-го депутаты внесли в журнал заседаний протест против действий короля, который Яков вырвал собственной рукой. 6 января 1622 года третий парламент его царствования был распущен. Гондомар мог торжествовать победу и писал в Мадрид, что ссора короля с парламентом — «лучшее событие для интересов Испании и католической веры с тех самых пор, когда Лютер начал проповедовать ересь». Некоторые члены бывшего парламента оказались в Тауэре, а других отправили в Ирландию, что было равносильно ссылке.

К этому времени в парламенте и за его стенами сложилось ядро оппозиции, в которое вошли депутаты Пим, Фелипс, Сэндис и опальный судья Кок. Они блокировали любые предложения короля, обвиняя его в измене протестантскому делу в Германии, и открыто посещали тайные богослужения пуритан. В борьбе против королевского самовластия их поддерживала значительная часть буржуазии, что уже тогда заложило основы будущей революции. Палата общин давно проявляла оппозиционные настроения, но теперь к ней присоединилась

и палата лордов, члены которой были недовольны наглым поведением фаворитов. Лорд Оксфорд, которому Бэкингем угрожал своей немилостью, заявил во всеуслышание, что для него гораздо почетнее ненависть королевского любимца, чем его любовь.

Без субсидий парламента Яков вновь стал испытывать острую нужду в деньгах. Достаточно сказать, что тело королевы Анны пролежало непогребенным три месяца, пока власть изыскивала средства для подобающих похорон. Король пытался собрать пожертвования с населения, но англичане помнили о судьбе предыдущих «протестантских денег». Без английской помощи армия Фридриха скоро потерпела поражение, и Пфальц оказался в руках имперского генерала Тилли. Король по-прежнему тянул с войной, полагаясь на обещания Гондомара. Но Испания и сама очутилась в трудном положении. Новый король Филипп IV не хотел воевать с Англией, но не мог и вступить с ней в союз против католических стран. Он прибегнул к испытанной тактике Якова — всячески тянул время, одновременно пригласив принца Карла в Мадрид. Тем временем английские добровольцы вели в Пфальце военные действия против католиков, и общественное мнение все настойчивее призывало помочь им. Однако король был захвачен перспективой союза с Испанией, ради которого он соглашался ослабить гонения на английских католиков и даже признать папу главным епископом, если только он «прекратит претендовать на божественность и приказывать королям».

Тем временем принц с Бэкингемом прибыли в Мадрид, где 20 июля 1623 года был подписан договор о браке Карла и инфанты Марии. В его официальной части Яков соглашался открыть в Лондоне католический храм для инфанты, доступный для всех желающих, а в тайных статьях речь шла об отмене некоторых налогов и штрафов для католиков. Однако вскоре Карлу и Бэкингему пришлось покинуть Мадрид из-за чересчур вольного поведения при чопорном испанском дворе. Они вернулись в Лондон в ярости и начали убеждать короля прекратить переговоры и немедленно объявить войну. Наконец 28 декабря Яков созвал парламент, который вскоре объявил о разрыве всех соглашений с Испанией. Политика короля вновь потерпела крах, и с этого момента он фактически

устранился от власти, передав ее сыну и его фаворитам. Он даже оставил Лондон и перебрался в имение Тибальдс-Парк в Хертфордшире, где пребывал в постоянной меланхолии. Чтобы развлечь его, Бэкингем, его жена и мать устраивали шуточные представления с переодеваниями. Однажды они нарядили свинью папой, а ее поросят священниками, за что получили от короля упрек в издевательствах над «ложной, но все-таки верой».

Прибывшие в Лондон испанские послы в раздражении заявили королю, что он — всего лишь игрушка в руках Бэкингема. В гневе король согласился на войну; жертвой опалы стал казначей Крэнфилд, который понимал, что война окончательно опустошит королевскую казну. Однако и теперь между различными партиями не было согласия: Бэкингем выступал за решительную войну на всех фронтах, а парламент — за ограниченные операции против испанцев на море. Сам король хотел только освободить Пфальц, но его уже никто не слушал. Было решено ускорить заключение брака между Карлом и принцессой Генриеттой — впервые за несколько веков Англия и Франция вступали в союз против общего врага. Договор о браке был заключен 10 ноября 1624 года; правда, парламент санкционировал его лишь после того, как король поклялся не допускать никаких послаблений католикам. В январе английская армия высадилась в Нидерландах и направилась на помощь протестантам; однако отсутствие денег и разногласия с французами скоро остановили успешно начатую операцию.

5 марта короля свалил приступ лихорадки, к которой скоро прибавилась дизентерия. В ужасных страданиях он медленно угасал в Тибальдс-Парке, теряя остатки разума; Бэкингем и его мать казались ему отравителями, и он отказывался принимать из их рук лекарства. Последние часы он провел в забывчивости и не смог произнести предсмертной речи — впрочем, он уже наговорил больше любого другого монарха. Он скончался 27 марта, и 5 мая был погребен в Вестминстере. О Якове никто не жалел — он слишком высоко ценил себя, слишком мало прислушивался к чужому мнению и слишком доверял своим любимцам, чтобы быть хорошим королем. По словам Франсуа Гизо, он «как будто поделился своими недостатками с подданными, ничуть не сделавшись от этого добродетельнее». Его

самоуверенность превращало даже самые несомненные достоинства в недостатки: миролюбие — в трусость, ум — в пустословие, религиозность — в лицемерие. В Шотландии он преуспел, поскольку его борьба за объединение и примирение отвечала потребностям страны; в Англии, где эта борьба уже была далеким прошлым, он не добился ни понимания, ни сочувствия. Представители разных сословий не любили его и как шотландца, и как «тирана», пытавшегося править самовластно. Будучи уверенным в своей божественной миссии и в нерушимости прав короля, Яков был слишком слаб, чтобы утвердить свою власть, и слишком упрям, чтобы ей поступиться. Именно он положил начало роковому непониманию монарха и парламента, которое при его сыне Карле I закончилось революцией.

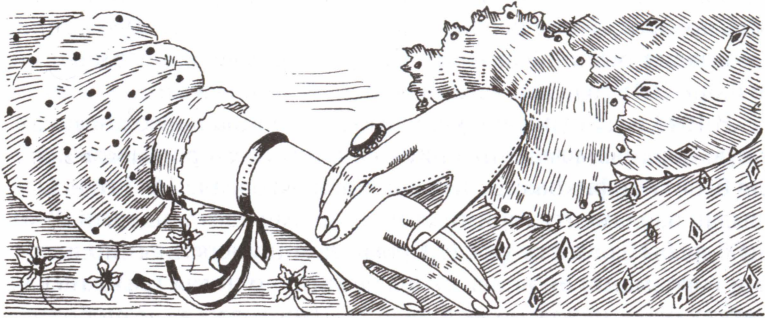
В момент вступления на престол Карлу было 24 года. Он вырос переменчивым, безвольным, нетерпеливым, хотя не был жесток, отличался религиозностью и нежно любил свою семью — короче, очень напоминал последнего российского императора. Сближает их и благородное поведение в конце жизни — словно унижения и казнь вернули им волю и мужество, которых им так не хватало при жизни. С самого начала правления Карл по совету Бэкингема вступил в открытую конфронтацию с парламентом. Продолжались гонения на пуритан, которые во все большем количестве уезжали в Америку. Денег в казне становилось все меньше, чему способствовали затяжные и неудачные войны с Испанией и Францией. В неудачах власти многие винили Бэкингема, что стоило ему жизни — 23 августа 1628 года фаворит был заколот офицером Фелтоном. Однако Стини быстро сменил новый фаворит, граф Страффорд, который взял на себя управление вместе с архиепископом Лодом, непримиримым врагом пуритан.

Парламент был распущен в 1629 году после подачи «Петиции о праве», которая требовала ограничить королевский произвол. В его отсутствие король пытался поправить свои дела путем введения новых налогов; тех, кто отказывался их платить, бросали в тюрьму. Антипуританская политика Лода привела в 1637 году к восстанию в Шотландии, где был создан «Ковенант» — союз для защиты пресвитерианской веры. Для выделения средств на войну с шотландцами король был вы-

нужден созвать в 1640 году новый парламент, что стало началом революции. Лишенный военной силы и денег, король на какое-то время оказался в руках парламента и был вынужден согласиться на отмену новых налогов, отказ от своего права распускать парламент, арест и казнь Страффорда и Лода. В январе 1642 года король бежал на север к своим сторонникам-дворянам и с ними начал гражданскую войну против парламента. После первых поражений парламентскую армию возглавил бывший пивовар Оливер Кромвель, одержавший в июне 1645 года решительную победу при Нэсби.

В 1643 году пуритане уничтожили официальную англиканскую церковь; владения епископов и всех сторонников короля были конфискованы. Король Карл в феврале 1647 года был выдан парламенту своими сторонниками-шотландцами. В ходе борьбы за власть между Кромвелем и умеренными лидерами парламента он вновь сумел бежать; но новая гражданская война была недолгой — в августе 1648 года «железнобокие» Кромвеля разбили роялистов при Престоне. Карл снова оказался в плену и 30 января 1649 года по приговору Верховного трибунала был казнен в Уайтхолле как «тиран и изменник отечества». Сторонники монархии тут же объявили королем 18-летнего сына покойного Карла, но фактически Англия оказалась в руках Кромвеля. 19 мая он объявил страну республикой, с беспощадной жестокостью подавил восстания ирландцев, шотландцев и более радикальных пуритан и в 1653 году провозгласил себя пожизненным протектором государства. Многим тогда казалось, что английская монархия безвозвратно ушла в прошлое.

Восстановитель. Карл II

Ночь 6 октября 1651 года молодому королю из рода Стюартов пришлось провести в ветвях раскидистого дуба в лесной глуши Вустершира. Внизу расположились на ночлег солдаты армии Кромвеля; поделив между собой скудный ужин, они до темноты распевали пуританские гимны. У короля кружилась голова, ныли ноги, саднили мозоли на руках. От заунывных гимнов нестерпимо хотелось спать. Но Карл Стюарт не смел даже пошевелиться; он знал, что эти солдаты, так же как и сотни их товарищей по всему графству, ищут именно его.

Еще пару недель назад он руководил армией из 13 тысяч человек — шотландцев и английских роялистов. Но после разгрома при Вустере его люди рассеялись, а ему самому пришлось бежать сюда, на ферму Боскобел. Когда-то, до закрытия монастырей при Генрихе VIII, здесь находилась цистерцианская обитель Белых сестер. Теперь на ее развалинах стоял покосившийся дом дровосека Пендрелла, куда верные люди с большим трудом доставили короля. Генералы Кромвеля пообещали за его поимку тысячу фунтов и одновременно грозили повесить каждого, кто поможет ему. Ему пришлось

остричь свои длинные волосы, переодеться в лохмотья, вымазать лицо углем. Мало того — солдаты явились даже в убогий домик дровосека, и король был вынужден прятаться на дереве. Сидя там, он думал о всех испытаниях, которые ему пришлось пережить. Скитания по Англии в тщетных поисках поддержки, предательство друзей, наконец, казнь отца — за что ему это все? Но король был умным человеком и быстро отогнал от себя печальные мысли. Вместо этого он стал вспоминать беззаботное детство в Уайтхолле — детство наследника, которому в один прекрасный день предстояло стать королем. Не таким, как сейчас — «королем понарошку», жалким изгнанником, а подлинным правителем двух королевств, Англии и Шотландии.

Принц Карл, второй сын короля Карла I Стюарта и королевы Генриетты-Марии, родился 29 мая 1630 года. Мальчишка доверили целому взводу нянь под командованием графини Дорсет; восемь человек были заняты исключительно тем, что посменно качали его колыбель. Из всех нянюшек младенец безошибочно выбрал самую молодую и симпатичную, Кристабел Уиндем, ставшую его любимицей. Отец был очень привязан к Карлу и даже иногда читал ему по вечерам — сам принц научился читать довольно поздно, зато очень любил это занятие. Впрочем, он никогда не корпел над книгами, как его дед Яков. Карл был живым, подвижным мальчиком и в восемь лет, упав с крыши, сломал ногу и сильно ушибся. В 1638-м его сделали принцем Уэльским и отдали на попечение коллективу учителей под началом графа Ньюкасла. Однако вскоре безмятежную жизнь принца прервали тревожные события революции. Захвативший власть парламент назначил наставником Карла одного из своих лидеров, Хэмпдена, чтобы тот воспитал его в духе «уважения к воле народа, выраженной в законах». Однако мальчик был твердым роялистом и в палате лордов, куда его избрали в возрасте 11 лет, старался отстаивать интересы своего отца.

Почтенные законодатели уже тогда изумлялись острому языку мальчика. Как-то мать пыталась напоить его горьким лекарством. Принц отказывался; тогда граф Ньюкасл начал расписывать ему полезность лекарства. «А почему же вы сами не вылечились им?» — осведомился Карл у вечно хворого

графа. В 1642 году Ньюкасл настолько занемог, что отказался от должности гувернера, и она досталась маркизу Херефорду — человеку веселому, большому любителю женщин. К ужасу своей благочестивой матери, Карл вскоре начал проявлять неумный интерес к слабому полу. Первой была няня Уиндем, к которой юный принц начал проявлять отнюдь не сыновние чувства. Она же, оценив ситуацию, вымогала у него подарки и должности для своих земляков. Слишком бойкую няню пришлось отослать вон, но мальчик тут же переключился на других. Однажды во время церковной службы отец даже дал ему по голове тростью за неприличную возню с фрейлинами на задней скамье. Позже Карл открыто похвалялся своими победами и вел донжуанский список, в который вошло почти 300 женщин — от проституток до принцесс. В народе его прозвали «Старым Волокитой» (*Old Rawley*). При этом он не отличался красотой — длинный нос Стюартов, смуглое лицо, отвисшие щеки. Карл был высок ростом, строен, хотя к старости начал полнеть; волосы имел темного, почти черного цвета, но почти всегда носил парик по моде своего времени.

Карл славился умом и наблюдательностью, любил острые, хоть и грубоватые шутки и был неутомимым рассказчиком; он особенно любил истории о своих приключениях во время гражданской войны. Он не отпускал от себя личного летописца, Сэмюэля Пипса, которому мы обязаны массой сведений не только о личности короля, но и обо всей его эпохе. Учеба Карла была очень недолгой, но он быстро усваивал информацию и хорошо знал не только историю и право — его любимые предметы, — но и естественные науки. По словам Пипса, он любил наблюдать вскрытие трупов умерших; вместе со своим кузеном Рупертом он увлекался химическими опытами и за неделю до смерти занимался перегонкой ртути. Во дворце он завел комнату, где хранились всякие диковины, собранные как в Англии, так и за границей. Не было такой области знаний, которой бы он ни интересовался — посещал фабрики, обожал корабли и сам плавал на яхте, увлекался модными астрономическими теориями. Карл покровительствовал литераторам и особенно драматургам и сам играл в любительских спектаклях. Прекрасно разбирался в архитектуре и лично руководил перестройкой Лондо-

на после Большого пожара 1666 года. Он также собирал картины и редкие книги.

Карл много занимался спортом, пока его здоровье не пошатнулось из-за распутной жизни. Он играл в теннис, много ходил пешком, превосходно танцевал, но больше всего любил охоту и конные состязания. В Ньюмаркете и других местах он постоянно посещал скачки и положил начало любви английского высшего общества к этому виду развлечений. Вообще он был типичным английским джентльменом в своем увлечении лошадьми, гончими и лисьей охотой. Народ любил его, несмотря на расточительство и неподобающее поведение, — этот веселый монарх казался всем избавителем от унылой пуританской деспотии. Король сквозь пальцы смотрел на коррупцию и прочие недостатки своих приближенных, но не из любви к ним, как Яков, а из лени и цинизма. «Всего не украдут», — говорил он. Все его царствование, несмотря на войны и природные катаклизмы, пролетело как один сплошной праздник, и лишь потом англичане увидели, как дорого — во всех смыслах — оно обошлось. Про Карла говорили: «За всю жизнь он не сказал ни одной глупости и не сделал ничего умного».

В феврале 1642 года принц Карл со своим гувернером Херфордом бежали на север вслед за королем и примкнули к армии роялистов. Принца формально назначили командовать полком, но ни по возрасту, ни по характеру он не подходил для этого, и в сражении при Эджхилле он и его младший брат Яков оказались в окружении и едва не попали в плен. После этого ему уже не доверяли командования, а оставили при отце. Вместе с королем он осенью 1643-го совершил неудачный поход на Оксфорд и при отступлении заболел корью, от которой едва не умер. После этого он остался в Оксфорде, где новый гувернер, граф Беркшир, пытался продолжить его прерванное обучение. К этому времени относится анекдот: как-то принц столкнулся на улице с пленным парламентским офицером и узнал, что его ведут на допрос к королю. «Лучше повесьте его скорее, пока отец его не помиловал», — посоветовал Карл. Королева Генриетта не верила в победу роялистов и не раз пыталась добиться отъезда принца из Англии, для чего собиралась женить его то на дочери принца Оранского, то на португальской инфанте. Однако Карл уклонялся от всех пред-

ложений — то ли из нежелания покидать отца в трудную минуту, то ли из отвращения к брачным узам, которое он всегда проявлял.

Роялистская армия терпела поражения, и король ради безопасности сына отослал его в Бриджуотер, номинально поручив ему командование войсками в западных графствах. 4 марта 1645 года отец и сын расстались навсегда, и Карл с тремя сотнями всадников и верным советником Эдвардом Хайдом покинул Оксфорд. По словам Хайда, принц вначале действовал разумно и пытался с помощью своего военного совета наладить оборону на западе, но позже «попал под дурное влияние» и начал грубо обращаться с членами совета и принимать решения без совета с ними. В итоге король отстранил его от командования, и принц уехал в маленький городок Барнстейпл. Там его и застало известие о разгроме королевской армии при Нэсби. В июле победоносные войска Фэрфакса двинулись на запад, и принц бежал в Корнуолл и получил там письмо отца, где ему приказывалось в случае опасности немедленно уезжать во Францию и находиться там вместе с матерью, «которая пользуется полной властью над вами во всем, кроме религии».

Однако военный совет возражал против отъезда принца, поскольку это лишало роялистов их знамени. Девонширские дворяне считали, что Карл должен вступить в переговоры о мире с парламентом; он попытался это сделать, но вождям парламентских сил нужна была только безоговорочная капитуляция. Однако военные действия пока обходили запад стороной, и даже поле взятия Бристоля в сентябре военный совет роялистов не терял надежды сохранить на этой территории власть короля. Вскоре вспыхнула ссора между роялистскими генералами Горингом и Гринвиллом, и один из них бежал во Францию, а другой сдался противнику. Несмотря на поступающие от короля требования отъезда, Карл продолжал оставаться в Англии, надеясь сплотить разрозненные отряды роялистов и с ними освободить Эксетер, осажденный армией парламента. В конце концов он обосновался в замке Пенденнис на самом западе Корнуолла; 2 марта, когда армия Фэрфакса уже подошла на расстояние двадцати миль, принц сел на ждущий его фрегат и отплыл на острова Силли. Остатки его армии под командованием Хоптона тут же разбежались.

Больше месяца Карл вместе с Хайдом и Калпеппером прожил на уединенных островах, время от времени получая письма от парламента, который «со всей любовью и терпимостью» приглашал его приехать в Лондон. В то время большая часть депутатов еще надеялась сохранить монархию и была не прочь сделать принца конституционным королем. Но Карл всякий раз отвечал, что не может приехать без согласия отца, который воевал на севере. В апреле острова были окружены сильным парламентским флотом, но, к счастью для принца, налетел шторм и рассеял вражеские корабли. Советники решили больше не испытывать судьбу, и скоро принц уже был на острове Джерси, откуда он собирался отправиться во Францию. Надо сказать, что он был не таким уж одиноким изгнанником, как сам рассказывал позже, — на Джерси с ним было триста человек свиты, включая прачек, портных и ювелиров. 5 мая король сдался шотландцам в Ньюарке, и положение роялистов стало бесперспективным. Только тогда Карл покинул Джерси и отплыл в Париж, где его ожидала мать. Хайд и другие сторонники принца не последовали за ним, а отбыли на север, чтобы до конца быть с королем. Так закончилась первая глава политической карьеры Карла.

В Париже королеву-изгнанницу с сыном ждал вежливый, но достаточно холодный прием. Кардинал Мазарини, фактический правитель Франции, вовсе не желал быть вовлеченным в войну с английским парламентом на стороне короля. Не хотел он и принимать тысячи роялистов, которые неизбежно должны были явиться во Францию вслед за принцем. Сначала Карлу отказали в пособии, о котором просила мать, потом не взяли в кавалерийский полк Карла Орлеанского; тут он заболел малярией и долгое время мучился от ее последствий. Два года его жизни в Париже пролетели довольно весело в компании молодых друзей — герцога Бэкингема (сына бывшего фаворита) и лорда Перси. Там он получил первые уроки любви и другие уроки — политики, которой его учил знаменитый философ Гоббс; взойдя на трон, Карл назначил ему пенсию.

В 1648 году началась новая гражданская война, и принц тут же покинул мирные забавы Парижа. С армией эмигрантов-роялистов он в июле высадился в устье Темзы и взял мно-

жество трофеев, но при приближении парламентской армии был вынужден вернуться в Голландию. Там его приняли радушно; особенно скрашивала его жизнь красotka Люси Уолтерс, любовница генерала Сидни. Вскоре она родила сына Джеймса, который после восшествия Карла на трон стал герцогом Монмутом и принес много неприятностей и королю, и его наследнику. Несмотря на ласки Люси, следующие несколько месяцев выдались довольно мрачными. В бездействии Карл выслушивал известия о все новых поражениях шотландских сторонников Стюартов, об аресте короля и подготовке суда над ним. Позже Карл говорил об отце с таким же веселым цинизмом, как и обо всем остальном, но в те дни он был по-настоящему взволнован. Он требовал вмешательства от голландских Генеральных штатов, обращался за помощью к Фэрфаксу и другим умеренным генералам; наконец, отослал в парламент чистый лист со своей подписью, предложив вписать любые условия, на которых депутаты готовы пощадить жизнь отца. Однако Карл был казнен, и 5 января шотландцы провозгласили его сына королем Карлом II. Его признали также в Ирландии, и даже из Англии приходили известия о поддержке и сочувствии.

Карл долго раздумывал, стоит ли полагаться на шотландских лордов, дважды предавших его отца. Сначала он вернулся во Францию к матери. Все планы вторжения в Англию разбивались о нехватку денег и вооружения, которые правительство Мазарини не собиралось давать. Карл, правда, попытался утвердить свою власть на Нормандских островах, но парламентский флот снова прогнал его в Голландию. Там его и нашли лорды Гамильтон и Лодердейл, посланцы шотландского парламента. Как раз в те дни в Шотландии вспыхнуло победоносное восстание герцога Монтроза, и эмиссары приглашали своего нового короля присоединиться к нему. Взамен они потребовали признать Ковенант и власть шотландского парламента. Карл согласился и в конце мая отплыл на север с тремя кораблями. Он так и не получил денег ни от Франции, ни от Испании, к которым обращался за помощью. По данным Хайда, какие-то деньги были посланы ему из Польши и даже из России (видимо, от английских купцов), но он их тоже не получил.

После 22 дней трудного плавания Карл прибыл в бухту Кро-
марти и был встречен лордом Аргайлом, который сам себя на-
значил его главным советником. В Шотландии бушевала борь-
ба за власть; Монтроз, на которого король надеялся, был разбит
и казнен. Пару недель король провел в бездействии в Фолк-
ленде, а потом парламент велел ему удалить Гамильтона и Ло-
дердейла и заменить их другими советниками. Шотландия
Карлу не понравилась: за время пребывания там он выслушал
великое множество молитв («Некоторые были очень длинны-
ми», — жаловался он позже Пипсу) и не раз выслушивал упре-
ки в недостаточном благочестии. К тому же к нему не допу-
скали его сторонников и фактически держали в плену. После
всего этого он заявил Лодердейлу: «Пресвитерианство — рели-
гия не для джентльменов». Однако со свойственным ему здра-
вомыслием он был вежлив с Аргайлом и даже туманно обещал
жениться на его дочери, прекрасно понимая, что герцогу ниче-
го не стоит выдать его Кромвелю. В конце концов ему дали на
подпись декларацию, где помимо прошлых обязательств ему
предлагалось отказаться от всяких связей с ирландскими като-
ликами и осудить «кровожадность» отца и «идолопоклонство»
матери. В противном случае его угрожали изгнать из Шотлан-
дии. Немного подумав, Карл подписал соглашение, тем более
что армия Кромвеля уже подходила к границе.

3 сентября 1650 года шотландцы были разгромлены в бит-
ве при Дунбаре. После этого Карл попытался бежать от Аргай-
ла к своим сторонникам во главе с Хантли, которые ждали его
на севере, но был пойман. 1 января 1651 года его короновали
в Сконе, заставив поклясться в верности Ковенанту; таким
образом, он стал пресвитерианским королем Англии и Шот-
ландии. После этого число его приверженцев резко увеличи-
лось, и к весне под его знаменем находилось двадцать тысяч
человек. В июле в Шотландии появился Кромвель с армией,
который двинулся к Перту, но тут же повернул обратно, ко-
гда узнал, что Карл обошел его с фланга и вторгся в Север-
ную Англию. На этот отчаянный шаг короля толкнули изве-
стия о том, что его сторонники в Англии готовы к восстанию
и выведут ему навстречу тысячу вооруженных людей. Это ока-
залось неправдой, но тем не менее в Карлайле и других го-
родах его армию во главе с шотландцем Дэвидом Лесли ждал

радушный прием. Повсюду Карл распространял декларации о помиловании всех сторонников парламента, кроме «цареубийц» — Кромвеля, Айртона и Брэдшоу. Он прошел через Чешир и Шропшир, пополняя свою армию местными роялистами, и 22 августа вышел к Вустеру.

Тем временем приблизился Кромвель с армией, которая более чем в пять раз превышала тринадцатитысячный отряд короля. 3 сентября в битве у окраин города роялисты были разбиты; Карл позже резко критиковал военные способности Лесли и его шотландцев. Сам он сражался до последнего и даже на короткое время сумел потеснить врага. Даже вечером, укрывшись за стенами Вустера, он еще готовился к новому сражению. Однако шотландская армия покинула город и устремилась на север; король с шестью десятками последних сторонников углубился в леса. Они решили разъехаться в разные стороны, а короля спрятать в Боскобеле. Несколько недель он провел в хижине лесоруба, потом пустился на юг, ночуя у своих сторонников, — за это время его, несмотря на маскировку, узнали несколько десятков людей, но предателей среди них не нашлось. После Реставрации многие из прятавшихся его получили награду; однако он спасся благодаря не только их помощи, но и своему хладнокровию, которое не раз выручало его в трудных ситуациях, подобных случаю с «королевским дубом». Наконец Карл достиг побережья и 16 октября 1651 года целый и невредимый высадился в Нормандии.

Наступил новый период вынужденного бездействия. Шотландия и все предприятие в целом оставили у него самые мрачные впечатления, и на какое-то время он вовсе перестал общаться с роялистами. Вначале он был радушно принят при дворе, но потом наступило охлаждение, и обещанное ему пособие в шесть тысяч ливров часто забывали платить. Его кузен Руперт (сын Фридриха Пфальцского) с прибылью занимался пиратством, но тоже не собирался делиться с родственником. Мать, увидев, что повзрослевшего сына уже вряд ли удастся держать под контролем, занялась устройством личной жизни. Не в силах, как брат, поступить на французскую службу, Карл оставался королем так называемого «призрачного двора», где королева и ее фавориты занимались мелкими интригами. Вернейшие соратники — Хайд, Ормонд, Бэкин-

гем, вошедшие в новый королевский совет вместе с Джермином и Уилмотом, могли посоветовать только одно — сохранять спокойствие и ждать. Во Франции бушевала Фронда, и надеяться на помощь отсюда не приходилось. В Голландии умер покровитель Карла Вильгельм II, и новое правительство объявило войну Англии. Проиграв, голландцы вынуждены были в числе других условий пообещать не пускать к себе Стюартов. Граф Норич, поехавший за помощью в Вену, привез только мизерную стипендию от одного из немецких князей.

В апреле 1654 года Кромвель окончательно победил шотландцев и вынудил их отказаться от присяги Карлу. В том же году между Англией и Францией были восстановлены отношения, планировался договор о союзе, и стала вполне возможной высылка Карла и его родных. Король решил ехать в Германию; Мазарини на радостях выплатил ему остатки пособия, и даже английские роялисты скинулись для своего короля. Карл велел казначею «призрачного двора» Стивену Фоксу строго следить за тем, чтобы впредь все расходы короны не превышали 240 фунтов в год. В июне 1654 года он прибыл во Фландрию, где встретился со своей сестрой Мэри (вдовой Вильгельма II); потом направился в Кельн, где был радушно принят магистратом и местными иезуитами, которые надеялись возратить короля к «истинной вере». В Кельне Карл прожил два года и позже говорил о его жителях как о самых добрых и гостеприимных людях, каких ему доводилось встречать. Большую часть времени он читал у себя в кабинете или гулял по городу пешком, так как не имел денег на карету.

В 1655 году неудачный роялистский мятеж Солсбери заставил короля перебраться в Миддельбург, поближе к Англии. После поражения мятежа он инкогнито посетил Франкфурт, где встретился с экстравагантной шведской королевой Кристиной. Он пытался попросить у нее помощи, но у Кристины были свои проблемы с парламентом. Тогда Карл переориентировался на Испанию и тоже инкогнито приехал в Брюссель, где завязал переговоры с испанским наместником Хуаном Австрийским. В условиях объединения двух своих врагов — Англии и Франции — испанцы были совсем не прочь взять на службу английских эмигрантов. Маленький двор Карла переехал из Кельна в Брюгге, и весной 1657 года был подписан до-

говор, по которому Испания соглашалась вооружить четыре английских полка и оплачивать их содержание. Такой поворот серьезно обеспокоил режим Кромвеля; агенты Терлоу, начальника секретной службы, начали готовить заговоры. Они подкупили одного из секретарей короля, Ричарда Уиллиса, чтобы попытаться похитить Карла и отвезти его в Лондон, где его, скорее всего, ждала участь его отца. Заговор не удался, но так же не удавались все попытки роялистов вторгнуться в Англию или поднять мятеж внутри нее. Весной 1658 года вооруженные сторонники Карла уже собирались в Дюнкерке, но тут англо-французский десант внезапно захватил город. Положение казалось безнадежным, когда 3 сентября умер Кромвель.

В ходе начавшейся в Англии борьбы за власть сначала робко, потом все громче стали раздаваться голоса в пользу возвращения короля. Многолетняя революция принесла жертвы и страдания многим англичанам, но не достигла того, на что надеялись ее простые участники. Богачи не торопились делить свои земли поровну между всеми «сынами Божиими», как настаивали радикальные пуритане. Не получили простые англичане и политических прав — парламент был превращен в фикцию, а диктатор Кромвель пользовался большей властью, чем король. С крайней свирепостью были подавлены восстания в Шотландии и Ирландии, а тюрьмы заполнены не только истинными врагами Кромвеля, но и теми, кто возмущался ростом цен или регулярно пропускал богослужения. Более того — в Английской республике возобновились угасшие было гонения на ведьм, и вновь запылали костры. После смерти протектора власть перешла по наследству к его сыну Ричарду, но была быстро узурпирована враждующими военными фракциями.

В июле 1659 года Джон Мордаунт (не имеющий ничего общего с персонажем Дюма-отца) привез Карлу известие о том, что едва ли не все графства в Англии готовы восстать и призвать короля. Ободренный Карл перебрался в Кале и там получил известие о разгроме роялистского мятежа Бута и Миддлтона. Тогда он решил сделать ставку на противоречия между генералами и не прогадал. Скоро казначей Фокс уже был в Шотландии у генерала Джорджа Монка, одного из видных военачальников республики. Монку пообещали высокие по-

сты при дворе за помощь в восстановлении монархии, но он колебался. Тем временем Карл с Ормондом отправился в Испанские Пиренеи, где проходила встреча Мазарини и испанского главного министра Луиса де Аро. Король хотел добиться от обеих стран помощи, но опять потерпел неудачу. Мазарини даже отказался встречаться с ним, хотя он согласился на брак с племянницей кардинала Гортензией Манчини. После Реставрации Карл наотрез отказался жениться на Гортензии, но все же поселил ее в Лондоне на правах своей любовницы.

В декабре Карл вернулся в Брюссель, и начался оживленный обмен предложениями и условиями между ним и Монком при посредничестве Гринвилла и других роялистов. Наконец 4 апреля 1660 года Монк лично явился в город Бреда в Испанских Нидерландах и подписал соглашение, по которому Карл возвращался в Англию в качестве короля, а Монк становился при нем главнокомандующим. Как только Гринвилл и Мордаунт отвезли текст соглашения в Лондон, Карл был провозглашен королем в Вестминстере в присутствии обеих палат парламента. Теперь для него все изменилось — бывшего никому не нужного изгнанника наперебой приглашали к себе все европейские государи. Дон Хуан звал его в Брюссель, Мазарини — в Париж, но Карл предпочел Гаагу, где вручил сыну своей сестры Вильгельму III в дар свои последние шесть тысяч фунтов.

Теперь он мог позволить себе быть щедрым; эмигрантская бедность уходила в прошлое. Десятки роялистов получили награды или были посвящены в рыцари. В мае к берегам Бельгии причалил английский флот под командованием адмирала Монтегю, и депутация лордов, горожан и пресвитерианских проповедников явилась к королю, чтобы нижайше просить его прибыть к своим возлюбленным подданным. 22 мая Карл и его двое братьев поднялись на борт фрегата «Нэсби», который был тут же переименован в «Короля Карла».

26-го король высадился в Дувре. Набережная и все улицы, по которым следовал кортеж, были заполнены ликующим народом. У сходней Карла встречал стоящий на коленях Монк; король поднял его, расцеловал и назвал «отцом». Дуврский мэр поднес ему богато украшенную Библию, которую король тоже поцеловал, сказав, что любит эту книгу больше всего на

свете. Процессия медленно двигалась к Лондону через Рочестер и Блэкхит, где короля приветствовала многоголосым «ура» армия Монка. В семь вечера 29 мая он вступил в Уайтхолл; этот день был и его днем рождения, что прибавило лондонцам праздничного настроения. С балконов свешивались ковры и гирлянды цветов, а во всех фонтанах города вместо воды било вино. Снова появились яркие одежды, запрещенные пуританами; женщины смогли пудриться и завивать волосы, снова открылись театры. За все это лондонцы благодарили нового короля, который казался им молодым и красивым.

Так же гладко прошло восстановление монархии во всех частях страны. В Шотландии ее утвердил парламент, собравшийся 1 января 1661 года; он же отменил все принятые с начала революции законы за исключением Ковенанта. В Ирландии, где Карла сразу поддержало командование английской армии, местное население относилось к новому королю настороженно, но его мнения никто особенно не спрашивал. Хотя Карл обещал помилование всем сторонникам республики, десять из них все же были казнены. Перед расстрелом какой-то роялист издевательски спросил старого полковника Гаррисона: «Ну, где же теперь ваше дело?» — «Здесь, — мужественный солдат указал себе на грудь, — и я сейчас скреплю его кровью». Позже погибли еще несколько человек, а генерала Ламберта, главного противника Монка, пожизненно сослали на остров Гернси. Довольно скоро король заявил, что он «устал от казней», и велел судить за расправы над республиканцами как за обычные убийства. Что касается «цареубийц», то никто из них не дождал до Реставрации, но это не остановило мстителей. Тела Кромвеля, Айртона и судьи Брэдшоу были выкопаны из могил, отвезены в Тайбернскую тюрьму и там повешены на потеху черни. Выбросили из могилы мать и дочь Кромвеля, похороненных в Вестминстерском аббатстве. Несладко пришлось и пуританам: в январе 1661 года был подписан Акт об унификации, который восстановил в прежнем виде англиканскую церковь, а в день святого Варфоломея, 24 августа, две тысячи пуританских проповедников должны были покинуть свои приходы и отправиться в изгнание.

Радость Реставрации была омрачена для короля смертью родных. Заболели оспой и умерли прибывшие на коронацию

брат короля Генри (герцог Глостер) и сестра Мэри. Двадцатилетний Генри во время революции оставался в Лондоне вместе с сестрой Элизабет; Кромвель постоянно держал королевских детей под надзором, чтобы роялисты их не выкрали. Элизабет умерла в 1650 году; что касается другой сестры, принцессы Генриетты, то ее после Реставрации выдали замуж за герцога Филиппа Орлеанского. Этот знаменитый развратник не обращал на молодую жену никакого внимания, она зачахла от тоски и умерла в 1670 году. Тогда же скончалась королева Генриетта-Мария, забыв к концу жизни про Англию и утешившись с новым мужем — герцогом Джермином. Единственным представителем рода Стюартов остался герцог Йоркский Яков; он и стал наследником престола. Правда, был еще сын Мэри Вильгельм Оранский, но судьба еще не скоро привела этого штатгальтера Голландии на английский престол.

Первый период царствования Карла связан с именем Эдварда Хайда. Еще при высадке в Дувре этот вернейший советник короля вместе с Монком составил список министров. Сам Хайд стал лордом-канцлером и графом Кларендоном, а Монк — главнокомандующим и графом Албемарлом. После ожесточенного торга в состав королевского совета вошли 30 человек, из которых только двенадцать были роялистами. Однако внутри совета выделился узкий круг министров, которые и осуществляли реальное управление. Помимо Хайда и Монка туда входили Саутгемптон, Ормонд, Калпеппер, герцог Йоркский и государственные секретари Николас и Моррис. Однако королю с самого начала не удалось установить баланс сил между различными партиями и отдельными людьми. Бывшие республиканцы и роялисты относились друг к другу с подозрением, что усугублялось религиозными различиями. Старый советник короля Бристоль, не включенный в совет как католик, плел интриги против канцлера вместе с Фалмутом и Арлингтоном, который скоро занял место Николаса. Неожиданно в борьбу за власть вмешалась новая сила — королевские любовницы и их многочисленные родичи. Самая влиятельная из фавориток, Барбара Палмер, стала леди Каслмэн, а ее муж вошел в состав совета. Но тут Хайд сделал сильный ход — его дочь Анна вдруг оказалась беременной от герцога

Йоркского, и тот был вынужден на ней жениться. С тех пор до самой смерти в 1667 году его позициям ничто не угрожало.

Начало царствования ознаменовалось важными изменениями в законодательстве. В августе 1660 года был принят Акт о ненаказании за преступления, совершенные при республике. Еще до этого король выпустил ряд прокламаций, направленных против «порочных и разнузданных людей», которые под предлогом мести республиканцам устраивают беспорядки и убийства без суда. В июле была распущена громадная кромвелевская армия — непосильная нагрузка для бюджета. Правда, король сохранил три полка, получившие звание гвардейских. Труднее было решить вопрос о собственности — земли и дома многих сторонников короля при Кромвеле были конфискованы, и ими владели теперь вельможи из числа бывших республиканцев. Карл решился вернуть отнятое только короне, церкви и знатным лордам. Что касается простых роялистов, то их заявления должны были рассматриваться судами в общем порядке. Скоро суды оказались заняты только этими делами, а претензии обиженных намного превысили ежегодно выделяемые для них 60 тысяч фунтов. В целом компенсацию получили не больше десяти процентов жалобщиков. Недовольство усиливалось тем, что часть конфискованных земель, особенно в Ирландии, была роздана герцогу Йоркскому и другим сановникам. Самому королю парламент установил громадное содержание в 1200 тысяч фунтов, из которых треть поступала от таможенных сборов, переданных ему пожизненно. Впрочем, и этих денег королю не хватало, и он даже подозревал канцлера в стремлении занизить его доходы.

23 апреля 1661 года состоялась пышная коронация Карла, для которой изготовили новые королевские регалии — прежние республиканцы переплавили и продали на лом. Коронацию преследовали неудачи; сначала ее перенесли из-за смерти королевских родственников, а когда она все же состоялась, праздничное шествие было разогнано страшной грозой. 8 мая собрался новый парламент; прежний, так называемый Парламент Конвенции, был распущен в декабре и изрядно почищен от сторонников республики. Первыми своими актами парламент утвердил прощение для республиканцев, но поспешил обезопасить короля — отныне любой чиновник или депутат,

назвавший Карла «еретиком» или «папистом», подлежал смещению с должности. Одновременно открылись парламенты в Шотландии и Ирландии; в последней была восстановлена местная протестантская церковь. В Шотландии перемены были более серьезными — бывший покровитель Карла герцог Аргайл лишился головы, а Ковенант был торжественно сожжен на площади в Эдинбурге. Фактическим правителем Шотландии стал герцог Лодердейл, один из сподвижников Карла. Он жестоко преследовал пресвитериан, сделав английский единственным языком богослужений. Нескольких ослушников казнили, прибив их головы над дверями их собственных домов. Скоро шотландские пуритане потянулись в Америку вслед за английскими.

На открытии парламента король объявил о намерении жениться на португальской принцессе Катарине Браганской. Его внешняя политика была довольно переменчивой; наметившаяся дружба с Голландией была пресечена парламентом, поскольку голландцы конкурировали с Англией в торговле и в колониях. Тогда Карл обратил взор в сторону могущественных католических держав — Франции и Испании. Сперва он выдал сестру за герцога Орлеанского, а потом по настоянию Кларендона начались переговоры о женитьбе самого короля на французской или испанской принцессе. Однако парламент пресек и эти инициативы из боязни католического влияния. В Лондоне циркулировали слухи о том, что Карл уже тайно женился на одной из католических принцесс... скорее всего, на молодой и красивой дочке принца де Линя. Однако интересы государства победили — король выбрал невзрачную и богомольную принцессу Браганскую, дочь короля Португалии. Ее отец Жоан V ненавидел испанцев и на радостях выделил новому союзнику богатое приданое и подарил индийский порт Бомбей — с этого и началась британская империя в Индии. Король галантно встретил принцессу в Портсмуте, а 20 мая состоялось торжественное бракосочетание. Англичане бурно радовались — отчасти потому, что жена герцога Йоркского ждала наследника, а у народа не пользовались популярностью ни семья Кларендон, ни угрюмый и косноязычный герцог.

Однако отношения между королем и королевой сразу неладились. Чопорная Катарина не желала мириться с тем га-

ремом, который Карл завел у себя при дворе. Французский мемуарист Капфиг вспоминал: «Трудно было найти двор изящнее, легкомысленнее, богаче интригами и красивыми дамами. Между знатными красавицами особенно заметны были графиня Каслмен, впоследствии герцогиня Кливленд, графиня Честерфилд, графиня Шрусбери, графиня Мидлтон, девица Гамильтон, вышедшая за графа Граммона, и мисс Фрэнсис Стюарт, любовница короля. Все эти блестящие леди могли смело соперничать с первейшими красавицами версальского двора, принятого ими за образец». Среди всех пассий короля блистала леди Каслмен, с которой король сблизился еще в Голландии. Барбара Вилльерс еще в 15 лет стала любовницей лорда Стэнхоупа, а чуть позже вышла замуж за отвратительно-го карлика Палмера, католика и ярого роялиста. Свои огромные средства он щедро тратил на поддержку Карла, и тот, став королем, отблагодарил его богатыми дарами и титулом графа Каслмена. Скоро молодая леди Каслмен поднесла супругу сына, очень похожего на Карла. За ним последовал второй, затем третий — все это время граф пробыл в Париже. В ярости он потребовал развода и написал пасквиль на короля, за что был посажен в Тауэр и после навсегда выслан из Англии. Карл осыпал Барбару золотом, раздал ее детям герцогские титулы и поселил ее во дворце, где устраивались настоящие оргии. Там можно было увидеть монарха, весело скачущего через стулья или строящего карточные домики. Многие забавы носили менее невинный характер — популярной была «охота на лис», когда Карл и его придворные гонялись по комнатам за толпой совершенно голых графинь и герцогинь.

На какое-то время первенство Барбары было поставлено под сомнение романом короля с Фрэнсис Стюарт. Эту 16-летнюю хохотушку Карл поселил во дворце Уайтхолл — он говорил, что не может жить в доме казненного отца, и начал строить Сент-Джеймский дворец. Он обожал Фрэнсис и, по слухам, даже намеревался развестись с «португальской плаксой» и жениться на ней. Мисс Стюарт погубила доброта — она дарила свои милости не только Карлу, но и его брату, а также множеству придворных, включая Бэкингема-младшего и герцога Ричмонда. В последнего она влюбилась и решила бежать с ним, но верная леди Каслмен донесла об этом королю. Во-

рвавшись в спальню к Фрэнсис и Ричмонду, Карл разразился бранью, как пьяный матрос. Герцог ненадолго оказался в Тауэре, но потом отходчивый король простил его и позволил обвенчаться с Фрэнсис. Время от времени она вновь оказывалась в его постели, но прежней любви уже не было.

Придя к власти, Карл разрешил закрытые пуританами театры и впервые позволил играть в них женщинам. Среди первых на сцену вышли Молли Дэвис и бывшая торговка рыбой Нелл Гвин. Молодые бойкие девицы прошли через постели нескольких лордов и скоро оказались в гареме короля. На его оргиях они распевали куплеты, сопровождая их совершенно бесстыдными телодвижениями. Особенно король привязался к Нелл, которой выплачивал ежегодно 60 тысяч фунтов. Лондонцы тоже любили ее, ласково называя «протестантской шлюхой» в отличие от католички Каслмен. Нелл и Молли были девушками простыми и не участвовали в придворных интригах, что само по себе было достоинством. Карл вообще предпочитал актрис герцогиням, хотя при своей неразборчивости не пренебрегал и последними. По его настоянию всех артистов признали служащими государства и освободили от налогов; когда один депутат выступил против этого, ему ответили, что актеры развлекают короля. «Актеры или актрисы?» — не удержался депутат. За это невинное замечание ему отрезали нос: в ту пору престиж королевской власти еще стоял высоко.

Тем временем королева проявляла все большее недовольство. Все годы супружества Карл не удостоивал ее вниманием, и детей у них так и не появилось. Периодически возникали слухи о разводе, но Катарине вовсе не хотелось возвращаться в Португалию соломенной вдовой. К тому же король обращался с женой весьма предупредительно и не мешал ей тайно исполнять католические обряды. Франция также поддерживала королеву из боязни, что Карл бросит ее и женится на испанской инфанте, чья красота давно привлекала его. Чтобы отвлечь короля от таких намерений, французы начали платить ему регулярные субсидии. Это позволило вечно нуждающемуся Карлу тратиться на фавориток без санкции парламента, однако он прилагал все усилия, чтобы не вызвать скандал, — ведь король Англии фактически поступил на содержание к иностранному и не очень дружественному государству. Недоволь-

ство усилилось, когда Карл за пять миллионов фунтов продал французам Дюнкерк, в свое время отданный Кромвелю за помощь в войне с Испанией. И дома, и за границей этот шаг расценили как проявление слабости Англии и ее монарха.

Между тем король попытался облегчить положение католиков, но это встретило противодействие не только парламента, но и большинства населения. Многие подозревали, что Карл защищает католиков под влиянием леди Каслмен или французов. До своего роспуска в 1663 году парламент успел трижды отклонить предложения короля отменить налоги на католиков и позволить им совершать богослужения. Правда, король укрепил свою популярность во время турне по западным графствам, когда народу раздавались щедрые подарки. Но тут на севере восстали республиканцы, и празднества пришлось свернуть. Вновь собравшийся в ноябре 1664 года парламент дружно проголосовал за войну с Голландией. Король сначала сопротивлялся, поскольку помнил о дружеском отношении к нему голландцев, но смирился, как только ему выдали новые субсидии. В феврале 1665 года война началась; английский флот нанес поражения голландцам в Индии и Северной Америке и захватил несколько фортов, среди которых был и Новый Амстердам — нынешний Нью-Йорк.

Однако королю и большинству англичан было не до войны: впервые за многие годы в Лондон вернулась чума. Столица сильно разрослась, но санитарное состояние в ней оставалось на уровне Средневековья. Крысы, принесшие заразу из дальних стран, беспрепятственно разносили ее по лондонским помойкам. Весной 1665 года были отмечены первые больные, и чума быстро охватила город и окрестности. Сэмюэль Пипс, очевидец печальных событий, записывал в дневнике: «16 октября. Прошелся до Тауэра. Боже, как пустынно и печальны улицы! Пока шел, услышал столько печальных историй; только и говорят, что этот умер, а тот заболел, в этом месте столько покойников, а в другом еще больше. А еще мне сказали, что в Вестминстере не осталось не только ни одного врача, но и ни одного аптекаря, все мертвы». Король распустил парламент до осени, а сам уехал в Солсбери; на улицах вновь появились пуританские проповедники, говорившие о гневном Господнем. Осенью в Оксфорде собрался парламент, где король

выступил с прочувствованной речью; он предложил объединить силы нации для борьбы с чумой и голландским флотом. Правда, картину подпортили несколько лондонских купцов, явившихся требовать с короля свои долги — а он-то надеялся, что они умерли от чумы! Эпидемия постепенно шла на убыль, хотя от чумы продолжали умирать до осени; всего ее жертвами стали до 100 тысяч человек. Мрачные картины зачумленного города вдохновляли не только пуритан, но и писателей; один из них, Уилсон, написал трагедию «Чумной город», по мотивам которой Пушкин создал свой «Пир во время чумы».

Болезнь окончательно прекратилась после другого знаменитого бедствия — Большого лондонского пожара, начавшегося 2 сентября 1666 года. После жаркого лета оказалось достаточно искры из трубы, попавшей на соломенную крышу пекарни, чтобы выгорело почти полгорода. Сгорели 13 000 домов на сорока улицах; огонь уничтожил 150 церквей, включая собор Святого Павла, десятки общественных зданий и памятников старины. Правда, погибло всего лишь восемь человек. Пожар вспыхнул около двух часов ночи на Пуддингс-лейн и быстро перебрósился на доки, где хранилось множество легковоспламеняющихся товаров. Потом запылал Сити; разбуженные люди спасали свои пожитки, и никто не тушил огонь. Пипс, который тогда был секретарем Адмиралтейства, бросился к королю, и тот приказал сносить дома, к которым подходил пожар. Однако пожарные и добровольцы не успевали делать это — огонь распространялся быстрее. Мемуарист в бессилии следил за стихией и оставил яркое описание ее в своем дневнике: «Куда хватало глаз, мы могли видеть лишь это жуткое, зловещее, кровавое пламя, совсем не похожее на мирный огонь домашнего очага... Я горько плакал, наблюдая сие зрелище. Церкви, дома — и все это в огне одновременно, и страшное гудение пламени, и треск и грохот рушащихся домов».

Только к утру 5 сентября советник мэра Уильям Пенн взял на себя инициативу и велел пожарным не разрушать дома, а взрывать их. Это создало перед огнем преграду, и к следующему дню пожар удалось погасить. На заключительном этапе в тушении участвовал сам король, прямо на пепелище раздавший награды пожарным. Более 300 тысяч человек остались без

крова и бродили по развалинам, выискивая хоть что-нибудь из имущества. После пожара была усовершенствована пожарная служба, появились первые общества страхования от огня. Должные выводы сделал и сын Уильяма Пенна, основатель церкви квакеров, — в основанной им за океаном Филадельфии все улицы были прямыми и широкими, чтобы по ним не мог распространиться огонь. Еще одним следствием пожара стала генеральная перестройка Лондона, совершенная под руководством знаменитого архитектора Кристофера Рена.

Война тем временем продолжалась, и положение Англии заметно ухудшилось. В союз с Голландией вступили Дания, Швеция, а затем и Франция. Английскому флоту пришлось отступить к родным берегам. Парламент продолжал выступать за войну, но король требовал мира, тем более что его популярность продолжала падать. Появились памфлеты, в которых Карла именовали «новым Нероном», который якобы сжег Лондон, чтобы перестроить его по своему вкусу. Даже когда он из собственных средств жертвовал на восстановление церквей, его обвиняли в том, что он хочет устроить в них «папистские капища». В мае начались переговоры о мире; тем временем голландские корабли совершили несколько нападений на побережье Англии. У Чатама им удалось сжечь на верфи несколько английских кораблей; в других местах были сожжены деревни, а жители бежали в глубь страны. Голландцы вошли даже в Темзу, где борьбой с ними руководил старый генерал Монк. Когда вокруг засвистели пули, адъютант попросил его пригнуться. «Если бы я боялся пуль, капитан, — ответил Монк, — я бы давно сменил профессию».

Успехи голландцев заставили парламент согласиться на невыгодный мир, который был заключен 21 июля. В жертву общественному негодованию был принесен канцлер Кларендон; против него давно интриговала клика леди Каслмен, да и сам король все больше тяготился нотациями своего старого наставника. После его отставки он прыгал по комнате и кричал: «Вот теперь я и вправду король!» Сам Кларендон, однако, утверждал, что только его советы помешали королю после пожара и неудач в войне отказаться от трона и покинуть Англию. Следующие семь лет страной управляло так называемое «кабальное министерство» — английское слово *Cabal* (клика) состояло из первых

букв фамилий министров Кадлейга, Арлингтона, Бэкингема, Эшли и Лодердейла. В этот период власть разложилась до предела — процветали взятки, государственные должности продавались и сдавались внаем, а сам король почти забросил государственные дела и погрузился в бесстыдные оргии. Фактическим первым министром сделался Бэкингом, который приблизился к трону, развлекая королевских любовниц и их собачек. Лорд Эшли стал казначеем, Кадлейг — хранителем печати, а Арлингтон заведовал иностранными делами. Герцог Лодердейл продолжал управлять Шотландией, где он вызывал всеобщую ненависть. Впрочем, не жаловали и других — особенно непопулярным сделался Бэкингом после того, как убил на дуэли мужа своей любовницы, графа Шрусбери. Все семь лет во внутренних делах царил полный застой, а проведенная в 1668 году финансовая реформа была задумана еще Кларендоном.

Сам Карл больше всего заботился о деньгах, которых ему по-прежнему не хватало. Ради увеличения французских субсидий он согласился следовать политике, угодной Франции, и даже смирился с обращением в католичество своего брата герцога Йоркского. Ходили упорные слухи, что и сам король уже стал тайным католиком. Парламент начал вести самостоятельную внешнюю политику; по его поручению в январе 1668 года английский посланник Темпл заключил тройственный союз с Голландией и Швецией; тем временем французы поссорились с голландцами и требовали от Карла расторгнуть союз, угрожая лишить его субсидий. В Англии не любили голландцев, вечных соперников на море, и сам король был настроен против них из-за изгнания его родственников, штатгальтеров Оранских. Французский двор поспешил использовать это и прислал в Лондон своего посла Кольбера вместе с итальянским монахом Приньяни, выдающим себя за чародея — Карл в то время сильно увлекся магией. Французам не удалось обратить короля в католичество — в конечном счете он был равнодушен к любой вере, — но они добились союза против Испании, которая как раз начала претендовать на английские владения в Америке. Заодно Кольбер договорился о совместных действиях против Голландии. За это Людовик XIV обещал Карлу содидную премию и ежегодное пособие в 120 тысяч фунтов.

Хитроумные французы позаботились о том, чтобы закрепить свое влияние на короля самым надежным способом. С помощью принцессы Генриетты они представили Карлу юную бретонскую дворянку Луизу де Керуаль — яркую брюнетку с веселыми черными глазами и нежным личиком. Очень скоро изящные манеры аристократки, ее бойкая и умная речь и кокетливая стыдливость очаровали короля. Луиза стала герцогиней Портсмут и обосновалась при дворе, потеснив прежних фавориток. Она надолго стала главным защитником и символом союза с Францией. Сент-Эвремон писал: «Шелковый поясок девицы Керуаль связал Францию с Англией». Вскоре Луиза родила сына, который получил титул герцога Ричмонда и Леннокса и даже королевский герб, что было вовсе неслыханно. В феврале 1672 года был заключен союз с Францией, а 15 марта король издал указ о прекращении всех религиозных гонений в отношении пресвитериан, пуритан и католиков. Впервые со времен Генриха VIII представители всех конфессий получили право свободно открывать храмы и читать проповеди. Указ вызвал негодование парламента, но к тому времени в Англии и особенно в Шотландии было столько пострадавших за свою веру, что новая мера получила осторожное одобрение. С того времени религиозные гонения в стране прекратились, хотя полного равноправия католики добились лишь в 1829 году.

Король взялся за приготовления к войне с Голландией. Для наполнения опустевшей казны был придуман гениальный по простоте ход: правительство объявило о банкротстве нескольких крупных банков, у которых перед тем взяло в долг более миллиона фунтов. Тысячи вкладчиков оказались разорены; правда, самим банкирам тайно пообещали вернуть деньги после победы над Голландией. Война началась 17 марта 1672 года. Она была крайне непопулярной, но именно с нее началась эпоха морского владычества Англии на руинах голландской и французской морской торговли. Одновременно военные действия против Голландии начали французы, но союзники действовали разрозненно и не смогли добиться каких-либо успехов, а в августе следующего года голландская эскадра разгромила английский флот у Тессела. Два года военные действия велись довольно вяло; вернувшийся к власти в Гол-

ландии Вильгельм III Оранский очень хотел помириться со своим дядей, но этому мешали партии сторонников войны в обеих странах и главным образом Франция. Только 19 февраля 1674 года был подписан мир, по которому сохранялось прежнее положение.

В феврале 1673 года вновь собрался парламент, который должен был утвердить союз с Францией и указ о свободе вероисповедания. Обе эти меры были очень непопулярны среди депутатов, и никакое красноречие короля и нового канцлера лорда Шефтсбери не могли переломить ситуацию. Потеряв терпение, Карл отложил сессию до осени и распустил бездарное «кабальное министерство». Новое правительство составили Шефтсбери, Арлингтон, Ормонд и кузен короля принц Руперт, а казначеем вместо уволенного Клиффорда стал Томас Осборн, получивший титул графа Денби. Однако протесты против католических симпатий Карла продолжали нарастать; особенно яростно на бывших товарищей по несчастью обрушивались пресвитериане. Тут герцог Йоркский, вечно создававший помехи брату, решил после смерти первой жены обручиться с католической принцессой Марией Моденской, против чего сразу восстал парламент. В конце 1674 года Карл принес в жертву недовольным Шефтсбери, как прежде Кларендона; одновременно были уволены Бэкингом и другие министры, настроенные в пользу Франции. Осмелевшие парламентарии уже открыто требовали от короля удалить всех фавориток — во всяком случае, католичек. Но Карл только пожал плечами, заметив: «Меня интересуют не души женщин, а их тела».

С 1674 года внешняя политика Англии поменялась. Отношения с Францией быстро ухудшались, а с Голландией, напротив, налаживались. Голландское влияние быстро отразилось на общественном и придворном быте. Король, а за ним и вельможи прекратили подражать французам в нарядах и в образе жизни; недавняя роскошь сменилась патриархальной простотой, в моду вместо бархата и кружев вошли шерсть, сукно и сталь. Эпоха бездумного веселья сменялась эпохой деловитого накопления богатств, всемирной погони за выгодой. Балы и спектакли уходили в прошлое, а вместо легкомысленных французских романов аристократы читали «Потерянный

рай» Мильтона. Сам Карл тоже стал вести себя скромнее, да и годы уже давали о себе знать — королю было всего 44 года, но излишества сильно подорвали его здоровье. Большинство его фавориток к тому времени удачно вышли замуж, за исключением герцогини Портсмут. Впрочем, и она твердила королю о своем раскаянии и желании уйти в монастырь, как это сделала любовница Людовика XIV Луиза де Лавальер.

Главой правительства в 1674 году стал граф Денби. Он был не менее авторитарен и коррумпирован, чем «кабальные» министры, но принадлежал к сельской аристократии, решительно настроенной против иностранного влияния и примирения с католиками. Соединив свои усилия с парламентом, он повел дело к войне с Францией, против чего был решительно настроен король. К 1675 году у Карла оказалось четыре миллиона долгов, и для их выплаты он был вынужден отказаться от дохода со своих имений. В следующем году ему пришлось подписать очередной тайный договор с Францией и за сравнительно скромную ежегодную субсидию в 100 тысяч фунтов пообещать поддерживать мир, отправить на французскую службу три английских полка и даже принять католичество. Конечно, выполнить эти условия он не мог, да, судя по всему, и не собирался. Король давно уже был законченным циником и разочаровался не только в людях, но и в Боге. По всей Европе пересказывались его злые и остроумные замечания. В 1665 году, во время чумы, при дворе распространились слухи о скором конце света. Когда граф Пемброк заговорил об этом, Карл сказал: «Тогда подарите мне ваше поместье Уилтон, оно ведь больше вам не понадобится». — «Ах, Ваше Величество, — возразил граф, — пусть оно лучше погибнет со мной».

Чтобы разрушить французские интриги, граф Денби решил ускорить брак сестры короля Марии, которой было уже 45 лет, с Вильгельмом III Оранским. Когда в феврале 1677 года парламент собрался вновь, королю предложили прекратить все отношения с Францией и восстановить союз с Голландией. Стоявшие за это Шефтсбери и Бэкингем оказались в Тауэре, а Карл выступил перед депутатами с сердитой речью. Однако вскоре он был вынужден уступить общественному мнению и согласился на замужество Марии, которую сам проводил на корабль. Французы начали сложные интриги с лидера-

ми оппозиции, после чего король отозвал из-за моря английские полки. Одновременно он заключил новый секретный договор, по которому в обмен на ежегодные 200 тысяч фунтов обязался разоружить армию и распустить парламент. Однако прибывшая армия отказывалась расходиться, требуя выплаты жалованья. 10 августа 1678 года в Нимвегене был заключен англо-голландский союз, после чего Карл лишился французских субсидий.

В августе было объявлено о раскрытии весьма сомнительного католического заговора. Парламент сразу же взялся за подготовку закона об изгнании из Англии всех католиков, по которому страну должны были покинуть герцогиня Портсмут и даже сама королева. Карл выступил перед парламентом с речью, в которой поблагодарил депутатов за заботу о своей безопасности и заверил их, что будет и впредь защищать английскую церковь. Но неужели от него потребуют расстаться с королевой? «Я не Генрих VIII, — возвысил он голос, — и не расстанусь с моей честной и доброй супругой, несмотря на ее бесплодие». В конце концов парламент принял решение только удалить католиков из парламента (кроме герцога Йоркского) и от двора (кроме королевы и ее фрейлин, к которым относилась и Луиза де Керуаль). Однако народ действовал куда решительнее. Как-то на лондонской улице в карету самого короля полетели камни; побледнев от страха, он слушал крики: «Смерть папистам!» После этого он уже не возражал против жестоких приговоров реальным или мнимым заговорщикам, не выступал против самосудов толпы. Он не выдержал, только когда от него потребовали отставки графа Денби — последнего способного министра. 24 января 1679 года король распустил заседавший 18 лет «парламент пенсионеров».

К тому времени Шефтсбери и его сторонники-протестанты начали добиваться отстранения от наследования герцога Йоркского из-за его католичества. Вместо него они выдвигали кандидатуру 30-летнего герцога Монмута, который везде объявлял о своей приверженности протестантству. Была выдвинута версия, по которой Карл якобы в свое время вступил в законный брак с Люси Уолтерс, и, стало быть, ее сын имеет законные права на английский престол. По этой причине герцог Йоркский, которого заставили покинуть Англию, вы-

нудил брата дать клятву, что он никогда не был женат ни на одной женщине, кроме королевы Катарины. В новоизбранном парламенте сторонники короля оказались в меньшинстве, и скоро граф Денби был не только смещен, но и отправлен в Тауэр за «государственную измену», выразившуюся в участии в переговорах с Францией. Король опять пошел на уступки — расширил свой совет и сделал его главой Шефтсбери. Однако на деле власть перешла в руки узкой группы из четырех человек во главе с графом Галифаксом. Ловкими интригами они помешали попыткам Шефтсбери провести новые законы против католиков, а потом уговорили короля распустить парламент. Летом распространился слух о покушении на короля, а когда он перенес приступ лихорадки, которой болел с юности, тут же заговорили об отравлении.

С новым парламентом, избранным в сентябре 1679 года, повторилась та же история, и король перенес сессию на январь. Он ждал, пока утихнут страсти, и пытался ни с кем не спорить, но это становилось все труднее. Партия Шефтсбери активно выступала за передачу права наследования Монмуту, который разъезжал по стране с пышной свитой, как настоящий король. В свое время Карл сказал, что скорее повесит Монмута, чем сделает его наследником, и теперь эта дилемма становилась весьма актуальной. Осенью Монмут, назначенный генералом, успешно подавил восстание шотландских ковенантеров, но отказался после этого проводить репрессии, заявив: «Я солдат, а не палач». Такие заявления привлекали к нему все большие симпатии, однако после возвращения из Шотландии его лишили генеральских полномочий и запретили являться ко двору. Тогда сторонники герцога начали искать свидетелей, которые могли бы подтвердить брак его матери и Карла. Начали распространяться слухи о некоей «черной шкатулке», где якобы хранился брачный контракт короля. Новая сессия прямо потребовала отстранить герцога Йоркского в пользу Монмута, и 18 января 1681 года и этот парламент был распущен.

Лорды склонили короля созвать новый парламент в Оксфорде, вдали от враждебно настроенной столицы. Этот парламент собрался в марте; король хотел предложить ему компромисс, по которому герцог Йоркский оставался наследником, но регентом при нем должен был стать протестант Вильгельм

Оранский. Шефтсбери и его сторонники явились на сессию с вооруженным отрядом и вновь потребовали назначения Монмута; тогда парламент опять был распущен. Король уехал в Лондон и велел расклеить во всех храмах прокламацию, в которой он обвинял последние три парламента в недопустимом поведении и посягательстве на прерогативы монарха. Однако, помня о судьбе отца, он обещал и впредь созывать парламенты и сохранять верность протестантству. Шефтсбери попал в тюрьму, но на суде был оправдан под аплодисменты толпы. В июле в Лондон приехал принц Оранский, но Карл тут же заподозрил, что голландец уже сейчас претендует на трон, и встретил его с плохо скрытым раздражением. Он сказал: «Ах, через год эти неблагодарные люди поступят с вами так же, как с моим братом... если не с отцом».

Слабеющая Испания обратилась к Англии с просьбой о поддержке. Людовик XIV срочно предложил Карлу новую субсидию в обмен на обещание воздержаться от союза с испанцами. Король тем временем старался чаще появляться на публике, чтобы поднять свою упавшую популярность. В Челси он заложил первый камень в фундамент госпиталя для военных инвалидов; распространенная история уверяет, что сердобольная Нелл Гвин уговорила короля существенно увеличить размеры госпиталя. «Протестантская шлюха» сохранила верность Карлу до самой его смерти и даже не вышла замуж, как другие фаворитки. А их становилось все меньше; здоровье короля с каждым годом ухудшалось. Одряхлевший от распутства и пьянства «Старый Волокита» напоминал подкрашенную и нарумяненную мумию и в последние годы жизни едва передвигал ноги.

Тем временем власть оказалась в руках так называемого «детского министерства» — его ведущим представителям Рочестеру, Сандерленду и Годольфину было едва за тридцать. Для равновесия лордом-канцлером был сделан престарелый лорд Гилфорд. Несмотря на молодость, лидеры правительства оказались законченными реакционерами — они попытались урезать представительство крупных городов в парламенте и поставить под свой контроль судей. Монмут был арестован, но вскоре освобожден; Шефтсбери бежал в Голландию и начал организовывать заговор против короля. Весной 1683 года было

объявлено о раскрытой попытке покушения: сорок вооруженных убийц якобы подстерегали короля и герцога Йоркского на пути из Ньюмаркета в Лондон. Покушение не удалось только из-за того, что Карл уехал раньше и по другой дороге. Сразу же арестовали заговорщиков из партии Шефтсбери; среди них были граф Эссекс, лорды Уильям Рассел и Алджернон Сидни и, конечно, Монмут. Все они были приговорены к смерти, но сына Карл помиловал и даже вернул ко двору. Однако тот продолжал вести себя вызывающе и был в конце концов выслан в Голландию.

Внешняя политика Англии оставалась противоречивой — король пытался соблюсти интересы Франции, одни министры выступали за союз с Голландией, другие — с Испанией. Без парламента невозможно было финансировать расходы; в 1683 году англичане покинули уступленный им Португалией Танжер и едва не отказались и от индийских колоний. Король все больше слабел; по Лондону ходили слухи, что он уже перешел в католичество. Говорили даже, что лорд Рочестер на французские деньги собирает в Ирландии армию, которая должна войти в Англию и покончить с парламентским правлением. Преобладающее влияние при дворе приобрел герцог Йоркский, хотя Карл говорил, что он уже слишком стар, чтобы царствовать. Сам король доверял только Луизе де Керуаль, с которой проводил все больше времени. Вечером 1 февраля 1685 года он, как обычно, поужинал у нее и отправился во дворец Уайтхолл, где наутро его поразил апоплексический удар. Король агонизировал несколько дней и с обычным чувством юмора извинился перед врачами за то, что умирает так долго. Уже казалось, что он выздоравливает, когда 4-го наступило ухудшение, и около полудня 6 февраля Карл II скончался. По одной из версий, перед смертью он сказал: «Не дайте бедной Нелл умереть с голоду». Скорее всего, это легенда — до сих пор никто не мог упрекнуть умирающего в излишней сентиментальности.

У его смертного одра находились герцог Йоркский и верная Луиза. Она сыграла свою роль до конца: перед смертью Карл отрекся от своей торжественной клятвы, данной при вступлении на престол, и принял католичество. Конечно, никаких выгод французскому двору это не принесло, но герцо-

гиня Портсмут могла утешать себя тем, что спасла душу своего возлюбленного. Впрочем, самого умирающего спасение души вряд ли интересовало — на склоне лет, как и в юности, он беспокоился только о теле и его удовольствиях. Этот король, богато одаренный Богом, сделал, казалось, все для того, чтобы загубить свои дарования и направить их во вред и себе, и своей стране. Однако именно ему пришлось восстанавливать в Англии монархию после многих лет революции и гражданских смут; и то, что монархия, существует до сих пор, говорит в пользу Карла.

Наследником покойного стал герцог Йоркский, теперь Яков II. Он совсем не подходил для роли монарха — был немолод, слабохарактерен, переменчив и капризен. Анна Хайд родила ему двух дочерей, которые правили позже в Англии. Мария в 1677 году стала женой штатгальтера Нидерландов Вильгельма Оранского, а Анна вышла замуж за датского принца Георга. Овдовев, Яков женился на юной итальянской принцессе Марии Моденской, которую англичане невзлюбили, считая гордячкой. Не пользовался любовью и сам Яков — его не без оснований подозревали в стремлении восстановить в стране католицизм. В 1685 году бежавший герцог Монмут высадился в графстве Дорсет с отрядом из 150 человек. По пути к Бриджуотеру его армия увеличилась до пяти тысяч; он объявил себя «протестантским королем» и призвал жителей к борьбе с «папским холуем» Яковом.

У Седжмура неорганизованное воинство Монмута столкнулось с регулярной армией и было расстреляно из пушек. Самого герцога нашли в придорожной канаве, отправили в Тауэр и вскоре обезглавили. Перед смертью он плакал и обещал перейти в католичество. Гораздо более мужественно вели себя простые повстанцы, схваченные «кровавым судьей» Джеффрисом. Этот посланец короля повесил более 300 человек, включая 75-летнюю Элис Лисл, которая дала в своем доме приют раненым мятежникам. Многим пришлось бежать за границу, включая будущего знаменитого писателя Даниэля Дефо. Расправа над восставшими протестантами еще больше отвратила англичан от короля. Вдобавок он арестовал семерых англиканских епископов по обвинению в сочувствии мятежникам.

В 1688 году Мария родила Якову сына Джеймса-Эдуарда, который был крещен в католической вере. Это заставило обе парламентские партии — тори и вигов — объединиться и отправить Вильгельму Оранскому приглашение занять английский престол. Король еще праздновал рождение наследника, когда Вильгельм высадился в Бриксеме с трехтысячной армией. Не встретив сопротивления, он 23 декабря 1688 года торжественно вступил в Лондон. Яков с семьей бежал во Францию, предварительно швырнув в Темзу большую королевскую печать. В начале следующего года Вильгельм короновался в Вестминстере, но сначала парламент заставил его подписать «Билль о правах», четко разграничивший права парламента и короля при явном ограничении последних. Эта «Славная революция» навсегда покончила с притязаниями монархов на ведущую роль в английской политике.

Однако сторонники Стюартов в Шотландии и ирландские католики не признали прав Вильгельма на трон. Этим воспользовался свергнутый Яков, который в 1689 году высадился в Ирландии с французскими войсками, предоставленными ему королем Людовиком XIV. К нему сразу примкнули многие ирландцы во главе с лордом Тирконнелом, и началось общее восстание против Англии. Вильгельм сразу же собрал армию и отправился в Ирландию, где в 1690 году наголову разбил мятежников в битве на реке Бойн. Яков бесславно отбыл во Францию, но ирландцы продолжали сопротивление и по Лимерикскому договору 1691 года добились почетной капитуляции. С тех пор ирландские протестанты приняли имя «оранжистов» и каждый год отмечают годовщину битвы при Бойне многолюдными маршами. Сторонники Стюартов в Ирландии и Шотландии называли себя «якобитами»; они еще не раз поднимали восстания против новых королей Англии.

Едва закончив войну в Ирландии, Вильгельм отбыл на родину для участия в войне коалиции европейских держав против Франции. Пока он воевал, страной управляла его жена Мария, заслужившая всеобщую любовь своими умом и великодушием. Вильгельма, прозванного «Голландцем Билли», любили меньше — он был сублильным и хилым, страдал от астмы и к тому же предпочитал женщинам мужчин, хоть

и преклонялся перед достоинствами своей супруги. 28 декабря 1694 года Мария умерла от оспы; король был безутешен, и придворные даже боялись, что он тоже умрет или сойдет с ума. Позже парламент настоятельно рекомендовал Вильгельму жениться вновь, чтобы обеспечить наследование, но он остался верен памяти Марии. В 1701 году он подписал Акт о престолонаследии, по которому трон Англии мог унаследовать только протестант. Вильгельм III умер 8 марта 1702 года — его сбросил конь, попавший копытом в кротовую нору. После этого якобиты поднимали тосты за «маленького джентльмена в черном сюртуке».

Детей у супругов не было, и престол достался Анне, сестре Марии. Она тоже была протестанткой, но в отличие от Марии любила отца и намеревалась его простить. Однако в это время Яков II умер; его наследники проявили фамильное упрямство Стюартов, отказываясь сменить веру и тем самым приблизиться к трону. Муж Анны Георг Датский не понравился парламенту и получил лишь титул принца-консорта. За годы супружества Анна родила 18 детей, но из них выжил только один сын, доживший лишь до 11 лет. Королева утешалась дружбой с умной и проницательной Сарой Дженнингс, герцогиней Мальборо. Она имела чревычайно большое влияние на дела государства, а ее брат, герцог Мальборо («Мальбрук»), прославил британское оружие в многочисленных битвах Войны за испанское наследство. Позже герцогиню сменила в качестве компаньонки молодая леди Абигайль Черчилль — это случилось в результате интриги, описанной в знаменитой пьесе Эжена Скриба «Стакан воды».

В 1707 году был принят Акт об унии Англии и Шотландии, по которому оба королевства становились частью единой Великобритании. Шотландский парламент упразднился, а коронные регалии были перевезены в Лондон. Другим важным событием времен царствования Анны стало формирование правительств политическими партиями. Прежде министры назначались королем независимо от партийной принадлежности; теперь весь кабинет состоял из членов одной партии (тори или вигов); правда, до всеобщих выборов еще было далеко. В конце жизни королева Анна, всегда отличавшаяся неважным здоровьем, сильно растолстела и много пила, за что

получила в народе прозвище «Бренди-Нэн». Когда она умерла 1 августа 1714 года, для нее пришлось изготовить квадратный гроб.

Ближайшей родственницей Анны, исповедующей протестантство, оставалась внучка Якова I электоресса София — жена Эрнста-Августа, курфюрста Брауншвейг-Люнебурга. Однако она умерла незадолго до Анны, и королем Великобритании стал ее сын Георг I. 20 октября 1714 года этот немецкий принц был коронован в Вестминстере. Он так и не выучил толком английский и не питал особой любви к жителям своего нового королевства. Это проявилось во время сурового подавления нового восстания якобитов в Шотландии. «Старый претендент» Джеймс-Эдуард высадился в Пертшире, но был за две недели разбит королевской армией и опять бежал во Францию. После этого были казнены три лорда и около 200 простых повстанцев.

Георг I был солидным, немного мрачным человеком с чисто немецкими увлечениями — парады, игра на скрипке, огородничество. Он даже внес в парламент предложение посадить в лондонских парках репу, «чтобы земля не пропадала зря». Его семейная жизнь была запутанной; в 1694 году открылся роман его жены Софии-Доротеи с графом Кенигсмарком. После этого граф пропал без вести, а курфюрстина до конца жизни оставалась под домашним арестом. Супруг даже не взял ее в Англию, зато привез с собой двух дам, прозванных по понятным причинам «Жердью» и «Слонихой». Первую, свою любовницу, он сделал герцогиней Кендал; вторую тоже считали возлюбленной короля, но на самом деле она была его сводной сестрой. Георг не вмешивался в политику и во всем полагался на вигов, особенно на Роберта Уолпола, ставшего первым премьер-министром Англии (до этого глава правительства носил звание лорда-канцлера). Король скучал по родине и часто ездил в Ганновер. Во время одного из таких визитов он и умер 11 июня 1727 года, объевшись за обедом.

Его сын и наследник Георг II говорил по-английски лучше отца, но все же предпочитал Германию и как-то в минуту раздражения прилюдно послал Англию ко всем чертям. Однако при этом короле британское процветание и британская слава достигли новых высот. В 1756—1763 годах страна успешно

вела Семилетнюю войну с Францией и Испанией, после которой получила новые колонии в Индии и Северной Америке. Во время этой войны король лично водил войска в атаку в битве при Деттингене — в последний раз в английской истории. Англия превзошла Голландию по величине флота и объему внешней торговли. Была создана первая с римских времен единая транспортная система — так называемые «магистралы» (*turnpikes*). Предпринимались усилия по развитию системы образования и здравоохранения. Правительство пыталось запретить некачественный джин, которым травилось много людей; в ответ чернь забросала камнями королевскую карету с криками: «Нет джина — нет и короля!»

Король терпеть не мог Уолпола, но тот удержался у власти благодаря покровительству королевы Каролины — некрасивой, но умной и проникательной. Жена немало натерпелась от Георга, который постоянно изменял ей, а потом еще и рассказывал о своих романах. Вдобавок он отчитывал королеву за лишние расходы и запрещал ей читать книги; ей приходилось уединяться для этого в садовой беседке. Не ладил он и с сыновьями, а старшего, Фредерика, даже выслал из Лондона и очень злорадствовал, когда узнал, что сына убило крокетным шаром. «Никогда не одобрял эти дурацкие игры!» — говорил старик. Второй сын, Вильгельм Камберлендский, отказался от прав на престол, хотя проявил себя способным полководцем во время последнего якобитского восстания в 1745 году.

В августе сын Джеймса-Эдуарда Стюарта Чарльз («Молодой Претендент») с помощью французов высадился в Шотландии и сумел захватить Эдинбург. К нему примкнули большинство горных кланов, недовольных засильем англичан. Захватив всю Шотландию, Чарльз дошел со своим войском до Дерби (130 миль от Лондона), но это был предел его успехов. После этого королевские войска одерживали победу за победой, пока в 1746 году окончательно не разбили претендента в битве при Куллодене. После этого шотландцы подверглись суровым репрессиям — английское правительство запретило клановую систему, национальную одежду и даже игру на вольтке. Многие повстанцы были казнены; та же участь ждала Чарльза Стюарта, но его спасла молодая леди по имени Фло-

ра Макдональд, которая передела принца в платье своей горничной. Он опять бежал во Францию, где и умер бездетным в 1788 году. С ним бесславно закончился род Стюартов.

Георг II умер 25 октября 1760 года. Он стал последним английским королем, похороненным в Вестминстере; позже монархов хоронили в капелле Виндзорского замка. Править страной стал 22-летний сын Фредерика Георг III, прозванный «Огородником». Он родился в Англии и был популярен больше других ганноверских королей, хотя при нем империя лишилась североамериканских колоний. Вскоре после воцарения он женился на мекленбургской принцессе Шарлотте, которая родила ему десять сыновей и шесть дочерей. Король был верен супруге и практически не имел вредных привычек. Он с одинаковым усердием работал над бумагами в своем кабинете и вскапывал грядки в своем маленьком огорожке в Виндзоре. Однажды террорист-республиканец выстрелил в него из пистолета — Георг остался совершенно невредимым и даже, кажется, не понял, что случилось. В его правление Англия пережила две больших войны — с американскими колониями и с Наполеоном. Если первая всего-навсего ограничила имперские притязания Британии, то вторая поставила под угрозу само ее существование. Однако благодаря хитрости своих дипломатов, храбрости солдат и силе флота Англия смогла одержать победу. В летопись ее военной славы навсегда вошли имена Нельсона и Веллингтона.

В правление Георга III были основаны английские колонии в Австралии, а плавание капитана Кука проложили англичанам дорогу в Океанию. После долгого правления тори правительство опять возглавили виги во главе с Уильямом Питтом-младшим — он был премьером с 1783 по 1806 год. Георг собрал богатую коллекцию картин и скульптур и уступил казне большую часть коронных земель в обмен на ежегодную ренту, назначаемую парламентом и получившую название «цивильного листа». В конце жизни король начал сходить с ума в результате порфирии, редкого заболевания, вызванного нарушением пигментного обмена; с 1811 года он уже не мог появляться на публике. Принцем-регентом стал его старший сын Георг, который после кончины старого монарха 29 января 1820 года сделался королем Георгом IV.

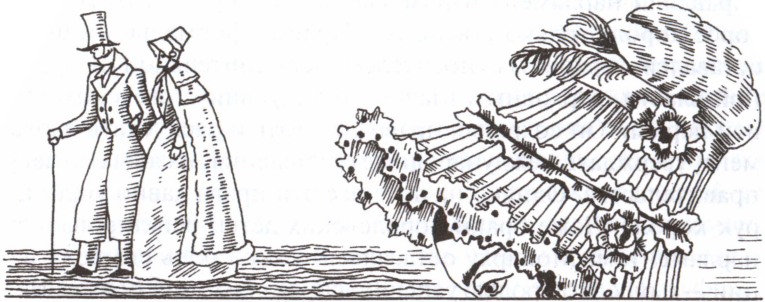
В юности принц, которого все звали Принни, вел очень легкомысленный образ жизни. Он дружил с лондонскими денди, в том числе со знаменитым Чарльзом Браммелом, и вместе с ними изобретал новые фасоны одежды, которые тут же входили в моду. Чтобы скрыть свой двойной подбородок, принц выдумал широкий галстук. Он вообще отличался буйной фантазией и сам верил в некоторые из своих выдумок — так, в старости он всерьез уверял, что участвовал когда-то в битве при Ватерлоо. Друзья принца, да и он сам не раз совершали аморальные поступки, граничившие с преступлением; удовольствие было для них превыше всего.

В двадцать два года Георг тайно обручился с молодой девушкой-католичкой Мэри Фицгерберт. Узнав об этом, его родные объявили брак недействительным и спешно вынудили принца жениться на некрасивой и вульгарной брауншвейгской принцессе Каролине. Увидев невесту, Георг с досады так напился, что к алтарю его пришлось тащить под руки. У супругов родился единственный ребенок — дочь Шарлотта; после этого они окончательно рассорились и стали жить раздельно. Георг пытался развестись с женой, но парламент не утвердил его прошение. Во время коронации принцессу насильно выгнали из Вестминстерского аббатства; от нервного потрясения она заболела и вскоре скончалась. Шарлотту, ставшую наследницей престола, англичане очень любили, но она умерла в 21 год, едва успев выйти замуж за герцога Саксен-Кобургского.

Правление Георга IV было отмечено отменой дискриминации католиков. Закон об этом был принят в 1829 году с подачи герцога Веллингтона и главы партии тори Роберта Пиля. После этого депутаты от ирландского католического большинства смогли заседать в британском парламенте. Король сопротивлялся этому, но его политическое влияние к тому времени было сведено на нет. Ему оставалось утешаться изобретением модных фасонов и постройкой дворца в Брайтоне в стиле любимых им сказок «Тысяча и одной ночи». При Георге появилось много других новых зданий, были открыты Новый Лондонский мост и зоопарк, проложена Риджент-стрит, названная в честь принца-регента. 26 июня 1830 года король умер, уступив трон своему брату Вильгельму.

Королю Вильгельму IV было уже 65 лет. Его никогда не готовили к роли монарха; всю жизнь он прослужил во флоте и имел кругозор типичного морского офицера. В народе его прозвали «Силли-Билли» (Глупыш Билли). Много лет он прожил с актрисой по фамилии Джордан, которая родила ему шестерых детей. Только после восшествия на престол брата Вильгельма сделали герцогом Кларенсом и женили на саксен-мейнингенской принцессе Аделаиде. Их коронация в 1830 году прошла весьма скромно и мало напоминала пышное зрелище, устроенное Георгом IV. Любящий супруг даже заставил Аделаиду на свои деньги покупать драгоценности для ее короны. В правление Вильгельма совершилась Великая реформа парламента, которая упразднила давно устаревшую систему выборов и увеличила представительство крупных городов — в них давно уже обосновалось большинство населения Англии. Для проведения реформы королю пришлось по совету премьера от виггов лорда Грея распустить враждебно настроенный парламента. Другим важным событием стало появление в Англии железных дорог. Вильгельм IV умер 20 июня 1837 года; его наследницей стала Виктория, представляющая уже новую, Саксен-Кобург-Готскую династию.

Императрица. Виктория

«**М**ама разбудила меня в шесть часов и сказала, что меня хотят видеть архиепископ Кентерберийский и лорд Кониингем. Я встала с постели и в одном пеньюаре пошла в гостиную, где и увидела их. Тогда лорд Кониингем сказал, что моего бедного дяди короля больше нет и что с двух часов без двенадцати минут этого дня я стала королевой». Такая запись украсила дневник юной принцессы 20 июня 1837 года — в первый день ее самого долгого в истории английской монархии царствования. Леди Лонгфорд в своей биографии Виктории добавляет, что, когда лорд Кониингем произнес слово «королева», она повелительным жестом протянула руку, и седой лорд-камергер почтительно склонился и поцеловал ее.

Виктории только что исполнилось восемнадцать, но ее путь к престолу уже был долгим и трудным. Ее отец, герцог Кентский Эдуард, умер в 1820 году, когда дочери было всего семь месяцев. Принцесса никогда не чувствовала особой близости к матери, особенно после того, как узнала о ее отношениях с сэром Джоном Конроем. Конрой был конюшим Эдуарда, а потом занял должность советника герцогини и, скорее все-

го, ее любовника. Вместе с матерью Виктории он строил планы возвести девочку на престол и через нее править страной. Впрочем, слово «править» уже не подходило, да и «управлять», пожалуй, сказано слишком сильно. Со времен Карла II Англия не только превратилась в сильнейшую державу мира, но и заметно продвинулась по пути демократии. Теперь страной управляли парламент и назначаемое им правительство, которое король только утверждал. Правда, формально монарх оставался верховным носителем исполнительной и судебной власти, верховным главнокомандующим, светским главой церкви. Он сохранял право созывать и распускать парламент, утверждать международные соглашения, назначать главу правительства. Однако на деле все эти права давно ушли из рук короля. Даже браки королевских детей регулировались парламентом. Монарху оставалась только роль символа нации — и он с этой ролью успешно справлялся, как показывает 63-летнее царствование Виктории, не только для Англии, но и для большей части мира ставшее «викторианской эпохой».

Виктория родилась 24 мая 1819 года в Кенсингтонском дворце. Акушерка, принимавшая будущую королеву, вспоминала, что Виктория «напоминала скорее малютку Геркулеса, чем маленькую Венеру». Несокрушимое здоровье сопровождало ее большую часть жизни. Однако кроме болезней девочку подстерегали и другие опасности. Когда мать с семимесячной Викторией сидела у окна, мимо их головы просвистела пуля. Стрелял 14-летний сын садовника, который охотился на галок. Герцогиня Виктория велела его не наказывать — она была женщиной доброй, хоть и до предела честолюбивой. В девочке с пеленок воспитывали гордость своим положением. Как-то она запретила подружке Джейн Элиот брать ее игрушки. «Почему? Ты ведь берешь мои», — удивилась Джейн. «Потому, что я могу называть тебя “Джейн”, а ты не можешь звать меня просто “Викторией”», — отрезала малышка. Мать и Конрой делали все, чтобы она не походила на ненавистных ганноверских родственников, которые заслоняли ей путь к трону. Ей говорили: «Не набивай так рот, а то будешь похожа на дядю Джорджа»; «Не ругайся, а то будешь такой же, как дядя Камберленд». Эрнеста, герцога Камбер-

лендского, еще одного брата Георга IV мать особенно не любила и всячески старалась оградить девочку от общения с ним.

Маленькой Виктории очень хотелось внимания, и она инстинктивно искала среди окружающих замену отца, которого она не помнила, и матери, которая ей не занималась. Все ее симпатии обратились на гувернантку, баронессу Луизу фон Лецен. Эта немного странная, но добрая пасторская дочь из Кобурга смогла воспитать в принцессе серьезность и ответственность, в то же время не лишая ее обычных детских радостей. Они вместе играли в куклы, музицировали, читали книжки и посещали балет, который Виктория особенно любила. Именно Лецен первая показала девочке то, что мать скрывала от нее, — генеалогическое древо королевской семьи. «А я ближе к трону, чем я думала», — задумчиво заметила 11-летняя Виктория и чисто по-немецки залилась слезами. Еще всхлипывая, она подняла голову и произнесла фразу, с тех пор вписанную в школьные учебники: «Я буду хорошей королевой».

Первым кандидатом в «отцы» она выбрала брата матери Леопольда Саксен-Кобургского, недавно ставшего королем Бельгии. Леопольд был не слишком образован, но умен и дальновиден, а его советы звучали здраво. Он поощрял племянницу к изучению истории, приучил ее к чтению французских классиков (английских она почти не знала). По ее просьбе он высказал свой взгляд на то, какой должна быть английская королева: «Я очень люблю добрую старую Англию, и мне жалко, что само состояние общества и власти заставляет многих в ней становиться лжецами и обманщиками. О видимости заботятся больше, чем о сути; все делают то, что положено, а к настоящему добру относятся с полным пренебрежением. Берегись этой системы, моя дорогая; будь всегда честной и верной своему слову, не теряй осторожности — в твоём положении ты должна беречься, чтобы не обидеть себя и других, — но старайся остаться правдивой. Только те люди вызывают к себе доверие и уважение, кого все считают правдивыми».

Как видно из этих слов, у Леопольда хватало самодовольства и лицемерия, которые позже пронизали собой всю вик-

торианскую эпоху. Однако он один из немногих видел в Виктории человека, а не принцессу; он и баронесса Лецен стали ее союзниками, когда борьба с Конроем достигла апогея. После 1830 года выяснилось, что Вильгельм IV не собирается ни умирать, ни уступать трон, а Виктория проявляла все большую самостоятельность, у герцогини и ее фаворита наступило нечто вроде паники. Они решили вынудить принцессу назначить Конроя своим постоянным секретарем, фактически опекуном. Однако Виктория наотрез отказалась; даже во время тифа, когда Конрой вместе с лекарством принес ей заветную бумагу, горящая в жару девочка не поставила свою подпись. Узнав об этом, дядя Леопольд прислал к ней собственного секретаря, барона Штокмара, который помог разрядить ситуацию. Однако Конрой не прекращал своих поползновений; он пытался убедить премьер-министра Ливерпуля в умственной отсталости Виктории — «ее интеллект отстает от возраста». Мельбурн отказался в это поверить, но решил узнать у самой Виктории — не примет ли она сэра Джона в каком-либо другом, более скромном качестве? Она приняла премьера «наедине» (так записано в дневнике) и наотрез отказалась общаться с Конроем «в любом качестве». На какое-то время любовник матери отстал от нее, но теперь он, похоже, совсем потерял голову. «Ее нужно вынудить!» — кричал он: запереть в комнате, не кормить, но заставить подчиниться его воле. Но прежде чем он успел привести свой план в действие, умер король Вильгельм.

Новая королева приступила к своим обязанностям уверенно и с явным удовольствием. «В девять утра явился лорд Мельбурн, — записала она в дневнике. — Конечно, я беседовала с ним наедине, как всегда буду поступать со своими министрами». С самого начала она поразила всех самообладанием и умением вести дела и обращаться с людьми — точнее, с подданными. Министры и лорды готовились жалеть бедную девочку, на плечи которой легла чересчур тяжелая ноша, а увидели твердость и самодисциплину, неведомые британским монархам со времен Вильгельма III.

Слово «наедине» в этот период часто встречается в дневнике Виктории. Она с огромной радостью освободилась от опеки матери, и одним из ее первых приказаний было пере-

нести ее кровать из комнаты матери в ее собственную комнату. «Моя милая Лецен навсегда останется моей подругой, но никогда не будет мне советовать, и по-моему это правильно». Для роли советчика ей требовался кто-то другой. Дядя Леопольд предпочел остаться в Бельгии — «люди могут решить, что я хочу поработить тебя». Половина страны ждала, что она назначит премьером прославленного герцога Веллингтона, но она предпочла сохранить на этом посту Мельбурна, о чем писала дяде: «Позвольте рассказать вам, как я рада, что во главе моего кабинета стоит такой человек, как лорд Мельбурн. Я теперь вижу с ним каждый день, и чем больше я вижу его, тем большее доверие к нему испытываю; он не только опытный и честный политик, но хороший и добросердечный человек, цель которого — трудиться для своей страны, а не для одной партии». Все же королева была еще слишком молода. Мельбурн верно служил вигам и окружил свою подопечную женами товарищей по партии. Ее мать в этот избранный круг не попала, и между ней и премьером закипела подковерная борьба.

Роман между Мельбурном и Викторией — одна из самых странных глав в истории английской монархии. Оба они нашли в другом то, чего им недоставало: юная королева — отца, которого у нее никогда не было, премьер — собственного ребенка, которого он не сумел найти в слабоумном сыне своей жены Каролины Лэм, больше известной как любовница лорда Байрона. Мемуарист Гревиль писал: «Не сомневаюсь, что он искренне любил ее, как родную дочь, которой у него не было, и даже больше; потому что у него была потребность любить, но не было никого в целом мире, кого он мог полюбить. Он нашел себя в воспитании, обучении и формировании самого интересного характера, какой только есть в мире».

Премьеру было тогда 58 лет. Многих ужасала сама мысль, что старый, дважды разведенный циник будет самым близким человеком для молодой и невинной королевы. Были и те, кто боялись, что он целиком подчинит ее себе: «Смотрите, чтобы он не стал королем», — писала герцогиня Кентская. Однако его доброта, ум, опыт были именно тем, в чем нуждалась королева. Он дал ей политическое образование, которого она не могла получить в детской Кенсингтонского дворца, и знания,

которых было вполне достаточно для ее ограниченных полномочий. Ее не отпугивал даже витавший вокруг него ореол скандала — в конце концов, она была внучкой Георга III, который был в свое время влюблен в мать Мельбурна. Они проводили вместе много часов, беседовали, ездили верхом, собирали мозаики — и все это «наедине», не считая королевского спаниеля Дэша.

Коронация Виктории состоялась 28 июня 1838 года. Королеве уже исполнилось девятнадцать, и ее мать, так и не допущенная в совет, прислала ей в подарок издание «Короля Лира». Она ожидала коронации с трепетом, но верный Мельбурн сказал: «Когда вы будете там, вам понравится». Была сделана новая корона стоимостью тысяча фунтов, а вся коронация обошлась в двести тысяч. Англия содрогалась в «коронационной лихорадке», о которой Гревилл писал: «Не видел ничего похожего на состояние этого города. Население словно мгновенно выросло в пять раз: кругом неопишутый шум, волнение, сутолока; не отдельные толпы, а весь город, ставший толпой, галдящей, разинувшей рот и глазающей на все, на что-нибудь или ни на что». Ночь перед коронацией Виктория провела без сна с чувством, «будто завтра случится нечто ужасное». Ее разбудил грохот ружейного салюта в ее честь, и от того же звука проснулась вдова Вильгельма IV, тут же пославшая Виктории записку со словами любви и ободрения. Толпы на улицах были больше, чем королева или любой британский монарх до нее когда-либо видели — население Лондона росло с каждым годом и составляло уже 2 миллиона; к концу викторианской эпохи оно достигло 6 миллионов.

Когда процессия достигла Вестминстера, королева вошла в разноцветный коридор, образованный лордами и их женами. Пажи помогли ей пробраться сквозь толпу и войти в церковь. Дальше начались неизбежные досадные случайности. Престарелый епископ Дарэмский все время запинался, и Виктории пришлось шепнуть кому-то из своей свиты: «Пожалуйста, подсказывайте, что я должна говорить. Они тут ничего не знают». Потом архиепископ Кентерберийский пытался надеть ей не на тот палец коронационное кольцо с рубином, и она едва не взывала от боли. Когда пэры по одному подходили к ней для присяги, один особенно старый запутался в своих одеяниях

и упал; когда он пытался подняться, королева сама сошла по ступеням вниз, чтобы помочь ему, что вызвало у многих слезы умиления. Даже Мельбурн не мог сдержать слез: «Мой замечательный лорд Мельбурн, который всю церемонию стоял рядом со мной, был в тот момент чрезвычайно тронут и подарил мне, можно сказать, отцовский взгляд». Когда длинная и сложная церемония закончилась, лорд подошел к ней и сказал: «Я должен поздравить вас с этим знаменательным днем. Вы все делали прекрасно, все вместе и в отдельности, и с таким вкусом; это то, что нельзя посоветовать, оно должно быть у самого человека».

Следующие месяцы стали в определенном смысле разочарованием. Конрой и герцогиня продолжали плести интриги. Виктория была недовольна попытками дяди Леопольда втянуть ее из «монархической солидарности» в династические конфликты в Испании и Португалии. Она все больше и больше зависела от Мельбурна и даже ревновала, когда он не мог встретиться с ней. Она очень боялась растолстеть и каждый день измеряла свой вес. Королева нервничала и часто была несправедлива; примером этого стало злосчастное дело леди Флоры Гастингс. Эта 32-летняя придворная дама, креатура Конроя, была не замужем и вдруг начала быстро полнеть. Баронесса Лецен, всегда готовая к самому худшему со стороны угнетателя ее любимицы, сообщила об этом королеве, и после совета с Мельбурном они решили, что Флора беременна от Конроя, которого называли не иначе как «дьявол во плоти». Когда скандал вышел за пределы дворца, Флора с неохотой согласилась на медицинское обследование, и доктор Кларк удостоверил ее девственность. Веллингтон советовал замять дело, и королева даже извинилась перед леди Флорой, но герцогиня и Конрой жаждали мести и развернули наступление на Викторию; историю подхватила пресса, осудившая «бессердечную королеву».

В разгар скандала Виктория оказалась в одиночестве — в январе 1839 года правительство Мельбурна потеряло поддержку парламента и ушло в отставку. «Состояние боли, тоски и отчаяния, в которое я погрузилась, легче вообразить, чем описать! — записывала она в дневник. — Все, все мое счастье ушло. Мирная, радостная жизнь разрушена, и ми-

лый лорд Мельбурн больше не мой министр. Я очень сильно плакала». Мельбурн, первый из десяти пережитых Викторией премьеров, посоветовал ей утвердить в качестве его преемника лидера тори Роберта Пиля, хотя он ей и не нравился. По обычаю, придворные дамы должны были принадлежать к партии, находящейся у власти, но королева не хотела отказываться от тех, к кому она привыкла. Тогда Мельбурн сказал ей: «Ваше Величество, лучше понадейтесь, что вас покинут только те домашние, что связаны с политикой». Когда Пиль явился к ней за утверждением, «я сказала, что не могу отпустить никого из моих дам и даже вообразить такого. Он спросил, значит ли это, что я хочу оставить всех. “Да, всех”, — сказала я». Несерьезный, в сущности, вопрос вызвал кризис. Пиль в создавшейся ситуации смог только отказаться от поста. Королева была в восторге — ведь это должно было вернуть ее любимого Мельбуерна. Однако ее действия мгновенно вызвали ропот в обществе, отвыкшем от королевского своевольия. Гревилл писал: «Наши учреждения подвергаются серьезному испытанию, когда из-за каприза девятнадцатилетней девушки рушится целое министерство. Простая причина этого заключена в том, что королева не в силах пережить мысль о расставании с лордом Мельбуерном, который для нее — все. Ее чувства сексуальны, хотя она не сознает этого, и, хотя и неосознанные, они достаточно сильны, чтобы опрокинуть все мудреные рассуждения».

Упрямая и неуступчивая Виктория воображала, что одержала победу, особенно когда ненавистный Конрой наконец покинул Англию. Но она лишилась значительной доли популярности, а худшее было впереди: в июле леди Флора умерла — как потом выяснилось, от рака кишечника. Виктория винила себя в ее смерти, а авторитет ее упал так низко, что она считала удачным тот день, когда во время прогулки в Гайд-парке не слышала «злобного шипения». Казалось, что положение может исправить только замужество. Мельбурн и дядя Леопольд осторожно намекали королеве на это, но она сочла это «шокирующей альтернативой. Во всяком случае, это не будет решением еще два или три года». Однако в октябре дядя уже привез в Англию найденного им жениха, принца Альберта Саксен-Кобургского. Виктория уже видела его раньше, но

не особенно впечатлилась. Теперь все изменилось: «Альберт совершенно очарователен и так замечательно красив — дивные голубые глаза, благородный нос, красивый рот с тонкими усиками и маленькими, едва обозначенными бакенбардами, прекрасная фигура — широк в плечах, но с тонкой талией. Мое сердце просто провалилось куда-то».

Они ездили верхом, они танцевали, они без конца говорили, они играли ни пианино в четыре руки. Виктория сказала Мельбурну, что, кажется, изменила свои взгляды на замужество, но он посоветовал ей недельку поразмыслить. Естественно, что он не восторгался Альбертом так сильно и писал лорду Джону Расселу: «Не знаю, можно ли подобрать что-нибудь лучше. Он кажется вполне подходящим молодым человеком, хорошо выглядит, а что до характера, то мы всегда сможем на него повлиять». Виктория не смогла выдержать неделю. 15 октября, через пять дней после приезда Альберта в Англию, она первая сделала ему предложение. «Я сказала ему, почему я хотела видеть его — и что я буду совершенно счастлива, если он согласится с моим пожеланием». Альберт, которого дядя Леопольд уже несколько лет склонял к женитьбе, одобрил невесту, о чем писал другу: «Думаю, что я буду совершенно счастлив, поскольку Виктория обладает всеми качествами, могущими обеспечить семейное счастье, и, кажется, привязалась ко мне всем сердцем». Невеста была настроена куда романтичнее, о чем красноречиво свидетельствует дневник: «Мы целовались снова и снова, и он говорил мне: “О моя дорогая, моя малышка! Я так тебя люблю, что не могу выразить”. Какие это были сладкие мгновения! Мы так нежно сидели рядышком на голубом диванчике; никакие другие влюбленные не были счастливее нас».

Альберт вернулся домой, чтобы подготовиться к женитьбе, и Виктория осталась наедине с прежней враждебностью. Англичане не желали, чтобы их королева выходила за захудалого немецкого принца, — это казалось им оскорблением нации. Парламент урезал его предполагаемое содержание до 30 тысяч фунтов и отказал в титуле лорда; злобный старик Камберленд гордился своим превосходством над ним. Были и другие нехорошие признаки: Альберт оказался чрезмерным пуританином, который счел английский двор «аморальным» и доверял толь-

ко собственным придворным, привезенным из Германии. Он даже отверг двух подружек невесты под тем предлогом, что их матери были любовницами Георга IV. Это было явным признаком окончания того, что королева называла «мирной, радостной жизнью».

Бракосочетание началось с проблем. Пересекая Ла-Манш, Альберт попал в шторм и простудился; Виктория тоже кашляла от непрерывно льющего дождя. Но потом все прошло удачно. На Виктории было белое атласное платье, бриллиантовое ожерелье и серьги и сапфировая брошь — подарок жениха. Позже она писала дяде Леопольду: «Я в самом деле не думаю, что кто-нибудь в мире может быть счастливее меня. Он настоящий ангел, и меня очень трогают его доброта и внимание ко мне. Мне достаточно глядеть в эти дорогие глаза, в его сияющее лицо, чтобы восхищаться им. Для меня будет величайшим удовольствием видеть его счастливым. Если оставить в стороне мое громадное личное счастье, вчерашняя церемония была самым волнующим и радостным из пережитых мной событий; толпам не было конца и в Лондоне, и на всем пути». Но самое сокровенное она приберегла для дневника: «Сегодня — последняя ночь, когда я сплю одна».

Первая неделя брака показала обоим очень счастливой, о чем тоже поведал дневник: «12 февраля. Уже второй день с момента нашей свадьбы. Я чувствую себя еще более счастливой, чем прежде. Мы оба сидим в маленькой гостиной, он за одним столом, я за другим, и пытаемся писать — я дневник, а он письмо, — но все время сбиваемся на разговор». Однако вскоре в их отношения вмешалась политика. Виктория быстро дала понять, что вышла замуж «как женщина, а не как королева». Немецкие придворные, которые считывали занять должности при короле Альберте, быстро разочаровались, а самому молодому принцу быстро надоело заниматься только танцами, конными прогулками и писаниной бесчисленным родственникам. Но Виктория обсуждала важные дела с Мельбурном, с Лецен и никогда с ним; когда он обижался, она переводила все в шутку. К удивлению королевы, Мельбурн встал на сторону Альберта и приставил к принцу своего собственного секретаря Энсона, что-

бы ввести его в курс государственных дел. На помощь принцу пришли два события. Сначала королева забеременела; потом, в июне 1840 года, на нее было совершено покушение. Предполагаемого террориста, сумасшедшего юношу восемнадцати лет с ножом в кармане, заблаговременно обезвредили. Однако встал вопрос о возможности регентства; Веллингтон, чей авторитет был непререкаем, заявил, что регентом может быть только Альберт.

В ноябре королева благополучно родила дочь Викторию — первую из ее девяти детей, в будущем мать главного врага Англии, немецкого кайзера Вильгельма. «Не волнуйся, — утешала она мужа, — следующий будет принцем». Сперва она не уделяла особого внимания дочери, поскольку переживала тяжелую утрату: умер ее спаниель Дэш. Она сама написала ему эпитафию: «Был предан без эгоизма. Был храбр без злобы. Был верен без хитрости». Это могло относиться и к лорду Мельбурну, который в мае 1841 года уже окончательно покинул пост премьер-министра, уступив его Пилу. Он отнесся к этому с обычным спокойствием: «Никто не любит уходить, но для меня это неплохо — я порядком устал и нуждаюсь в отдыхе». Он действительно был верен королеве без хитрости и напоследок советовал ей больше доверять Альберту.

Англичане постепенно полюбили принца, который был красив, сдержан и немногословен. У него оставался лишь один недоброжелатель: баронесса Лецен, которую он называл «желтухой» или «домашним драконом, изрыгающим пламя». Она сохраняла сильные позиции при дворе, и именно ей были доверены воспитание и здоровье маленькой Виктории. Однако скоро принцесса серьезно заболела и попала в руки доктора Кларка — «героя» дела Флоры Гастингс. Видимо, у него были своеобразные методы лечения, поскольку Альберт в сердцах писал жене: «Доктор Кларк неправильно лечит девочку и травит каломелью, а вы морите ее голодом. Я ничего не могу с этим поделать; забирайте ее и делайте все, что хотите, но если она умрет, это будет на вашей совести». Такая суровость возымела действие. Виктория обратилась к барону Штокмару, и тот признался, что Альберт жаловался ему: «Она не слушает меня, а сразу входит в раж». В конце концов королева устпи-

ла супругу и позволила ему отослать Лецен в Германию и перестроить структуру двора. Порядка стало больше, и как-то сразу пропали поводы для разногласий с Пилем.

В ноябре 1841 года Виктория предъявила стране и мужу крупного здорового младенца мужского пола, который был окрещен Альбертом-Эдуардом. Все четыре сына королевы имели в составе своих имен имя отца, и она хотела бы, чтобы то же делали все их потомки — а их было немало. В последующие годы дети рождались один за другим, и в конце концов дворец стал им тесен. Тогда Альберт стал подыскивать место, где семья могла бы жить вместе вдали от дворцовой суеты, и нашел его в усадьбе Осборн-Хаус на острове Уайт. Сатирики того времени вдоволь поиздевались над дорогостоящей плодovitостью королевы, но после расставания с Мельбурном и Лецен жизнь супругов стала почти идиллической. Альберт занялся образованием жены; он сам хорошо разбирался в искусстве и был неплохим музыкантом, другом композитора Мендельсона. Из их тщательно распланированного семейного счастья и выросла та система строгих моральных ограничений, которую назвали «викторианством». Ее идеалом были мудрый отец, любящая мать, почтительные сыновья и невинные дочери, которые выходят за молодых приятных людей и воспроизводят всю схему заново. Недостаток системы заключался в том, что ее пытались привить в условиях капитализма, который как раз вступил в свою самую уродливую фазу, описанную Марксом. Большинство англичан жило в бедности, женщины и дети по 12 часов трудились на тяжелых работах, люди жили в грязи, без всяких моральных принципов. Поэтому система была изначально основана на несправедливости.

Викторианское воспитание испортило жизнь многим, начиная с принца Эдуарда, или «Берти», которого в детстве подвергали с современной точки зрения настоящим мучениям. Общество было опутано неписаными запретами больше, чем во времена пуританства. Неприличными становились не только отдельные слова, но и целые области жизни. Викторианские леди и джентльмены исповедовали принцип: «Делай, что хочешь, только без огласки». В 70-е годы нашумело дело полковника Бейкера, который оказался в купе с симпа-

тичной девушкой и дал волю рукам. Все было тихо, пока он не произнес вслух несколько нежных слов. Девушка сразу подняла шум, бедного офицера разжаловали и посадили в тюрьму. Возмущенные англичанки писали в газеты, что одно пребывание Бейкера в Англии наносит оскорбление всем женщинам, что «уже само произнесение его имени — грубая непристойность. Необходимо поэтому запретить говорить о нем». «Неназываемым» (*unmentionable*) стало не только нижнее белье, но и все, что так или иначе выходило за рамки викторианской морали.

Впрочем, никто не вводил викторианство насильно. Даже суровое воспитание принца объяснялось прежде всего боязнью Виктории, что он вырастет похожим на ее ганноверских родичей. Королева и сама была типичной представительницей Ганноверского дома, чувственной и сентиментальной, — однако все ее чувства были сосредоточены на Альберте. Принц же был куда меньше очарован своей супругой, чем она им, и обычно мог заставить ее действовать в нужном направлении. Одним из тех, кто выиграл от этого, стал премьер Роберт Пиль. Благодаря влиянию принца этот бывший враг Виктории стал пользоваться почти таким же ее доверием, как раньше Мельбурн. Цели сэра Роберта стали теперь целями королевы, будь то борьба против «гомруля» (самоуправления Ирландии) или отмена «хлебных законов». Десятилетиями правительства тории охраняли Британию от дешевых импортных товаров, что позволяло местным производителям поддерживать высокие цены — прежде всего на пшеницу и другие зерновые. Виги все эти годы выступали адвокатами свободной торговли; в 1845 году спор усилился из-за «Великого голода» в Ирландии. Из-за неурожая картофеля вымерло более миллиона жителей «зеленого острова», а столько же уехало в Америку, образовав там многочисленную ирландскую диаспору. По всей стране развернулось движение за отмену «хлебных законов». Пиль не мог не видеть справедливости его оппонентов и выступил за свободную торговлю; тогда коллеги по партии вынудили его подать в отставку.

Виктория переживала так же искренне, как после ухода Мельбурна. Она утвердила назначение премьером вига Джона Рассела, но повела себя так же упрямо, как вначале с Пи-

лем. Она вместе с Альбертом решительно выступила против назначения министром иностранных дел лорда Пальмерстона, который был известен своеволием и воинственными настроениями. Теперь этого изобретателя «дипломатии канонерок» собирались сделать ответственным за войну и мир в стране, где канонерок (и других военных кораблей) было больше всего в мире. Королева, всегда панически боявшаяся общеевропейской войны, потребовала убрать Пальмерстона из списка, и Рассел, пожав плечами, вернул «чашу с ядом» Пилю. Сэр Роберт тут же сумел провести отмену «хлебных законов», и цены на хлеб резко упали; но оппозиция ему была так сильна, что в июне 1846 года он окончательно ушел в отставку.

На этот раз Виктория смирилась с неизбежным и приняла лорда Рассела вместе с Пальмерстоном. Как королева и боялась, последний стал проводить предельно независимую политику. По соглашению Англии с Францией испанская королева Изабелла, которая, как и Виктория, взошла на престол незамужней, должна была срочно выйти замуж, и Пальмерстон подобрал ей угодного англичанам кандидата — очередного саксен-кобургского принца. Король Франции Луи-Филипп, увидев в этом «коварство Альбиона», тут же выдал Изабеллу за старого импотента герцога Кадисского, а ее наследницу Фернанду просватал за своего сына. Это было плохим началом карьеры нового министра, и Виктория высказала ему это в приступе чисто ганноверского гнева. Однако события стали развиваться совсем по другому сценарию. Наступил 1848-й — великий год революций. В марте Луи-Филипп с семьей появился в Лондоне, изгнанный из своей страны; тогда же Англия приняла другого беглеца — некогда всемогущего австрийского канцлера Меттерниха, которого называли «жандармом Европы».

Революционный пожар охватывал одну страну за другой, и Виктория всерьез опасалась, что он доберется до Англии. Так и случилось, только все происходило по-английски. Требовали не смены власти, не «фонарей для аристократов», а всеобщего избирательного права. В то время право голоса было ограничено имущественным цензом, что отстраняло рабочий класс от участия в выборах. Рабочие и стали главной силой «чартизма» — движения за хартию о правах избирателей.

В апреле лорд Рассел сообщил королеве, что чартисты готовятся к маршу на Лондон. Многие еще помнили «Питерлоо» — кровавое подавление войсками герцога Веллингтона рабочих выступлений в 1819 году. Теперь в столицу стянули 150 тысяч полицейских, а королеву и ее мужа для безопасности отправили в Осборн. Виктория драматически писала дяде Леопольду: «Я никогда не была спокойнее и не нервничала меньше. Великие события делают меня тихой и спокойной. Но я чувствую, что повзрослела и стала серьезнее, и будущее представляется мне очень мрачным». Но ее опасения не сбылись: и великий марш на Лондон, и весь чартизм свелись к мирным петициям и переросли в упорную, постоянную борьбу за улучшение избирательного закона. Во всей Европе революция была подавлена, и только в Англии она продолжалась и в конце концов добилась успеха.

В конце 1848 года умер старый и почти забытый Мельбурн. Пальмерстон, который был с ним, писал королеве в Осборн: «Я погрузился в меланхолию, наблюдая постепенное угасание светильника жизни того, кто был не только отмечен блестящими талантами, первоклассным умом и искренними чувствами, но и глубокой любовью к Вашему Величеству, которая делала его самым преданным подданным из всех, служивших когда-либо короне». Однако Виктория уже позабыла своего «дорогого лорда», как и многих после него. В письме к дяде Леопольду она только вскользь упомянула о смерти Мельбурна и тут же перешла к насмешкам над Пальмерстоном. Королева вообще была смешлива, и с возрастом это свойство только усиливалось. Как-то скульптор Гибсон, лепивший ее бюст, пытался измерить ей рот, но не смог, поскольку она все время смеялась. Виктория обладала своеобразным чувством юмора; ее шутки были тонкими и не всегда приличными — во всяком случае, в «викторианском» понимании. Много позже, когда ее внучка в глубоко декольтированном платье отправилась на свой первый бал, королева посоветовала ей: «Вставь-ка спереди розу, а еще лучше две. Эти гвардейцы такие высокие».

В 1849 году состоялся первый визит королевы в Ирландию. Она была искренне потрясена страданиями голодающих, но проявила характерное для того времени лицемерие. Во время

высадки в Кобе, который в ее честь был переименован в Куинстаун, ее приятно удивил прием: «Поддерживался самый строгий порядок, несмотря на громадное количество народа. Я никогда не видела более забавной толпы, которая шумела сверх всякой меры, болтала, прыгала и даже визжала. Было много войск, и все представляло собой чудесную сцену». Действительно, только с помощью войск можно было обеспечить такие «чудесные сцены» в стране, где миллионы жителей погибли или стали беженцами из-за английского упрямства и жадности.

Последующие месяцы были целиком заполнены борьбой с Пальмерстоном. После 1848 года прежний порядок в Европе, основанный на «Священном союзе» монархов, рухнул, и никто не знал, что придет ему на смену. Виктория и Альберт не питали особого сочувствия к деспотизму и скорее поддерживали либералов, но родственные связи чуть ли не со всеми царствующими домами вынуждали их проявлять «монархическую солидарность». При этом у них всегда были поводы поспорить с действиями министра иностранных дел. Когда Альберт поддерживал объединение Германии, Пальмерстон собирался закрепить раздел страны путем передачи Дании Шлезвиг-Гольштейна. Когда Пальмерстон, напротив, выступал за объединение Италии, царственная пара обвиняла его в попытках расколоть Австрийскую империю, которой принадлежала значительная часть Италии. Еще в начале 1848 года королева сказала лорду Джону, что не может больше терпеть капризов министра. Ее неприязнь к нему была не только политической, но и личной; в ее чисто женском сознании Пальмерстон ассоциировался с порочным миром ганноверских родственников. При дворе его заслуженно прозвали «Купидоном», и королева безжалостно изгнала одну из своих придворных дам за чересчур близкое знакомство с министром.

В начале 1849 года Пальмерстон финансировал сицилийских заговорщиков, пытавшихся свергнуть короля Неаполя Фердинанда. Виктория была разгневана и в очередной раз пыталась сместить неугодного министра, но он устоял. На следующий год с португальским евреем доном Пасифико, поданным Англии, грубо обошлись в Греции; Пальмерстон

потребовал извинений и, не получив их, послал к греческим берегам британскую эскадру. «Легкомыслие этого человека просто невероятно!» — воскликнула королева, но на слушаниях в парламенте Пальмерстон произнес пылкую речь и сразу стал национальным героем. Он напомнил, что вся Европа погружена в пучину гражданских войн и одна Англия пребывает в мире. «Мы показали, что свобода совместима с порядком; что свобода личности неотделима от уважения к законам». Англия, по его мнению, была «страной, где любой человек из любого класса имеет возможность подняться по социальной лестнице — не обманом и несправедливостью, не насилием и беззаконием, но упорным и добросовестным трудом». Обрисовав эту радужную картину, он спросил парламент — разве не правильно, что «как римлянин древних времен защищал себя от бесчестия одной фразой “Я — гражданин Рима”, так и британский подданный, где бы он ни был, знает, что зоркий глаз и сильная рука Англии охраняют его от несправедливости и насилия».

Виктория и Альберт посоветовались с бароном Штокмаром и вместе составили меморандум лорду Расселу. Это была одна из последних попыток пересмотра отношений между английским монархом и его кабинетом. Королева хотела от своего министра иностранных дел одного: «Чтобы он твердо знал, чего он хочет в каждом случае, чтобы и королева знала, на что она дает свою монаршую санкцию, и чтобы эта санкция не была после отменена или изменена министром; такие действия она вправе рассматривать как отсутствие искренности в отношении короны и использовать свое конституционное право путем увольнения этого министра». Пальмерстон отправился к Альберту и мастерски изобразил смирение и раскаяние; однако борьба продолжалась. В 1851 году венгерский патриот Лайош Кошут, боровшийся против Австрии, бежал в Турцию. Австрийцы уже почти добились его выдачи, но тут Пальмерстон вдруг решил спасти Кошута и послал в Босфор свои любимые канонерки. Благодарный Кошут явился в Англию, но королева — опять-таки из «монархической солидарности» — запретила Пальмерстону принимать его. Обиженный министр заявил, что вправе сам решать, кого принимать в соб-

ственном доме, но тут премьер возразил, что «в данном случае недопустимо отделять личные интересы от государственных», и Пальмерстону пришлось подчиниться.

Но через несколько недель его загнали в угол, из которого он уже не смог выбраться. В декабре 1851 года принц Луи Наполеон совершил во Франции переворот и вскоре провозгласил себя императором. Пальмерстон, не советуясь ни с кем, послал ему свои поздравления вместе с обещанием поддержки. Его пригласили за объяснением в палату общин, но Рассел, который сам начал бояться непредсказуемого министра, не хотел допускать повторения истории с доном Пасифико и уволил его в отставку. Дизраэли вспоминал, что Пальмерстон сидел, обхватив голову руками, «как лиса в капкане». Однако опытный политикан просто сменил партию, стал ярым вигом и готовился к новому броску во власть.

Главную тяжесть борьбы с министром вынесла на своих плечах Виктория, поскольку Альберт был занят другими делами. Он возглавлял комитет по организации Всемирной выставки, намеченной на следующий год. В громадном стеклянном сооружении, вскоре названном Хрустальным дворцом, должны были быть представлены величайшие чудеса, созданные природой и человеческим трудом. Выставка стала самым ярким проявлением оптимизма XIX века, его наивных представлений о власти человека над природой, об облагораживающей роли воспитания и искусства, о «цивилизаторской миссии» европейцев. Однако у нее нашлись и противники — купол Хрустального дворца сравнивали с Вавилонской башней и предрекали ему ту же участь, а защитники нравственности боялись, что выставка привлечет толпы пьяных и разнузданных хулиганов со всей страны. Даже сам премьер выразил опасения, что стекло дворца может потрескаться от пушечного салюта.

В последний момент появилась новая опасность; лондонские воробьи очень обрадовались появлению Хрустального дворца, и его блестящее стекло скоро оказалось совершенно запятнанным. Как всегда в моменты кризиса, обратились к герцогу Веллингтону, и старый солдат изрек: «Соколы». Действительно, выпущенные в небо над дворцом ловчие соколы сразу распугали пернатых; такова была последняя услу-

га, оказанная Англии герцогом, который умер в сентябре того же года. Открытие выставки стало настоящим триумфом Альберта. Виктория писала дяде Леопольду: «Жаль, что вы не видели 1 мая 1851 года, величайший день нашей истории, самое прекрасное и впечатляющее зрелище и триумф моего дорогого Альберта. Это был день моего счастья и гордости, и я не могу думать ни о чем другом. Любимое имя Альберта увековечено этим великим событием, и моя милая страна подтверждает, что он этого достоин».

Это были счастливейшие дни в жизни королевы. В семейном гнездышке в Осборне и в новом шотландском имении Балморал, купленном в 1852 году, они с Альбертом могли отдохнуть от дворцовых формальностей. Принц носил шотландскую юбку и сушил носки перед камином; они совершали длительные прогулки по горам, устраивали пикники, пили виски, ездили на чай к местным аристократам. Виктория писала о Балморале: «С каждым годом мое сердце все сильнее привязывается к этому маленькому раю, и сейчас он стал таким же нашим с Альбертом созданием, домом, убежищем, как и Осборн; повсюду заметны следы его прекрасного вкуса и его милых рук».

Впрочем, с ней вряд ли были согласны министры, которым приходилось совершать утомительные визиты в Балморал по шотландскому бездорожью с бумагами, требующими королевской подписи. В 1858 году родился девятый и последний ребенок Виктории — дочь Беатриса, впоследствии принцесса Баттенбергская. «Дети, хоть они часто и вызывают беспокойство и трудности, являются большой радостью и благом и просветляют жизнь», — писала тогда королева. Она твердо решила, что никто из ее детей не вырастет таким, как Георг IV, и принц Уэльский воспитывался по специальному плану, составленному бароном Штокмаром. Однако план не срабатывал — принц учился плохо и неохотно; одних учителей меняли на других, и на время юный Берти стал настоящим полигоном для испытания новых методов образования. Скоро начали распространяться слухи; Гревиль писал: «Постоянная и глубокая антипатия наших монархов к своим наследникам, кажется, так и не преодолена, и королева не очень-то любит своего сына».

В 1852 году Пальмерстон отомстил Расселу, обвинив того в недостаточно быстрой реакции на военные приготовления Наполеона III. В оппозиции лорду Джону объединились сторонники Пальмерстона, ушедшие от тори вместе с ним, и «пилиты» — приверженцы Пиля, которые, напротив, бежали от тори к вигам. Новая партия получила название Либеральной; ее оппоненты, бывшие тори, скоро приняли имя консерваторов. В феврале 1852 года Рассел ушел в отставку, но королева так противилась назначению на его место Пальмерстона, что тому пришлось занять пост министра внутренних дел в кабинете лорда Абердина. Европа между тем скатывалась к новой войне. Османская империя, которую давно уже называли «европейским больным», была так слаба, что ее постоянно пытались расколоть разнообразные державы и главным образом Россия, которая под лозунгом «защиты православия» претендовала не только на Константинополь с черноморскими проливами, но и на турецкие владения на Балканах и в Азии. Пальмерстон возглавил «партию войны», которая желала любой ценой остановить усиление России; с ним объединился и Наполеон III, который в подражание своему великому дяде всегда был рад случаю повоевать.

В это время по Лондону распространился дикий слух, что Альберт вступил в сговор с русским царем и Виктория якобы собирается заключить его в Тауэр. К сожалению, это произошло в момент, когда отношения принца с королевой ухудшились и он был глубоко уязвлен. Премьер Абердин был вынужден заявить: «Принц так долго находится на глазах у всей страны, его деятельность так явно направлена на всеобщее благо, и его жизнь так безупречна, что я не допускаю ни малейшего подозрения, что за этими прискорбными проявлениями злобы и клеветы стоит хоть какая-то истинная причина». В 1853 году началась Крымская война, в которой все стороны проявили недюжинную храбрость и полную стратегическую бездарность. Самый знаменитый в английской истории эпизод этой войны — атака пехотной бригады под Севастополем — был вопиющей ошибкой командования, пославшего солдат на напрасную смерть. Английский командующий в Крыму, лорд Реглан, был полностью лишен талантов полководца, и память о нем сохранилась лишь в названии

одноименного пальто. Главным героем войны стала медсестра Флоренс Найтингейл, весьма энергичная особа, благодаря которой была реорганизована не только военная, но и гражданская медицинская служба.

В январе 1855 года, когда война уже шла на убыль, правительство Абердина ушло в отставку. Королева выдвинула Дерби, потом Рассела, но никто из них не смог сформировать кабинет. Пальмерстон был уже стар и почти глух; Дизраэли называл его «старым клоуном с фальшивыми зубами, которые, когда он говорил, все время грозили выпасть изо рта». Однако Виктории пришлось смириться с неизбежностью, и Пальмерстон стал премьером. Одновременно в Англию пригласили императора Наполеона III. Переговоры прошли успешно, и королева была просто очарована новым союзником — маленьким человеком с воинственно торчащими усами. Вскоре она с Альбертом предприняли поездку в Париж на Всемирную выставку, Виктория стала первым английским монархом со времен Генриха VI, посетившим этот город. Она писала: «Я восхищена, очарована, заинтересована и думаю, что никогда не видела ничего более прекрасного и радостного, чем Париж, — и ничего более великолепного, чем его дворцы». Она была особенно польщена, побывав на названной в честь нее улице, и Наполеон галантно флиртовал с ней, пока принц был занят дегустацией коллекционных французских вин.

В марте 1856 года война закончилась и был заключен Парижский мир, усиливший позиции Великобритании. В следующем году, несмотря на оппозицию Пальмерстона, королева все же сделала Альберта принцем-консортом, и он занял подобающее место в придворных церемониях — даже выше дяди Леопольда. Тогда же состоялось обручение их 17-летней дочери Вики с прусским принцем Фридрихом-Вильгельмом — первый из династических браков, которые позволили потом называть Викторию «бабушкой Европы». Виктория очень любила старшую дочь и не хотела отпускать ее в Пруссию; тем более что теперь она оставалась наедине с Альбертом, с которым все чаще спорила, особенно по поводу воспитания Берти. Главной целью Альберта было оградить сына от всех искушений и соблазнов внешнего мира, воспитать его чопорным и строгим, как испанские короли Средневековья. Но принц

Уэльский был совсем другим — весельчак, любитель искусства, породистых лошадей и хорошеньких женщин, он тосковал под бдительной родительской опекой и жаждал вырваться на свободу.

В мае 1857 года вспыхнуло Великое восстание в Индии. К тому времени огромная страна полностью оказалась под властью Англии, и восстание стало последней попыткой сопротивления. К огорчению англичан, деятельное участие в нем приняли те, кого они считали своей опорой, — местные владетельные князья и солдаты-сипаи, вооруженные и обученные по европейскому образцу. В короткий срок восставшие захватили густонаселенный центр страны, безжалостно расправляясь с колонизаторами, их женами и детьми. Английские каратели действовали с неменьшей жестокостью — повстанцев привязывали к жерлам пушек, вешали, живьем закапывали в землю. Эти суровые меры в сочетании с уступками знати сделали свое дело — к лету 1858 года восстание было подавлено. 2 августа английский парламент принял закон о ликвидации Ост-Индской компании и переходе ее громадных владений под юрисдикцию государства.

На много лет Индия сделалась «самым драгоценным бриллиантом британской короны», местом, где молодые англичане учились воевать, управлять и сочинять стихи, где они знакомились с древними загадками Востока. Колониальный миф, воспетый Кипплингом, стал составной частью викторианства. «Бремя белого человека» привело англичан на все континенты, во все уголки мира — Африка, Канада, Австралия и Китай стали ареной подвигов солдат и миссионеров, трудов британских чиновников, угнетения и сопротивления местных жителей. К концу правления Виктории под ее скипетром жило до 400 миллионов человек всех цветов кожи, а Британская империя занимала пятую часть земного шара. Но этого было мало — лихорадка завоеваний, потребность в полезных ископаемых и военных базах заставляли захватывать все новые территории, жестоко подавлять восстания, вступать в соперничество с другими колониальными державами.

В марте 1861 года умерла герцогиня Кентская, и импульсивная Виктория погрузилась в бездну отчаяния. В своем горе она почти не обращала внимания на мужа, а он между тем

тоже болел, и весьма серьезно: у него начинался тиф. В ноябре пришли ужасные вести из Ирландии, где Берти начал офицерскую карьеру, — у принца Уэльского роман с актрисой! Реакция Альберта была из ряда вон выходящей; все воспитание сына, которому он посвятил столько сил, пошло насмарку. Он писал одно грозное письмо за другим; он был уверен, что девица забеременеет и «разгласит перед судом на потеху толпе самые отталкивающие детали твоего распутства, и тебя будут допрашивать бесстыдные судьи, и освистывать незаконная толпа! Как ужасно, что ты в любой день можешь оказаться в ее власти; это разбило сердца твоих бедных родителей!». Альберт уже был болен, однако лично отправился разбираться с бедным Берти. Вернувшись в Лондон, он застал новый дипломатический кризис.

В Соединенных Штатах разразилась гражданская война, и два представителя Юга, Мейсон и Слайделл, отправились на британском судне «Трент» в Англию просить о поставках оружия. Однако «Трент» был атакован федералистами, и южане попали в плен. Пальмерстон тут же предъявил ультиматум: северяне должны освободить пленников и корабль, иначе Англия вступит в войну. Вернувшийся Альберт едва успел отменить бессмысленный документ и послать вместо него просьбу освободить британское судно с выражением уверенности, что его, конечно же, задержали по ошибке. Принц лично составил документ, хотя был уже так болен, что с трудом держал перо. После этого он свалился с высокой температурой, но доктор Дженнер уверил королеву, что бояться нечего. Только потом старый доктор Джеймс Кларк поставил правильный диагноз, но время было безвозвратно упущено. Виктория целые дни проводила у постели мужа, читая ему романы Джордж Элиот и даже кормя с ложечки. Альберт еще бодрился и при малейшем улучшении растрачивал силы, играя с детьми. Только когда его перенесли в Синюю комнату Виндзора, где умерли двое предыдущих королей, он понял, что его ждет. Виктории врачи не хотели говорить правду, но она догадалась сама. «О, это смерть, — сказала она. — Я знаю это, я уже ее видела».

Альберт умер 14 декабря 1861 года. «Он испустил два или три долгих, но очень слабых вдоха, его рука сжала мою, и (о,

как же мне больно писать это!) все, все было кончено. Я встала, поцеловала его милый, прекрасный лоб и издала горький, агонирующий крик: “О, моя дорогая любовь!” Потом я упала на колени в глубоком отчаянии, не в силах не только говорить, но даже плакать». Дневник, без сомнения, свидетельствует о глубине чувства Виктории, но показывает и то, что она даже в минуты «глубокого отчаяния» могла оценивать себя со стороны и контролировать свое поведение. По ее приказу в комнате, где умер Альберт, сделали уборку, но не тронули ни единой вещи — так осталось навсегда. Еще долго она спала с ночной рубашкой мужа в руках. Для принца выстроили мавзолей в Виндзоре и планировали создать национальный мемориал в Кенсингтоне. Виктория чувствовала себя покинутой не только как женщина, но и как королева — только теперь она поняла, как были важны для нее советы и осторожное руководство Альберта. На снятой в те дни фотографии королева одета в траур; она отвернулась от камеры и смотрит только на бюст покойного мужа. С тех пор она не снимала траур и на лице ее редко появлялась улыбка. Скорбь королевы была такой глубокой, что едва не разрушила саму британскую монархию.

Казалось, королева вовсе отошла от дел. У Бэкингемского дворца какие-то остряки вывесили плакат: «Помещение продается в связи с упадком в делах последнего владельца». Виктория, такая царственная и властная, вдруг обнаружила, что не может и шагу ступить без советов мужа и всякий раз спрашивает себя: «Что бы сделал Альберт на моем месте?» В 1863 году бедный Берти женился наконец на датской принцессе Александре, но королева даже не пошла на свадьбу; это время она провела на могиле мужа. В Европе начался новый кризис — Пруссия воевала с Данией, и Пальмерстон уже хотел посылать канонерки. Виктория отозвалась на это только фразой в письме дочери: «Я рада, что дорогой папочка избежал всех этих тревог и неприятностей». Пальмерстон умер в 1865 году, в возрасте 80 лет, почти одновременно с дядей Леопольдом. Лорд Джон потерпел поражение по вопросу дальнейшей избирательной реформы и уступил место лорду Дерби, который мрачно назвал свое назначение «прыжком в темноту». Королева оставалась безучастной.

Большую часть времени она проводила в Балморале с самыми верными людьми: конюшим Генри Понсонби (ему она строго велела «не слишком веселиться») и бывшим грумом Альберта шотландцем Джоном Брауном. 39-летний Браун был настоящим шотландцем — суровое мужественное лицо, открытые, хоть и грубоватые манеры, безукоризненная честность. В какой-то мере он возместил королеве потерю друга-мужчины, в котором она всегда нуждалась. Необычная фамильярность лакея со своей госпожой не осталась без внимания; как-то королева, выходя из комнаты, спокойно перешагнула через валявшегося на пороге пьяного Брауна. Бульварная пресса распространяла слухи о романе Виктории со слугой, даже об их тайном браке. Ее иронически называли «миссис Браун». Джон ездил с ней повсюду, и его присутствие вызывало некоторый шок при дворе, пока Виктория не сказала Понсонби: «Королеве нельзя диктовать или запрещать то, что служит ее успокоению». Были ли королева и слуга любовниками, сказать трудно; однако несомненно, что она нуждалась в Брауне так же, как некогда в Мельбурне. Она не позволяла ему жениться и покинуть ее, пила с ним виски, ездила в шотландские горы; перед смертью Виктория велела положить ей в гроб фотографию любимого лакея. Принц Уэльский и другие родственники терпеть не могли Брауна, и, став королем, Берти лично расколотил палкой несколько его статуй, расставленных в саду Виндзора.

А потом на горизонте появился новый герой, более подходящий в качестве опоры для пятидесятилетней королевы с девятью детьми. В 1868 году престарелый Дерби уступил свое кресло 64-летнему Бенджамину Дизраэли, который сильно отличался от богатых аристократов, составлявших английскую элиту. Пользуясь его собственными словами, он «вскарabкался на смазанный маслом шест сам, без всякой поддержки». Сын еврея-литератора, он пробился к вершинам общества благодаря своим уму, таланту, оригинальности и обаянию. Он сменил множество профессий, добился славы и богатства, но все равно казался многим аристократам выскочкой, едва ли не представителем низов общества. Этого острослова и модника обожали блестящие женщины, а сам он обожал свою жену — некрасивую, но с большим приданым. Конечно, излучавший

любезность Дизраэли отличался в лучшую сторону от грубияна Брауна, и королева была очарована.

Удовольствие от первого знакомства было недолгим — первый кабинет Дизраэли сменился правительством либерала Уильяма Гладстона, который куда меньше понравился Виктории. Гладстону тогда было под шестьдесят, он происходил из богатой семьи, давно и профессионально занимался политикой и говорил не о намазанном маслом шесте, а о «медленном пути в гору со все нарастающей ношей». Он носил строгий сюртук и обладал стальным взглядом хищной птицы; он знал, что неприятен королеве, хотя восхищался высокими моральными принципами ее и Альберта. Жена упрашивала его «приручить» Викторию, друзья убеждали не спорить с ней, но спор возник по первому же вопросу — о положении протестантской церкви в Ирландии. Это была опора Англии во враждебной католической стране, и ей выплачивали государственные субсидии. Гладстон предложил субсидии отменить; королева была так разгневана, что не явилась на открытие парламента и опять отдалилась от общественной жизни.

Гладстон искренне недоумевал, почему королева так его не любит. А ее раздражали его бесконечные монологи («Мистер Гладстон, мы не на митинге»), она не понимала его витиеватых записок. Он сожалел, что «королева стала невидима, а принца Уэльского не уважают», но его попытки вернуть принцу уважение не имели успеха. Он пытался сделать наследника вице-королем Ирландии — королева заявила, что там неподходящий климат. Хотя между матерью и сыном не было открытой вражды и Виктория говорила: «Я не знаю наследников милее и неприятнее, чем Берти», — но она не сделала ничего, чтобы подготовить его к роли монарха. Газеты писали: «Ее Величеству кажется, что она будет царствовать вечно». Возможно, Виктория не могла простить сыну того, что он отчасти был виновен в смерти Альберта. Естественно, что принц и его молодая жена начали, как это водилось в Ганноверской династии, формировать собственный двор, где преобладали три типа людей, пугающих королеву: финансисты, евреи и американцы. Там веселились, посещали скачки, играли в карты; начались первые скандалы. Виктория спасалась в Балморале, где занялась литературой — в 1868 году были

опубликованы «Страницы из дневника нашей жизни в шотландских горах», и она стала первой коронованной писательницей со времен Якова I. Конечно же, книга была посвящена Альберту: «Дорогой памяти того, кто делал жизнь автора яркой и счастливой». Книга имела успех и вдохновила Дизраэли на знаменитую фразу: «Мы с вами как писатели...»

В феврале 1869 года оправдались худшие опасения королевы относительно сына: его вызвали в суд свидетелем по делу о разводе. Ничего страшного в этом не было, но пару раз Эдуарда освистали в театре. Виктория не могла понять, что ее поведение расшатывает монархию гораздо сильнее, чем невинные шалости ее сына. Гладстон с огорчением констатировал, что «королевское семейство явно пренебрегает своими общественными обязанностями». В 1870 году, когда Пруссия разгромила Францию, разрушив шаткую империю Наполеона III, королева интересовалась только здоровьем дочери Викки. Ее пуританство стало почти болезненным, и она даже назвала прусские бомбардировки Парижа «высокоморальным делом». Гладстон начал следовать советам жены и пытался «приручить» королеву: уговаривал пораньше уехать из Балморала, приглашал на открытие моста, убеждал лично открыть сессию парламента. Она отвечала, что избыток работы убил ее мужа и она не позволит сделать то же с ней, а когда эти отговорки не сработали, открыто обвинила премьера в стремлении использовать ее в своих политических целях. Он назвал это «самым большим оскорблением, полученным за сорок лет политической деятельности». Единственным мероприятием, которое она посетила, было открытие Альберт-холла — концертного зала, ставшего памятником ее мужу. К этому времени недовольство королевы стало таким сильным, что историк Чарльз Дилк публично предложил сделать Англию республикой.

Наконец удача повернулась к Гладстону лицом: в 1871 году принц едва не умер от тифа и тогда же на жизнь королевы было совершено новое, уже шестое покушение. Верный Браун получил золотую медаль за то, что обезоружил нападавшего, чей пистолет оказался не заряжен. Тем не менее волна народного сочувствия смыла республиканские симпатии; Гладстон тут же возобновил свои уговоры, предложив королеве если не

посещать публичные мероприятия самой, то хотя бы посылать туда принца Уэльского. Он настаивал, что «этот вопрос важнее, чем кажется королеве». Он опять предложил отправить принца в Ирландию и снова получил отказ, из-за чего отказался ехать с обычным визитом в Балморал. Понсонби писал, что Виктория подвергает монархию большой опасности: «Министры быстро привыкли не держать ее в курсе дел и даже радуются возможности заполучить всю власть в свои руки».

В следующем году королева принимала у себя шаха Персии с его тремя женами и восточным колоритом, который шокировал Гладстона. Тогда же принц Альфред захотел жениться на Марии, дочери российского императора Александра II. Однако царица Мария Александровна посчитала такой брак мезальянсом и предложила Виктории приватно встретиться в Германии, чтобы обсудить ситуацию. Королева была глубоко оскорблена; дочери Алисе, которая вступилась за брата, она сказала: «Не думаю, дорогая, что ты должна указывать мне, что делать; я на троне на двадцать лет дольше русского императора, и я носитель суверенитета, в отличие от императрицы. Как можно подумать, что я, как молоденькая принцесса, в двадцать четыре часа соберусь и побегу на зов этих могущественных русских?»

В 1874 году либеральное правительство пало, и Гладстон удалился в свое имение выращивать цветы и читать Гомера. На Даунинг-стрит вернулся Дизраэли, который тут же явился к королеве, «расплывался в улыбке» и «порхал по комнате, как птичка». Виктории нравились только те мужчины, которые вели себя с ней, как любовники, и это прекрасно понимал новый премьер, который говорил: «Гладстон общается с королевой как с государственным учреждением, а я — как с женщиной». Это было цинично, но оправданно; королева наконец стала выглядеть и вести себя как королева. Дизраэли изобрел блестящий ход — сделать ее императрицей Индии. Сын и дочь Виктории породнились с императорскими фамилиями Германии и России, и она говорила Понсонби: «Я уже императрица, и, пожалуй, мне лучше назваться императрицей Индии». Она была очень довольна как новым титулом, так и поездкой в Индию, где на дурбаре (собрании) трехсот индийских князей

ей вручили усыпанную бриллиантами корону. В восторге был и принц; недовольной осталась лишь принцесса Александра, которую королева отказалась взять с собой. За свою услужливость Дизраэли, внук мелкого торговца, получил титул лорда Биконсфилда. Свой индийский титул королева восприняла вполне серьезно и даже попыталась выучить хинди — язык новых подданных. Ее учителем и секретарем стал ученый индиец Абдул Карим Мунши, для которого в Балморале специально выстроили домик в восточном стиле.

Влияние Англии в мире продолжало расти. Дизраэли купил у разорившегося правителя Египта Суэцкий канал, обеспечив тем самым короткий и безопасный доступ в Индию. Турция продолжала распадаться, и англичане встали на ее сторону, послав эскадру в Дарданеллы, чтобы защитить владения султана от русских и австрийцев. Однако в это время вспыхнуло восстание в Болгарии, и общественное мнение было потрясено рассказами о зверствах турок при его подавлении. Гладстон из своего имени мог теперь порицать Дизраэли за то, что тот поставил выгоду выше морали, а корыстные интересы — выше веры и закона. Он даже призвал русских освободить Болгарию. Королева тоже была потрясена массовыми убийствами, но скоро нашла ответ. Русские, наверное, сами устроили восстание в Болгарии, чтобы оправдать свое вмешательство, а подговорил их Гладстон. Она была уверена в правоте Дизраэли, ездила к нему обедать и даже согласилась приехать на открытие парламента. Когда началась Русско-турецкая война, Дизраэли едва смог удержать Англию от вступления в нее; однако ему удалось максимально ограничить успехи России на Берлинском конгрессе и под шумок аннексировать Кипр. Гладстон осудил мирный договор как «неслыханный и непревзойденный акт двуличия», но Виктория пожаловала своему герою орден Подвязки.

Под влиянием Дизраэли возникла новая королева: более деятельная, более терпимая, более уверенная в себе, которая могла закурить сигарету в присутствии фрейлин. Она стала добрее и к принцу Уэльскому, который после визита в Индию как-то возмужал, и к Вики, у которой были проблемы с собственным сыном, заносчивым принцем Вильгельмом. Она смогла с достоинством перенести новое горе, когда

в ноябре 1878 года умерла от дифтерии ее вторая дочь Алиса. Тем временем империя заботами премьера расширялась; шли войны с зулусами, афганцами, ашанти, что дало Гладстону новую почву для критики: «Вспомните о правах дикарей, как мы их называем. Вспомните, что покой их домов и святость их жизни в горных хижинах Афганистана, среди вечных снегов, ничуть не менее дороги Всемогущему Богу». Если бы эти аргументы выдвигал любой другой человек, Виктория могла бы прислушаться, но они исходили от ненавистного Гладстона. В феврале 1880 года Дизраэли вышел на выборы и проиграл; Гладстон отметил победу фразой, достойной самого Оливера Кромвеля: «Рука Господа избрала меня, чтобы я сделал Его работу». Виктория тут же отозвалась из Баден-Бадена, где она отдыхала: «Королева скорее отречется от трона, чем будет иметь дело с этим полусумасшедшим смутьяном, который готов разрушить все и стать диктатором на развалинах».

Дизраэли не пережил своего поражения и в апреле 1881 года умер. Королева перенесла его смерть спокойно, а Гладстон немало попотел, сочиня парламентскую речь на этот случай (как он позже признался, он в тот день страдал от поноса). К общему удивлению, покойный завещал похоронить его в своей усадьбе, а не в Вестминстерском аббатстве. Понемногу Гладстон начал изменять внешнюю политику Англии — вывел армию из Афганистана, вернул независимость бургским республикам. В это время он столкнулся с серьезной проблемой у себя дома, и это, как обычно, была Ирландия. Земля там после массовых конфискаций Елизаветы и Кромвеля принадлежала в основном английским лендлордам, против которых ирландцы могли бороться двумя способами — поджигая по ночам их дома или отказываясь иметь с ними дело; последняя мера получила название «бойкот» по фамилии своей первой жертвы. Права ирландцев в парламенте защищала маленькая группа депутатов-католиков во главе с Чарльзом Парнеллом, блестящим оратором и прирожденным бойцом. Вначале он вступил в блок с Гладстоном, но потом начал выступать против него и был арестован за «поощрение беспорядков». Однако Гладстон предпочел пойти на уступки и 4 мая 1882 года заключил с Парнеллом секретное соглашение. Однако на дру-

гой день террористы-фениы застрелили в Дублине английского секретаря по делам Ирландии лорда Кавендиша, и Гладстона едва не отправили в отставку.

Казалось, насилие царит во всей Европе. Недавно был убит Александр II, а в 1882 году произошло еще одно покушение на жизнь Виктории. Убийца был схвачен двумя старшекласниками из Итона, и на этот раз его пистолет оказался заряжен. По стране прокатились стихийные манифестации, на которые королева откликнулась: «Иногда приходится быть застреленным, чтобы понять, что тебя любят». В следующем году умер Джон Браун; королеву с трудом отговорили написать некролог верному слуге, и она утешилась, посвятив ему очередной выпуск «Страниц из дневника». Гладстон отправился в тур по Европе и рассердил королеву, когда позволил монархам Дании и России поздравить себя с днем рождения. «Премьер-министр, — заявила она, — особенно наделенный умом, не должен вести себя так». На этот раз она была права, и Гладстон сквозь зубы извинился.

В 1882 году он был вынужден направить войска в Египет для защиты Суэцкого канала, что не одобрили ни его партия, ни оппозиция. Вскоре в Судане восстали исламские фанатики под руководством «пророка» Махди, перебившие египетскую армию и ее английских командиров. Гладстон не нашел ничего лучше, чем послать в Африку старого алкоголика генерала Гордона, который был окружен в Хартуме со своим отрядом и срочно телеграфировал премьеру, прося подкреплений. Но тот был занят проведением в жизнь билля о новой реформе избирательного права. Королева не желала утверждать его и писала Гладстону: «Монархия невозможна там, где не остается никакого баланса власти, никакой сдерживающей силы! Королева не против истинно либеральных чувств, но против разрушения и просит мистера Гладстона по мере сил сдерживать своих буйных коллег и последователей». Вместо ответа премьер отправился в Шотландию, убеждая избирателей цитатами из Ветхого Завета. Вдогонку ему полетела отповедь из Балморала: «Королева чрезвычайно недовольна недостойным его положением шумом, производимым мистером Гладстоном под самым ее носом». Билль все-таки прошел, и премьер даже злорадно поблагодарил королеву за помощь. В Судане ге-

нерал Гордон погиб от рук махдистов в январе 1885 года вместе со всем своим отрядом. Это ускорило падение правительства либералов, которое произошло в июне.

В то время королева была занята осмотром появившихся уже внуков и устройством их будущей судьбы. В январе 1886 года ей, однако, пришлось снова вмешаться в политику — консервативное правительство Солсбери пало, и к власти вернулся Гладстон. Но Виктория отказалась утвердить его, заявив: «Было бы величайшей ошибкой назначать этого полусумасшедшего и во многом смешного старика». В конце концов ее вынудили согласиться, но она в нарушение правил общала Солсбери о всех намерениях его противника, которые честный Гладстон сообщал ей в своих витиеватых письмах. Теперь он был уверен, что Бог предназначил его для решения ирландского вопроса, и ободренные ирландцы требовали «гомруля». Не добившись ничего, Гладстон к лету опять уступил место Солсбери.

В следующем, 1887 году было пышно отпраздновано пятидесятилетие царствования, и сама королева с необычной энергией вручала медали, посещала концерты и выставки, выступала благодарственные молебны. Она наслаждалась обретенной наконец любовью англичан, как и крепостью своей семьи, разбросанной по всей Европе. В 1888 году умер Вильгельм I, и королева записала в дневник: «Моя дорогая Виктория — императрица! Это кажется невероятным сном, и да благословит ее Бог». Это и было «невероятным сном», поскольку супруг Вики, император Фридрих, страдал раком горла. Королева узнала о его болезни во Флоренции и направилась прямо в Берлин к недовольству канцлера Бисмарка, который решил, что она хочет в своих интересах распорядиться судьбой внуков. Когда это оказалось не так, «железный канцлер» был совершенно очарован августейшей гостьей и выдал свой самый большой комплимент: «Вот это женщина! С такой любой бы хотел иметь дело». Фридрих умер 15 июня после 99 дней правления, и императором Германии стал непослушный внук Виктории Вильгельм II.

Гладстон с необычной даже для него бестактностью заявил, что королеве пора отречься и передать престол принцу Уэльскому. Это не было воспринято всерьез, поскольку никто не

верил в его политическое будущее. Его борьба за «гомруль» провалилась, когда ирландский лидер Парнелл был обвинен в соблазнении Китти О'Ши, жены одного из своих соратников. Однако в 1892 году либералы неожиданно выиграли выборы, и взбешенная королева была вынуждена в четвертый раз утвердить Гладстона премьером. Когда он явился к ней с визитом, они оба опирались на палки, и Виктория заметила: «А мы с вами совсем калеки, мистер Гладстон». Позже премьер признался, что в этой встрече было не больше сердечности, чем в рандеву Марии-Антуанетты со своим палачом. Первые его шаги были неудачными — он был так увлечен ирландскими делами, что не заметил интриги в собственном кабинете. Министр иностранных дел Розбери выступил против Гладстона, когда тот отказался выделить средства на перевооружение флота. Гладстон, которому было уже восемьдесят пять, подал в отставку и был очень тронут, когда королева пригласила его на прощальный ужин в Виндзоре.

Розбери стал новым премьером, а Виктория обратила все внимание на семейные праздники и брачные дела. Старший сын Берти был обручен с немецкой принцессой Тек, но в 1892 году он умер, и юная Мария стала женой его брата Джорджа — будущего короля Георга V. В 1894 году у них родился наследник, будущий Эдуард VIII, оставивший корону ради любви. В том же году дочь покойной принцессы Алисы стала женой наследника русского трона Николая Александровича; в будущем ее ждали трон великой империи и мученическая смерть в ипатьевском подвале.

В сентябре 1896 года Виктория с удовлетворением записала в дневнике, что правит дольше, чем любой другой английский монарх. В то время как во многих странах Европы троны рухнули или шатались, британская корона была по-прежнему окружена уважением и любовью своих подданных. Во многом это было заслугой Виктории; она сумела высоко поднять престиж монархии, очистить ее от сплетен, интриг, аморальных историй, обычных для Ганноверской династии. Благодаря ее сдержанности и дипломатизму решались многие запутанные вопросы не только внутренней, но и внешней политики. Конечно, Виктория не была светочем ума и слишком зависела от своих советников; к счастью, все они оказались людьми спо-

собными и болеющими за национальные интересы. Еще одна заслуга королевы — создание «домашнего» образа английской монархии, гораздо больше подходящего массовому сознанию, чем суровый средневековый король с «мечом справедливости». Запечатленный на гербе девиз «Бог и мое право» сменился более простым и понятным: «Все англичане — моя семья» — это сказал Эдуард VII, переделав фразу Якова I «Весь остров — моя жена».

Впрочем, многим романтикам было не по душе такое «унижение» монархии. Поэт и дипломат Уилфрид Блант писал в дневнике: «Относительно личности королевы избегают говорить все, что думают. Из того, что я слышал о ней, явствует, что в последние годы своей жизни она была довольно банальной почтенной старой дамой и напоминала многих наших вдов с ограниченными взглядами, без всякого понимания искусства и литературы, любила деньги, обладала некоторым умением разбираться в делах и некоторыми политическими способностями, но легко поддавалась лести. Впрочем, публика в конце концов стала видеть в этой старой даме нечто вроде фетиша или идола».

В 1898 году умер почти девяностолетний Гладстон. Королева была недовольна, узнав, что принц Уэльский и его сын Джордж на похоронах несли гроб. Но тут всегда покорный Берти наконец взорвался: «Мама, мне уже пятьдесят семь, и я достаточно взрослый, чтобы иметь собственное мнение!» За маленькими событиями своей семьи королева еще могла разглядеть большие события и очень переживала, когда началась англо-бурская война. Она унесла четыре тысячи жизней англичан, но была только репетицией большой войны, к которой всю готовились европейские державы. Началось сближение Англии и России, и Викторину очень беспокоила воинственная политика ее внука Вильгельма. В 1899 году она писала Николаю II: «Я опасаюсь, что Вильгельм может высказать что-то против нас, так же как он делает это в отношении Вас в беседах с нами. Если так будет, умоляю сообщить мне об этом откровенно и конфиденциально. Очень важно, чтобы мы поняли друг друга и чтобы этим недостойным и злонамеренным маневрам был положен конец».

В 1899 году Виктории исполнилось восемьдесят лет. Она стала часто болеть, плохо видела и двигалась с большим трудом. В январе 1901 года она рассталась с дневником, который вела всю жизнь, и вместе с ним словно лишилась остатков жизненной энергии. 19-го числа стало ясно, что случилось то, во что уже перестали верить: королева Англии умирала. Принц Уэльский поспешил к ней, но не к нему были обращены ее последние слова. 21 января она тихо скончалась, прошептав «Берти». Ее тщательно спланированные похороны напомнили о пышности и многолюдье Всемирной выставки. Большинство из многих тысяч скорбящих не помнили другого монарха, кроме нее. Страна, которую она оставила, мало напоминала страну, где она начала править, — но изменился и весь мир, в котором королям оставалось все меньше места. Благодаря Виктории английская монархия смогла найти место для себя и приспособиться к новому веку, зарю которого старая королева успела встретить.

Принц Уэльский, коронованный 9 августа 1902 года под именем Эдуарда VII, уже достиг возраста шестидесяти лет. Он наконец-то смог без бдительной опеки матери утолить свою страсть к пышным церемониям. Все его восьмилетнее правление прошло в непрерывных парадах, официальных приемах и визитах. Несмотря на ухудшение здоровья, он объездил чуть ли не весь мир и старался наслаждаться жизнью. Ел он пять раз в день, причем на ужин подавали не менее десятка блюд. Его супруга Александра была хороша собой, легкомысленна, но обладала сильным характером и умела очаровывать публику. Она покровительствовала инвалидам и основала приют для бездомных собак; бдительно следила за фигурой и до старости сохранила красоту, чему способствовали умопомрачительные шляпки, вуали и парики. Принцесса вела достаточно свободную жизнь и позволяла делать то же самое Эдуарду. Сначала его «официальной» любовницей стала актриса Лили Лэнгтри, потом — авантюристка Алиса Кеппел, блиставшая среди того круга дипломатов, светских львов и сомнительных дельцов, который повсюду окружал Эдуарда. Обаяние и активность короля сыграли немалую роль в укреплении союза с Францией и Россией, но так и не помогли ему наладить от-

ношения с германским императором Вильгельмом, его племянником. При этом монархе были предприняты первые шаги на пути к «социальному государству» — в 1906 году либеральное правительство Кэмпбелла — Баннермана ввело пенсии по старости и обязательное страхование на производстве.

Эдуард умер 6 мая 1910 года в Букингемском дворце после краткой болезни. К тому времени судьба уже избавила его от старшего сына, герцога Кларенса, — этот пьяница и развратник был очень непопулярен, и многие даже верили, что он и есть «Джек-потрошитель», знаменитый маньяк, убивавший лондонских проституток. Наследником трона стал Георг V, младший сын Эдуарда. Как и Вильгельма IV, его не готовили к королевской карьере, а сделали морским офицером. В 28 лет он женился на немецкой принцессе Марии фон Тек, которая родила ему пять сыновей и единственную дочь Мэри. Мария знала и любила современную культуру, особенно музыку; в отличие от нее, Георг музыку терпеть не мог и говорил, что его любимая опера — «Богема» Пуччини, «потому что она самая короткая». Он был прям и честен, но ограничен, груб и консервативен до предела.

В правление Георга V Англия, как и весь мир, пережила серьезные изменения. Все началось с Первой мировой войны, в которой погибло около миллиона подданных Британской империи. В самом начале войны король в патриотическом порыве переименовал династию из Саксен-Кобург-Готской в Виндзорскую. Семейства родственников короля тоже сменили названия; так, Баттенберги превратились в Маунтбэттенов, а Теки — в Кембриджей. После войны многие европейские монархи лишились тронов, а некоторые и жизни — например, Николай II, за которым его родственник Георг в 1917 году отказался прислать пароход. Скоро и в Англии появились свои социалисты, страна содрогалась от забастовок, и все чаще высказывались идеи об упразднении монархии.

20 июня 1936 года Георг V скончался в своем норфолкском имении Сандрингем. Его преемником стал сорокалетний принц Уэльский Дэвид, который стал причиной самого большого скандала в истории английской королевской семьи. Его отец был в семье настоящим тираном и говорил: «Я боялся отца, и мои дети должны бояться меня». Да и королева Мария не

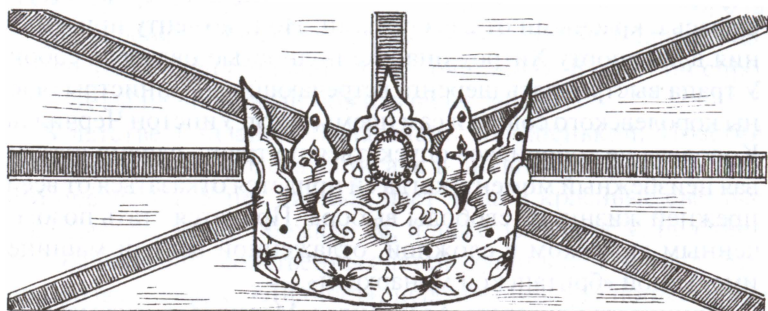
баловала детей вниманием, и чувствительный, ранимый юноша с детства тосковал по заботе и ласке. К тому же он терпеть не мог придворных церемоний и стремился к простым, полезным занятиям. Во время Первой мировой войны он сражался в окопах, где его полюбили за храбрость и демократизм в общении. Он был неплохим спортсменом, пилотировал самолет, любил женщин. 17 лет его пассией была замужняя Дадли Уорд; потом он увлекся 38-летней разведенной американкой Уоллис Симпсон и не скрывал планов жениться на ней.

После смерти отца Дэвид был официально объявлен королем под именем Эдуарда VIII. Он собирался отказаться от трона, так как понимал, что это разлучит его с Уоллис; но предприимчивая американка была не прочь сделаться королевой. Под ее нажимом Эдуард пытался перетянуть общественное мнение на свою сторону, но в итоге был вынужден уйти, пробив королем меньше года. Его вынудили уехать во Францию, где он официально женился на мисс Симпсон; в утешение им дали титулы герцога и герцогини Виндзорской. В юности неудавшийся король не скрывал симпатий к социалистам, а позже проникся профашистскими настроениями. Во время войны британским спецслужбам пришлось даже вывезти его из Португалии, чтобы не давать в руки нацистам претендента на трон Англии. Бывший монарх обосновался на Бермудских островах, а после войны переехал во Францию, где и скончался от рака в 1972 году.

В декабре 1936 года королем стал Георг VI, который был на год младше брата и до коронации носил имя Альберт. По уже установившейся традиции он служил на флоте, потом был сделан герцогом Йоркским. Он был коронован 12 мая 1937 года и сумел восстановить престиж монархии, подорванный отречением Эдуарда. При нем Англия пережила Вторую мировую войну, которая стоила ей меньше человеческих жизней, чем Первая, но куда больше подорвала ее позиции в мире. Громадные военные расходы, перегрузка экономики, сокращение импорта из-за немецкой «подводной войны» вовлекли страну в длительный период стагнации. После войны начался распад Британской империи; в 1947 году Георг лишился титула императора Индии и сохранил лишь синекуру главы Британского содружества.

Король вначале не любил Уинстона Черчилля и даже не хотел утверждать его назначение премьером в 1940 году. Однако позже неприязнь перешла во взаимное восхищение и дружбу. Во время войны король подавал англичанам пример бесстрашия и самоограничения и оставался во дворце под немецкими бомбами. Он всегда проигрывал в сравнении с красивым и обаятельным старшим братом и мучительно преодолевал комплекс неполноценности. Кроме того, с юности страдал заиканием и старался не произносить речей на публике; только в 1940-е годы австралийский логопед исправил этот дефект. Однако другую болезнь врачи исправить не смогли — король был заядлым курильщиком, и в конце концов обнаружилось, что он болен раком легких. Врачи собрались делать ему операцию, когда 6 февраля 1952 года он неожиданно скончался.

Наследница. Елизавета II

В момент смерти отца принцесса Елизавета вместе со своим супругом Филиппом сидела на дереве. Это происходило 6 февраля 1952 года в кенийском национальном парке Наньюки, где с громадного баобаба принцесса наблюдала пришедших на водопой носорогов — таким оригинальным аттракционом развлекала постояльцев администрация гостиницы «Тритопс». У дерева с тяжелой винтовкой наготове стоял знаменитый охотник Джим Корбетт — он оберегал знатных гостей и от зверей, и от повстанцев из тайного общества «мау-мау», орудовавших где-то неподалеку. Британская империя распадалась, и в разных ее концах то и дело вспыхивали вооруженные конфликты. Но 25-летнюю принцессу и ее 30-летнего мужа это не очень волновало — они были молоды, жизнерадостны и гораздо больше интересовались друг другом, чем политикой.

Все изменилось, когда около трех часов дня к охотничьему домику примчался секретарь Майкл Паркер и сообщил печальную новость. Принц был подавлен; Паркер вспоминал, что «вид у него был такой, словно на него обрушился небосвод». Совсем иначе вела себя Елизавета — секретарь увидел

серьезную и до предела сосредоточенную женщину, «полную хозяйку положения». Она сидела за столом и подписывала письма с извинениями по поводу отмены визита. Единственным проявлением ее чувств был легкий румянец на щеках. Через несколько часов «Дакота» британской авиакомпании вылетела из аэропорта Энтеббе и взяла курс на Англию. Новая королева несколько раз поспешно покидала салон и возвращалась с красными от слез глазами. Но к моменту приземления в аэропорту Хитроу она уже полностью овладела собой. У трапа выстроилась шеренга встречающих — министры, члены королевского совета и сам премьер, сэр Уинстон Черчилль. Королева не торопилась спускаться по трапу, словно оттягивая неизбежный момент, когда ей придется отказаться от всей прежней жизни, от свободы выбора. Придется стать позолоченным винтиком в сложной, отлаженной веками машине, именуемой «британской монархией».

Принцесса Елизавета-Александра-Мария Йоркская узнала, что будет королевой, уже в десять лет. Тогда, в декабре 1936 года, отрекся от престола дядя Дэвид — злополучный Эдуард VIII, — и отец девочки без особого восторга занял его место. Елизавета и ее младшая сестра Маргарет играли в куклы, когда Маргарет спросила: «Лилибет, значит, ты когда-нибудь станешь королевой?» — «Ага», — ответила Елизавета. «Бедняжка», — вздохнула сестра. Это подействовало, и много дней принцесса горячо молила Бога послать ей брата, который мог бы вместо нее стать наследником престола. Однако после она решила, что быть королевой не так уж плохо, и придерживается этого мнения до сих пор, несмотря на сотрясающие ее семью и двор скандалы.

Елизавета родилась рано утром 21 апреля 1926 года — не в королевском дворце, а в доме материнской родни на Брунтон-стрит, 17. Ее родителями были герцог Йоркский Альберт и Элизабет Боуз-Лайон, дочь шотландского лорда Стратмора. Элизабет, наследница древнего рода, была наделена сильным характером и долго отказывалась выходить замуж за принца, который тогда еще не был наследником престола. Однако их брак оказался в высшей степени удачным и счастливым, особенно после рождения дочери. Герцогиня отличалась субтильным сложением, и ей пришлось делать кесарево сечение;

в это время в соседней комнате сидел министр внутренних дел Уильям Джойнсон-Хикс. По старинной традиции он обязан был присутствовать при родах, чтобы не допустить подмены младенца. Традиции в Англии святы — министр терпеливо ждал, хотя у него были дела поважнее. Начиналась всеобщая стачка шахтеров, которую многие считали прологом революции. Монархии грозила серьезная опасность, но сам король искренне сочувствовал шахтерам и отчитал лорда Дарема, назвавшего их «подлой шайкой бунтовщиков». В ответ он спросил: «А вы не пробовали пожить на их зарплату?»

В детстве Елизавета была очень хорошенькой. Посетив Брутон-стрит, королева записала в дневнике: «Крошка просто прелестна. У нее дивный цвет лица и красивые светлые волосы». Родители обожали ее, и даже дед Георг V, не слишком баловавший собственных детей, души в ней не чаял. Это он прозвал девочку «Лилибет», передразнивая ее попытки выговорить «Элизабет». В марте 1927 года он писал герцогине Йоркской: «У вашей милой малышки уже четыре зуба — совсем неплохо для одиннадцати месяцев». В то время Альберт и Элизабет уехали в Австралию, на полгода оставив дочь одну. В аристократической среде родители не перегружали себя заботой о детях, перекладывая их воспитание на нянь и гувернанток. Няней Елизаветы была строгая Клара Найт, с детства приучившая ее к порядку и пунктуальности. Чуть позже в дом попала ее помощница, юная шотландка Маргарет Макдональд, которую все звали «Бобо», — она на шестьдесят лет стала лучшей подругой принцессы. Кроме того, в семье было еще шестнадцать слуг; чтобы разместить их всех, пришлось переехать с Брутон-стрит в более просторный особняк на площади Пикадилли с танцзалом, библиотекой, оранжереей и электрическим лифтом.

Девочка рано привыкла быть в центре внимания. Уже в три года она попала на обложку журнала «Тайм» как законодательница детской моды — оказалось, что принцессу одевают в желтое, и во всем мире дети стали носить желтые пижамы вместо розовых и голубых. Сами родители были удивлены такой популярностью. В 1928 году герцогиня Йоркская, уехавшая в Эдинбург, писала королеве: «Похоже, местные жители разочарованы тем, что я приехала без дочери. В приветствен-

ной речи глава церковного совета все время говорил о “нашей дорогой принцессе Елизавете”. Меня положительно пугает такое всеобщее обожание. Может быть, это и неплохо, но придется позаботиться, чтобы малышка оправдала возложенные на нее ожидания». Пока что газеты с умилением писали, что принцесса сама подметает комнату и складывает одежду, когда ложится спать. Свои многочисленные игрушки она аккуратно расставляла по шкафам, а туфли ставила на пол строго по линейке.

21 августа 1930 года у принцессы появилась сестренка Маргарет. В это время в Елизавете уже видели кандидатку на престол — принц Уэльский никак не мог подыскать себе жену, а у герцогини Йоркской появились проблемы со здоровьем, и она вряд ли могла произвести на свет еще и сына. Говоря о дочери, герцог все чаще вспоминал королеву Викторию. «С тех пор как девочка научилась говорить, — вспоминал он, — я заметил, какой у нее сильный характер. Кто знает, может быть, история повторится еще раз». Свою лепту внес и Черчилль, который общался с Елизаветой в Балморале, когда ей было два с половиной года. «Девчонка с характером, — сказал он жене Клементине. — Совсем маленькая, а уже держится с достоинством». Принцесса была на удивление разумной и рассудительной, а нянька Бобо научила ее экономить. Уже став королевой, Елизавета прославилась тем, что ходила по комнатам дворца и выключала везде свет. Скоро ей стали доверять заботу о младшей сестре, которая росла совсем другой — шаловливой, веселой и шумной, похожей на мать, которая тоже вечно затевала всякие игры со смехом и возней. Серьезная, немного скучная Елизавета была больше похожа на отца, и он очень гордился ей. Однако ссор между сестрами почти не возникло, хотя родители старались уделять больше внимания Маргарет, которая была дальше от трона. Герцог помнил, как тяжело ему было вечно находиться в тени старшего брата.

В 1929 году разразился Великий кризис, который отразился и на жизни королевской семьи. Королю пришлось вдвое сократить сумму, которую он получал по цивильному листу. Наследнику и принцу Йоркскому тоже уменьшили содержание, из-за чего им пришлось распродать лошадей и отказаться от охоты. Но маленькая Елизавета была довольна — теперь

отец не уезжал на все лето охотиться, а оставался с семьей. В 1931 году Георг V подарил сыну королевский особняк в Виндзорском парке, когда-то шикарный, но пришедший в упадок. Теперь у семьи был свой загородный дом, где они могли заняться излюбленным английским занятием — садоводством. У каждой из девочек была в саду своя грядка, которую они усердно обрабатывали. Постепенно сложился строгий распорядок: выходные семейство проводило за городом, лето — у родителей Элизабет в Шотландии, Пасху — с королем и королевой в Виндзорском замке, Рождество — в Сандрингеме. Для всей страны Йорки стали идеалом семейной жизни — чем-то средним между чопорной парадностью Георга V и развязностью принца Уэльского, который проводил время в ночных клубах.

В 1932 году в доме появилась гувернантка Марион Кроуфорд, или Кроуфи, — высокая худая шотландка, специалист по детской психологии. Она провела с Елизаветой и Маргарет шестнадцать лет, а потом рассорилась с ними и ушла, опубликовав книжку «Маленькие принцессы». Никаких тайн Кроуфи не раскрыла, но при дворе ее все равно сочли предательницей и перестали даже упоминать ее имя — викторианская традиция «неупоминания» была еще жива. Гувернантка ко многому отнеслась критически, но и она не могла отрицать, что Йорки были очень счастливой семьей — «они были так молоды, так любили друг друга, просто не могли наглядеться друг на друга и на детей». Когда Кроуфи впервые увидела Елизавету, та сидела в кровати и управляла воображаемой упряжкой лошадей. Она серьезно объяснила: «Знаете, я перед сном всегда делаю пару кругов по парку. Во-первых, от этого лучше спится, а во-вторых, лошадам нужен моцион». У сестер было не меньше тридцати игрушечных лошадок, и каждую перед сном полагалось расседлать. В Виндзоре Елизавету научили ездить на настоящем пони; страсть к лошадям сохранилась в ней на всю жизнь. Так же сильно принцесса любила собак, особенно валлийских корги — коротконогих и чрезвычайно сварливых. Благодаря ей во дворце расплодилось целая популяция этих собак, потомки которой живы до сих пор.

Герцог и герцогиня были так довольны своими дочерьми, что почти не заботились об их образовании. Им казалось, что

учиться должны бедные девушки, которым приходится самим зарабатывать на жизнь, а единственная задача аристократок — удачно выйти замуж. Разделял это мнение и король Георг, который говорил Кроуфи: «Ради Бога, научите Маргарет и Лилибет писать, больше мне ничего от вас не нужно. Никто из моих детей не умеет как следует пользоваться пером, почерк у всех ужасный. Мне нравится, когда в почерке чувствуется характер». Однако королева Мария относилась к образованию иначе. Она настояла, чтобы гувернантка расширила программу для принцесс, в которую входили пение, танцы, музыка и хорошие манеры. Мария считала, что внукам совершенно необходимо знать историю Англии, генеалогию королевской семьи, географию и многое другое. Она все время дарила им книги, а по понедельникам водила по музеям. Заветы строгой бабушки навсегда сохранились в памяти Елизаветы; она четко усвоила, что королева должна быть величавой, не слишком много улыбаться, не грубить подданным, но и не вести себя с ними панибратски. Кроуфи казалось, что дети слишком оторваны от жизни, и она устраивала для них экскурсии в «реальный мир», которые всегда кончались одинаково — принцесс узнавали, собиралась толпа, приходилось вызывать автомобиль и ехать домой.

Елизавета просыпалась в семь часов и после завтрака отправлялась в спальню родителей пожелать им доброго утра. Далее шли уроки с перерывом на ланч в одиннадцать. После часа следовали прогулка в парке, чтение и обед; потом девочки танцевали, играли на пианино или рисовали до чая, на который часто являлся дядя Дэвид, принц Уэльский. За чаем следовали игры, потом купание, а после переодетые в пижамы девочки устраивали отчаянные бои подушками, в которых иногда принимали участие мать с отцом. В одиннадцать детей укладывали спать, и они хором кричали: «Спокойной ночи, папа! Спокойной ночи, мама!» Играли они в основном друг с другом, хотя иногда в гости привозили детей из аристократических семейств (не ниже барона). Приходилось много общаться с родней, особенно с братьями отца. Принца Уэльского дети любили за веселый, открытый нрав, зато взрослые не жаловали — все знали о его скандальных романах и беспорядочном пьянстве. Дядя Генри, герцог Глостер, был гвардейским

офицером, у которого любовь к казарменным шуткам странно сочеталась с увлечением антиквариатом и редкими книгами. Другой дядя, Георг Кентский, отличался тонкостью натуры и печально прославился как наркоман и гомосексуалист. В конце концов родителям удалось женить его на греческой принцессе Марине, а в 1942 году его самолет врезался в вулкан в Исландии.

В мае 1935 года Елизавета и Маргарет в одинаковых розовых платьицах отправились в собор Святого Павла на свой первый публичный выезд по случаю 25-летнего юбилея царствования Георга V. Старый король был порядком удивлен тем обожанием, с которым его встретили англичане, и сказал своему другу, архиепископу Кентерберийскому Космо Лэнгу: «Ничего не понимаю. Я же самый обычный, заурядный человек». Архиепископ с улыбкой отозвался: «Да, сэр, в этом-то и дело». Король не отличался ни умом, ни особым обаянием, но сумел предстать перед англичанами в образе «отца нации». Незадолго до смерти он очень беспокоился о своем преемнике и говорил Лэнгу: «Молю Бога, чтобы трон перешел к Берти и Лилибет, а то этот парень не продержится и шести месяцев». Пророчество короля подтвердилось: он умер в январе 1936 года, а уже в декабре новый король Эдуард VIII отрекся от нежеланного трона и уехал во Францию. Альберт до последних дней уговаривал брата остаться, а когда тот отказался, горько заплакал, уткнувшись в плечо матери. Теперь он был королем Георгом VI, а Елизавета — наследницей престола.

Это сразу же сказалось на положении семьи. В феврале 1937 года принцессы и их свита переехали с площади Пикадилли в Букингемский дворец и попали в настоящий заповедник викторианской эпохи. Дворец порядком обветшал и своей унылой обстановкой вначале пугал и Элизабет — теперь королеву Елизавету, — и ее дочерей. Однако они скоро привыкли разезжать по длинному коридору на велосипедах или играть в привидений в полутемных комнатах. Привыкли они и к обилию слуг — во дворце работало свыше 400 слуг, не считая фрейлин, статс-дам и королевских секретарей. Обучением принцесс занимались теперь не только Кроуфи, но и целый полк учителей; требования к наследнице престола были строже, чем к простой дочери принца. Елизавету все чаще при-

глашали на официальные обеды с участием дипломатов, и она стала интересоваться политикой. Она узнала, что заместитель премьер-министра лорд Галифакс ездил в Берлин и встречался там с каким-то Гитлером, который угрожает Европе войной. Со временем о Гитлере стали говорить все чаще; попытка английского премьер-министра Чемберлена «умиротворить» его ни к чему не привела, и война стояла на пороге. Король и королева отправились за океан, чтобы просить поддержки у Соединенных Штатов. В июне 1939 года Елизавета и Маргарет встретили родителей на рейде в Саутгемптоне и вместе с ними вернулись в Лондон. Перед Букингемским дворцом собралась пятидесятитысячная толпа, кричавшая: «Мы хотим видеть короля!» Георгу со всей семьей пришлось выйти на балкон и показаться народу.

Через месяц Елизавета встретила со своей судьбой в лице Филиппа, сына принца Андрея Греческого и Алисы фон Баттенберг. Их познакомил дядя Филиппа и дальний родственник принцессы Льюис Маунтбэттен, умный и честолюбивый карьерист, он мечтал вернуть себе положение при английском дворе — в 1914 году его отца уволили с должности главы Адмиралтейства из-за немецкого происхождения. В 1939-м восемнадцатилетний Филипп учился в Дартмутском военно-морском колледже; его отец жил в изгнании, а мать после нервного срыва находилась в лечебнице. В июле того же года королевская семья прибыла с визитом в колледж, и Филиппу предоставили развлекать принцесс — он запускал с ними игрушечную железную дорогу, а потом прыгал через теннисную сетку. Кроуфи вспоминала: «Мне показалось, что он слишком важничает, но на девочек принц произвел впечатление. Лилибет сказала: “Какой он милый, Кроуфи! Как он высоко прыгает!” Она просто не спускала с него глаз». По официальной версии Елизавета влюбилась в своего будущего мужа с первого взгляда; однако до следующей встречи им вместе со всей Англией предстояло пережить нелегкие испытания.

3 сентября 1939 года Англия объявила Германии войну, а через месяц немецкая подводная лодка пробралась на военно-морскую базу в Скапа-Флоу и потопила линкор «Ройял Оук» с восемью сотнями моряков. Узнав об этом, Елизавета в гневе вскочила со стула и воскликнула: «Кроуфи, этого

не может быть! Сколько славных матросов погибло!» Но в целом принцессы продолжали жить обычной жизнью — сначала в Балморале, потом в Виндзоре. В Лондон начали прибывать коронованные родственники, бежавшие от победоносной немецкой армии: король Норвегии Хокон, король Бельгии Леопольд, королева Нидерландов Вильгельмина... 11 мая немцы начали наступление против французских войск и разгромили их за две недели; остатки английского экспедиционного корпуса с трудом смогли эвакуироваться из Дюнкерка. Подал в отставку премьер Чемберлен, и его сменил Уинстон Черчилль, сторонник решительных действий. Стало ясно, что нацисты готовы вторгнуться в Англию. Лорд-канцлер Хейлшем предлагал вывезти принцесс в Соединенные Штаты, но они остались — даже после того, как в сентябре начались массированные налеты немецкой авиации на Лондон. 9 сентября бомба упала на Букингемский дворец, совсем рядом с кабинетом короля. Принцессы всю войну оставались в Виндзоре, где патриотично сматывали бинты и вязали носки для солдат, хотя Елизавета так и не научилась как следует орудовать спицами.

В апреле 1942 года принцесса, которой исполнилось шестнадцать, зарегистрировалась на бирже труда, чтобы внести свой вклад в победу над Гитлером. Однако никакой работы для нее не находилось. Отец назначил ее государственным советником и шефом гвардейского полка, но это были декоративные должности, далекие от подлинной жизни. Елизавета медленно взрослела, проводя слишком много времени с младшей сестрой. Кроуфи писала: «Она была слишком застенчивой и держалась немного скованно, чем сильно отличалась от принцессы Маргарет. Иногда король смотрел на младшую дочь с недоумением, словно не понимая, как он мог произвести на свет такое беспечное и легкомысленное существо. В то же время Елизавета была гораздо больше похожа на ганноверскую принцессу — серьезная, основательная. Когда она улыбалась, лицо ее словно оживало, но в остальное время было довольно тусклым. С тех пор мало что изменилось».

Принц Филипп в это время воевал в Средиземном море в составе английской эскадры, проявляя недюжинную храбрость. Между тем Маунтбэттен не забыл хорошего впечатления, которое его племянник произвел на принцессу, и актив-

но пытался поженить их. В январе 1944 года королева-мать Мария писала: «Они любят друг друга уже полтора года, а может быть, и дольше. Однако король и королева считают, что девочка еще слишком молода для замужества. Они хотят, чтобы она побольше узнала о мире, познакомилась с другими мужчинами. В конце концов, ей всего девятнадцать, а в этом возрасте девушки излишне впечатлительны».

В это время Елизавете позволили наконец вступить в контакт с внешним миром — она поступила на курсы унтер-офицеров Территориальной службы, где должна была стать профессиональным водителем и механиком-ремонтником. Ее привозили на занятия и увозили обратно в Виндзор, но все равно она смогла пообщаться с народом и научилась хорошо водить машину. Когда учеба закончилась, она уже мечтала устроиться в какую-нибудь воинскую часть, но тут наступила Победа. Принцессу снова ждало возвращение к однообразной придворной жизни, но теперь у нее была перспектива. На столе у нее стояла фотография Филиппа — широкоплечего красавца, отравившего за годы войны золотистую бородку. Он вернулся в Англию в марте 1946 года, и вопрос о браке был практически решен. Правда, при дворе сомневались, что он сможет хранить верность Елизавете; было известно о его любовных похождениях. Однако он, как и его дядя Маунтбэттен, был слишком холоден и расчетлив, чтобы терять голову от любви и идти на какие-либо серьезные отношения. Как подобает настоящему мужчине, о женщинах он говорил свысока, в том числе и о Елизавете: «Во время войны я, бывало, заходил к ним поужинать. Пару раз приезжал на Рождество в Виндзор, когда было нечего делать. Мне кажется, я не придавал этому серьезного значения. Мы просто иногда переписывались».

Филипп с детства привык полагаться только на себя. Его родители уже умерли, он был бесприютен и к тому же беден — жил на одно жалованье морского офицера. Женитьба на Елизавете могла решить многие его проблемы. Король не очень хотел этого брака, но решительность дочери взяла верх. Весной 1947 года Георг и Елизавета вместе совершили долгое путешествие в Южную Африку, и по возвращении вопрос был решен. 10 июля двор объявил об обручении принцессы и Филиппа, что стало долгожданным романтическим развлечением

для публики, уставшей от военных тягот. После войны положение не стало легче; росли безработица и инфляция, стояли предприятия, некогда могучий фунт окончательно покорился доллару. Стало ясно, что Британия больше не может содержать колониальную систему, и в августе 1947 года была провозглашена независимость Индии. Маунтбэттен, ее последний вице-король, так и не смог предотвратить кровавую резню между индусами и мусульманами. Георг был мрачен — он лишился не только «жемчужины короны», но и титула императора Индии, учрежденного некогда для Виктории. К тому же двор был вынужден урезать свои расходы, а в 1945 году к власти пришли лейбористы, угрожавшие вообще упразднить монархию.

Тем не менее проблемы были забыты среди радостных приготовлений к свадьбе. Жених и невеста получили множество подарков — от чистокровного жеребца от Ага-хана до сотни пар нейлоновых чулок, что для экономной Елизаветы было отнюдь не лишним. Какая-то сердобольная дама из Нью-Йорка прислала принцессе индейку, потому что «в Англии ведь совсем нечего есть». Даже противник англичан Махатма Ганди подарил сотканный им самим кусок материи, от которого королева Мария пришла в ужас, решив, что это набедренная повязка. 20 ноября 1947 года в Вестминстере состоялась церемония бракосочетания. Филипп выглядел совершенно спокойным, принцесса была немного бледна, а вот король чуть не расплакался от волнения, признавшись: «Когда выдаешь за муж дочь, волнуешься больше, чем перед собственной свадьбой». Напоследок Филипп получил от короля орден Подвязки и титул герцога Эдинбургского.

Брак оказался очень удачным, особенно на начальной стадии. Филипп был склонен к лидерству, а Елизавета привыкла к традиционной патриархальной семье. У обоих хватало ума и такта, чтобы относиться друг к другу с уважением, хотя герцог мог порой проявить грубость. Однажды, когда они ехали на машине с Маунтбэттенем, Филипп включил такую скорость, что принцесса от неожиданности схватила его за руку. «Еще раз тронешь — врежу», — пообещал любящий муж. По прибытии Маунтбэттен удивился тому, что Елизавета не возмутилась. «Вы же слышали — он обещал мне врезать и вре-

жет», — спокойно объяснила принцесса. При этом Филипп был заботлив, надежен и не позволял себе никаких приключений на стороне. Позже, когда начались скандалы с королевскими детьми, репортеры пробовали покопаться и в грязном белье герцога, но ничего не смогли обнаружить, кроме вольных шуток и легкого флирта с кинозвездами — Филипп очень любил кино. Правда, он оказался расчетлив и все время требовал увеличить содержание и выделить ему наконец приличное жилье. Сначала молодым предоставили особняк в Виндзоре, но он сразу же сгорел. Тогда они получили Кларенс-хауз в Лондоне, но его пришлось ремонтировать почти целый год — здание сто лет не ремонтировали, а во время войны еще и разбомбили.

Во время ремонта супруги жили в Букингемском дворце. Там 14 ноября 1948 года и появился на свет первый ребенок королевы, принц Чарльз-Филипп-Артур-Георг Виндзорский. Елизавета была без ума от мальчика — ей нравились его ручки с длинными пальчиками («совсем не такие, как у меня или у его отца») и совсем не пугали оттопыренные уши. Вскоре семья переехала в Кларенс-хауз, и у Чарльза появилась собственная детская с большим шкафом для игрушек, многие из которых перешли по наследству от бережливой матери. Принцем занимались две шотландских няни — Хелен Лайтбоди и ее помощница Мейбл Андерсон, которая со временем заняла важное место в жизни Чарльза. Филипп и Елизавета заняли две смежные спальни — голубую и розовую; принцесса сама распоряжалась их отделкой. Что касается ее мужа, то он обожал технические новшества и оборудовал дом разными «новинками» вроде кондиционеров.

В 1949 году принцессу покинула Кроуфи и произошла скандальная история с книгой. Однако вместо одного верного друга Елизавета тут же приобрела другого — личного секретаря Мартина Чартериса, который с первой встречи безнадежно влюбился в нее: «Представьте себе удивительно симпатичную женщину с ярко-синими глазами, в синем платье, с сапфировой брошью на груди. Молодая, прекрасная, серьезная — я в жизни не встречал более приятной особы». Филипп соскучился по морю и был назначен помощником капитана на эсминец «Чекерс», находившийся в Средиземном море. Там же

находился и Маунтбэттен, для которого это было существенным падением после должности вице-короля. Он надеялся на поддержку племянника, но тот упорно показывал, что совершенно независим и не подвержен никаким влияниям. Дядя затаил обиду, но потом простил Филиппа и до конца жизни оставался близким другом обоих супругов.

Елизавета съездила к мужу на Мальту, но скоро вернулась в Лондон — в семье снова ожидалось пополнение. 15 августа 1950 года родилась принцесса Анна. Родители восхищались ей, как и маленьким Чарльзом, но внимания почти не уделяли. За детьми ухаживали няни, а по выходным они ездили к бабушке с бабушкой в Сандрингем. Филиппа назначили командиром фрегата «Мэгпай», и он воспользовался этим, чтобы прокатить жену по Средиземноморью. В Греции они навестили родственников герцога, а в Риме попали в настоящий водоворот праздников, устроенных в их честь. Правда, не обошлось без дипломатических осложнений — в Англии пресса устроила принцессе разнос за то, что та, протестантка, встречалась с папой римским и даже назвала его «святейшеством». Осенью пришлось совершать новый визит — в Канаду и США, где Елизавета не произвела особого впечатления. «Она чересчур скованна и слишком мало улыбается», — писали газеты. Лететь за океан должен был король, но здоровье его все ухудшалось, и в сентябре у него обнаружили рак. Елизавета не хотела покидать отца, но он уговорил ее отправиться на сафари в Кению. Там она и стала королевой Англии.

Вернувшись домой, она сразу ощутила свой изменившийся статус. Как ни странно, первым признаком этого стало ее охлаждение с родными. Королева Елизавета была подавлена горем и смертельно завидовала дочери, которая вдруг оказалась в центре внимания и уже навсегда оттеснила мать на второй план. Елизавете пришлось приложить немалые усилия и такт, чтобы успокоить ее. Со временем королева-мать нашла в себе силы пережить не только смерть мужа, но и все удары судьбы, обрушивающиеся на династию. Ей помогали сила воли, энергия, благородство — те качества, благодаря которым она и в сто с лишним лет оставалась самым популярным членом царствующей фамилии. Правда, ей было свойственно пренебрегать реальностью, закрывать глаза на неприятные

стороны жизни. Елизавете тоже свойственна такая «страусиная» политика, из-за чего она часто не успевала вовремя реагировать на острые проблемы, включая скандалы в семье.

Другой «пострадавшей» стала принцесса Маргарет. Эта всеобщая любимица не имела никаких обязанностей и вела довольно легкомысленную жизнь. Смерть отца означала для нее конец беспечного существования и стала первым сильным потрясением в ее жизни. Она горевала так сильно, что ей четыре дня давали успокоительное. Маргарет злилась на сестру, которая вдруг стала популярнее ее, завела мужа и детей, а теперь еще и сделалась королевой. Елизавета пыталась справиться с внезапно вспыхнувшей враждебностью, а заодно сплотить королевскую семью. С этой целью на похороны короля был допущен даже герцог Виндзорский Эдуард, но попытка примирения не удалась — герцог в сердцах даже обозвал родных «стервами с ледяной кровью». Не был доволен и принц Филипп, которому пришлось навсегда оставить флотскую карьеру ради ненужных ему церемониальных обязанностей. Оставил он и Кларенс-хауз, обустройству которого посвятил столько сил. Сразу выяснилось, что супруга не собирается допускать его к государственным делам. Она сама выполняла и продолжает выполнять те же обязанности, что и покойный Георг: просматривала все важные государственные документы, читала стенограммы заседаний кабинета и сессий парламента, каждую неделю выслушивала доклады премьер-министра. Филиппу были оставлены только чисто представительские функции и управление личным имуществом семьи.

Серьезную обиду Филиппу нанесло решение кабинета министров о том, что вся королевская семья должна носить фамилию «Виндзор». Это означало, что дети принца не смогут называться его фамилией Маунтбэттен, и он попытался протестовать. Однако решение поддержал старый Уинстон Черчилль, а с ним спорить было бесполезно. Чтобы как-то утешить раздосадованного мужа, Елизавета назначила его председателем коронационной комиссии. Коронацию назначили на 2 июня 1953 года; королева готовилась к ней со всей серьезностью — смотрела телехронику коронации отца, училась носить мантию и подолгу сидела в тяжелой короне святого Эдуарда, которую на нее должны были возложить. День

выдался не по-летнему холодный и дождливый, как и во время коронации Виктории. Елизавета в белом платье, похожая на новобрачную, уселась в золоченую карету XVIII века с королевскими гербами; рядом сидел Филипп в новом маршальском мундире.

В 11.15 королева вошла в зал Вестминстерского аббатства во главе процессии духовных и светских пэров, несущих коронные регалии. Остановившись у трона, она произнесла слова торжественной клятвы и поклялась править по законам и обычаям народов Соединенного Королевства, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, Пакистана, Цейлона и других владений — слово «империя» принципиально не упоминалось. Затем архиепископ Кентерберийский помазал ее священным миром и состоялось церемониальное переодевание в белые одежды; вслед за этим Елизавета села на трон и приняла присягу у всех своих пэров. Королева держалась молодцом, хотя был момент, когда она едва не потеряла сознание от духоты и тяжести королевских регалий.

Началось царствование Елизаветы II — «новый елизаветинский век», на который обедневшая и утратившая былой лоск Британия возлагала особые надежды. Журналисты писали: «У Англии осталось всего три сокровища — любимица всей планеты королева, Уинстон Черчилль и славное прошлое». Колониальная империя в 1949 году сменилась Британским Содружеством наций, главой которых номинально оставался английский монарх. Большинство стран Содружества были бедны и не отличались политической стабильностью, поэтому роль их общего главы оставалась довольно накладной. Елизавета ощутила это уже в конце 1953 года, когда отправилась в шестимесячное турне по Содружеству. Во время него была обкатана королевская яхта «Британия» — роскошная устаревшая конструкция, деньги на постройку которой собирались еще с довоенных времен.

Однако кроме приятных, хотя и утомительных, визитов королеве пришлось столкнуться и с теневыми сторонами своего нового положения. Ее с первых дней терзал призрак дяди Дэвида — она помнила серое лицо и дрожащие руки отца во время истории с отречением. Теперь скандалы начали преследовать и ее, и первой ласточкой стала принцесса Маргарет.

Решив, что тоже имеет право на личное счастье, она захотела выйти замуж за полковника Питера Таунсенда — молодого королевского конюшего незнатного происхождения. Покойный Георг приблизил этого красавца ко двору, где на него обратила внимание скужающая принцесса, занятая только развлечениями. Таунсенда считали тупицей и занудой, к тому же он был разведен; но и без этого роман принцессы с конюшим мог серьезно повредить престижу монархии. По закону 1772 года любой брак членов королевской семьи требовал одобрения монарха, и Елизавета своего согласия не дала.

Маргарет дали понять, что в случае заключения брака ей придется забыть о королевском содержании и жить как обычная домохозяйка, а также уехать за границу, как Эдуард VIII. Покапризничав, принцесса решилась на разрыв с Таунсендом, но навсегда затаила обиду на родных — тем более что те не удосужились даже поддержать ее в тяжелые минуты. Елизавета общалась с сестрой очень официально и крайне жестоко, впервые дав повод англичанам упрекать себя в лицемерии и ханжестве — со временем она потеряет счет таким упрекам. Она с ее старомодным воспитанием долго недооценивала роль средств массовой информации, способных быстро раздуть любой скандал. Ей казалось, что, как в случае с Эдуардом, достаточно «попросить» редакторов ведущих газет не раздувать шумиху вокруг королевского семейства. Однако в эпоху телевидения королева и ее семья поневоле становились героями мыльной оперы, что позже печально подтвердили скандалы с королевскими детьми.

Тем временем ушел в отставку премьер-министр Черчилль, с которым была связана целая эпоха в английской истории. В свое время он и король Георг VI не понравились друг другу, но потом стали искренними друзьями. Что касается Елизаветы, то к ней Черчилль с самого начала испытывал отеческие чувства и не раз давал ценные советы. Когда позже королеву спросили, с кем из премьеров у нее были самые лучшие отношения, она отозвалась: «Конечно, с мистером Черчиллем. Он был таким забавным». В июне 1953 года у премьера случился инсульт, а через два года он подал в отставку. Елизавета предложила ему титул герцога Мальборо, но он ответил, что хочет умереть просто Уинстоном Черчиллем. Однако он про-

жил еще десять лет; на его похоронах королева скромно стояла в общей длинной очереди, чтобы отдать последний долг великому гражданину Англии.

Место Черчилля занял Энтони Иден; королева искренне привязалась к этому способному, но старомодному политику, очень похожему на Чемберлена. Как и Чемберлен, Иден совершил в политике крупную ошибку — совместно с Францией и Израилем вторгся в Египет. Этот шаг осудили большинство стран Содружества и даже Соединенные Штаты, и оккупантам пришлось бесславно удалиться. Популярность премьера резко упала, тем более что в разгар кризиса он улетел отдыхать на Ямайку. Уже в январе 1957 года, через полтора года после назначения, Идену пришлось подать в отставку; напоследок он обвинил королеву в том, что та поддержала его во время египетской войны, а в решающий момент отказалась от своих слов. Все это повредило ее популярности, но пока что газеты не решались ее трогать и обрушивались на придворных. Масла в огонь подлила статья лорда Алтринчема, который резко критиковал окружение Елизаветы — «твидовое словесие», которое выражает исключительно интересы высшего света и не желает признать, что Британия изменилась, стала «народной» и многорасовой. Критикану-лорду пришлось отказать от своего титула, но многие англичане считали, что он прав.

В самом деле, королева и ее семья вращались исключительно в великосветском кругу. Все их друзья принадлежали к титулованной знати — за исключением слуг, которые четко знали свое место. Впрочем, настоящих друзей у Елизаветы не было — по натуре она человек замкнутый и самодостаточный, к тому же положение обязывает ее быть любезной со всеми, не выделяя никого. Лейбористский премьер Каллагэн говорил, что королева относилась к нему «дружелюбно, но не дружески». Многие объясняли это лицемерием, но нельзя забывать, что она с детства была стеснительной и скованной, мало знала людей и боялась их. Ей легче было общаться с любимыми собаками и лошадьми, чем со своими подданными. Бывший секретарь писал: «Она очень сдержанна и чувствует себя счастливой только среди своих лошадей и альбомов с фотографиями. Она не отличается общительностью — любит сидеть

в одиночестве и читать детективы». Елизавета слишком мало улыбалась и никогда не умела произносить речи; с ее плохой памятью даже короткие тексты приходилось читать по бумажке, отчего самые искренние слова становились безнадежно скучными.

Реформировать устаревший образ монархии всячески пытался принц Филипп. Он, например, завел обычай устраивать неофициальные обеды, где королева могла бы знакомиться с людьми из «другого», незнатного мира. Впрочем, сам он в близости к народу зашел слишком далеко и вместе со своим секретарем и другом Майклом Паркером оказался посетителем известного «Четвергового клуба» барона Ноэма, где царила довольно неприличная атмосфера. Любовь принца к вольным шуткам увеличивала подозрения прессы; как-то на банкете в честь голландского принца Бернхардта Филипп шутливо упал на колени и воскликнул: «Какой вы счастливый! Вас никто не знает в лицо, и вы можете заводить романы с кем угодно. А за мной повсюду ходят шесть телохранителей». За ним и в самом деле везде следовала охрана, тем самым лишая физической возможности изменить супруге. Однако Елизавета все равно была недовольна и в свойственной ей мягкой, но настойчивой форме потребовала от супруга прекратить визиты в «Четверговый клуб». Позже принц благодарил за это судьбу — в числе завсегдаев клуба оказались советские шпионы.

Филипп утешился, занимаясь множеством дел в организациях, связанных с его любимыми техникой и спортом. Он возглавляет Промышленное общество, Британскую ассоциацию развития науки, Центральный совет физического образования, Фонд спасения диких животных и еще множество советов, комитетов и фондов. Со своим острым умом и взрывным характером он все же постоянно находится в тени своей супруги, хотя она всегда старалась компенсировать это. Герцог Эдинбургский получил титулы, воинские звания и столько наград, что они не умещаются на его мундире. Приехав как-то в Бразилию, он ради шутки спросил местного командующего флотом, не заслужил ли тот свои ордена в морских баталиях на искусственном пруду в новой столице Бразилиа. «Да, сэр, — не растерялся бразилец, — но зато не благодаря женьитьбе».

Отодвинув мужа от дел государства, Елизавета поручила ему воспитание детей, что оказалось не лучшим решением. Сама она была неважной матерью из-за вечной занятости и отсутствия необходимой в данном случае нежности. Детям она отводила час утром и час вечером во время купания; в остальное время ими занимались все те же шотландские няни. А вот Филипп, пользуясь относительной свободой, проводил с детьми много вечеров, играл с ними в прятки и читал вслух. Однако и он часто бывал занят, поэтому Чарльз и Анна редко видели родителей даже на своих днях рождения. Чарльз рос пугливым, необщительным мальчиком; он рано привык к тому, что «у мамочки очень важная работа» и он должен оставаться один. Вернувшись из шестимесячного путешествия по странам Содружества, Елизавета пожала руки всем министрам и лишь потом обняла сына, дав ему тем самым первый урок поведения на публике. Друзей у него не было, и даже с собственной сестрой он держался отчужденно. У принцессы Анны было гораздо больше силы воли и энергии, и она своими проказами как-то пугала старшего брата.

В 1957 году наследник престола впервые в истории английской монархии пошел в обычную начальную школу Хилл-хаус. Это было новомодное учебное заведение со свободной программой, где отсутствовали принятые в Англии до сих пор телесные наказания. Там Чарльзу нравилось, хотя за ним толпой ходили журналисты и просто зеваки. Однако скоро его перевели в частную школу Чим с порядками, типичными для таких учреждений. Тихого, стеснительного принца дразнили «девчонкой» и старались посылнее вывалить в грязи на уроках физкультуры. Издевательства не прекратились даже после того, как в следующем году Чарльза провозгласили принцем Уэльским. Жаловаться матери он боялся, к тому же ей все равно было некогда. Королева опять была беременна, и 19 февраля 1960 года родился принц Эндрю, ставший плодом окончательного воссоединения супругов после долгой разлуки — Филипп на полгода уходил в плавание. Однако это был не последний ребенок в семье — весной 1964 года, когда королеве было уже под сорок, появился на свет принц Эдвард.

Нашла свое счастье и принцесса Маргарет, которое долгое время не могла забыть Таунсенда и вела себя неадекватно;

могла, например, за обедом швырнуть в лицо старшей сестре салфетку. Ее новый избранник, Энтони Армстронг-Джонс, тоже не принадлежал к аристократии, но был совсем не похож на Таунсенда. Выходец из богатой семьи, он вел богемный образ жизни и работал фотографом в престижном журнале «Куйн». Маргарет познакомилась с ним, когда он фотографировал королевскую семью. Роман развивался стремительно, и в мае 1960 года Тони и Маргарет вступили в законный брак. На этот раз согласие королевы было получено — Елизавета научилась учитывать реакцию общественного мнения, а оно приветствовало союз принцессы с простым, пусть и богатым человеком.

Уладив семейные дела, королева смогла целиком отдаться политике. Она с успехом выполняла ту роль, которую ей отвела история, — роль представителя Англии в мире и особенно в странах Содружества. С момента коронации она прилежно изучала все вопросы, касающиеся жизни стран, которые раньше входили в состав империи. Иден был поражен, когда королева проявила необычную осведомленность относительно каких-то Богом забытых пастбищ в Сомали. С незаурядными тактом и выдержкой она разбиралась в сложных политических делах. Именно ее слово стало решающим, когда в 1961 году Южную Африку исключили из Содружества за политику апартеида; добрые отношения между двумя странами восстановились лишь через 33 года, при президенте Манделе. Королева сыграла большую роль и в отношениях с европейскими странами, хотя здесь она шла наперекор мнению многих политиков. Следуя традициям британских монархов, она защищала самобытность Англии и не желала ее включения в какие-либо европейские структуры. Консерваторы в парламенте и правительстве долго сдерживали вступление Англии в Общий рынок и даже боялись, что тоннель под Ла-Маншем позволит каким-нибудь врагам завоевать страну. Лишь с течением времени континентальным политикам удалось склонить английских парламентариев, а вместе с ними и королеву к вступлению в единую Европу.

Однако Англия с самого начала активно участвовала в НАТО. Большинство британских политиков были настроены антисоветски, и сама Елизавета долго отказывалась ехать в страну, где убили ее родственников Николая II и Александру.

Борясь с «советской угрозой», Соединенное Королевство все больше попадало под влияние могучего заокеанского соседа, от которого давно уже зависело экономически. Сначала англичане согласились передать США часть своих военных баз; потом разместили на своей территории американские ядерные ракеты. В стране бушевали шпионские страсти; громкий скандал стоил карьеры министру обороны Джону Профьюмо, любовница которого передавала информацию советской разведке. В итоге в 1963 году ушел в отставку и консервативный премьер Макмиллан, а его преемник, престарелый лорд Дуглас-Хьюм, скоро проиграл выборы лейбористам. В 1964 году премьером стал Гарольд Вильсон, провинциальный политик, вышедший из рабочей среды. Все его привычки и политические пристрастия расходились с королевскими, однако верная себе Елизавета умудрилась и с ним вскоре сдружиться. Правда, на первой аудиенции она не упустила случая посадить йоркширского выскочку в лужу — задала ему вопрос о каком-то изменении в структуре кабинета, на который Вильсон не смог ответить. Но вскоре премьер был очарован любезностью королевы и даже согласился увеличить выплаты по гражданному листу.

В 1969 году разразился потрясший всю страну кризис в Северной Ирландии. Жившие там протестанты и католики никогда не жили мирно, и небольшого конфликта в местном парламенте оказалось достаточно, чтобы началась настоящая война. Для наведения порядка в область были введены английские войска, которые сразу же оказались мишенью террористов. Ирландский кризис свалил первое правительство Вильсона, а потом и его преемника, консерватора Хита, при котором была расстреляна мирная демонстрация католиков в городе Лондондерри. Это довело конфликт до наивысшего накала — толпа в Дублине сожгла английское посольство, а подпольная Ирландская республиканская армия развернула кампанию террора по всей Англии. Боевики ИРА взрывали бомбы в людных местах, что вызвало настоящую панику; королева также увеличила свою охрану и до предела сократила визиты. Террор еще больше усилился, когда правительство Тэтчер объявило беспощадную войну боевикам. Самыми громкими операциями ИРА того времени стали взрыв на съез-

де консерваторов в Брайтоне и убийство лорда Маунтбэттена. 27 августа 1979 года дядя принца Филиппа был взорван на собственной яхте вместе со своим 14-летним внуком.

Особенно горевал о дяде Льюисе принц Уэльский — Маунтбэттен в какой-то мере заменил ему отца. Роль матери по очереди выполняли няня Мейбл Андерсон и фрейлина Сьюзен Хасси. Чувствительный и слабовольный Чарльз был чем-то похож на Эдуарда VIII — обделенный материнской лаской, он с детства нуждался в ласковом и внимательном отношении, что и сыграло роковую роль в его личной жизни. В 14 лет принца отправили в закрытый пансионат Гордонстаун, где в свое время учился и его отец. Там издевательства над ним продолжались; Чарльз каждый раз плакал, возвращаясь в школу после каникул, и в конце концов родители отправили его на полгода в Австралию. Там он набрался некоторого опыта и уверенности в себе и вернулся в Гордонстаун заметно повзрослевшим. Во время визита к папуасам принц впервые заинтересовался антропологией, которая стала его любимой наукой. Кроме этого он добился неплохих успехов в разных видах спорта, увлекался рыбалкой и много читал, но, к огорчению отца, не питал никакого интереса к технике и естественным наукам.

В 1966 году Чарльз поступил в колледж Святой Троицы в Кембридже — опять возобладало мнение матери, хотя отец предпочитал военно-морское училище. В это время его сестра Анна училась в привилегированном Беннинденском колледже. В отличие от стеснительного брата, она была до предела общительной и легко находила общий язык с одноклассниками. В детстве она терпеть не могла кукол и играла в мальчишечьи игры, часто превосходя в них брата. При сложном, взрывном характере Анна умела прекрасно ладить и с отцом, и с матерью — как Филипп, она любила технику и обожала собак и лошадей, как Елизавета. Во всех делах Анна добивалась успеха; сначала она сделала карьеру в конном спорте, потом смогла создать влиятельный «Фонд спасения детей». Но, несмотря на свои достоинства и приятную внешность, она не очень нравится публике. Особенно ее не жаловали в Америке, где она не только мало улыбалась, как и ее мать, но и грубо обращалась с репортерами.

Выход старших детей «в свет» увеличил и без того назойливое внимание прессы, и королева наконец-то решилась отчасти удовлетворить общественный интерес к своей семье. В 1969 году она согласилась на съемки сериала Ричарда Коустана «Королевское семейство», который существенно поднял популярность монархии. По замыслу автора фильм должен был показать, что короли — такие же люди, как все остальные; что они примерно так же (хоть и богаче) живут, то же едят за завтраком и имеют те же проблемы. Обывателям и вправду понравилось то, что королева и ее родные похожи на них, но фильм имел и нежелательные последствия. Увидев роскошь дворцовых интерьеров, публика стала задаваться вопросом — во сколько обходится монархия налогоплательщикам? Экономика Англии год от года погружалась в кризис, росла инфляция, и выплаты по гражданскому листу уже не покрывали расходов обширной семьи Елизаветы. В то же время пресса утверждала, что состояние королевы составляет сто миллионов фунтов и к тому же не облагается налогами. Тщетно секретарь королевы Джок Колвилл доказывал, что большая часть этой суммы — стоимость принадлежащих государству дворцов и земель, которыми королева только пользуется. В 1971 году парламент поднял вопрос об отмене гражданского листа и назначении королеве и членам ее семьи твердого жалованья. Однако консерваторы провалили это предложение и, напротив, увеличили выплаты. Правда, королевские родители этого не ощутили — вскоре разразился еще более тяжелый кризис, и инфляция быстро съела все выделенные деньги.

В 1974 году к власти опять пришли лейбористы. Однако кабинеты Вильсона и Каллагана так и не смогли справиться с кризисом, и в 1979 году на смену им пришла «железная леди» Маргарет Тэтчер. Она была ровесницей королевы, и англичане невольно сравнивали этих двух женщин. Сходства между ними было мало — Тэтчер, дочь бакалейщика, отличалась решительностью, действовала быстро и не боялась перемен, что не могло нравиться консервативной королеве. Однако та не могла не оценить решимость, с которой Тэтчер начала лечить экономику страны и восстанавливать международный престиж Британии. Энергичные, хотя и спорные меры ее правительства позволили английской экономике в начале

80-х впервые за послевоенный период выйти из кризиса. Государственные отрасли производства — «священная корова» Англии — были отданы в частные руки, а попытки сопротивления со стороны профсоюзов быстро и решительно подавлялись. В 1984 году могущественный профсоюз шахтеров потерпел поражение, пытаясь спасти от закрытия нерентабельные шахты. Тэтчер не обращала внимания на истерику прессы, обвинявшей ее в нарушении гражданских свобод, в пренебрежении волей народа. Она не обращала внимания и на голодовки боевиков ИРА в английских тюрьмах, когда умерло 16 человек. В 1982 году, во время острейшего конфликта с Аргентиной, Тэтчер не поколебалась отдать приказ о начале войны — и одержала победу.

У Маргарет и Елизаветы все же было кое-что общее. Обе были целиком преданы своей работе и поневоле жертвовали интересами семьи. У обоих мужья занимали важное, но подчиненное положение и легко нашли общий язык, когда познакомились. У обоих были серьезные проблемы с детьми. Понимая королеву, «железная леди» все время пребывания у власти гасила слухи и сплетни о монаршем семействе. Сама она не желала допускать Елизавету к сколько-нибудь серьезным делам и не раз высказывалась о ней довольно снисходительно. Однако она чрезвычайно высоко оценивала и даже преувеличивала важность института монархии. Один из ее друзей говорил: «Она очень высоко ставит институт монархии. Никто не делает реверансы ниже, чем Маргарет. Никто так яростно не защищает монархию, даже когда находится в конфликте с королевой. Маргарет всегда готова прийти на помощь любому члену королевской семьи, даже если они в чем-нибудь провинились». Несмотря на строгую экономию, Тэтчер никому не позволяла даже заикнуться о дальнейшем сокращении цивильного листа.

Впрочем, между королевой и «железной леди» случались и скандалы, в основном по политическим вопросам. Тэтчер откровенно недооценивала роль Британского Содружества, которому Елизавета отдала столько лет жизни. В 1986 году Содружество едва не раскололось из-за решения премьера ослабить санкции против режима белого меньшинства в ЮАР. С характерным для нее упрямством Тэтчер не желала пере-

смаковать свои взгляды; тогда королева заявила, что считает позицию премьера бездушной, упрямой и провоцирующей конфликты. В итоге ответственность свалили на журналистов, якобы неверно передавших ее слова. Неугомонная Тэтчер часто заменяла королеву не только в деловых вопросах, но и на чисто протокольных мероприятиях, требовавших присутствия главы государства. Тем не менее она высоко оценивала деловые способности Елизаветы и написала в мемуарах: «Ее величество прекрасно разбирается во всех текущих делах и обладает огромным опытом. Хотя пресса часто не могла удержаться от искушения раздувать предполагаемые конфликты между дворцом и Даунинг-стрит, королева всегда относилась к работе правительства с безупречной корректностью».

Только после 1990 года, когда Тэтчер сменил Джон Мейджор, начали выплывать наружу скандалы в казавшейся нерушимой королевской семье. Она давно уже не была единым целым: дети выросли и зажили собственной жизнью. Волны современности все сильнее размывали бастион консерватизма в лице английской монархии. Виктория лично подбирала пары всем своим детям и многим внукам; теперь вряд ли кто-либо из королевских наследников согласился бы вступить в брак против воли. Первым симптомом стало замужество принцессы Маргарет, вышедшей замуж за простого, хоть и богатого фотографа.

Затем настала очередь Анны — она собралась замуж за армейского капитана Марка Филлипса, с которым ее сблизило увлечение конным спортом. Многие считали Филлипса скучным тупицей, но невеста была от него без ума. Свадьба состоялась 14 ноября 1973 года, а в марте следующего года принцесса стала героиней детективной истории. Вооруженный пистолетом маньяк попытался похитить ее прямо на улице, предварительно подстрелив четырех человек. Некоторое время террорист пытался вытащить Анну из машины, а она с помощью сидевшего рядом мужа сопротивлялась. Хорошая спортивная подготовка помогла Анне выстоять до прибытия полиции. После этого случая супруги уехали поправлять здоровье в поместье Гэткомб, подаренное им Елизаветой.

15 ноября 1977 года у Анны и Марка родился сын Питер. В этот день Елизавета должна была проводить церемонию

в тронном зале Букингемского дворца, но впервые в жизни опоздала на десять минут. Извинившись перед собравшимися, она сказала: «Мне сейчас позвонили из больницы и сказали, что моя дочь родила сына и я теперь бабушка». В отличие от всех предыдущих монархов королева всегда говорит о себе в первом лице — никаких царственных «мы». Став бабушкой, она как-то разом постарела. Обычный график обязанностей остался прежним, а визитов стало еще больше, но Елизавета раз и навсегда вошла в роль доброй, любящей бабушки, немного слащавой и лицемерной, но зато всепрощающей. Ее фото в кругу семьи постепенно вытеснили со страниц газет королеву, принимающую парады или гарцующую на коне — хотя она вплоть до недавнего времени продолжала конные прогулки.

В 1981 году у принцессы Анны родилась дочь Зара, а наследник все еще был холост. Эта проблема начинала серьезно занимать не только Елизавету, но и все английское общество. После Кембриджа принц Чарльз почти все время проводил на флоте. Его отношения с родными были хорошими, но не близкими. Вообще все дети королевы никогда не открывались с матерью — отчасти из-за ее вечной сдержанности, отчасти потому, что в королевской семье любые проявления чувств или жалобы считаются слабостью. Отец давно уже называл Чарльза «слабаком» — его раздражали безразличие принца к технике и военному делу. Такое отношение разделяла и принцесса Анна — брат не любил и лошадей. Гораздо ближе ему были бывшая няня Мейбл Андерсон и старый Маунтбэттен. Именно дядя Дики настоял, чтобы после Кембриджа Чарльз отправился служить на флот. Однако и там он не ужился и в 1976 году подал в отставку. Скоро Маунтбэттен погиб от рук ирландских террористов, и одиночество принца стало почти полным.

Постепенно одиночество подступало и к королеве. Все меньше оставалось в живых членов династии. В 1961 году умер дядя Елизаветы по матери Дэвид Боуз-Лайон, а в 1974 году настала очередь дяди по отцу, герцога Глостера; последние шесть лет жизни он был парализован и не мог говорить. Его смерть была ускорена гибелью в авиакатастрофе старшего сына Уильяма в 1972 году. Тогда же умер и герцог Виндзорский, кото-

рый все это время жил в Париже вместе с Уоллис. Накануне у него обнаружили рак горла, и в мае 1972 года Елизавета навестила умирающего во время официального визита в Париж. Герцог почти не мог говорить, но проболтал с королевой целых полчаса. Она плакала — дядя был необычайно похож на ее отца. Девять дней спустя, 28 мая 1972 года, бывший Эдуард VIII скончался и был похоронен в Виндзоре. Его вдова посетила похороны и была встречена вежливо, но холодно. Она прожила еще много лет и умерла в 1986 году, постепенно распродав реликвии бурной молодости.

За исключением своей матери Елизавета осталась старейшим представителем королевской семьи. Ее супруг по-прежнему проводил много времени на официальных мероприятиях, но злые языки уверяли, что он посещает любовниц. Назывались даже имена, но Филипп очень аргументированно отпирался. Королева и не желала знать правду и немедленно уволила одну из фрейлин, которая попыталась открыть ей глаза на проделки мужа. Труднее было не заметить поведения принцессы Маргарет — ее поначалу счастливый брак с Армстронг-Джонсом скоро дал трещину. Маргарет прекрасно чувствовала себя в атмосфере светского безделья, но Энтони, как человек деятельный, рвался работать. Он постоянно ощущал зависимость от жены, которая снабжала его деньгами и предоставила апартаменты в Кенсингтонском дворце. Начались скандалы, и скоро супруги стали жить отдельно и заводить романы на стороне. Последней каплей стала связь 43-летней Маргарет с молодым плейбоем Родди Льюэлином; они не слишком скрывались, и скоро в газетах появились весьма откровенные фотографии. Родди откровенно паразитировал на влюбленной принцессе, и лейбористы в парламенте тут же поставили вопрос о лишении ее содержания. В 1978 году Энтони подал на развод, а скоро Родди бросил Маргарет, вытянув из нее все, что можно. Принцесса осталась одна и практически махнула рукой на личную жизнь, найдя утешение в детях. Дэвид и Сара очень полюбили королеву, которая ради них соглашается принимать во дворце и их отца, сохранившего титул графа Сноудона.

Покинув флот, принц Чарльз пустился в духовные искания. Он то собирался поселиться отшельником в пустыне Калаха-

ри, то намеревался стать учеником индийского йога, то вдруг делался вегетарианцем и сторонником «зеленых». Озабоченные этими причудами, родные начали срочно искать ему дело по душе или хотя бы жену. В личной жизни принца с 1970 года царила Камилла Шэнд, с самого начала занявшая в отношении Чарльза покровительственную позицию. Этим она и покорила принца, которому всегда не хватало заботы и ласки, и он с легкостью бросил ради Камиллы свою первую подругу, Люсию Санта-Крус. Вскоре Камилла вышла замуж за аристократа Паркер-Боулза, но с его ведома не прекратила связи с Чарльзом.

Шокированная королева ускорила поиски подходящей невесты, и скоро на горизонте появилась 19-летняя леди Диана Спенсер. В ее жилах текла королевская кровь — предок Спенсеров, граф Ричмонд, был сыном Карла II и прекрасной Луизы де Керуай. Отец Дианы, восьмой граф Спенсер, много лет служил конюшим в королевской семье; по слухам, Елизавета в молодости была к нему равнодушна. Настораживало одно: семейство славилось отвратительным характером, ссорами с соседями и друг с другом. Мать Дианы, ирландка Фрэнсис Фермой, изменила мужу и после долгого скандального суда потеряла право воспитывать детей. Три дочери и сын ревниво следили, чтобы никто не занял место их матери, — когда в 1976 году граф Спенсер все-таки женился, 15-летняя Диана в буквальном смысле спустила мачеху с лестницы.

С детства леди Ди отличалась неустойчивой психикой и сочиняла небылицы, в которые сама же верила. Она твердо была намерена стать выдающейся личностью — по меньшей мере, королевой. Поэтому когда на ее горизонте возник принц Уэльский, Диана просто не могла его упустить. Об их трагическом романе известно всем; теперь, после того, как принцесса навсегда ушла в легенду, можно заключить, что с начала и до конца этот роман был делом рук прессы. Знающие свое дело журналисты управляли всеми действующими лицами, как куклами, до самой трагической развязки. Но начало было радужным — газеты в один голос объявили красивую и обаятельную Диану лучшей невестой для принца. Она с удовольствием дирижировала этим хором и смогла убедить и королеву, и прочих членов семьи. Однако Чарльз все еще колебался: он любил Камиллу,

но та явно не собиралась бросать мужа. В конце концов принц сдался: 2 февраля 1981 года он сделал Диане предложение, а 29 июля состоялась «сказочная свадьба», которую наблюдали по телевизору 750 миллионов человек на всех континентах.

Очень скоро Диана начала тяготиться придворной жизнью. Она искренне верила в романтику, любовь, силу чувства, а попала в обстановку, где все подчинялось этикету и долгу, где считались недопустимыми любые сильные эмоции. Она начала вести себя невежливо и даже грубо с королевой, устраивала сцены и однажды даже попыталась броситься с лестницы в Сандрингеме. В это время она была уже беременна — 21 июня 1982 года родился принц Уильям. Первое время Диана была искренне привязана к мужу, несмотря на 13 лет разницы в возрасте. Чарльз был добр, великодушен, предупредителен и честно пытался полюбить свою очаровательную супругу. В декабре 1981 года он писал другу: «Мы чудесно провели Рождество наедине. Было уютно, и мы чувствовали себя совершенно счастливыми». Правда, до Дианы доходили слухи, что ее супруг продолжает тайком встречаться с Камиллой Паркер-Боулз, но на первых порах она в это не верила.

Тем временем с самой королевой случилось происшествие, на время отвлекшее внимание прессы от счастливой пары. 9 июля 1982 года в начале восьмого утра в спальню к Елизавете беспрепятственно проник 30-летний шизофреник Майкл Фэган, решивший побеседовать с королевой о своих проблемах, а заодно открыть ей тайну своего происхождения — он якобы был внебрачным сыном Рудольфа Гесса. Почти двадцать минут она отвлекала незваного гостя разговорами, потом смогла дотянуться до звонка тревоги и вызвать полицию. Выяснилось, что Фэган уже второй раз проникает во дворец — в первый раз он позаимствовал бутылку вина из королевских подвалов. В этот раз Елизавете, кажется, ничего не грозило, но королева уже привыкла к покушениям. Очень скоро террористы из ИРА устроили взрыв в Гайд-парке, совсем рядом с дворцом, подорвав эскадрон королевских гвардейцев. А за год до этого во время парада некий молодой человек вышел из толпы и разрядил в Елизавету пистолет — по счастью, с холостыми патронами. С завидным самообладанием она хлестнула коня и поскакала дальше.

Увлеченные обсуждением охраны Букингемского дворца, газеты проморгали очередной роман в королевской семье. 22-летний принц Эндрю к тому времени стал военным летчиком и участвовал в короткой войне на Фолклендах. Его воспитывали не так строго, как старшего брата, и он вырос избалованным, общительным и нахальным. Девушки обожали его, и летом 1982 года у него начался серьезный роман с молодой актрисой Ку Старк. Однако двор быстро пресек эти отношения — оказалось, что Ку играла в порнофильмах. Последующие избранницы принца были не лучше, и Елизавета вслух осудила пристрастие сына к «вульгарным особам». В 1985 году она обрадовалась, когда Эндрю увлекся Сарой Фергюсон — молодой представительницей шотландской аристократической семьи. Королева не потрудилась получше изучить биографию Сары, что могло бы сберечь и ее, и принца от многих неожиданностей. Симпатичная, веселая девушка обожала шумные компании и рискованные приключения; среди ее подруг была и Диана, которая на скачках в Эскоте познакомила Сару с принцем Эндрю. Роман развивался быстро, и в июне 1986 года состоялась еще одна «сказочная свадьба».

Какое-то время простую и веселую Сару все любили, и принц Чарльз даже ставил ее в пример своей склонной к истерикам жене. Но вскоре выяснилось, что новоявленная принцесса Йоркская не собирается отказываться от своих увлечений, среди которых были и связи на стороне. Она родила Эндрю двух дочерей — Беатрису и Юджинию, — но все сильнее скучала; принц служил на флоте и дома появлялся редко, но и это время редко уделял жене. В 1989 году Сара завела роман с молодым техасским миллионером Стивенем Уайеттом, и фотографии-папарацци тут же сделали скандальные снимки. Брак стремительно покатился к распаду. К тому времени принцесса Анна уже развелась с капитаном Филлипсом после взаимных обвинений в супружеской неверности. Одной из причин стали любовные письма к Анне ее конюшего Тимоти Лоуренса, украденные журналистами. Филлипс тихо, по-английски ушел со сцены, а Лоуренс вскоре так же тихо стал мужем Анны.

Герцог Йоркский и его жена устроили куда больший шум. После первого скандала разоблачения следовали одно за другим. Королева полностью переменялась к своей невестке — она сама была женой моряка и теперь возмущалась тем, как Сара поступает с ее сыном. Она сказала подруге: «Я не понимаю моих детей. Сара просто не знает, что такое быть женой морского офицера». Скоро она вызвала Сару к себе и предложила большие отступные за согласие прекратить общение с прессой. Однако неугомонная герцогиня продолжала выбалтывать журналистам все детали из жизни двора вплоть до самых интимных. Оказалось, что в случае развода ей причитается весьма небольшая сумма, и она зарабатывала на интервью, одновременно пытаясь помириться с мужем. Но он не пошел на это, и 30 мая 1996 года был оформлен развод.

Тем временем шел к распаду и брак Чарльза и Дианы. В сентябре 1984 года у них родился второй сын Гарри, но отношения супругов все больше портились. Принцу надоели вечные капризы и истерики Дианы, но еще больше — ее популярность, начисто затмившая фигуру мужа. Он стал раздражительным, нервным и к тому же опять начал встречаться с Камиллой. Ссорясь друг с другом, они умудрились настроить против себя и всю королевскую семью. В 1992 году вышла нашумевшая книга Эндрю Мортон «Подлинная история Дианы», представившая принцессу невинной жертвой черствости и бездушия двора. Такого выноса сора из избы Елизавета простить не могла. Раньше и она, и Филипп относились к невестке с сочувствием, но ее кампания саморекламы грозила взорвать «монархический миф», на создание которого у королевы ушла вся жизнь. Теперь она открыто жалела сына, хотя не сделала ни одного резкого заявления или поступка. Чарльз и Диана уже открыто ненавидели друг друга — она дразнила его своей популярностью, а он, не скрываясь, ездил к Камилле. К тому времени и принцесса начала изменять мужу.

20 ноября 1992 года произошел пожар в Виндзорском замке, сильно повредивший любимый дворец Елизаветы, где она провела детство. Сохраняя королевское достоинство, она бродила по обгоревшим комнатам и чуть не плакала. Досада увеличивалась тем, что никто из детей, кроме Эндрю, не пожелал

разделить с ней горе. К тому же парламент отказался финансировать восстановление Виндзора из государственного бюджета. Скандальное поведение королевских отпрысков усилило критику в адрес монархии вообще. Особенно старались лейбористы, которые после отставки Тэтчер теснили ее слабого преемника Джона Мейджора. 9 декабря Чарльз и Диана объявили о намерении жить раздельно, а через несколько недель журналисты обнародовали пленку с записью пошлых комплиментов принца Камилле — он, например, мечтал превратиться в ее «тампакс». Англичане были возмущены; тогда впервые раздались голоса в пользу отстранения Чарльза от наследования.

Началась долгая позиционная война, в которой обе стороны использовали недопустимые приемы. Скандал разрастался и грозил сотрясти основы монархии. Тогда королева надавила на сына; был запущен процесс развода, и 28 августа 1996 года Диана перестала быть «высочеством», хотя осталась принцессой Уэльской. Однако она продолжала активно участвовать в общественной жизни, окончательно войдя в образ невинной страдалицы. Одна за другой следовали кампании помощи голодающим Африки, борьба за запрет противопехотных мин, защита редких животных — все это вперемешку с резкими заявлениями в адрес Чарльза и его родных. Газеты жадно ловили каждое слово суперпопулярной принцессы и смаковали детали ее личной жизни. Фотографы-папарацци преследовали ее всюду — до самого конца. Публика быстро узнала детали нескольких ее романов, включая самый скандальный — с египетским плейбоем Доди (Даудом), сыном мультимиллионера, владельца сети универмагов «Хэрродс» Мухаммеда аль-Файеда.

Королева за это время перенесла много волнений. Ее, как всегда, спасали спокойствие и умение отключаться от неприятных тем. Нелады с детьми упрочили ее отношения с матерью и сестрой, а также с мужем. В последние годы Елизавета с Филиппом практически неразлучны. Единственной их отрадой остается принц Эдвард, младший из детей. Впрочем, в юности и он дал слабину — до срока покинул военную службу, куда его определил отец. Это дезертирство подорвало ав-

торитет принца; распространились даже слухи, что он тайный гомосексуалист. Однако после Эдвард вернул симпатии родителей и прессы — он безупречно вежлив, скромен, приветлив и единственный из детей Елизаветы устроился на нормальную работу. Вначале он работал в продюсерской компании Эндрю Ллойда Уэббера, а после организовал собственную маленькую телекомпанию. С родителями он почти не общается и держится в стороне от скандалов, сотрясающих семейство. Он долгое время не женился и только в 1998 году встретил свою избранницу, 23-летнюю стюардессу Софи Рис-Джонс.

За год до этого, 31 августа 1997 года, произошла трагедия, всколыхнувшая не только Англию, но и весь мир. Диана и ее возлюбленный Доди аль-Файед после ужина в парижском отеле «Риц» сели в «Мерседес» и поехали в гостиницу. Позже говорили, что их водитель Анри Поль во время ужина то и дело прикладывался к бокалу с шампанским. Из-за этого или по другой причине в подземном переходе под площадью Альма машина принцессы на полной скорости врезалась в бетонную опору туннеля. Доди и водитель погибли сразу, а Диану девятью минутами не могли извлечь из покореженной машины. Она умерла в госпитале Сальпетриер в четыре часа утра.

Пока миллионы людей во всем мире выражали скорбь, королева и ее семейство хранили молчание. Только 5 сентября Елизавета выступила по телевидению, но ее фразы сочувствия показались многим казенными и неискренними. Чарльз с каменным лицом прилетел в Париж и забрал из морга бывшую жену; но на родине Диана оказалась в руках семейства Спенсер. 6 сентября состоялось отпевание в Вестминстерском аббатстве, перед которым собралась громадная толпа лондонцев и приезжих. Премьер Блэр в своем выступлении назвал Диану «народной принцессой». Выступление графа Спенсера было особенно резким — он обвинил в смерти сестры не только назойливых журналистов («на их руках кровь»), но фактически и королевскую семью с ее лицемерием. Он посоветовал королеве «ослабить смирительную рубашку придворных правил» и высказал намерение и впредь участвовать в воспитании принцев, чтобы не дать им «погрязнуть в омуте долга и традиций». Диану похоронили в Элторп-хаузе, родовом поместье

Спенсеров, и граф пообещал, что туда не войдет ни один журналист.

Всенародная скорбь по поводу смерти принцессы поставила британскую монархию перед лицом серьезного кризиса. Журналисты подхватили версию старшего аль-Файеда о том, что Диану убили английские спецслужбы, недовольные ее дружбой с арабом. Снова раздались голоса тех, кто требовал установления республики, национализации имущества семьи Виндзор. Менее радикальные предложения сводились к отказу принца Чарльза от права наследования и замены его сыном Уильямом. Королева была вынуждена пойти на уступки — согласилась на уменьшение гражданского листа и обещала передать на баланс государства Букингемский и Виндзорский дворцы. Но к началу следующего года излюбленная тактика Елизаветы — терпение и выжидание — принесла свои плоды. Голоса недовольных умолкли, и даже премьер Блэр заявил, что монархия является «неотъемлемой частью британского образа жизни». Принц Уэльский, выждав подобающее время, начал открыто появляться на публике с Камиллой. Его сыновья большую часть времени проводили у Спенсеров; старший, Уильям, вырос настоящим красавцем и начал серьезно готовиться к роли короля.

За прошедшие годы ореол вокруг имени «народной принцессы» заметно поблек — в прессу просочились скандальные подробности ее личной жизни, вскрылись обстоятельства многочисленных измен. Досталось и королеве: свидетельства обиженных родственников и уволенных слуг представляли ее черствой эгоистичной женщиной, превыше всего обеспокоенной собственным реноме. Это подпортило 50-летнюю годовщину ее царствования, отмеченную в 2002 году. В том же году Елизавета понесла сразу две тяжелые утраты. 9 февраля умерла принцесса Маргарет, которая так и не устроила личную жизнь и до конца своих дней завидовала сестре. А 30 марта не стало королевы-матери, которая за полгода до этого отметила свое 101-летие и была для всех британцев живым символом монархических традиций. Англичане скорбели по ней так же искренне, как по принцессе Диане. На траурной церемонии королева хоть и с трудом, но сдерживала слезы — даже в этой

ситуации она не могла нарушить вошедшие в ее плоть и кровь нормы этикета и представления о приличиях.

Утешение королеве приносили внуки, особенно Уильям, который после окончания университета выбрал военную карьеру, стал капитаном авиации и участвовал в боевых действиях в Афганистане, где англичане помогали американцам (без особого, впрочем, успеха) бороться с исламистами. В апреле 2011 года принц женился на своей давней возлюбленной Кейт Миддлтон, дочери бывшего летчика, ставшего миллионером. Красивая и уверенная в себе, Кейт должна была стать в глазах общества новой, улучшенной версией Дианы; их свадьба с Уильямом стала таким же пышным шоу, как когда-то свадьба Чарльза и леди Ди. В июле 2013 года Кейт родила первенца Джорджа-Александра-Луи, а год спустя было объявлено, что семья ждет второго ребенка. Их брак остается идеальным, и по-прежнему ходят слухи, что Уильям станет следующим монархом, обойдя в очереди отца.

Елизавета не принимала особенно активного участия в жизни семьи, предпочитая ухаживать за садом и наслаждаться обществом любимых корги. В 2012 году, в год Лондонской Олимпиады, англичане торжественно отметили 60-летний («бриллиантовый») юбилей правления королевы, по случаю чего перед Букингемским дворцом состоялся концерт звезд рок-музыки. Елизавету поздравил новый премьер-министр, консерватор Джордж Кэмерон, относящийся к ней куда почтительнее, чем его предшественники-лейбористы. А в ноябре 2014 года Англию потрясло известие о попытке покушения на королеву. Были задержаны четверо исламистов, которые планировали напасть на нее в Альберт-холле, где намечалась церемония в память погибших на Ближнем Востоке британских солдат. Сразу после этого в желтой прессе появились сенсационные новости о скором отречении Елизаветы от власти в пользу Уильяма. Пресс-секретарю Букингемского дворца пришлось выступить с опровержением: Ее королевское величество продолжает выполнять свой долг перед подданными...

Многие считают заслугой Елизаветы то, что все испытания последних лет не смогли всерьез поколебать авторитет

монархии. Елизавета, как и ее прапрабабка Виктория, сумела представить себя символом государства, гарантом его стабильности и спокойствия. Для большинства британцев, даже неодобительно относящихся к монархии, королева олицетворяет те ценности, которые уважают все, — достоинство, чувство долга, верность традициям. Много в современной Англии меняется, но можно не сомневаться, что королевская власть сохранится и в новом тысячелетии. По опросам общественного мнения, именно свою королеву значительное число англичан считает «ведущим национальным персонажем XX века» — так же как Виктория олицетворяла собой век XIX. Может быть, в этом и заключается главный итог царствования Елизаветы.

1. Символы королевской власти

Регалии английских королей, обычно именуемые «драгоценностями короны» (Crown Jewels), выставлены на всеобщее обозрение в Лондонском Тауэре. Большая часть их используется монархом лишь однажды — при коронации. Они не такие древние, как думают многие англичане, — во время революции пришедшие к власти пуритане отправили все символы ненавистной королевской власти на переплавку. Даже золотая корона Альфреда Великого с драгоценными камнями и колокольчиками была продана на лом за 248 фунтов, 10 шиллингов и 6 пенсов. Чудом сохранились лишь мирносица в виде орла, сделанная для коронации Генриха IV в 1399 году, и золотая ложечка для миропомазания.

Средневековые короли имели по несколько корон; у одного Эдуарда II их было десять. Во время финансовых затруднений их можно было продать. Корона, которая используется для коронации сейчас, носит название «короны Эдуарда Святого», хотя ее изготовили только в 1661 году для Карла II. Государственную имперскую корону носила на коронации Виктория в 1838 году; позже она надевала ее на открытии сесий парламента. Эта корона — одна из самых драгоценных в мире. В нее вставлены сапфир из перстня Эдуарда Исповедника, рубин Черного Принца, сапфир из короны Карла II и часть громадного алмаза «Куллинан». В 1937 году перед коронацией Георга V для его супруги Елизаветы (ныне королева-мать) была изготовлена корона с индийским алмазом «Кохинур» — одним из крупнейших и самых знаменитых в мире.

Английские монархи, начиная с Эдуарда II, коронуются на троне, также названном в честь Эдуарда Святого. Однако он был изготовлен только в 1300 году по приказу Эдуарда I. Это деревянное резное кресло с подлокотниками, под сиденьем которого помещается Сконский камень — древняя шотландская реликвия, захваченная англичанами в 1298 году. Этот камень был аналогом древнего ирландского Камня Судьбы (Лиа Файл); считалось, что, когда на него становился законный король, камень издавал крик. В 1950 году группа шотландских студентов похитила Сконский камень и перевезла в Эдинбург, но впоследствии реликвию вернули на место (хотя упорные слухи, что камень так и не нашли и заменили копией). Похожие обычаи существовали и у англосаксов — в Кингстоне до сих пор можно видеть камень, на котором короновались правители Уэссекса, включая Альфреда Великого.

В правой руке король держит скипетр, символ власти и правосудия. Современный скипетр изготовлен в 1660 году; позже в него вставлен массивный бриллиант в форме сердца, вырезанный из алмаза «Куллинан». Держава, которую следует держать в левой руке, символизирует власть христианских монархов над всем миром. Золотые армилы, или браслеты, надеваются при коронации на запястья короля; это остаток древнего германского обычая. Нынешние армилы изготовлены в 1661 году для Карла II и украшены изображениями розы, чертополоха, арфы и лилии — эмблем отдельных частей королевства. Меч государства с позолоченной рукоятью символизирует королевскую власть и право инвеституры (назначения епископов). Среди сокровищ короны — пять мечей, сделанных в разное время.

Шотландские королевские регалии (*Honours of Scotland*) были изготовлены в XIV веке для королей из династии Стюартов. В последний раз эти регалии использовались в 1651 году. Ныне они хранятся в Эдинбургском замке. Корона датируется 1488 годом, хотя в 1540 году она была переделана. Скипетр и Меч государства были подарены королю Якову IV римским папой в 1494 и 1507 годах. Регалии Уэльса существуют с 1301 года, когда появился титул принца Уэльского. Нынешние регалии изготовлены в 1911 году — это корона, кольцо, скипетр, меч и мантия. Что касается регалий Ирландского королевства, сделанных для коронации Генриха VIII, то в про-

шлом веке они были похищены из Дублинского замка и бесследно исчезли.

Коронация английских королей в самые древние времена проходила в Винчестере или Кингстоне, но со времен Эдуарда Исповедника она неизменно совершается в Вестминстерском аббатстве. Нынешнее здание аббатства построено в 1245 году при короле Генрихе III. Ритуал коронации в основных чертах остается неизменным с XI века.

Ныне официальной резиденцией английского монарха является Букингемский дворец в Лондоне. До этого с XI века до 1512 года резиденция находилась в Вестминстере, в 1512–1698 годах в Уайтхолле, в 1702–1837 годах в Сент-Джеймском дворце. Старейшим королевским дворцом, существующим со времен Вильгельма Завоевателя, остается Виндзор; кроме этого королевской семье принадлежат обширные поместья Сандрингем и Балморал, приобретенные во времена Виктории. Старинная резиденция шотландских королей в Холируде (Эдинбург) до 70-х годов также считалась собственностью короны.

2. Королевская власть на окраинах Британии

На протяжении веков в Британии правили не только английские короли. Хроники и исторические предания сохранили сотни имен правителей различных кельтских областей — Шотландии, Ирландии, Уэльса. Однако эти короли мало напоминали феодальных монархов. У них больше общего с племенными вождями или древними священными царями-жрецами. Как известно, роль таких царей заключалась в магическом обеспечении благополучия их владений. Если царь плохо выполнял возложенные на него обязанности, его убивали и заменяли другим. Вся жизнь царя была подчинена сложным ритуалам и запретам, за соблюдением которых следили друиды — представители могущественной жреческой касты.

Наиболее архаичной была королевская власть в Ирландии. По легендам ее начало относится к XI веку до нашей эры, когда на острове высадились гойделлы, или гэлы, — первые кельтские поселенцы. Их предводитель Эримон стал первым верховным королем (ард-ри), преемником многих поколений

правивших Ирландией полубогов и демонов. Наследники Эримона разделили остров на четыре области — Улад (Ольстер), Лаген (Ленстер), Коннахт и Муму (Мунстер). Позже была образована еще одна, центральная область — Миде, что означает «середина». Их границы сходились в Уснехе, где находился священный Камень Делений — место выборов короля. Имя будущего правителя Ирландии объявляли друиды после долгих гаданий и обращения к богам. Ард-ри был типичным священным царем — ему приходилось соблюдать множество запретов (гейсов). Правление королей было недолгим — почти все они гибли в сражениях с непокорными вождями или претендентами на трон. Впрочем, трона у ирландских королей не было, как не было короны, скипетра и других монарших регалий. Не было у них и постоянной резиденции — у скотоводов-кельтов отсутствовали города, поэтому правители переезжали из одной местности в другую, собирая дань и разбирая тяжбы между подданными. Подобный обычай «полюдья» зафиксирован во многих странах, в том числе и в Древней Руси.

Постепенно четыре королевства разделились на множество частей, каждая из которых принадлежала определенному клану (по-ирландски «фине»). Кровавая вражда кланов наполняла всю историю независимой Ирландии. Поэты-филиды складывали саги о подвигах героев из свои кланов — например, непобедимого богатыря Кухулина из Улада. В V веке новой эры особенно усилился один из кланов — Уи Нейлл из Коннахта. Его глава, король Ниалл Девяти заложников, собрал сильную дружину, с которой грабил берега Британии. В 450 году его воины завоевали сильное северное королевство Улад. Вскоре Ниалл погиб во время одного из походов, и его сыновья разделили между собой большую часть острова. Только юг Ирландии (Мунстер) остался независимым — там укрепилась самостоятельная династия Эоганахтов. Вскоре британец по имени Патрик, побывавший прежде в рабстве у ирландцев, вернулся к ним с проповедью христианства. Новую веру без особого сопротивления приняло множество вождей острова, включая верховного короля Лойгире, сына Ниалла.

Христианизация мало повлияла на образ жизни ирландских вождей, которые продолжали бесконечно воевать друг с другом. В IX веке начались набеги викингов, которые захватили побережье острова и основали там города-крепости, включая

нынешнюю столицу Дублин. В борьбе с захватчиками выдвинулся южный клан Дал Кайс. Его вождь Бриан Бору вначале стал королем Мунстера, а после, в 1002 году, — верховным королем Ирландии. В 1014 году его армия разгромила скандинавов при Клонтарфе, но сам Бриан погиб в битве. После него ни один из вождей не был достаточно могущественным, чтобы объединить остров, и междоусобицы продолжались. В 1171 году один из правителей обратился за поддержкой к Генриху II Английскому, и тот поспешил использовать этот предлог для захвата Ирландии. Армия англо-нормандских баронов разбила клановое ополчение и захватила восточное побережье. В 1183 году последний ард-ри Родерик О'Коннор отказался от власти в пользу английского монарха.

Пришельцы быстро смешались с местной знатью и перестали подчиняться английской короне. На протяжении пяти веков короли Англии совершали вторжения на непокорный остров, но он восставал снова и снова. Вплоть до XVII века восстания возглавляли потомки древних родов, которые гордо носили титул королей (ри), хотя во владении многих из них было лишь несколько деревушек. Наконец англичане нашли способ подчинить новые владения — они начали конфисковывать у ирландцев земли и заселять их пришельцами из Англии и Шотландии. Особенно успешно этот метод применяли Генрих VIII и его дочь Елизавета I. Ирландцы постепенно оттеснялись на запад, в Коннахт и Мунстер, где кельтские королевства сохранялись дольше всего. Во время гражданской войны в Англии ирландская знать поддержала короля Карла, и армия Кромвеля огнем и мечом прошла по «зеленому острову». После этого ирландские вожди окончательно лишились своих владений, а клановая система была упразднена. Ирландия вступила в новый период своей истории.

Почти так же развивались события в Шотландии, хотя там имелись и серьезные отличия. В гористой области на севере Британии издавна жили пикты, или круитни (оба имени означают «раскрашенные» — на латыни и по-гэльски). Этот народ неясного происхождения испытал влияние кельтов и в союзе с вождями бриттов сумел отразить римских завоевателей. Вскоре после этого на территории Шотландии сложились одно или несколько пиктских королевств. Там также происходила постоянная межклановая борьба, ослаблявшая

пиктов. Около 475 года ирландский вождь Фергус мак Эрка, бежавший от Уи Нейллов, высадился на западном побережье и основал там королевство Далриада. От имени ирландцев (скоттов) произошло новое название страны — *Scotland*, или, по-русски, Шотландия.

Власть в королевстве пиктов передавалась по женской линии, поэтому вскоре в числе претендентов на трон оказались короли Далриады. В 842 году один из них, Кеннет мак Алпин, вероломно перебил большую часть пиктской знати и объединил оба королевства. Долгое время власть династии была непрочной — ей приходилось сражаться с клановыми вождями, скандинавскими викингами и англичанами, которые периодически подчиняли себе плодородный юг Шотландии. В 1057 году принц Малькольм с помощью англичан сверг узурпатора Макбета и основал новую династию. В ее правление центром королевства стала «Равнинная страна» (Лоулэнд), где утвердились заимствованные из Англии феодальные порядки. Сюда переселилось множество англичан — как простолюдинов, так и потомков знатных родов, ставших опорой королевской власти. Иным было положение в «Горной стране» (Хайленде), где сохранялись кельтские обычаи и власть клановых вождей.

В 1296 году, склонив на свою сторону шотландскую знать, Эдуард I Английский захватил страну. Однако завоевание оказалось непрочным — англо-шотландские лорды и горные кланы совместно выступили против англичан и в 1314 году нанесли им решающее поражение при Баннокберне. Новым королем стал лидер антианглийской борьбы Роберт Брюс, но его династия просуществовала недолго. В 1371 году власть досталась представителю рода наследственных королевских стюартов (стольников) Роберту II. Долгие годы династия Стюартов вела борьбу на два фронта — против англичан, которые не прекращали попыток вернуть Шотландию, и сепаратизма клановых вождей. В поисках союзников король Яков V женился на французской герцогине Марии де Гиз, а свою дочь Марию выдал замуж за дофина Франциска. Тем временем в Шотландии началось движение против католической церкви и королевской власти.

После смерти отца Мария вернулась на родину, но пробыла у власти недолго — лидеры протестантов вынудили ее бежать

в Англию, где королева сразу же оказалась в тюрьме. После ее казни корону унаследовал малолетний Яков VI, а в 1603 году он, как двоюродный племянник скончавшейся Елизаветы, получил и английскую корону. Личная уния не означала объединения — только в 1707 году Шотландия и Англия превратились в Соединенное Королевство Великобританию. Одновременно это означало конец шотландской самостоятельности — парламент в Эдинбурге прекратил свое существование (его восстановили лишь в мае 1999 года) После падения Стюартов и поражения последнего восстания горцев в 1745 году была упразднена и древняя клановая система.

Свои королевства были и у бриттов — обитателей южной части Британии. В последние века до начала нашей эры на юг острова вторглись кельтские племена из Галлии. Смешавшись с местными жителями, они создали королевства, которыми правили уже не древние священные цари, а военные вожди, выбираемые из числа самых сильных и удачливых воинов. С приходом римлян эти вожди отступили на север и запад Британии, сохранив там свою власть. Когда в IV веке позиции римлян ослабли, правители бриттов взяли на себя охрану рубежей острова от пиктских и ирландских пиратов. Особого успеха они не добились, поскольку больше занимались борьбой друг с другом, спеша поделить римское наследство. В середине V века в Британии появились новые захватчики — англосаксы, которые шаг за шагом продвигались в глубь острова, уничтожая разобщенные отряды бриттов. Король Артур на время приостановил завоевание, но после его смерти оно возобновилось с новой силой.

В конце VI века англы разбили объединенное войско северных бриттских королевств при Катрайте и основали на захваченных землях королевство Нортумбрия. К этому времени в их руках находилась уже вся Логрия, а на севере королевства Регед и Гододдин с трудом отбивали натиск врагов. Независимые государства бриттов сохранялись на севере, в Камберленде, и на юго-западе, на полуострове Корнуолл, куда руки англосаксов пока не дотягивались. Сохранил независимость и Уэльс — обширная горная область на западе острова. Как и другие кельтские области, он был расколот на множество королевств, основанных бриттскими и ирландскими вождя-

ми. Воюя между собой, они смогли все же дать отпор захватчикам и остановить их продвижение. Гористый неплодородный Уэльс не особенно привлекал англосаксов, к тому же у них появились другие заботы — в конце VIII века начались нападения викингов. На несколько веков Уэльс (по-валлийски Кимру) оказался предоставлен сам себе.

Постепенно из множества королевств Уэльса выделились три сильнейших — Гвинедд на севере, Поуис на западе и Дехейбарт на юге. Ни одно из них не было достаточно влиятельным, чтобы объединить всю страну, и лидерство постоянно переходило из рук в руки. В IX веке самым значительным правителем был король Гвинедда Родри Великий, в X — король Дехейбарта Хоуэл Добрый, в XII — король той же области Лорд Рис. После этого Дехейбарт и весь Южный Уэльс оказались захвачены англо-нормандскими феодалами. Оплотом независимости оставался горный Гвинедд. Его король Ллевелин ап Иорверт (валлийское «ап» в словосочетаниях заменяет «мап» — то же, что гэльское «мак», то есть «сын»), пользуясь феодальной войной в Англии, подчинил себе все валлийские королевства. После его смерти в 1240 году королем стал его сын Давид, а затем внук — Ллевелин ап Гриффид, прозванный Последним. В 1258 году Генрих III Английский даровал ему титул первого принца Уэльского, но двадцать лет спустя его наследник Эдуард I пошел на Гвинедд войной. В 1282 году Ллевелин погиб в сражении, а его брат Давид был захвачен в плен и казнен в Лондоне. Страна присоединилась к Англии, а титул принца Уэльского достался наследнику английского престола. Последнюю безуспешную попытку восстановить независимость Уэльса предпринял в начале XV века потомок древнего королевского рода Оуэн Глендаур.

Таким образом, к XVII веку из множества британских королевств уцелело лишь одно. Без сомнения, это объяснялось тем, что именно на английских землях раньше утвердился феодальный строй, потенциал которого был значительно выше, чем у кельтского кланового общества. Англия была плодороднее и населенней, чем другие части страны, здесь рано возникли города, развивалась торговля, собирались налоги. Здесь королевская власть сумела стать достаточно сильной и эффективной, чтобы объединить вначале юг острова, а по-

том и остальные его части. Именно благодаря этому объединенная Британия сумела стать действительно Великой. Следует отметить, что, уничтожив политическую независимость кельтских народов, английская королевская власть сохранила сами эти народы, не допустив их истребления или насильственной ассимиляции и позволив им в конце концов избрать свой собственный путь развития.

3. Даты правления английских монархов

I. Легендарные короли Логрии

- Вортигерн (ок. 425—463).
- Аврелий Амброзий (ок. 463—480).
- Утер Пендрагон (ок. 480—495).
- Артур (ок. 495—537).
- Кадор Корнуэльский (537—540).
- Константин (540—542).
- Аврелий Конан (542—545).
- Мэлгон Гвинедд (545—547).
- 449—802 англо-саксонская гептархия
(семь королевств).

II. Уэссекская династия

- Эгберт (802—839).
- Этельвульф (839—857).
- Этельбальд (857—860).
- Этельберт (860—866).
- Этельред I (866—871).
- Альфред Великий (871—901).
- Эдуард Старший (901—924).
- Этельстан (924—939).
- Эдмунд I (939—946).
- Эдред (946—955).
- Эдви (955—959).
- Эдгар Миролюбивый (959—975).
- Эдуард Мученик (975—978).
- Этельред II Непослушный (978—1016).
- Эдмунд II Железнобокий (1016).

III. Датская династия

Кнут Великий (1016–1035).
Харальд Заячья Нога (1035–1040).
Гартакнут (1040–1042).

IV. Уэссекская династия и дом Годвина

Эдуард Исповедник (1042–1066).
Гарольд Годвинсон (1066).

V. Нормандская династия

Вильгельм I Завоеватель (1066–1087).
Вильгельм II Рыжий (1087–1100).
Генрих I Боклерк (1100–1135).
Стефан Блуаский (1135–1154).

VI. Плантагенеты

Генрих II (1154–1189).
Ричард Львиное Сердце (1189–1199).
Джон Безземельный (1199–1216).
Генрих III (1216–1272).
Эдуард I (1272–1307).
Эдуард II (1307–1327).
Эдуард III (1327–1377).
Ричард II (1377–1399).

VII. Ланкастеры

Генрих IV Болингброк (1399–1413).
Генрих V Монмут (1413–1422).
Генрих VI Виндзор (1422–1461 и 1470–1471).

VIII. Йорки

Эдуард IV (1461–1470 и 1471–1483).
Эдуард V (1483).
Ричард III (1483–1485).

IX. Тюдоры

- Генрих VII Ричмонд (1485–1509).
Генрих VIII (1509–1547).
Эдуард VI (1547–1553).
Мария I Кровавая (1553–1558).
Елизавета I Великая (1558–1603).

X. Стюарты

- Яков I (1603–1625).
Карл I (1625–1649).
1649–1660 республика.
Карл II (1660–1685).
Яков II (1685–1688).
Мария II (1688–1694).
Вильгельм III Оранский (1688–1702).
Анна Стюарт (1702–1714).

XI. Ганноверская династия

- Георг I (1714–1727).
Георг II (1727–1760).
Георг III (1760–1820).
Георг IV (1820–1830).
Вильгельм IV (1830–1837).

XII. Виндзорская (Саксен-Кобург-Готская) династия

- Виктория (1837–1901).
Эдуард VII (1901–1910).
Георг V (1910–1936).
Эдуард VIII (1936).
Георг VI (1936–1952).
Елизавета II (с 1952).

Краткая библиография

Литература об английской монархии в целом и об отдельных английских королях поистине необъятна. Мы приводим лишь наиболее интересные книги, прежде всего изданные в недавнее время. В список не вошли общие труды по истории Англии и отдельным ее периодам, где также содержится обширный материал, касающийся королевских биографий.

Английская монархия в целом

- Брук К. Саксонские и нормандские короли. 450–1154. М., 2011.
Филлипс Ч. Короли и королевы Британии. М., 2009.
Cannon J., Griffiths R. The Oxford illustrated history of the British monarchy. Oxford, 1988.
Longford E. The Oxford book of Royal Anecdotes. Oxford, 1991.
Morris J. The Monarchs of England. N. Y., 1975.

Артур

1) Источники

- Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. Пер. А. С. Бобовича. М., 1984.
Мабиногион. Легенды средневекового Уэльса. Пер. В. В. Эрлихмана. М., 2002.
Morris J. Arthurian Sources, v. 1–5. London, 1995.

2) Литература

- Даннинг Р. Артур — король Запада. Ростов-на-Дону, 1997.
Комаринец А. Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого стола. М., 2001.
Эрлихман В. В. Король Артур. М., 2009.

- Alcock L. *Arthur's Britain*. London, 1973.
The *Arthurian encyclopedia*. Ed. N. J. Lacy. N. Y. — London, 1986.
Ash G. *King Arthur in fact and legend*. N. Y., 1971.
Castleden R. *King Arthur: The truth behind the legend*. London, 2001.
Loomis R. *Celtic Myth and Arthurian Romance*. London, 1938.
Loomis R. *Wales and the Arthurian Legend*. Cardiff, 1956.
Morris J. *The age of Arthur*. London, 1973.

Альфред Великий

1) Источники

- Alfred the Great. Ed. S. Keynes, M. Lapidge. London, 1983.
The *Anglo-Saxon Chronicle*. Tr. D. Whitelock. New Brunswick (N. J.), 1961.
Asser. *Life of King Alfred*. Ed. W. H. Stevenson. Oxford, 1904.
King Alfred's Old English Version of Boethius. Ed. W. Sedgefield. Oxford, 1899.
King Alfred's West Saxon Version of Gregory's Pastoral Care, p. 1–2. Ed. H. Sweet. Oxford, 1958.
Old English Orosius. Ed. J. M. Bately. Oxford, 1980.

2) Литература

- Ли Б. А. *Альфред Великий*. СПб., 2006.
Abels R. *Alfred the Great*. London — N. Y., 1998.
Duckett E. S. *Alfred the Great*. Chicago, 1956.
Johnson E. N. *King Alfred the Great*. Philadelphia, 1966.
Plummer C. *The Life and Times of Alfred the Great*. Oxford, 1901.
Smyth A. P. *King Alfred the Great*. Oxford, 1995.
Woodruff D. *The life and times of Alfred the Great*. London, 1974.

Вильгельм Завоеватель

1) Источники

- The *Anglo-Saxon Chronicle*. Tr. D. Whitelock. New Brunswick (N. J.), 1961.
Florence of Worcester. *Chronicon*, v. 1–2. Ed. B. Thorpe. London, 1848–1849.
Henry of Huntingdon. *Historia Anglorum*. Ed. T. Arnold. London, 1879.
Ordericus Vitalis. *Historia Ecclesiastica*. Ed. A. Le Prevost, L. Delisle, v. 1–6. Paris, 1838–1845.

- The Peterborough Chronicle. Ed. C. Clark. Oxford, 1970.
 William of Jumieges. *Gesta Normannorum Ducum*. Ed. J. Marx. London, 1914.
 William of Malmesbury. *Gesta Regum Anglorum*. Ed. W. Stubbs, v. 1–2. London, 1887–1889.

2) Литература

- Барлоу Ф. Вильгельм I и нормандское завоевание Англии. СПб., 2007.
 Дуглас Д. Вильгельм Завоеватель. Викинг на английском престоле. М., 2005.
 Зюмтор П. Вильгельм Завоеватель. М., 2010.
 Ashley M. *The Life and Time of William I*. London, 1973.
 Barlow F. *William I and the Norman Conquest*. London, 1965.
 Bates D. *William the Conqueror*. London, 1989.
 Douglas D. *William the Conqueror*. Methuen, 1964.
 Freeman E. A. *The History of the Norman Conquest of England*, v. 1–6. Oxford, 1870–1879.
 Freeman E. A. *William the Conqueror*. London, 1919.
 Stenton F. M. *William the Conqueror*. N. Y., 1966.

Генрих II

1) Источники

- Gervase of Canterbury. *The Historical Works*. Ed. W. Stubbs. V. 1–2. London, 1880.
 Peter of Blois. *Opera*. In: *Patrologia Latina*, v. CCVII.
 Roger of Wendover. *Flores Historiarum*, v. 1–2. London, 1886–1889.
 Walter Map. *De Nugis Curialium*. Ed. M. R. James. Oxford, 1914.

2) Литература

- Перну Р. *Алиенора Аквитанская*. СПб., 2001.
 Элбидж. *Генрих II*. М., 2014.
 Barber R. *Henry Plantagenet*. London, 1964.
 Brooks J. Y. *Kings and Queens. Plantagenets of England*. Nashville, 1975.
 Green J. R. *Henry the Second*. London, 1892.
 Norgate K. *England under the Angevin Kings*, v. 1–2. London, 1887.
 Salzman L. F. *Henry II*. Berkeley, 1917.
 Schlight J. *Henry II Plantagenet*. N. Y., 1973.
 Stubbs W. *The early Plantagenets*. London, 1909.
 Warren W. L. *Henry II*. London, 1973.

Эдуард I

1) Источники

- The Chronicle of Bury St Edmunds. Ed. A. Gransden. London, 1964.
Chronicles of the reigns of Edward I and Edward II. Ed. W. Stubbs. Wiesbaden, 1965.
Matthew of Paris. Chronica Majora, v. 1–7. London, 1872–1884.
Matthew of Westminster. Flores Historiarum Continuatio. London, 1890.

2) Литература

- Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии. М., 2001.
Costain T. The three Edwards. N. Y., 1958.
Edward I and Wales. Ed. T. Herbert. Cardiff, 1988.
Tout T. F. Edward the First. London, 1920.
Prestwich M. Edward I. London, 1988.

Генрих V

1) Источники

- Enguerrand de Monstrelet. The Chronicles. Tr. T. Jones, v. 1–2. London, 1840.
The First English Life of King Henry the Fifth. Oxford, 1911.
Memorials of Henry V. Ed. C. A. Cole. London, 1858.
Walsingham T. Chronica Anglica, v. 1–2. London, 1863–1864.

2) Литература

- Сьюард Д. Генрих V. Смоленск, 1996.
Almand C. T. Henry V. Berkeley, L. A., 1992.
Earle P. The life and time of Henry V. London, 1975.
Hutchinson H. F. Henry V. London, 1967.
Henry V. The practice of kingship. Oxford, 1985.
Labarge M. W. Henry V. N. Y. 1976.
Wylie J. H. The Reign of Henry V, v. 1–3. London, 1914–1929.

Генрих VIII

1) Источники

- Hall E. Chronicle. London, 1809.
«Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. Vol. 1–37. London, 1862–1932.
Wriothlesley C. A Chronicle of England. London, 1886.

2) Литература

- Линдсей К. Разведенные, обезглавленные, уцелевшие. Жены короля Генриха VIII. М., 1996.
- Лоудз Д. Генрих VIII и его королевы. Ростов-на-Дону, 1997.
- Bowle J. Henry VIII. Boston — Toronto, 1964.
- Bruce M. L. The making of Henry VIII. N. Y., 1977.
- Erickson C. Great Harry: A life of king Henry VIII. London, 1980.
- Hackett F. Henry the Eight. London, 1929.
- Lacey R. The life and times of Henry VIII. London, 1972.
- Pickthorn K. Early Tudor Government: Henry VIII. N. Y., 1967.
- Pollard A. F. Henry VIII. London, 1902.
- Ridley J. G. Henry VIII. The politics of tyranny. N. Y., 1986.
- Scarisbury J. Henry VIII. London, 1968.
- Williams N. Henry VIII and his court. N. Y., 1971.

Елизавета I

1) Источники

- Aikin L. Memoirs of the Court of Elizabeth, Queen of England. London, 1869.
- Calendar of State Papers. 1547—1703, Domestic Series, v. 1—44. London, 1856—1924.
- Camden W. The History of Elizabeth, late Queen of England. Selected chapters. Chicago-London, 1970.
- The Letters of Queen Elizabeth. Ed. G. B. Harrison. London, 1968.

2) Литература

- Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. М., 2004.
- Стрэчи Дж. Л. Королева Елизавета и граф Эссекс. М., 1992.
- Эриксон К. Елизавета I. М., 2001.
- Black J. V. The reign of Elizabeth. Oxford, 1959.
- Jenkins E. Elizabeth the Great. London, 1965.
- Luke M. M. Gloriana. The years of Elizabeth I. N. Y., 1973.
- Mac Caffrey W. T. Queen Elizabeth and making of policy. Princeton, N. J., 1981.
- Neale J. E. Queen Elizabeth. London, 1943.
- Strickland A. The life of Queen Elizabeth. London — N. Y., 1924.
- Williams N. The life and times of Elizabeth I. London, 1972.

Яков I

1) Источники

- Basilikon Doron of King James I, v. 1–2. Edinburgh, 1944–1950.
Calendar of State Papers. 1547–1703, Domestic Series, v. 1–44. London, 1856–1924.
Melville J. Memoires of his Own Life. Edinburgh, 1827.

2) Литература

- Bingham C. The Making of the King. The early years of James VI and I. N. Y., 1969.
Fraser A. King James VI. London, 1977.
Lee M. Great Britain's Solomon: James VI. Chicago, 1990.
MacElwee W. The Wisest Fool in Christendom. London, 1958.
Stafford H. G. James VI of Scotland. N. Y., 1940.
Steeholm C., Steeholm H. James of England. N. Y., 1938.
Wilson D. King James VI. N. Y., 1956.

Карл II

1) Источники

- Hyde E., Earl of Clarendone. The History of the Rebellion and Civil War in England, v. 1–2. Oxford, 1843.
The Letters, Speeches and Declarations of King Charles II. Ed. A. Bryant. London, 1935.
Pepys S. The Diary. Ed. R. C. Latham, W. Matthews, v. 1–9. London, 1970–1976.

2) Литература

- Кут С. Августейший мастер выживания. Жизнь Карла II. М., 2004.
Abbot J. Charles II. N. Y., 1900.
Airy O. Charles II. London, 1904.
Bryant A. King Charles II. London, 1931.
Falcus C. The life and times of Charles II. N. Y., 1972.
Fraser A. King Charles II. London, 1979.
Hayward J. Charles II. London, 1933.
Hutton R. Charles the Second. Oxford, 1989.
Jones J. R. Charles II. London, 1987.

Ogg D. *England in the Reign of Charles II*, v. 1–2. Oxford, 1934.

Palmer T. *Charles II*. London, 1979.

Wheatley D. «Old Rowley»: a private life of Charles II. London, 1967.

Виктория

1) Источники

The Letters of Queen Victoria: A Selection from Her Majesty's Correspondence. V. 1–9. London, 1907–1932.

Life at the Court of Queen Victoria. Ed. B. S. Nevill. Exeter, 1984.

Longford E. *Queen Victoria. Born to succeed*. N. Y., 1971.

2) Литература

Александр Ф., де л'Онуа Б. *Королева Виктория*. М., 2007.

Стрэчи Дж. Л. *Королева Виктория*. Ростов-на-Дону, 1999.

Auchincloss L. *Persons of consequence. Queen Victoria and her circle*. N. Y., 1979.

Cullen T. *The Empress Brown: The Story of a Royal Friendship*. London, 1969.

Hibbert C. *Queen Victoria: A Personal History*. London, 2000.

Longford E. *Queen Victoria. Born to succeed*. N. Y., 1971.

Marshall D. *The life and times of Victoria*. London, 1972.

Sitwell E. *Victoria of England*. Boston, 1936.

Weintraub S. *Victoria*. London, 1987.

Елизавета II

Беделл Смит С. *Королева*. СПб., 2013.

Брэдфорд С. *Елизавета II*. М., 1998.

Попов В. И. *Жизнь в Букингемском дворце*. М., 1993.

Эриксон К. *Елизавета II*. СПб., 2008.

Bradford S. *Queen Elizabeth II: Her Life in Our Times*. London, 2012.

Higham C. *Elizabeth and Philip*. London, 1991.

Lacey R. *Royal: Her Majesty Queen Elizabeth II*. London, 2002.

Longford E. *Elizabeth R*. London, 1983.

Plumb J. H., Wheldon H. *Royal Heritage: the Reign of Elizabeth II*. London, 1981.

Содержание

Предисловие	5
Вдохновитель. Артур	8
Основатель. Альфред Великий	37
Завоеватель. Вильгельм I	65
Объединитель. Генрих II Плантагенет	102
Устроитель. Эдуард I	140
Победитель. Генрих V	179
Губитель. Генрих VIII	206
Повелительница. Елизавета I	235
Разрушитель. Яков I	261
Восстановитель. Карл II	296
Императрица. Виктория	333
Наследница. Елизавета II	371
Приложения	
1. Символы королевской власти	407
2. Королевская власть на окраинах Британии	409
3. Даты правления английских монархов	415
<i>Краткая библиография</i>	418

Эрлихман В.
Э79 Английские короли / Вадим Эрлихман. — М. : Ломоносовъ. — 2015. — 432 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-249-3

Английская монархия существует уже много столетий, пережив и промышленное могущество страны, и ее колониальное величие, и грозные войны, и шумные скандалы. Среди английских королей и королев были умершие в детстве и дожившие до глубокой старости. Были великие и ничтожные, святые и грешники, отважные и малодушные, умные и не совсем. Были англосаксы и датчане, французы и немцы. Объединяет их только одно — все они правили на английской земле, невероятно богатой всевозможными традициями и преданиями, и сами становились героями этих преданий. Книга историка Вадима Эрлихмана рисует портреты двенадцати английских монархов, наиболее рельефно представляющих свою эпоху, — от легендарного Артура до ныне царствующей Елизаветы II. Автор повествует об их разнообразных деяниях, личной жизни, вкусах, привычках, увлечениях и попутно рассказывает немало интересного о других правителях Англии и, разумеется, о насыщенной событиями истории Британских островов.

УДК 94(420)

ББК 63.3(0)4-6

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Вадим Эрлихман

Английские короли

Редактор С. Лангман
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 14.01.2015.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 27. Тираж 1200 экз. Заказ 7774.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

 Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ

- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 Отечественная война 1812 года глазами современников
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
- 46 Генри ЧарлзЛи. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, или ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАНИЦ
- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ
И ЛЕГЕНДАХ
- 61 Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ

- 69 Галина Шебалдина. ЗЛОЖНИКИ ПЕТРА I и КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО в XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ о КОЛДОВСТВЕ в ЕВРОПЕ и РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ и КРЕСТОНОСЦЫ. ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ и ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ и ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. ЛИКИ СРЕДИННОГО ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ и СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

**Вадим
Эрлихман**
Английские
короли

Английская монархия существует уже много столетий, пережив и промышленное могущество страны, и ее колониальное величие, и грозные войны, и шумные скандалы. Среди английских королей и королев были умершие в детстве и дожившие до глубокой старости. Были великие и ничтожные, святые и грешники, отважные и малодушные, умные и не совсем. Были англосаксы и датчане, французы и немцы. Объединяет их только одно — все они правили на английской земле, невероятно богатой всевозможными традициями и преданиями, и сами становились героями этих преданий. Книга историка Вадима Эрлихмана рисует портреты двенадцати английских монархов, наиболее рельефно представляющих свою эпоху, — от легендарного Артура до ныне царствующей Елизаветы II. Автор повествует об их разнообразных деяниях, личной жизни, вкусах, привычках, увлечениях и попутно рассказывает немало интересного о других правителях Англии и, разумеется, о насыщенной событиями истории Британских островов.

ISBN 978-5-91678-249-3

9 785916 782493